

Аркадий Гордин
Михаил Гордин

Путешествие
в пушкинский
Петербург

Аркадий Гордин
Михаил Гордин

Путешествие в пушкинский Петербург

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 82-94

ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8 Пушкин А. С.

Г 68

Оформление обложки Валерия Гореликова

Во внутреннем оформлении использованы силуэты работы
Федора Толстого и Василия Гельмерсена

Гордин А., Гордин М.

Г 68 Путешествие в пушкинский Петербург / Аркадий
Гордин, Михаил Гордин. — СПб. : Азбука, Азбука-Атти-
кус, 2025. — 448 с. : ил. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-29062-4

Книга Аркадия и Михаила Гординых «Путешествие в пушкинский Петербург» открывает современным читателям уникальную возможность познакомиться с жизнью российской столицы первой трети XIX века. Это замечательный путеводитель по Петербургу пушкинской поры, рассказывающий не только о том, как менялся архитектурный облик города, но и о том, как строилась система его управления, как проходила повседневная жизнь людей, населявших его (высшей аристократии, чиновников, военных, духовенства, ученых, врачей, актеров, торговцев, ремесленников, крестьян), а также о наиболее значимых культурных и исторических событиях тех лет.

Опираясь на обширную литературу (свидетельства мемуаристов, газеты, журналы, архивные документы первой половины XIX века, научные источники), авторы книги разворачивают перед читателями широкую панораму общественно-политической, литературной, художественной и хозяйственной жизни Петербурга.

Впервые опубликованная в 1983 году, эта книга послужила фундаментом для многочисленных исследований российской повседневной культуры XIX века и до сих пор остается ценнейшим источником сведений и занимательным чтением для всех, кто интересуется отечественной историей.

УДК 82-94

ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8 Пушкин А. С.

© А. М. Гордин (наследник),
М. А. Гордин (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29062-4

В 1830-х годах художник Г. Г. Чернецов написал картину «Парад на Царицыном лугу». На первом плане живописец изобразил толпу зрителей. Он собрал здесь едва ли не всех примечательных петербуржцев — своих современников. Их более двухсот. В этой толпе не сразу находишь скромную фигуру Пушкина. В пестрой толчее тогдашнего Петербурга поэт нередко бывал заслонен людьми в блестящих мундирах, пышных нарядах. Но в исторической перспективе невысокая фигура поэта заслонила собою все прочее. И вся эпоха с середины 1810-х до середины 1830-х годов нередко именуется пушкинской эпохой, а город с полумиллионным населением — с императорским двором, чиновными особами, обывателями и крепостным людом — мы называем городом Пушкина, пушкинским Петербургом.

С Пушкиным вошел в отечественную литературу новый герой, сразу ставший одним из самых значительных ее героев, — город Петербург. Наше восприятие Петербурга времен молодости Пушкина неотделимо от его оды «Вольность», политических эпиграмм, первой главы «Онегина»... Тишина ночной Невы и барабанный бой казарм, спектакли в Большом театре и шумные сходки гвардейской молодежи — любая черта жизни города невольно связывается для нас с тем обликом Петербурга, который нарисовал Пушкин.

Петербург пушкинской молодости — город поэтов и вольнодумцев, город жизни широкой, высокоумной, блестящей. Это город,

Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья...
(«Послание к кн. А. М. Горчакову»)

Точно так же своим восприятием Петербурга конца 1820–1830-х годов мы в огромной степени обязаны стихам и прозе Пушкина.

Здесь впервые в русской литературе появляется образ гонимого, гибнущего под гнетом страшной жизни «маленького человека», впервые столь явно проступает двойственный лик Петербурга:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...
(«Город пышный, город бедный...»)

Два периода в истории пушкинского Петербурга, так не похожие один на другой, разграничены героическими и трагичными событиями на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Петербург юного Пушкина — город надежд, Петербург зрелого Пушкина — город разочарований. Там — восторженные порывы мечтателя. Здесь — трезвый и пронизывающий взгляд мудреца. Там — праздничное ожидание, чаяния великих перемен. Здесь — темные будни, скучная, порой смешная, порой нелепая суета.

Однако и повседневный быт, и даже мелочное, бессмысленное существование самых незаметных, маленьких лю-

дей для Пушкина 1830-х годов есть не что иное, как обратная сторона грандиозных исторических событий и великих деяний. И певца Петербурга вдохновляют не только фигуры исторические, но и «ничтожные герои» — такие, как бедная вдова-чиновница и дочь ее Параша; предметом его классических октав становится судьба кухарки Феклы...

Жизнь Петербурга была для Пушкина материалом художественного исследования важнейших человеческих проблем.

Каким же был, как выглядел город в то время?

Панорама пушкинского Петербурга складывается из множества разнообразных черт. Это и архитектура города, и характер, нравы населения, и административное устройство, и та роль, которую Петербург играл в жизни России и Европы. Невозможно понять пушкинский Петербург, не зная о тайных политических союзах, о литературных обществах и салонах. Необходимо иметь представление о театральной, музыкальной и художественной жизни столицы, научных учреждениях и учебных заведениях, о промышленности, ремеслах, торговле.

Особенности петербургского уклада, даже мелкие и на первый взгляд малозначащие детали городского быта приобретают для нас серьезный смысл именно потому, что они помогают восстановить достоверную картину города, каким его знал Пушкин.

Тот период в жизни Петербурга, свидетелем и певцом которого был Пушкин, начинается с грозных и славных событий Отечественной войны 1812 года.

Победа в Отечественной войне открывала новую главу в русской истории. День, когда окончился великий поход, когда в столицу вернулись гвардейские части, обозначил рубеж двух эпох.

Это был один из самых ярких и значительных дней в жизни пушкинского Петербурга.

Утро выдалось ветреное и пасмурное. Однако уже с рассвета весь город высыпал на улицы. Толпы народа тянулись к южной окраине столицы, на Петергофскую дорогу. Туда же направлялись коляски и кареты знати, туда же везли седоков извозчики, скакали всадники — военные и штатские. На Петергофской дороге, за Нарвской заставой, выстроились гвардейские полки — Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский экипаж.

Еще четыре месяца назад эти полки стояли лагерем под Парижем.

Пройдя с боями тысячи верст, освободив Европу от наполеоновского господства, они завершили свой поход во французской столице.

Несколько недель отдыха — и в июне 1814 года первая гвардейская пехотная дивизия через Нормандию направилась к Шербуру и здесь погрузилась на корабли. Плыли пять недель. Несколько дней гостили в Англии. И вот наконец увидели родные берега.

Поначалу полки разместили в Петергофе и Ораниенбауме. 27 июля гвардейцы выступили к Екатерингофу и встали лагерем на окраине столицы. В тот же день в Павловске был устроен придворный праздник, на который пригласили гвардейских офицеров.

Поглядеть на праздник привели из соседнего Царского Села воспитанников Лицея. Среди них был и пятнадцатилетний Александр Пушкин.

За два года перед тем — летом 1812 года — юные лицеисты прощались с уходившими в поход воинами. «Мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, — рассказывал И. И. Пущин, — мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время клас-

сов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми: уса́тые гренадеры из рядов благословляли нас крестами. Не одна слеза тут пролита».

Пушкин позже писал об этом:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

(«Была пора: наш праздник молодой...»)

Многие месяцы Петербург, как и вся страна, жил ожиданием очередных военных режаций. Многие месяцы отделяли страшную и горестную весть об оставлении Москвы от радостного известия о взятии Парижа. Россия прошла через тяжкие испытания. Сотни городов и селений были разорены. Тысячи русских воинов — солдат, офицеров, генералов — кровью заплатили за независимость своей страны. Возвращение победоносных полков, счастливое окончание долгой и опасной войны касалось всех от мала до велика, стало праздником для всех сословий.

Торжественное вступление гвардии в столицу назначено было на 30 июля.

Возле Нарвской заставы поставили триумфальные ворота в классическом стиле: деревянные, но богато украшенные изображениями доспехов, фигурами воинов. Венчала триумфальную арку колесница Славы с шестеркой вздыбленных коней.

К четырем часам дня войска выстроены были на второй версте от города и торжественным маршем направились в город, в свои казармы. По всей дороге их встречали радостными криками, из окон летели цветы. Порой солдаты выбегали из рядов, чтобы обнять родных.

В толпе смеялись, плакали, пели. Вечером город был иллюминирован. «Нынешний день принадлежит к числу прекраснейших, усладительных дней, которыми одарил нас мир; оный останется навсегда незабвенным в сердцах наших!» — писала петербургская газета «Русский инвалид». И вот на фоне этой единодушной радости, этого всеобщего торжества особенно резко и зловеще обозначилась вечная, непреходимая черта, разделявшая господ и простонародье. Будущий декабрист Иван Якушкин, тоже встречавший 30 июля 1814 года гвардейские полки, рассказывал об этом дне: «Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией... Мы им любовались, но в самую эту минуту, почти перед его лошадью, перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя...» Русский мужик, русский народ для царя, как и для большинства дворян, был чем-то чуждым, враждебным и, пожалуй, не менее опасным, чем Наполеон.

Между тем как раз теперь, когда бесстрашие и самоотверженность русского мужика спасли страну от поработителей, народ особенно остро ощутил несправедливость своего подневольного положения.

Солдаты, освобождавшие Европу, своими глазами увидели такие земли, где народ не знал крепостного ярма. «Еще война длилась, — писал декабрист Александр Бестужев, — когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа».

Многие молодые офицеры вернулись из заграничных походов с твердым убеждением: Россия, даровавшая независи-

мость другим странам, сама должна быть избавлена от рабства.

В огне освободительных войн рождались и зрели новые понятия.

Ощувив меру своих сил, народ осознавал и свое право на свободу.

И 30 июля 1814 года в столицу вернулись уже не те воины, которые покидали ее два года назад.

Начинались десятилетия жизни Петербурга, которые сегодня именуются пушкинскими.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Строгий, стройный вид»

Когда в 1811 году юный Пушкин впервые увидел Петербург, над Северной столицей стоял шум от тяжких молотов каменотесов и звонких плотничьих топоров. С длинных барж выгружали на берег бревна и гранитные глыбы. Скрипучие телеги везли кирпич...

Город строился и разрастался.

Все шире становилось кольцо невзрачных окраинных строений: фабрик, амбаров, складов, наскоро сколоченных бараков.

И все наряднее становился центр столицы. Первые десятилетия XIX века — время, когда грандиозные петербургские ансамбли обретали свой завершенный вид. При жизни Пушкина окончательно сложился тот парадный, величественный облик Северной столицы, который поэт увековечил в «Медном всаднике»:

...юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

Темного леса в центре города Пушкин уже не застал, но он видел болотистые луга, на которых паслись коровы, огороды и поросшие травой пустыри. На его глазах здесь под-

нимались дворцы и башни. Пушкин оказался свидетелем того, как удивительно быстро преображался город. Возвращаясь сюда после долгих перерывов, он тем острее мог заметить стремительность перемен. Целые кварталы города исчезали — для него это происходило как бы мгновенно, — и на их месте возникали новые. Изменения эти становились частью его собственной жизни.

Пушкин видел не только как хорошел Петербург, но и как рост парадного и «делового» города жестоко отзывался на многих его обитателях. Рассказывая в поэме «Домик в Коломне» о незаметных жителях столицы — вдове-чиновнице и ее дочери, — Пушкин упоминает и о судьбе их «смиренной лачужки». Строгий и стройный Петербург вызывает в душе поэта противоречивые чувства:

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что же?

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном
Бывает сердце полно...

Благодаря описаниям и многим изображениям города, оставленным современниками, можно довольно точно определить, как выглядела и как существенно менялась панорама Петербурга.

Окинем взглядом этот постепенно преображавшийся ландшафт и отметим те примечательные строения, которые по-

явились в городе на глазах Пушкина. Вообразим себя в Петербурге середины 1830-х годов.

Как ни велик был «град Петров», с самой высокой тогда смотровой площадки в центре столицы — с башни Адмиралтейства — открывалась вся картина города вплоть до дальних его окраин.

Само здание Адмиралтейства — топографический центр столицы — после перестройки его зодчим А. Д. Захаровым в 1806–1823 годах стало и архитектурным центром Петербурга. Зодчий счастливо нашел формулу, соединившую заветы уходящего века и стремления нового. Здесь впервые воплотились те смелые архитектурные образы, которые были потом развиты в величайших петербургских ансамблях и стали неразрывны с понятием «петербургская архитектура». Бесконечная гладь стен с уходящими вдаль рядами окон. Шеренги стройных белых колонн. Смело вычерченные пролеты огромных арок. И всегда, во всем — безукоризненная точность пропорций, ясность и простота.

Стоя на восточной террасе Адмиралтейской башни, наблюдатель прежде всего видел Дворцовую площадь. До конца 1810-х годов всю ее сторону, противоположную Зимнему дворцу, занимал ряд разноликих домов. В 1820-е годы их сменило широко развернувшееся здание Главного штаба. Оно вырастало на глазах Пушкина. Строил его архитектор Карл Росси. Художественные идеи, предложенные Захаровым, он применил с блестящим искусством.

В 1834 году по проекту архитектора Огюста Монферрана в центре площади воздвигли Александровскую колонну — цельный гранитный столб с фигурой ангела на вершине. Высота памятника — 47,5 метра. Тогда это было самое грандиозное сооружение такого рода в мире: выше колонны Траяна в Риме, выше Вандомской колонны в Париже.

Восточную сторону площади занимало длинное двухэтажное здание экзерциргауза, к которому примыкал боль-

шой двор, обнесенный невысокой оградой. В ненастную погоду в экзерциргаузе обучали солдат строевым движениям — «экзерцициям». Примечательно, что здание это располагалось подле самого царского дворца.

Выше по Неве, соединенное с Дворцовой площадью Миллионной улицей, открывалось Марсово поле (Царицын луг) — широкое и пустынное. По сторонам его поднимались здания Мраморного дворца и Михайловского (Инженерного) замка. В пушкинское время и эта площадь получила свое архитектурное завершение, когда в конце 1810-х годов по проекту В. П. Стасова здесь было построено здание Павловских казарм. Узкая лента Лебяжьей канавки отделяла Царицын луг от старинного Летнего сада.

Далее на берегу Невы возвышался пятиглавый собор Смольного монастыря. По соседству с ним располагалось здание Смольного института.

Район города, примыкавший к Смольному, — самая высокая часть города — в просторечии именовали Песками: из-за редкого для столицы сухого песчаного грунта.

За Смольным, на правом берегу Невы, среди лугов и перелесков виднелись избы охтинских селений.

Взглянув в другую сторону — вниз по течению Невы, — наблюдатель видел перед западным фасадом Адмиралтейства огромную Петровскую (или Сенатскую) площадь с памятником Петру и соседнюю с нею Исаакиевскую площадь.

Обе площади были перегорожены заборами, завалены глыбами гранита, бревнами, досками, заставлены сараями и бараками. С 1818 года здесь, на месте небольшой старой церкви, начали строить по проекту О. Монферрана грандиозный Исаакиевский собор. К 1830-м годам собор уже поднимался огромным гранитным кубом на границе двух площадей. «Вчера поднята, в присутствии высочайших особ, последняя гранитная колонна Исаакиевского собора, — со-

общал в августе 1830 года хроникер газеты „Северная пчела“. — Исполинские столпы сии, и отдельно стоящие, производят очаровательное действие: что будет, когда выведены будут позади их стены! Живя на сей площади и глядя ежечасно на сии колонны, я по привычке к этой картине, но не могу удержаться от изумления, когда человек подойдет к базе — тут, в соразмерности с ростом человеческого, является грозное и спокойное величие сих столпов. Начинают возвышаться и стены собора...» В одном из временных деревянных домиков, стоявших возле строящегося Исаакия, любопытствующие могли увидеть тщательно исполненную модель будущего собора.

Пушкин имел возможность наблюдать за строительством храма в течение восемнадцати лет.

На стыке трех площадей — Петровской, Исаакиевской и Адмиралтейской — в конце 1810-х годов Монферран построил роскошный особняк, тот самый дом «на площади Петровой», который Пушкин упомянул в «Медном всаднике»:

...дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

За Исаакиевской площадью виднелись отрезок Мойки и Большая Морская улица с пожарной каланчой. Западнее, там, где позже был разбит Конногвардейский бульвар, блесла лента Адмиралтейского канала. От его набережной и до Невы вдоль Сенатской площади поднялись новые здания Сената и Синода, построенные в 1829–1834 годах по проекту К. И. Росси. Под соединившей их мощной аркой начиналась Галерная улица.

Возвращая взор к подножию башни Адмиралтейства, наблюдатель видел начало Невского проспекта. К 1830-м го-

дам обе стороны главной улицы Петербурга — от Дворцовой площади до Фонтанки — постепенно застроили схожими друг с другом трех- и четырехэтажными зданиями строгой архитектуры. Эти единообразные линии желто-белых фасадов время от времени прерывались — то барочными украшениями Строгановского дворца, то колоннадой Казанского собора, то аркадами Гостиного двора и Императорского кабинета (возле Аничкова дворца).

Короткая Михайловская улица вела от Невского к Михайловскому дворцу. И улица, и дворец появились лишь в середине 1820-х годов. Прежде — Пушкин застал это время — здесь пролегла «малопроезжая улица», за которой начинались огороды.

Еще моложе были Александринский театр (открыт в 1832 году) и проложенная за ним Театральная улица, по бокам которой стояли всего два здания — каждое почти в четверть километра длиной. На площади у Чернышева моста через Фонтанку, куда выходила Театральная улица, виднелись здания министерств — народного просвещения и внутренних дел. Их тоже тогда достраивали. И Михайловский дворец, и Александринский театр, и Театральная улица, и здания министерств — творения К. И. Росси.

На другом берегу Фонтанки, над пестрыми грядами крыш маленьких, по преимуществу одноэтажных и двухэтажных домиков, там, где начиналась старая Ямская слобода, высились главы Владимирской церкви и трехъярусная ее колокольня. Еще дальше, сквозь серую дымку пыли, поднятую над Невским проспектом вереницами карет и всадников, взгляд различал красноватые башни и стены Александро-Невской лавры.

Кроме Невского проспекта, от здания Адмиралтейства радиусами отходили Адмиралтейский проспект (или, как его чаще называли, Гороховая улица) и Вознесенский проспект,

где год от года все выше вздымались тесно прижатые друг к другу доходные дома с лавками и мастерскими в первых этажах. Неподалеку от того места, где Адмиралтейский проспект пересекался с Садовой улицей, видна была церковь Успения Богородицы на Сенной площади и просматривалась часть торжища, кипящего пестрой простонародной толпой. Далее открывалась между домами заставленная баржами Фонтанка с ее набережными, дворцами, особняками и казармами. За рекой расстился огромный Семеновский плац, окруженный казармами лейб-гвардии Семеновского полка, и отчетливо просматривался голубой купол построенного Стасовым Троицкого собора Измайловского полка.

К западу от Сенной площади начинался район города, именовавшийся Коломной. Часть Коломны возле Офицерской улицы петербуржцы называли Козьим болотом: до начала XIX века здесь лежало едва проходимое болото, где пасли коз, а осенью стреляли уток.

Над бессчетными крышами домов и домишек Коломны поднималась огромная темная крыша Большого театра, перестроенного после пожара и торжественно открытого в 1818 году. Неподалеку виднелись главы Морского Никольского собора с ярко вызолоченными куполами, его ажурная колокольня.

При взгляде вдоль Невы в сторону залива открывался зеленый массив Екатерингофского парка. Еще дальше виднелись высокие трубы нескольких фабрик, лесистые острова в устье Невы, широкая дуга морского побережья, разворачивающаяся в сторону Петергофа. С середины 1810-х годов над блестящей поверхностью залива можно было видеть в небе черный дымок, оставляемый бегущим в Кронштадт пироскафом.

Покрытая кораблями, баржами и лодками Нева делила город на две неравные и несхожие между собой части.

«Острова, составляющие правый берег, — писал столичный житель, — представляются взору в характере, совершенно отличном от противоположной части города: места более открыты, строения не столь обширны и не так сжаты, сады более разбросаны между жилищами».

Петропавловская крепость — колыбель Северной столицы — с ее одетыми камнем стенами, золоченым шпилем соборной колокольни казалась особенно величественной и грозной на фоне расстилавшегося за ней почти сельского пейзажа.

Обширные пространства Петербургской стороны (или Петербургского острова), Выборгской стороны, а также Васильевского острова, хотя и считались частями столицы, на деле были пригородами: дома почти сплошь деревянные, улицы немощеные, много садов, огородов, пустырей.

Район Петербургской стороны по берегу реки Ждановки именовался Мокрушами — при малейшем подъеме воды в реке низкий берег здесь оказывался затопленным.

Восточная часть Васильевского острова была застроена аккуратными домиками с зелеными палисадниками. Здесь, как свидетельствует современник, «в построении домов заметны приятная простота, чистота и удобство для хозяйственно-семейного расположения». Только Стрелка Васильевского острова и соседние с ней кварталы, застроенные частью еще при Петре, по характеру своей архитектуры примыкали к центральным улицам левого берега Невы.

На Стрелке возвышалось одно из самых значительных сооружений Петербурга — огромное здание Биржи. История создания его весьма характерна. Биржу начали строить по проекту одного из лучших зодчих эпохи — знаменитого Джакомо Кваренги. Здание уже подвели под крышу, когда стало ясно, что, прекрасное само по себе, оно не решает общей градостроительной задачи: поставленная на оконечности Ва-

сильевского острова Биржа должна была стать центральным звеном величественной невской панорамы. Кваренги этого достигнуть не удалось. И почти готовое здание разобрали. Специальная комиссия, во главе которой стоял строитель Адмиралтейства А. Д. Захаров, руководила совершенствованием нового проекта, выполненного Тома де Томоном.

Двенадцатилетний Пушкин мог видеть, как здание Биржи освобождалось от строительных лесов.

Петербургу повезло. Его строительством руководили великолепные мастера. Они сознавали, что делают общее историческое дело. И строили не отдельные дома или дворцы — строили город, создавали цельный, строгий и стройный образ Петербурга. Виднейшие архитекторы состояли членами строительных комитетов, которые рассматривали проекты всех зданий, возводившихся в центре столицы. Комитеты призваны были следить за тем, чтобы каждое здание Петербурга «в красоте, приличии и правильности соответствовало общему для города предположению» и не поднималось выше Зимнего дворца. Комитеты также наблюдали за качеством строительных работ — прочностью фундаментов, сводов и стен, за безопасным в пожарном отношении расположением печей. Капитальный ремонт или значительная переделка дома, даже постройка ограды или забора на собственной земле требовали специального разрешения властей.

К середине 1830-х годов Петербург занимал пространство более тридцати пяти верст* в окружности. С запада на восток город простирался примерно на десять верст, с юга на север — на восемь. В нем насчитывалось 380 проспектов, улиц и переулков, 32 площади. В 1805 году в Петербурге числилось 7280 домов, из них 1926 каменных, в 1832 году —

* Верста — 1200 метров.

8300 домов, из них каменных — 2712. Таким образом, если в XVIII веке Петербург рос в основном за счет деревянного строительства, то в XIX веке каменное строительство уже обгоняло деревянное. В центральных районах города возводить деревянные здания вообще было запрещено.

Природные условия Петербурга требовали от архитекторов, подрядчиков и рабочих необыкновенной тщательности и осмотрительности. При строительстве домов в Петербурге применялись особые приемы. Фундаменты закладывали глубоко, в землю вбивали сваи, а затем уже сооружали фундамент из плиты, называвшейся путиловской (по месту, где ее ломали, близ Ладожского канала). Нижний этаж здания обыкновенно делали сводчатым, стены из кирпича прокладывали местами плитой, а сверху того связывали железными полосами и проволокой; рамы окон и дверей утепляли войлоком и плотно вделывали в кладку кирпича; внутри домов устраивали двойные и тройные полы, набивая пространство между ними кирпичом, заливая цементом и нередко покрывая войлоком; в окнах ставили двойные рамы, замазываемые и законопачиваемые на зиму, а в комнатах — печи «с оборотами горячего дыма». Оконченный каменный дом — только еще не оштукатуренный и не покрашенный — оставляли на просушку. Длилась она год или два, смотря по погоде.

Впрочем, дом в этом случае не всегда пустовал — часто сырые помещения сдавали по дешевке рабочим или иному малоимущему люду.

Красили дома преимущественно в светлые тона. Относительно окраски тоже существовали определенные правила. Запрещалось «пестрить дома и всякое строение краскою», их надлежало окрашивать ровно. Допускались цвета: белый, палевый, бледно-желтый, желто-серый, светло-серый, дикий (то есть голубовато-серый), бледно-розовый. С начала XIX ве-

ка модными стали желтые тона. Остряки упражнялись по этому поводу в каламбурах. В одной из шедших тогда на сцене комедий барин, приехавший в столицу, говорил своему слуге, что Петербург очень переменился за то время, как они здесь не были, а слуга отвечал: «И сколько желтых домов! Не пересчитать!» («Желтыми» называли тогда в просторечии дома для умалишенных.)

Строили в Петербурге очень быстро. Объяснялось это сноровкой строителей, дешевизной рабочих рук и чрезвычайной продолжительностью петербургского весеннего и летнего дня (зимой строительные работы прекращались; исключение составляли огромные общественные сооружения, такие как Адмиралтейство, Главный штаб, Исаакиевский собор).

Трудовой день петербургского строительного рабочего длился с четырех часов утра до девяти-десяти вечера, то есть до позднего летнего заката. В полдень полагался двухчасовой отдых. Когда работали зимой, то вечерами зажигали фонари.

Заботами о безопасности труда рабочих петербургские подрядчики себя не утруждали. Строительные леса устраивали как нельзя проще: несколько бревен врывали в землю на довольно большом расстоянии друг от друга параллельно стене строящегося дома и, по мере того как стены росли, от них к бревнам перекидывали перекладины, на которые стелили доски. Такие сквозные, перевязанные веревками леса устраивали одинаково и для низких зданий, и для церковных куполов, и для колоколен. Зимой на шатких, неогороженных лесах работать было особенно опасно. «Леса от мороза бывают склизки, то и от сего, чтобы рабочие люди не падали, обойтись не можно», — объяснял причину многочисленных несчастных случаев один из приставленных к рабочим «надсмотрителей».

При оштукатуривании и окраске домов употребляли вместо подвесной люльки особого рода лестницу: вдоль длинного бревна наколачивали неширокие планки, к тонкому концу бревна прибавляли несколько досок в виде маленькой площадки, а к толстому — перпендикулярно — широкую плаху. Лестницу эту прислоняли к стене. Забрав материалы, нужные для работы, и орудия труда, мастеровой залезал на верхушку гнущейся под его тяжестью лесины. «Страшно глядеть, — писал литератор А. Башуцкий в своей книге „Панорама Санкт-Петербурга“, вышедшей в 1834 году, о работающем на высоте маляре или штукатуре, — какие положения принимает он во время работы; иногда, держась сгибом колена за часть воздушной своей мастерской, он, так сказать, висит или плавает в пространстве, где, обливаемый дождем, под свистом холодного ветра он успешно производит работу при звуках продолжительных переливов громкой своей песни. Но когда, окончив работу сию на местах, до которых может достать руками, начнет передвигаться далее, тогда сердце зрителя вздрогнет невольно: на чрезвычайной вышине, сев верхом на дерево и крепко охватя конец оною рукою, он, вытянув ноги, сильно упирает их в стену; оттолкнув от оной себя и шаткую огромную свою лестницу, скользит по стене и, лучше сказать, летит, и смелым движением напряженного тела отбрасывается иногда более нежели на полсажени* в сторону; это усилие, этот воздушный скачок... в котором малейшая ошибка в размере силы или пространства угрожает падением и неизбежною смертию, это наклонно косвенное положение дерева, доколе стоящий внизу рабочий не передвинул нижней части оною, нисколько не тревожит бесстрашного его духа».

Хотя никто не вел учета смертности среди строительных рабочих, можно предполагать, что гибло их много.

* Сажень — примерно 2 метра.

Здания Петербурга строили искусные, смелые и трудолюбивые люди. Но не меньше терпения и усилий требовалось от тех, кто прокладывал новые и засыпал старые петербургские каналы, расширял и углублял реки, облицовывал гранитом набережные и воздвигал мосты. Для создания Петербурга — прекрасного города на сотне островов — эта работа значила столь же много, как и возведение великолепных зданий. Недаром петербургские строительные комитеты ведали не только возведением домов, но также и всеми делами, связанными с рытьем каналов и осушением заболоченных мест.

С середины XVIII века каналов в Петербурге становилось все меньше. Многие, вырытые еще при Петре, с годами оказались помехой в городской жизни, и их засыпали. Однако если западная и северная части Петербурга оставались вдоль и поперек изрезаны реками и каналами, то в южной части столицы водных путей было мало. В них очень нуждались появившиеся здесь фабрики и заводы. И в 1805 году началось строительство Обводного канала, которому первоначально придавали также и стратегическое значение: он с юга замыкал систему водных преград, опоясывавших столицу. В 1832 году канал был окончен и торжественно открыт. За Александро-Невской лаврой, где Обводный канал соединялся с Невой, русло его значительно расширили и устроили гавань около семисот метров в длину и шестидесяти в ширину, вмещавшую множество барок.

Благодаря тому, что доставка по воде камня из окрестностей столицы не представляла серьезных трудностей, работы по облицовке берегов рек и каналов с начала века принимали грандиозные размеры, и гранитное обрамление всех рек и каналов в центре города еще в 1820-е годы было почти закончено. В начале 1830-х годов в столице насчитывались 32 проезжие набережные, причем длина облицованных гранитом составляла около 40 верст.

Изрезанный множеством рек, город чем больше рос, тем больше нуждался в мостах.

Старейшим мостом через Неву был наплавной Исаакиевский, наведенный от Сенатской площади на Васильевский остров. (Наплавные мосты укладывали на поставленные в ряд баржи — плашкоуты, отчего их также называли плашкоутными.) Второй наплавной — Воскресенский — мост в конце XVIII века наводили на Выборгскую сторону против Воскресенского проспекта, несколько выше того места, где впоследствии построили Литейный мост. С 1803-го и до начала 1820-х годов Воскресенский мост соединял левый берег Невы возле Летнего сада с Петербургским островом. Затем его вернули на прежнее место, а у главной аллеи Летнего сада навели в 1824 году третий невский мост — Петербургский, или Троицкий. Позднее этот мост был передвинут к Суворовской площади.

Каждый из невских мостов имел разводное устройство для пропуска кораблей.

Через Фонтанку в пушкинское время было десять мостов. Семь из них — каменные с башнями. В башнях находились механизмы, которые посредством чугунных цепей поднимали деревянные крылья средних пролетов: по Фонтанке шли не только баржи, но и мачтовые суда. Построенный в 1823 году через Фонтанку Пантелеймоновский, или Цепной, мост был первым в России городским транспортным мостом висячей конструкции: его проезжая часть держалась на железных цепях, подвешенных к чугунным пилонам. В 1827 году через Фонтанку построили цепной Египетский мост, украшенный четырьмя фигурами сфинксов.

Берега Мойки соединяли пять мостов. Мост, построенный на пересечении Мойки и Невского проспекта, назывался Зеленым, или Полицейским. Поначалу он был деревянным, выкрашенным в зеленый цвет, и отсюда его первое назва-

ние. Второе название появилось тогда, когда вблизи моста на набережной расположилось Полицейское управление. Синий мост был перекинут через Мойку возле Исаакиевской площади. Красный вел через реку по Гороховой улице. В 1806 году деревянный Полицейский мост заменили чугунным — пролет его перекрыли сводом, собранным из чугунных блоков, скрепленных болтами. Это был первый в Петербурге чугунный мост. В начале 1810-х годов еще несколько деревянных мостов через Мойку заменили металлическими.

На Екатерининском канале было восемь мостов. Мост у Казанского собора — по Невскому проспекту, — один из самых больших каменных мостов в Петербурге, назывался Казанским. На пересечении канала и Гороховой улицы стоял мост, красиво облицованный гранитными плитами, гладкими и гранеными. Он назывался Каменным. В 1825–1826 годах через Екатерининский канал, неподалеку от Казанского собора, построили висячий пешеходный Банковский мост. Его чугунные цепи поддерживают золоченые грифоны. Тогда же возле Театральной площади берега канала соединил сходный по конструкции с Банковским Львиный мост. Вместо грифонов здесь чугунные львы. Возле Сенной площади через Екатерининский канал был перекинут пешеходный Кокушкин мост, который упомянул в шуточном стихотворении Пушкин.

Всего в середине 1830-х годов в Петербурге насчитывалось 117 мостов (вместо 49 в 1820-х годах), из них 10 наплавных через Неву и ее рукава, 16 чугунных, 26 каменных и 65 деревянных. Многие мосты были сооружениями замечательными и в инженерном, и в архитектурном отношении. Силуэты их удивительно точно вписывались в городской пейзаж. Наряду с монументальными петербургскими набережными столичные мосты сделались необходимой принадлежностью быстро разраставшегося и хорошевшего Петербурга.

Путешествие в пушкинский Петербург

В гранит оделася Нева:
Мосты повисли над водами...

(«Медный всадник»)

Размышляя об историческом, державном предназначении Северной столицы, Пушкин находил отражение судеб Петербурга и в его внешнем облике, в его величавой правильности и гранитной мощи:

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен...

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Фонари светились тускло»

В центре города, где проживала привилегированная публика, петербургские улицы выглядели вполне благопристойно: булыжная мостовая, тротуары из каменных плит шириной в 2 аршина*, огражденные от мостовой чугунными или гранитными столбиками.

Мостить улицы, устраивать тротуары обязаны были сами жители — каждый против своего дома. Возле правительственных зданий и на площадях работы производили за счет казны. Булыжные мостовые появились в столице еще в XVIII веке. Тротуары начали устраивать с 1817 года, в то время Пушкин уже поселился в Петербурге после окончания Лицея. В 1832 году в Петербурге было 111 336 погонных сажен тротуаров, то есть в общей сложности 222 версты.

В конце 1820-х годов столичный чиновник В. П. Гурьев предложил заменить булыжники деревянными шашками — торцами, чтобы езда по мостовой была менее тряской и шумной. Деревянную мостовую сперва испытывали на Невском проспекте у Аничкова моста.

Летом 1830 года газета «Северная пчела» писала:

«На сих днях стали здесь делать опыты новой мостовой, деревянной, которая с успехом употребляется на Аничковом

* *Аршин* — почти 71 сантиметр.

мосту. В Большой Морской, перед домом генерал-губернатора, мостят улицу деревянными шестиугольниками толщиной в два вершка*. Желательно, чтобы опыт сей удался. Наша мостовая неровностию не уступает иным академическим стихам».

Опыт удался, и Николай I приказал замостить торцовыми шашками площадь перед Зимним дворцом, Большую Морскую и Караванную улицы, часть Малой Морской, набережную Мойки, Английскую и Дворцовую набережные и часть Литейной улицы. «Мостовая сия есть совершенный паркет», — восхищался журналист.

Но все это в центре и ближе к центру. А на окраинах мостовые если и существовали, то не торцовые и не булыжные, а бревенчатые или дощатые; тротуаров или вовсе не было, или их заменяли дощатые мостки.

Так же обстояло дело и с уличным освещением. В центре города количество фонарей с каждым годом увеличивалось, окраины же тонули во мраке. Из более чем четырех тысяч фонарей, горевших на территории Петербурга, едва десятая часть приходилась на окраины.

Фонари зажигали по сигналу. Сигналом служил красный фонарь, поднимаемый на пожарной каланче в каждой части города.

По вечерам на петербургских улицах появлялись фонарики — в фартуке, с лестницей на плече. Каждый нес ведро, покрытое опрокинутой воронкой. «Заметно темнеет; грязные фонарики кучами сидят на перекрестках некоторых улиц, пристально глядя в одну сторону; когда появится там, над домами Большой Морской, как метеор, красный шар, они, взвалив на плечи свои лесенки, отправляются зажигать фонари. Вы каждого из этих людей примете в тем-

* Вершок — 4,5 сантиметра.

ноте за какое-то странное привидение, когда, приставив лестницу к столбу, он закроет от ветра себя и фонарь длинною полупрозрачною рогожей», — рассказывал о фонащиках современник.

Уличные фонари горели по ночам с 1 августа до 1 мая — девять месяцев в году. Зажигали и гасили их в разные часы, в зависимости от времени года: в ноябре зажигали в четыре часа дня, а гасили в семь часов утра; в апреле зажигали в девять часов вечера, а гасили в два часа ночи.

Петербургские белые ночи давали возможность три месяца в году обходиться без уличного освещения.

При каждом двадцати пяти фонарях состояли два фонащика.

Все фонари были масляными. Жгли в них конопляное и ламповое масло, зажигали с помощью сальных свечей. Горели они тускло, давали мало света.

Под таким тусклым петербургским фонарем оказался в роковую минуту своей жизни герой пушкинской «Пиковой дамы»: «Погода была ужасная; ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты. Изредка тянулся Ванька на тощей кляче своей, высматривая запоздалого седока... Германн стал ходить около опустевшего дома: он подошел к фонарю, взглянул на часы, — было двадцать минут двенадцатого. Он остался под фонарем, устремив глаза на часовую стрелку и выжидая остальные минуты».

В начале 1830-х годов попытались заменить масляное освещение газовым. Недалеко от Казанского собора был устроен резервуар, от него проложены трубы к ближайшим магазинам и лавкам. Но случившийся пожар все уничтожил.

Одно только здание Главного штаба освещалось газом и снаружи, и внутри.

В 1837 году учреждено было «Общество освещения газом Санкт-Петербурга». Оно построило на Обводном кана-

ле газовый завод, а на Миллионной улице — новый резервуар, от которого по газопроводу газ шел к уличным фонарям. Однако этих фонарей, восхищавших современников своим ярким светом, насчитывалось всего около двухсот, горели они лишь на Дворцовой площади, на Невском проспекте от Адмиралтейства до Литейной улицы, на Большой и Малой Морских и еще кое-где в центре. В остальных же местах стояли по-прежнему масляные фонари.

Еще хуже, чем с освещением, обстояло дело со снабжением населения питьевой водой.

Воду большей частью брали из рек и каналов. Фигура бабы с коромыслом на плече, идущей по воду к каналу, была столь же обычна для Петербурга, как и фигура водовоза с бочкой. Кое-где в городе с конца 1820-х годов появились ручные водокачки. Первая такая «водоливная машина» была устроена в 1827 году на Исаакиевской площади. Воду из водокачки отпускали за деньги. Годовой билет стоил 7 рублей серебром. Его прибивали к бочке, с которой ездили по воду. Те, кто жил далеко от рек и каналов, брали воду из колодцев — их насчитывалось больше тысячи.

В 1819 году предприимчивые люди предложили правительству провести в Петербурге городской водопровод. Но им отказали на том основании, что «Петербург по положению своему и устройству достаточно снабжен хорошей водой». Однако утверждение это не соответствовало действительности. В городе имелась сеть подземных труб, проложенных по улицам для стока дождевых и талых вод. Трубы эти изготавливались из продольно пиленных бревен. К ним подводились боковые трубы, идущие от дворов, а дворы содержались крайне грязно. По утверждению современников, во время дождливой погоды и весеннего таяния снега особенно много нечистот изливалось в Фонтанку и другие реки и каналы, они портили воду, придавали ей дурной вкус

и запах. Загрязнение воды способствовало возникновению эпидемий.

Полоскали белье петербургские жители тоже в реках и каналах. Для этого сооружались специальные мостки.

Мылись в банях. Люди состоятельные строили бани при своих домах. Основная масса населения пользовалась так называемыми торговыми банями, содержавшимися частными лицами. В 1815 году в Петербурге была 21 торговая баня. И здесь соблюдались социальные градации. В отделениях для простого народа и солдат, где платили по 7 копеек с человека, имелись только парилка и сторожка для раздевания. Помещений для мытья — мылен — не было. Мылись на дворе под открытым небом. В отделениях для людей среднего сословия, где брали дорожку, имелись мыльни.

Отсутствие в городе водопровода крайне затрудняло работу пожарных команд.

Пожары были бедствием Петербурга. То и дело по улицам под оглушительный треск погремушек, привязанных к сбруе лошадей, мчался пожарный «поезд». Впереди верхом брандмейстер, за ним — помпа с флагом, повозки с людьми и инструментом, бочки. Опять где-то горит...

Горели и деревянные, и каменные здания. Так, в ночь на новый, 1811 год сгорел Большой (Каменный) театр. Известный актер П. А. Каратыгин, бывший тогда ребенком, рассказывает в своих записках: «Помню, как в 1810 г. 31 декабря горел Большой театр. Тогда мы уже жили окнами на улицу. В самую полночь страшный шум, крик и беготня разбудили нас. Помню, как я вскочил с постели, встал на подоконник и с ужасом смотрел на пожар, который освещал противоположный рынок и всю нашу Торговую улицу. Огромное здание пылало, как факел». К счастью, никто не пострадал. Тогдашний директор императорских театров А. Л. Нарышкин, известный остряк, доложил по-французски приехавшему на

пепелище Александру I: ничего больше нет — ни лож, ни райка, ни сцены, — все один партер.

В 1830-е годы в Петербурге бывало в среднем по 35–40 больших пожаров в год.

Всем надолго запомнился грандиозный пожар 1832 года, уничтоживший несколько кварталов и оставивший без крова тысячи жителей. Начался он в середине дня 8 июня. Загорелось в Ямской слободе, близ Свечного переуллка и Разъезжей улицы. На беду, дул сильный северо-восточный ветер. Пламя охватило бесчисленные конюшни и сараи живущих здесь ямщиков. Запылали огромные массы сена, соломы, дегтя, сала. Меньше чем за час огонь охватил все окрестные улицы, угрожая казармам Семеновского полка, достиг места пересечения Лиговского канала с Обводным. Огненный вихрь был настолько силен, что перебрасывал горящие доски и головешки на другую сторону Обводного канала, где загорелись гончарный завод и дома. Всего было уничтожено 102 деревянных здания и 66 каменных. Погибло более 30 человек.

В феврале 1836 года сгорел во время представления балаган известного фокусника Лемана. По официальным данным, в огне погибло 126 человек, а говорили в городе — вдвое больше. Через неделю после этого происшествия литератор, профессор А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Оказывается, что сотни людей могут сгореть от излишних попечений о них... Это покажется странным, но оно действительно так. Вот одно обстоятельство из пожара в балагане Лемана, которое теперь только сделалось известным. Когда начался пожар и из балагана раздались первые вопли, народ, толпившийся на площади по случаю праздничных дней, бросился к балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдруг является полиция, разгоняет народ и запрещает что бы то ни было предпринимать до

прибытия пожарных: ибо последним принадлежит официальное право тушить пожары. Народ наш, привыкший к беспрекословному повиновению, отхлынул от балагана, стал в почтительном расстоянии и сделался спокойным зрителем страшного зрелища. Пожарная же команда поспела как раз вовремя к тому только, чтобы вытаскивать крючками из огня обгорелые трупы. Было, однако ж, небольшое исключение: несколько смельчаков не послушались полиции, кинулись к балагану, разнесли несколько досок и спасли трех или четырех людей. Но их быстро оттеснили. Зато „Северная пчела“, извещая публику о пожаре, объявила, что люди горели в удивительном порядке и что при этом „все надлежащие меры были соблюдены“».

История весьма характерная для николаевского времени.

С начала века учреждены были постоянные пожарные команды во всех частях города. При каждой имелась пожарная каланча. На открытой галерее день и ночь ходил часовой и с высоты высматривал, не горит ли где. В случае пожара часовые поднимали условные сигналы — днем шары, ночью фонари. Определенная комбинация шаров или фонарей показывала, в какой части столицы начался пожар.

Всеми пожарными командами распоряжался брандмайор, командой каждой части — брандмейстер. У него под началом находилось 48 пожарных и от 10 до 14 «фурманов» — возчиков. При каждой команде держали 20 лошадей. Устроены были также цейхгаузы, где хранились багры, ведра, топоры, ломы, крюки, которыми можно было снабдить в случае надобности солдат, вызванных на подмогу пожарным.

«Люди большею частию стары, неловки на вид, — писал о петербургских пожарных А. Башуцкий, — но в деле их хладнокровная дерзость, непостижимый навык и самоотвержение почти превосходят всякое вероятие. Это саламандры:

они по целым часам глотают дым, смрад и поломя; идут беззаботно в самое жерло огня, где свободно действуют рукавом помпы, рубят топором, ломают, растаскивают бревна; находят еще возможность нюхать табак; горят и, обливаемые водою, опять работают, доколе голос начальника насильно не вызовет их из опасности».

Пожары причиняли огромный ущерб, поэтому пожарному делу уделялось много внимания. Сам Николай I (он считал своим долгом вмешиваться во все, что касалось внешнего порядка столицы), подменяя собой брандмайора, зимой 1834 года лично учинил смотр пожарным командам города. Газеты сообщали, что «государь император изволил сделать внезапную тревогу всем пожарным командам». На пожарных каланчах были подняты сигнальные шары. Николай I, стоя на Сенатской площади с часами в руках, высчитывал, сколько минут понадобилось команде каждой части, чтобы добраться к месту сбора. Царь остался доволен. «Его величество, пройдя мимо выстроенных пожарных команд всех частей, изволил благодарить нижние чины за примерно скорое прибытие на сборное место и пожаловал по одному рублю, по фунту говядины и по чарке водки на человека».

Пожарные были сноровисты и усердны, но средств к тушению огня имели немного и потому не всегда действовали успешно. Им, например, не удалось потушить пожар в Зимнем дворце, который зимой 1837 года почти весь сгорел внутри.

Так экономия на строительстве водопровода, экономия на благоустройстве столицы оборачивалась разорительными убытками.

Благоустройство Петербурга шло медленно и, как все в столице, служило интересам привилегированных, избранных и еще больше подчеркивало контраст между пышным центром и жалкими окраинами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Город пышный, город бедный»

В «Евгении Онегине» и «Медном всаднике», «Пиковой даме» и «Домике в Коломне», «Станционном смотрителе» и «Египетских ночах», в дневниковых записях, задуманных как история современности, и многих других пушкинских произведениях перед нами возникает обширная галерея петербуржцев — от царей и вельмож до нищих канцеляристов и крепостных слуг. Пушкин-поэт и Пушкин-историк долго и пристально размышлял над социальным устройством Северной столицы.

Противоречия между классами и сословиями, постепенно меняющаяся роль каждого из них в жизни страны — все это в Петербурге проступало особенно отчетливо. Состав столичного населения отражал социальные особенности всей России. Петербург был зеркалом России — ее политического и общественного строя, ее экономического и интеллектуального развития.

Кто жил в столице рядом с Пушкиным? В чьи лица и судьбы он всматривался, думая о прошлом и будущем своего народа?

В Петербурге жили люди разных сословий и занятий. Знать, занимающая высшие должности в государстве. Среднее и мелкое дворянство, состоящее на штатской и военной службе: чиновники и офицеры. Нижние воинские чины. Ду-

ховенство. Литераторы, художники, актеры, ученые, учителя, врачи. Воспитанники учебных заведений. Торговцы. Ремесленники. Мещане. Фабричные и заводские рабочие. Многочисленные крестьяне — пришлые оброчные и дворовые при господах.

В 1800 году в Петербурге проживало 220 208 человек. В 1818 году — 386 285 человек. А в 1836 году — уже 451 974 человека.

Население столицы за три с половиной десятилетия выросло более чем вдвое и продолжало неуклонно расти. Но росло оно не за счет увеличения рождаемости. В эти десятилетия в Петербурге умирало больше, чем появлялось на свет. Население Петербурга росло за счет пришлых. Из разных губерний в поисках заработка приходили в столицу тысячи оброчных мужиков. Землекопы — из Белоруссии. Каменщики, гранильщики, штукатуры, печники и мостовщики — из Ярославской и Олонецкой губерний. Маляры и столяры — из Костромской. Пришлые туляки занимались коновальным ремеслом, служили в кучерах и дворниках. Ростовчане — в огородниках. Владимирцы плотничали. Тверяки сапожничали. Одни оставались на постоянное жительство, другие на время.

Крестьяне составляли подавляющую часть петербургского населения. В 1821 году дворян в Петербурге было 40 250, а крестьян — 107 980. В течение 1821–1831 годов количество дворян, живших в городе, увеличилось на 2650 человек, а крестьян почти на 10 000.

Петербург был «мужской» город. Сюда на заработки из деревень приходили кормильцы. Здесь квартировали тысячи солдат гвардейских полков. Женщин насчитывалось втрое меньше, чем мужчин.

Было в столице немало иностранцев. Так, в 1818 году они составляли почти десятую часть всего населения. Пример-

но половина из них занималась ремеслом, врачебной практикой, содержала аптеки. Другие торговали, были гувернерами и учителями в дворянских семьях, мастерами и подмастерьями на фабриках и заводах, а также нанимались слугами. Петербургские аристократы любили окружать себя иностранными слугами. Так, например, княгиню Е. И. Голицыну — пушкинскую *Princesse Nocturne* — при ее отъезде за границу в 1815 году сопровождали: «...дворецкий Иоганн Шот, венгерский подданный, Михаил Фадеев, дворовый ее сиятельства человек, и араб Луи Обенг, французский подданный».

Особенно много было в Петербурге немцев. Они придерживались своего уклада жизни и своих обычаев. Имелись немецкие школы, немецкий театр, немецкие церкви и отдельное немецкое кладбище, выходили периодические издания на немецком языке. Немцы держали в своих руках некоторые отрасли ремесла и торговли. В частности, им принадлежала большая часть петербургских булочных.

И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

(«Евгений Онегин»)

Физиономия аккуратного немца-булочника, беседующего через форточку с покупателем, — необходимая деталь в картине пушкинского Петербурга.

Кроме немцев, французов, англичан, шведов, итальянцев, в Петербурге проживало и некоторое количество греков, персов и даже индусов. Известно, что директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин подобрал на Фонтанке полузамерзшего индуса, неведомо как очутившегося в России, и тот прижился в его доме. Актер П. А. Каратыгин рассказывал в своих «Записках» о другом петербургском индусе — богатом

ростовщике Моджераме Мотомалове: «Эту оригинальную личность можно было встретить ежедневно на Невском проспекте в своем национальном костюме... бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, черные зрачки его, как угли, блистали на желтоватых белках с кровавыми прожилками, черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, довершали красоту этого индийского набоба...»

Привилегированные слои населения предпочитали жить в центре города. Самым аристократическим районом считались Невский проспект, улицы Миллионная, Большая и Малая Морские, Большая и Малая Конюшенные, набережные Дворцовая, Английская, Гагаринская... Здесь в роскошных дворцах, великолепных особняках и просторных квартирах жили аристократы, крупные чиновники, богатые купцы. Литейная улица с прилегающими к ней Сергиевской, Фурштатской, Захарьевской, оба берега Фонтанки, застроенные особняками, как и кварталы, расположенные между Невским проспектом и Разъезжей улицей, также служили местом жительства «лучшего общества».

Квартиры в центре города стоили дорого. Осенью 1831 года, вскоре после женитьбы, Пушкин поселился в доме вдовы сенатора Брискорна, на Галерной улице, близ Английской набережной. За квартиру в бельэтаже из девяти комнат поэт платил в год 2500 рублей ассигнациями. Это была очень большая сумма. Еще дороже стоила Пушкину квартира из двенадцати комнат в третьем этаже дома именитого купца Жадимеровского на Большой Морской улице, снятая в 1832 году. Ее цена была 3300 рублей ассигнациями в год. А последняя квартира поэта из одиннадцати небольших комнат в бельэтаже дома княгини С. Г. Волконской на Мойке обходилась в 4300 рублей ассигнациями в год. Пушкин снял ее осенью 1836 года.

Понятно, что в центре города жили не только люди «из общества». Здесь же в подвальных, первых и верхних этажах селились многочисленные торговцы и ремесленники. Причем ремесленники определенных специальностей и торговцы определенными товарами. Так, из 45 ювелиров-«бриллиантщиков», числившихся в Петербурге в конце 1810-х годов, 42 квартировали в центральных частях города. Из 66 петербургских часовщиков здесь же проживало 50. Из 24 перчаточников — 20. Из 54 модных магазинов в центре размещалось 48. Из 45 переплетных мастерских — 35. Здесь жили 55 повивальных бабок из 68. Но только 12 гробовщиков из 46. Так же обстояло дело и в последующие десятилетия. Гоголь, приехавший в Петербург в конце 1820-х годов и снимавший квартиру на Большой Мещанской улице, недалеко от Казанского собора, в доме каретного мастера Иохима, рассказывал в одном из писем: «Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе двух портных, одну маршанд де мод*, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками». Жизнь трудового Петербурга определялась жизнью Петербурга праздного.

В тех же домах, где обитали господа, но только в тесных, грязных каморках жили слуги.

В самом центре города селились и «рабочие люди» — крестьяне, занятые на строительных работах. Часто убежищем им служили подвалы возводимых ими зданий. Строители Казанского собора жили в казармах на Конюшенной площади. Тысячи строителей Исаакиевского собора разме-

* Модистка (фр.).

щались в бараках вблизи него. В улицах, примыкавших к Сенной площади и Апраксину двору, много было домов, где находил пристанище «работный люд». В этом районе обитали и многочисленные петербургские нищие.

Самым населенным был район Большой Садовой и Гороховой улиц, Обуховского, Вознесенского, Екатерингофского проспектов. Здесь селились главным образом люди с умеренным достатком: купцы и чиновники средней руки, ремесленники, мещане и крестьяне, занимавшиеся мелкой торговлей. Гороховую улицу — самую длинную, пересекавшую эту часть города — современники называли Невским проспектом простого народа. Автор описания Санкт-Петербурга И. Пушкарев писал: «Прилегая к Сенной площади, Гороховый проспект во всякую пору дня представляет картину промышленной деятельности, всегда наполнен толпами рабочего народа, беспрестанно оглашается криками разносчиков, и, подобно Невскому проспекту, все дома, расположенные здесь, испещрены вывесками ремесленников». Дома почти все были каменные, в три и четыре этажа, густо населенные.

Значительно отличался от центра столицы и внешним видом, и составом населения окраинный район к западу от Сенной площади, который называли Коломной. Здесь обитали мелкие чиновники, служащие и отставные, вдовы, живущие на небольшую пенсию, небогатые дворяне, актеры, студенты, бедные ремесленники. Тут было много деревянных домов с садами, огородами, дощатыми заборами. И дома эти выглядели точь-в-точь как тот, который описал Пушкин в «Домике в Коломне»:

...Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

В Коломне снимали в конце 1810-х годов квартиру родители Пушкина. Они жили почти в самом конце Фонтанки,

на правом берегу ее, в двухэтажном каменном доме, принадлежавшем адмиралу Клокачеву. Большие квартиры в центре города им были не по карману. А здесь за умеренную плату они могли иметь семь комнат во втором этаже. Это была первая петербургская квартира Пушкина. Он поселился в ней сразу после окончания Лицея, в 1817 году, и жил до мая 1820 года — до ссылки.

Сходными по составу населения с Коломной были кварталы, располагавшиеся вокруг казарм Семеновского и Измайловского полков. Кварталы эти назывались «полками», а улицы — «ротами». Как сказано в одном из описаний Петербурга 1830-х годов, «около казарм, в местах, называемых собирательным словом *полк*, живут небогатые чиновники, отставные военные, купцы и мещане, производящие неважный торг».

В «ротах» Семеновского полка жили одно время друзья Пушкина — поэты Дельвиг и Баратынский. Они сообщали скромную квартирку в доме отставного придворного служителя Ежевского. Дельвиг описал их житье-бытье в шутовском стихотворении:

Там, где Семеновский полк, в Пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом...

В Измайловском полку, в домике отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, останавливается, приезжая в Петербург, герой повести Пушкина «Станционный смотритель» Семен Вырин.

На Петербургской стороне жили главным образом мещане — владельцы маленьких домов и больших огородов. На Выборгской — фабричные мастеровые, сезонные рабочие. Васильевский остров населяли большей частью иностранные купцы и ремесленники, ученые, художники, учителя, студенты да еще морские офицеры.

Среди крестьян, обитавших в Петербурге, особое место занимали жители Охтинской слободы. Еще в начале XVIII века, при Петре I, их переселили сюда из Московской и других губерний. Они были причислены к Адмиралтейству «для корабельных работ». В свободное время охтинские поселяне занимались ремеслом и сельским хозяйством. Они были искусными резчиками по дереву и столярами-мебельщиками. Их работы продавались в лавках и на рынках столицы. «Столярное мастерство и продажа молока, — свидетельствует современник, — доставляют ныне значительные выгоды охтинским поселянам».

И крупный, и мелкий рогатый скот держали жители всех районов Петербурга, даже центральных. Так, в 1815 году в Петербурге насчитывалось 2570 коров, 234 теленка, 502 барана, 155 овец, 369 коз и 219 козлов.

На Охте держать скот было особенно удобно: охтинцы жили в деревне, но близко от центра столицы. Зимой по замерзшей Неве за какой-нибудь час они добирались до Невского проспекта. И зимним утром на городских улицах появлялось много молочниц-охтинок с коромыслом, на котором висело несколько жестяных или медных кувшинов с молоком.

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он;
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.

(«Евгений Онегин»)

Охтинки одевались весьма своеобразно. Это была смесь русского и голландского народного костюма. Голландское

осталось еще с тех времен, когда здесь жили корабельные мастера-голландцы с женами. Охтинки носили широкий сарафан со сборами, поверх него фартук с карманами и теплую кофту. На голове — по-русски повязанный платок. На ногах — синие шерстяные чулки и красные башмаки с высокими каблуками.

В статье «Загородная поездка» А. С. Грибоедов рассказал о народном гулянье в окрестностях Петербурга. «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, — писал Грибоедов, — он, конечно, бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен».

Все это в полной мере относилось и к самому Петербургу. Все здесь отличало господ от крестьян: внешний облик, обычаи, образ жизни.

Одежда мужика летом состояла из длинной пестрядиной — сшитой из самого грубого и прочного холста — рубахи с косым воротом, подпоясанной шерстяным кушаком или кожаным узким ремнем. Почти у каждого впереди на подпояске висел роговой гребень, железный зубчатый ключ от всячего замка и кожаный кошелек. У плотника сзади был заткнут за пояс топор, у каменотеса — молот, у штукатура — лопатка и терка. Широкие порты из синей пестряди заправлялись в сыромятные сапоги с высокими голенищами или в онучи, если на ногах были лапти. В теплое время ходили босыми или надевали «опорки» — низы старых сапог, отрезанные от голенищ. На голове мужик носил поярковую шляпу с большими полями и высокой тульей, перевязанной лентой, за которую была заткнута деревянная ложка. Весной и осенью поверх рубахи надевался темно-серый или смурый (темно-бурый) кафтан. Зимней верхней одеждой

служил тулуп, обувью — валенки. Шляпу заменял треух, на руках были кожаные рукавицы. Так как мужики жили в Петербурге бессемейно и занимались тяжелой и грязной работой, одежда их скоро приобретала весьма неприглядный вид. Стригся мужик «под горшок», носил усы и бороду.

Так выглядели крестьяне, приходившие в Петербург на заработки. Необходимость внести оброк гнала их в город. Что же ждало этих людей в столице? «...Изнуренные дальним путем, они являются сюда нередко в болезненном виде и, что всего хуже, не вдруг могут иногда находить себе работу, отчего крайне нуждаются в пропитании», — писал наблюдавший все это И. Пушкарев. По официальной статистике, наибольший процент смертности падал в Петербурге на май, июнь, июль — как раз на те месяцы, когда скапливалось больше всего приехавших крестьян. Как-то Николай I, зайдя в госпиталь, спросил у врача о причине болезни лежащего перед ним мужика. «Голод, ваше величество», — ответил врач. На другой день он был уволен: полагалось делать хорошую мину при плохой игре.

Большинство умирало не в госпиталях, а в своих временных жилищах. «Осмотрев помещения, занимаемые тысячами этих людей в Петербурге, — свидетельствовал А. Башуцкий, — трудно представить себе, чтобы там мог жить кто-либо. Теснота, сырость, мрак, сжатый воздух, нечистота превосходят во многих из подобных жилищ всякое вероятие».

Жизнь в Петербурге для приехавшего мужика начиналась с поисков работы. Чтобы иметь право наняться на работу и жить в столице, крестьянин обязан был сдавать свой паспорт в Контору адресов и получать взамен его «билет» — временный вид на жительство. После этого он отправлялся на «биржу».

Полицейская Контора адресов помещалась на Театральной площади в доме Крапоткина. «Бирж», где собирались крестьяне в ожидании нанимателей, существовало несколько. Плотники и каменщики толпились у Сенной площади. Поденщики, бравшиеся за всякий труд, — у Синего моста на Мойке и на «Вшивой бирже» — так называлось место на углу Невского проспекта и Владимирской улицы из-за промышлявших там уличных цирюльников.

Женская прислуга — кормилицы в голубых кокошниках, кухарки всех возрастов — стояла рядами на Никольском рынке, у Старо-Никольского моста и вдоль набережной Крюкова канала. Лакея, кучера, садовника можно было нанять у Синего моста на Мойке.

С четырех часов утра на «биржах» уже толпился народ. Чернорабочие могли ходить туда безрезультатно недели и месяцы. Специалисты — каменотесы, каменщики, плотники, штукатуры — устраивались быстрее. Многих рабочих еще с зимы нанимали подрядчики, наезжая в деревни или засылая туда своих приказчиков. Каждый год в Петербурге возводилось около сотни «обывательских» домов, а на строительство таких грандиозных зданий, как Новое Адмиралтейство, Главный штаб или Исаакиевский собор, продолжавшееся десятилетия, требовались многие тысячи рабочих.

Архитектор Монферран писал о русских «рабочных людях»: «Двадцать лет, посвященных мною постройке Исаакиевского собора, позволили мне высоко оценить трудолюбие этих людей, которые ежегодно приходят на работы в Петербург. Я отметил у них те большие достоинства, которые трудно встретить в какой-либо другой среде... Русские рабочие честны, мужественны и терпеливы. Одаренные недюжинным умом, они являются прекрасными исполнителями... Русские рабочие велики ростом и сильны, отличаются

добротой и простодушием, которые очень располагают к ним. Проживая здесь без своих семей, они селятся группами в 15–20 человек, причем каждый ежемесячно вносит на свое содержание определенную сумму. Каждая группа имеет свою страпуху и двух работников, занимающихся топкой печей, доставкой воды и провизии».

Значительную часть крестьянского населения столицы составляли крепостные слуги. В 1815 году «дворовых людей» в Петербурге числилось 72 085, в 1831 году — 98 098. Одни жили при своих господах, другие служили по найму.

У вельмож слуг было великое множество: у графов Шереметевых, например, 300 человек, у графов Строгановых — 600. Это исключение, но иметь 25–30 слуг в дворянском доме считалось делом обычным.

У Пушкина, всегда стесненного в средствах, в 1830-е годы был штат прислуги из 15 человек; в последней квартире на Мойке при семье поэта, состоящей из него самого, его жены Натальи Николаевны, четырех маленьких детей, двух своячениц, были две няни, кормилица, камердинер, четыре горничные, три лакея, повар, прачка, полотер. И еще верный «дядька» Пушкина, ходивший за ним с детства, — Никита Козлов.

Служивших по найму с каждым годом становилось все больше. В наемные слуги шли оброчные крестьяне, а также дворовые, отпущенные по паспортам. Купцам, мещанам, ремесленникам и иностранцам запрещено было покупать крепостных. Они имели право держать лишь наемных слуг.

В 1822 году на углу Невского проспекта и Малой Морской была открыта Контора частных должностей, которая за известную плату подбирала слуг. Но в контору обращались не часто, предпочитая нанимать слуг на «биржах».

У Пушкина в «Домике в Коломне» у бедной вдовы с дочерью тоже жила нанятая кухарка — старуха Фекла, а по-

сле ее смерти — мнимая Мавруша. Поэт описывает сцену найма:

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая.
«А что возьмешь?» — спросила, обратясь,
Старуха. «Все, что будет вам угодно», —
Сказала та смиренно и свободно.

Вдове понравился ее ответ.
«А как зовут?» — «А Маврой». — «Ну, Мавруша,
Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклуша
Служила мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша,
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смей!»

Среди слуг в домах вельмож и крупных чиновников существовала своя иерархия. Над всеми стоял дворецкий, за ним шли камердинер и подкамердинеры, горничные, камеристки, повар, официанты, лакеи. Ниже всех на этой лестнице помещались «рабочие бабы», истопники, прачки. Дворецкому надлежало быть расторопным, распорядительным, обходительным с господами и строгим с прислугой. От камердинера требовалось умение брить и причесывать барина, содержать в порядке господский гардероб. Повару надлежало искусно и разнообразно готовить, ибо еде в барском обиходе придавалось большое значение. «В Петербурге едят хорошо и много, — сообщает А. Башуцкий. — Обыкновенный обед состоит из пяти, шести блюд... Русская кухня сохранила национальные и усвоила славные блюда всех земель. ...Русская сырая ботвинья, кулебяка, гречневая ка-

ша, французские соусы, страсбургские пироги, пудинг, капуста, трюфели, пилав, ростбиф, кисель, мороженое нередко встречаются за нашими обедами, где квас стоит рядом с дорогими и душистыми винами — бургундскими, рейнскими или шампанским... Десерт во все продолжение обеда стоит на столе: он состоит из сухих конфетов, варений и фруктов, которые произрастают в здешних оранжереях, во множестве присылаются из Москвы и окрестностей или вместе со всевозможными лакомствами привозятся из всех стран на кораблях...» На кораблях из других стран привозили даже готовые деликатесные кушанья. «Ели черепаховый суп, изготовленный в Ост-Индии и присланный мне Воронцовым из Лондона», — писал почт-директор А. Я. Булгаков брату.

Знаменательно, что тот же Башуцкий, говоря о пище крестьян в Петербурге, простодушно замечает: «Лук, квас, хлеб и соль — это элементы, из которых беднейший простолюдин prepares себе множество различных блюд».

Сам этот простолюдин, будучи собственностью своего барина, мог стоять куда меньше, чем одно заморское кушанье с барского стола. Если за искусного повара просили до тысячи рублей, то «работную бабу» можно было купить менее чем за сто.

Продажа людей без земли при Александре I была запрещена. Запрещалось печатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления о такой продаже. Но эту формальность легко обходили. «...Прежде печаталось прямо — такой-то крепостной человек или такая-то крепостная девка продаются; теперь стали печатать: такой-то крепостной человек или такая-то крепостная девка отпускаются в услужение, что означало, что тот и другая продавались», — говорится в «Записках» декабриста И. Д. Якушкина. Как и прежде,

можно было купить крепостного слугу. Вместе с лошастью и каретой — кучера. Вместе с мебелью — горничную.

Даже лица, принадлежавшие к высшей чиновной бюрократии, говоря о крепостных слугах, состоящих в Петербурге при своих господах, вынуждены были признавать, что те находятся «в полном произволе и безответной власти господина», «представляют настоящих рабов».

Слуги ходили полуголодные; спали вповалку, где придется; за малейшую провинность терпели наказания. Производить экзекуции господа передоверяли полиции: провинившегося с запиской отправляли в ближайшую полицейскую часть, прося поучить подателя записки уму-разуму, то есть высесть.

Сопровождая господ на балы, слуги до утра маялись в подъездах или стыли на морозе... Француз маркиз де Кюстин, посетивший Петербург в конце 1830-х годов, писал: «В январе не проходит ни одного бала без того, чтобы два-три человека не замерзли на улице».

В первой главе «Евгения Онегина», описывая посещение театра петербургским светским молодым человеком в 1819 году, Пушкин не забыл и о слугах:

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони...

Возле Большого театра были устроены так называемые «грелки» — нечто вроде открытой беседки, посреди которой горел костер. Это делалось для того, чтобы кучера, дожидаясь господ, могли хоть немного обогреться.

Кучера, греясь у костров, бранили господ... Слуги, как правило, не питали к своим хозяевам добрых чувств. Бывали случаи, когда доведенные до крайности дворовые убивали господ. Но за доброе отношение слуги платили усердием и преданностью.

Племянник Пушкина — сын его сестры Ольги Сергеевны — Л. Н. Павлищев, со слов матери, рассказывал об эпизоде, относящемся к концу 1810-х годов, когда Пушкин с родителями жил в доме Клокачева: «Пушкин и барон Корф жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести ссору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыльчив, прописал виновнику беспокойства *argumentum baculinum**. Побитый пожаловался Пушкину. Александр Сергеевич вспылil в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа — своего бывшего лицейского товарища — на дуэль. На письменный вызов Корф ответил так же письменно: „Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы“. Избить слугу для Корфа было «безделицей». Пушкин считал иначе. И слуги ценили это. Когда в 1820 году полицейский сыщик Фогель явился в дом Клокачева и предложил «дядьке» поэта Никите Козлову 50 рублей, чтобы тот дал «почитать» бумаги своего барина, преданный слуга отказался.

Мещане (постоянные городские жители, которые не имели определенного рода занятий) в Петербурге были не столь многочисленными, как в Москве и других старинных рус-

* То есть побил палкой (*лат.*).

ских городах. Однако в 1811 году записалось мещанами в городскую обывательскую книгу 21 625 человек. К 1831 году число их увеличилось более чем вдвое — до 44 393 человек, что составляло примерно 10 процентов всего населения столицы.

В мещанское сословие мог записаться любой из лично свободных людей. Это были казенные или отпущенные на волю крестьяне, разорившиеся купцы, уволенные со службы мелкие чиновники, отставные унтер-офицеры и солдаты, питомцы Воспитательного дома.

Занятия мещан были самые различные — от мелкой торговли, содержания ремесленных заведений, трактиров или заезжих домов до поденной работы портовыми грузчиками. Мещане становились домовладельцами и подрядчиками. За счет мещан пополнялись ряды столичных купцов.

В Петербурге насчитывались тысячи ремесленников. В 1815 году их было почти 6500 человек, в 1831 году около 12 тысяч. Примерно две трети их составляли те же оброчные крестьяне. И лишь около трети жили в городе постоянно.

Среди последних большинство, как гоголевский портной Петрович из «Шинели», трудились в одиночку. В недавнем прошлом они принадлежали помещикам. «Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную...» Ютились такие «Петровичи» в темных полуподвальных помещениях или «где-то в четвертом этаже по черной лестнице... которая... была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов».

Но были среди постоянных петербургских жителей ремесленники с деньгой, которые содержали мастерские

и нанимали работников. В больших мастерских трудилось человек по 20–25 подмастерьев и учеников. В маленьких — 2–3 подмастерья и несколько мальчиков. Сюда-то нанимались пришлые крестьяне и петербургские ремесленники победней.

Рабочий день в таких мастерских начинался в шесть часов утра и кончался в шесть часов вечера. Пища была хозяйская, жили и спали там же, где работали, — в мастерской. Младшие мастера и подмастерья получали мало. Мальчикам-ученикам ничего не платили. Эти крепостные мальчики попадали в обучение к ремесленнику по приказу барина. «...Наберите их, несмотря ни на какие отцов и матерей их отговорки, и пришлите их сюда, — наказывал в письме в свою вотчину служивший в Петербурге богатый украинский помещик Г. А. Полетика. — Намерен я отдать одного в портные, другого в сапожники, третьего в столяры, четвертого в кузнецы, пятого в седельники, шестого в каретники, седьмого в живописцы».

Девяти-десятилетние дети, оторванные от семей и отданные в полную власть хозяину, обречены были на тяжкое существование. Учили, кормили и одевали их плохо. Даже зверское отношение хозяина не давало права мальчику уйти от него. Ведь и взрослые рабочие зависели от произвола хозяина. По его жалобе они могли угодить и в «смирительный дом» — тюрьму.

Все желающие заниматься ремеслом, и городские, и пришлые, должны были записываться в цехи. Постоянные ремесленники именовались вечно-цеховыми, пришлые — временно-цеховыми.

В Петербурге существовали десятки всевозможных ремесленных цехов: шляпный, перчаточный, пуговичный, трубочистный, ткацкий, пильный, кухмистерский, гончарный,

фельдшерский, парикмахерский, конфетный, пряничный и даже цех «прививания», то есть завивки конских хвостов и грив. Но самыми многочисленными были портновский, столярный, сапожный, кузнечный, слесарный, кровельный, булочный, переплетный, медно-бронзовый, шорный и малярный.

Роскошная внутренняя отделка дворцов и особняков, мебель, наряды дам и костюмы светских франтов, мундиры военных и штатских, драгоценные украшения — множество всевозможных изделий, не говоря уже о нужнейших предметах домашнего обихода, — все это было сделано петербургскими ремесленниками.

Один из них — кровельщик Петр Телушкин — в 1830 году прославил себя подвигом, совершить который помогли ему ум, смекалка, мастерство и отчаянная храбрость. Обнаружили, что фигура летящего ангела с крестом на шпиле колокольни Петропавловского собора накренилась. Требовалось срочно ее поправить. Колокольня Петропавловского собора была самым высоким строением Петербурга. Высота ее — 122,5 метра, высота фигуры ангела — 3,2 метра, размах крыльев — 3,8 метра, высота креста — 6,4 метра. При этом фигура ангела — флюгер, свободно вращающийся под напором ветра. Строить леса для ремонта стоило бы огромных денег. Власти были растеряны. И тут объявился простой кровельщик Петр Телушкин. Он подал по начальству письменное прошение, в котором изъявил желание «лично произвести все исправления в кресте и ангеле без пособия лесов», прося заплатить только за материалы, которые потребует работа; «награду же трудов своих» он представлял усмотрению начальства. Власти согласились. И отважный мастеровой с одной только веревкой, на глазах у тысячной толпы, сумел взобраться на огромную высоту по

совершенно гладкой поверхности шпилья и укрепить там веревочную лестницу. Шесть недель лазал по ней Телушкин, пока не закончил ремонт.

Подвиг петербургского кровельного мастера Телушкина вошел в историю города.

Но крестьянин, мастеровой, ремесленник, как бы он ни был умен, трудолюбив, талантлив, редко мог занять в тогдашней жизни сколько-нибудь видное место. Хозяевами жизни были выходцы из других сословий.

В пушкинское время все большее влияние на дела страны и ее столицы приобретало купечество.

Купец становится заметной фигурой на петербургских улицах.

Рассказывая о метаморфозах Невского проспекта, происходящих в течение дня, А. Башуцкий пишет: «Гулянье хорошей публики продолжается до четвертого часа; тогда появляются новые лица. Люди в широких сюртуках, плащах, кафтанах, с седыми, черными, рыжими усами и бородами или вовсе без оных; в красивых парных колясочках или на дрожках, запряженных большими, толстыми, рысистыми лошадьми, едут из разных улиц к одному пункту. На задумчивых их лицах кажется начертано слово: расчет; под нахмуренными бровями и в морщинах лба гнездится спекуляция; из проницательных быстрых глаз выглядывает кредит; по этим признакам вы узнаете купцов, едущих на Биржу».

Купцы владели огромными капиталами и недвижимым имуществом, магазинами и лавками. Торговля лесом, строительными материалами, дровами, железом, стеклом, бумагой, свечами, мукой, спиртными напитками была в их руках. Им же принадлежали почти все доходные дома в городе. Так, богатейшие купцы Жадимеровские, у одного из которых на Большой Морской улице снимал квартиру Пушкин,

имели в Петербурге несколько домов. Дом на Мойке, где умер Пушкин, в начале XIX века княгиня Волконская купила у А. Я. Жадимеровского.

В 1821 году в Петербурге числилось 10 023 купца — «здешних и иногородних». С некоторыми колебаниями это количество держалось в таких же пределах и в последующие годы.

Русские купцы селились в Петербурге все больше по берегам Фонтанки от Чернышева и до Обуховского моста, на Обуховском проспекте, Большой Садовой, Гороховой и Владимирской улицах. Иностранные купцы предпочитали жить на Васильевском острове, поближе к порту и Бирже.

Купцы делились на три гильдии. Чтобы записаться в первую, надо было «объявить» капитал в 50 тысяч рублей. Для второй гильдии требовался капитал в 20 тысяч, для третьей — в 8 тысяч. Купцов первой и второй гильдий было немного. Но именно в их руках сосредоточивались самые крупные капиталы, они играли главенствующую роль в торговой жизни города.

Деньги приобретали все большее значение. И среди дворян находилось немало таких, которые готовы были променять свои сословные привилегии на капитал. В обер-полицмейстерских отчетах за 1833 год указано, что 35 дворян записались в купцы. В 1838 году эта цифра увеличилась до 41, а в 1839-м — до 440 человек. Фигура дворянина средней руки, который для поправки своего состояния женится на купеческой дочери, в 1830-е годы появляется в литературе и на сцене.

Даже аристократы не считали уже зазорным жениться на богатых купеческих дочерях. Приятель Пушкина полковник В. В. Энгельгардт взял в жены дочь богатейшего купца Кусовникова. Он получил за ней огромное приданое. Тесть Энгельгардта — купец Михайло Кусовников — был одним

из так называемых «петербургских чудодеев». Он ходил по Петербургу в мужицком платье — длиннополом зипуне и лаптях, часто держа в руках лукошко с яйцами или бочонок с сельдями. В таком виде он приходил в лучшие ювелирные магазины, где покупал драгоценности, изумляя приказчиков тем, что доставал из карманов огромные пуки асигнаций.

Каждый год в начале июня, в Духов день, устраивалось в Летнем саду большое купеческое гулянье, так называемый «смотр невест». Сюда со всего города съезжались купеческие семьи и множество любопытных. Купцы с женами и дочерьми, одетыми в богатые праздничные наряды, выстраивались вдоль аллей. Мимо них прохаживались молодые купчики в пуховых шляпах и франтоватых длинных сюртуках, высматривая невест.

Петербургское купечество еще во многом придерживалось обычаев старины, но и оно менялось, следуя духу времени. Купцы старшего поколения носили окладистую бороду и длиннополый русский кафтан. Их жены повязывали голову платком и поверх модного платья надевали салоп, телогрейку. Но дочери шили наряды по последней парижской моде, дополняя их по праздникам излюбленными купеческими украшениями — жемчугами, бриллиантами, цветами, страусовыми перьями. Сыновья старались выглядеть франтами, подражали светским манерам.

Богатые купцы не жалели денег для воспитания своих сыновей. Молодой купчик, сидя в лавке в Гостином дворе, встречал покупателей с калачом и стаканом сбитня в руке. Но стоило покупателю спросить что-нибудь по-немецки или по-французски, как слышался ответ на том же языке.

В жилищах этих купцов рядом с простой неказистой мебелью, иконами в богатых окладах и неугасимыми лампа-

дами перед ними можно было видеть хрусталь, бронзу, золоченные карнизы, зеркала и изделия лучших мебельных мастеров. Все было по последней моде: на кухне — повар, в передней — лакей «для доклада», у подъезда — карета. Купцы тянулись за дворянами.

Дворянство было высшим сословием России.

Петербург — столица империи, — как ни один другой город, привлекал к себе дворян. Вельможи обосновывались здесь, чтобы блистать при дворе, пользоваться всеми удовольствиями столичной жизни; среднее и мелкое дворянство — служить и делать карьеру.

Право поступать на государственную службу было одной из привилегий дворянства. Выходцы из других сословий, за малым исключением, этим правом не пользовались. Чиновники, служащие в различных департаментах и коллегиях, составляли значительную часть столичного населения. В царствование Николая I количество их резко увеличилось. Если в 1804 году в Петербурге насчитывалось 5416 чиновников, то в 1832 году стало 13 528. Это был целый мир, со своей «Табелью о рангах», своими понятиями и нравами. Приезжему Петербург казался городом чиновников. «Все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях» — так писал в 1829 году молодой Гоголь.

Каждый день после восьми часов утра на петербургских улицах появлялась целая армия людей в старых шинелях, плащах, измятых шляпах, со свертками бумаг в руках. Это титулярные советники, губернские секретари, коллежские регистраторы, писцы и прочая мелкая канцелярская сошка, дела большие концы, пешком добирались до места своей службы.

Мелкие чиновники, живущие на жалованье, владели жалкое существование.

Порой сей поздней и печальной
В том доме, где стоял и я,
Неся огарок свечки сальной,
В конурку пятого жилья*
Вошел один чиновник бедный,
Задумчивый, худой и бледный.
Вздохнув, свой осмотрел чулан,
Постелю, пыльный чемодан,
И стол, бумагами покрытый,
И шкаф со всем его добром;
Нашел в порядке все; потом
Дымком своей сигарки сытый,
Разделся сам и лег в постель
Под заслуженную шинель.

Это строки из неоконченной поэмы Пушкина «Езерский». Ее герой — потомок древнего дворянского рода, как и Евгений из «Медного всадника», — бедный чиновник.

Все изображенное Пушкиным вполне соответствовало действительности. Гоголь сообщал из Петербурга матери: «Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы тоже не дешевы». Эту квартиру снимали на двоих. Затем Гоголь, уже один, нашел себе помещение подешевле. С трудом устроившись писцом в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий, он получал 400 рублей в год. Такое жалованье платили многим мелким чиновникам. Можно себе представить, как они существовали, если тот же Гоголь, получавший еще денежную помощь из дому, едва сводил кон-

* То есть на пятый этаж.

цы с концами. Посылая матери отчеты о своих расходах, он писал о тратах за декабрь 1829 года:

«...за квартиру	25 р.
на стол	25 р.
на дрова	7 р.
на свечи	3 р.
водовозу	2 р.
на чай, сахар и хлеб	20 р.
в библиотеку для чтения	5 р.
на сапоги	10 р.
Прачке	5 р.
на содержание человека	10 р.
куплено ваксы на	1 р. 50 к.
<i>Итого</i>	113 р. 50 к.

Кроме того за мытье полов заплачено	1 р. 50 к.
на лекарство	3 р. 70 к.
на цирюльника	1 р. 50 к.
<i>Итого</i>	6 р. 70 к.

А жалованья шло всего 33 рубля с копейками в месяц. Неудивительно, что Гоголь целую зиму «отхватил» без теплой шинели.

С середины 1830-х годов положение мелких чиновников еще более ухудшилось. В апреле 1835 года профессор А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Новое постановление: не представлять чиновников к ежегодным денежным наградам. До сих пор каждый из них, получая жалование, едва достаточное на насущный хлеб, всегда возлагал надежды на конец года, который приносил ему еще хоть треть всего оклада: это служило дополнением к жалованию и давало возможность кое-как перебиваться... Теперь этого не будет, так

как решили, что чиновники и тогда уже достаточно благодествуют, если являются на службу не с продранными локтями».

Были в Петербурге и чиновники иного рода — преуспевающие, имеющие другие доходы, кроме жалованья, получающие за услуги «барашка в бумажке» — взятки. Были и «значительные лица» — управляющие департаментами. И того выше — вельможи, занимающие министерские и другие важные государственные посты. И если мелкие чиновники ютились «в конурке пятого жилья», покрывались «заслуженной шинелью», то чиновные вельможи ели и пили на фарфоре, серебре и золоте, обитали во дворцах или роскошных особняках.

Вельможам, «большим барам», часто принадлежали целые участки города, которые представляли собой городскую усадьбу. В такой усадьбе дом или дворец выходил фасадом на улицу. К нему примыкал сад. Здесь же на участке, подальше от дома, располагались службы: поварня, погреба, кладовые, прачечные, конюшни, хлева, сараи для дров и для экипажей.

Дворец Шереметевых на набережной Фонтанки, дворец Юсуповых на набережной Мойки, дворец Строгановых на Невском проспекте... Бесчисленное количество роскошно убранных комнат, толпы слуг, несколько выездов — цуг вороной, цуг сивый, цуг датский...

Так могли жить в Петербурге те, кто владел тысячами душ и тысячами десятин земли, получая от них доходы и деньгами, и натурой. Каждую зиму по петербургским улицам тянулись длинные обозы со всевозможными припасами — мукой, маслом, мясом, битой птицей, медом, вареньями и соленьями. Все это доставляли из поместий господам приказчики или другие доверенные лица.

Получали деньги и припасы из своих вотчин и дворяне средней руки. Это и давало им возможность жить в столице достаточно широко. «Вы изумитесь, — писал А. Башуцкий, — убедаясь, что семейство, вовсе не из первоклассно богатых, состоящее из трех, четырех лиц, имеет надобность в 12 или 15 комнатах». В чем же была причина подобной «надобности»? Оказывается, в том, что «помещения соображены здесь вовсе не с необходимостью семейств, но с требованием приличия... Кто из людей, живущих в вихре света и моды, не согласится лучше расстроить свои дела, нежели прослыть человеком безвкусным, совершенно бедным или смешным скупцом? Насмешка и мнение сильны здесь, как и везде». Человеку светскому полагалось жить не выше второго этажа, чтобы никто не мог сказать: «Я к нему не хожу. Он живет слишком высоко».

С «требованиями приличия» вынужден был считаться и Пушкин.

Как указано в контракте Пушкина с княгиней Волконской, он занимал в ее доме «от одних ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат, состоящий со службами, как то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачешную, взойдя во двор налево в подвальном этаже во 2-м проходе».

В квартире Пушкиных не было ни зала, ни диванной, ни бильярдной, особых туалетных для одевания, столь обязательных в светской жизни. А только передняя, столовая, спальня, кабинет, детская, гостиная, буфетная и комнаты сестер Натальи Николаевны.

В конюшне стояли наемные лошади. Пушкин своих лошадей не имел и нанимал их у «извозчика», то есть содержателя извоза Ивана Савельева. Наемные лошади стоили

в Петербурге очень дорого. Пушкин платил Савельеву за четверку лошадей 300 рублей в месяц. Это равнялось расходам на еду всей семьи и прислуги. У Пушкина были две кареты — двухместная и четырехместная, кабриолет и дорожная коляска.

Человеку, жившему «в свете», полагалось иметь собственный выезд. Подобные люди пешком не ходили. Пешком лишь гуляли. *Зайти* к кому-нибудь считалось неприличным. Надлежало *заехать*.

Как выглядела петербургская барская квартира? Паркетные полы, лепные расписные потолки, на стенах штофные обои, занавески из кисеи или шелка, зеркала, бронза, фарфор, изящная мебель из различных пород и цветов дерева с резьбой и позолотой, печи из штучных изразцов.

Кабинет Онегина — «философа в осьмнадцать лет» — украшает все, что изобретено изощренным вкусом «для забав, для роскоши, для неги модной», —

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.

Однако большинство таких квартир при всей своей обширности и роскоши не отличалось удобствами. Объяснялось это тем, что при постройке домов даже в лучших частях города об удобстве не заботились. Да и сам дворянский быт являл собой много «несообразностей». «Часто, входя в переднюю хорошего дома, вы находите ее грязною, безобразною, в беспорядке, и здесь уже запах ламп, кухни неприятно поражает ваше обоняние. Вы удивитесь, видя, напротив того,

в приемных отличный порядок, приятную чистоту, лоск, свежесть всех предметов. В другом доме вы тотчас заметите, что прекрасный обед сервирован на чрезвычайно дурной посуде или обратно; в другом — при роскоши всех принадлежностей, вам бросится в глаза худо одетая, неисправная, хотя многочисленная прислуга».

При чтении этих строк «Панорамы Санкт-Петербурга» невольно вспоминается описание жизни Пушкиных в доме Клокачева, данное педантичным Модестом Корфом: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана».

Увлеченные светской жизнью, родители Пушкина — Сергей Львович и Надежда Осиповна — мало внимания уделяли дому, хозяйству. Юноша Пушкин стыдился приглашать знакомых в эту неустроенную, беспорядочную квартиру, в свою плохо обставленную комнату. «Желая быть учтивым и расплатиться визитом, я спросил: где он живет? — рассказывал известный литератор П. А. Катенин. — Но ни в первый день, ни после, никогда не мог от него узнать: он упорно избегал посещений».

«Приличия» требовали от светского человека не только иметь соответствующее жилище, выезд, но и соответственно одеваться.

Пушкин, выйдя из Лицея и сбросив лицейский мундир, оделся по моде: узкие панталоны, длинный фрак с несколькими фалдами, шляпа а la Боливар — расширяющийся кверху черный атласный цилиндр с широкими полями. Такие шляпы, как у Боливара — деятеля национально-освободи-

тельного движения в Южной Америке, — носили восхищавшиеся им молодые люди.

«В Петербурге одеваются хорошо, — писал А. Башуцкий, говоря о светской столичной публике, — ...нерачительно или грязно одетый обращает на себя общее внимание; здесь не должно забывать пословицы: по платью встречают, а по уму провожают... Одежда мужчин и женщин требует больших издержек... Модная швея берет от 60 до 100 рублей за фасон одного платья, модный портной от 50 до 80! Молодые люди кокетничают чистотою и новизною одежды; но всякий, кто не пожелает прослыть пустым франтом, одевается прилично; неуместные вычуры в наряде делаются предметом общего смеха и сожаления».

Чувство меры, вкус, такт — это отличало истинного франта от «пустого». Таким истинным франтом был Онегин.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали фронт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил,
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

Пушкин не случайно назвал Онегина «второй Чадаев». Друг Пушкина П. Я. Чадаев — человек образованнейший, философ и вольнодумец — был в то же время утонченным франтом. Племянник Чадаева, его биограф М. Жихарев рас-

сказывал о дяде: «Одевался он, можно положительно сказать, как никто... Очень много я видел людей, одетых несравненно богаче, но никогда, ни после, ни прежде, не видел никого, кто был бы одет прекраснее и кто умел бы с таким достоинством и грацией своей особы придавать значение своему платью...»

По-разному начинали свой день жители столицы. Но образ жизни людей «света» был во многом сходен.

Вот как описывал фельетонист «Северной пчелы» утро светской барышни: «Странно — до одиннадцатого часа, среди движения довольно общего, мы не заметили еще на улицах почти ни одной женщины *хорошо одетой*; разве изредка появлялась какая-нибудь хозяйка или просительница, да модный плащ и шляпка мелькнули на извозчике, до половины загороженные большим круглым картоном. Это модистка, Аврора петербургских дам высшего разряда... Войдите в любую спальню, если пустят, послушайте: „Барышня! Маменька встали-с“. — „Ах, как рано!“ — „Одиннадцать уже пробило“. — „Как скучно! Оставь, я не спала всю ночь“. — „Сестрица изволили уже воротиться из пансиона“. — „Ах! не поднимай же сторы; что это будить в три часа ночи! Поди прочь!“ — „Мадам Жиго здесь с картоном“. — „Здесь? Какая ты бестолковая! Зови же! Я два часа не допрошусь одеваться! Да ну же, Маша! Ах...“»

Основным времяпрепровождением светского человека были разъезды по гостям и приемы гостей — с утра до вечера. Гостиная являлась той комнатой, где проводили более всего времени. С утренними визитами отправлялись в десять-одиннадцать часов утра. Заезжали без приглашения и ненадолго: справиться о здоровье, пересказать новости, заодно попросить о протекции для родственника. В эти часы хозяевам позволялось принимать гостей в неглиже, в домашнем костюме. После утренних визитов гуляли. К обеду возвра-

щались домой и переодевались. В домах богатых и хлебосольных бар за стол садилось человек двадцать, а то и тридцать. После обеда — другой туалет и путешествие в театр. После театра — домой для нового переодевания и на бал. Или в светский салон. Или к приятелю — на вист.

Но, шумом бала утомленный,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.

(«Евгений Онегин»)

Праздная, пустая, однообразная жизнь, растлевающая душу и оупляющая ум. Жизнь, в которой Пушкин разочаровался еще в юности и которую зло заклеил в «Онегине» и многих других своих творениях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В юношеском стихотворении Пушкина «Лицинию», якобы переведенном с латинского, а на самом же деле рисующем российские порядки, есть такие строки:

Все это в полной мере относилось к столице империи, ее порядкам и нравам, ее администрации.

Пушкину довелось подолгу жить в Петербурге при двух генерал-губернаторах — графе М. А. Милорадовиче (в 1817–1820 годах) и графе П. К. Эссене (в 1831–1837 годах).

вию во время боя. Солдаты его обожали. Не будучи одарен большими способностями, он был необразованный и мало сведущий генерал. Беспорядок в командуемых им войсках был всегда очень велик... Милорадович отличался расточительностью, большой влюбчивостью, страстью изъясняться на незнакомом ему французском языке и танцевать мазурку. Он получил несколько богатых наследств, но все было издержано им весьма скоро».

Огромная квартира генерал-губернатора на Невском проспекте в доме близ Главного штаба напоминала не то музей, не то антикварный магазин.

Петербургом граф управлял с патриархальной простотой, как помещик своей вотчиной, по принципу: кого хочу — того казню, кого хочу — помилую. Так, он велел посадить в Петропавловскую крепость актера-трагика В. А. Каратыгина только за то, что тот якобы нагрубил директору театров. Когда же мать и невеста арестованного пришли просить за него, Милорадович с театральным пафосом ответил: «Меня слезы не трогают, я видел кровь!» Правда, через два дня Каратыгина освободили. Ходатайствовали молоденькие актрисы — ученицы Театральной школы, которым граф «покровительствовал».

В конце 1810-х годов в связи с упразднением Министерства полиции политический сыск находился в руках министра внутренних дел, а также петербургского генерал-губернатора. К чести Милорадовича надо сказать, что он не желал пятнать свою репутацию полицейскими подвигами. И здесь, как всегда, он думал прежде всего о том, чтобы показать себя с лучшей стороны. Примером тому может служить дело Пушкина.

В 1820 году обличительные стихи Пушкина вызвали гнев властей. Милорадовичу было предписано арестовать Пушкина и взять его бумаги. Но граф предпочел поступить де-

ликатней — он вызвал поэта к себе и потребовал объяснений. Пушкин заявил, что свои бумаги сжег, но предложил тут же написать по памяти все, что разошлось в публике. Написал целую тетрадь. Милорадович, читая ее, очень смеялся и в ответ на смелый поступок поэта сделал благородный жест: от имени царя объявил ему прощение. Царь не одобрил такой снисходительности. Он-то не прочь был упрятать Пушкина в Соловецкий монастырь или усадь в Сибирь. Только благодаря заступничеству влиятельных друзей поэта дело окончилось ссылкой на юг России.

Олицетворением той мрачной эпохи в истории Петербурга, которая наступила после 14 декабря 1825 года, был П. К. Эссен. Служившие под его началом солдаты сложили поговорку: «Эссен — умом тесен». В самом деле, граф не отличался умом; не обладал он и административными талантами. «...Этот человек, — писал об Эссене М. А. Корф, — без знания, без энергии, почти без смысла, упрямый лишь по внушениям, состоял неограниченно в руках своего, привезенного им с собою из Оренбурга правителя канцелярии Оводова, человека не без ума и не без образования, но холодного мошенника, у которого все было на откуп и которого дурная слава гремела по целому Петербургу. Эссен лично ничего не делал, не от недостатка усердия, а за совершенным неумением, даже не читал никаких бумаг, а если и читал, то ничего в них не понимал». Бывало, просматривая бумаги, Эссен спрашивал у Оводова: «Это кто ко мне пишет?» — «Это вы пишете». — «А, это я пишу... О чем?» — И, получив ответ, подмахивал бумаги.

При генерал-губернаторе состоял целый штат чиновников, военных и гражданских. Ему подчинялись гражданский губернатор, военный комендант и начальник городской полиции — обер-полицмейстер. Городская чертежная с архитекторами, Комитет городских строений, Комитет для строе-

ний и гидравлических работ, Контора правления Санкт-Петербургских запасных магазинов, в которых сохранялись запасы провианта, Контора адресов — для выдачи видов на жительство — все они относились к канцелярии генерал-губернатора.

Повседневный надзор за городом и присмотр за населением осуществляла полиция. Городское полицейское управление, в ведении которого находились все полицейские чины, именовалось Управой благочиния.

Для удобства надзора Петербург еще со времен Екатерины II был разделен на полицейские отделения, части и кварталы. В начале XIX века отделений было три, а частей — одиннадцать: Первая Адмиралтейская, Вторая Адмиралтейская, Третья Адмиралтейская, Четвертая Адмиралтейская, Московская, Литейная, Рождественская, Каретная, Васильевская, Петербургская, Выборгская. В 1811 году из состава Московской части выделили Нарвскую. В 1828 году была создана еще одна часть — Охтинская: в черту города вошла расположенная на правом берегу Невы Охтинская слобода. Городских частей уже стало тринадцать, а кварталов пятьдесят шесть. В 1833 году для усиления полицейского надзора утверждено было положение «О присоединении к Санкт-Петербургской столице дач, мест и островов, вокруг оной находящихся».

Четыре Адмиралтейские части расположены были в виде полукружия вблизи Адмиралтейства, от которого и получили свое название.

Первая Адмиралтейская часть простиралась между Невой и Мойкой. В нее входили центральные площади города — Дворцовая, Адмиралтейская, Исаакиевская, Петровская (Сенатская), набережные — Дворцовая и Английская, а из больших улиц — Большая и Малая Миллионные, Большая и Малая Морские, Почтамтская, Галерная, часть Нев-

ского проспекта до Мойки, часть набережной Мойки и Гороховой улицы.

Вторая Адмиралтейская часть занимала пространство между Мойкой, Екатерининским и Крюковым каналами. Сюда относилась набережная Мойки, а из значительных улиц — Большая и Малая Конюшенные, Большая, Средняя и Малая Мещанские, часть Невского, Екатерингофского и Вознесенского проспектов, переулки — Столярный, Новый, Демидов.

Ко Второй Адмиралтейской части примыкала Третья, расположенная между Екатерининским каналом и Фонтанкой. В нее входили улицы — Большая и Малая Садовые, Караванная, Итальянская, часть Гороховой, три Подъяческие, Чернышев переулок и частично проспекты Невский, Обуховский, Екатерингофский, Вознесенский, а также Сенная площадь и примыкающие к ней переулки.

Четвертая Адмиралтейская часть простиралась к западу от Крюкова канала, между Мойкой и Фонтанкой, в сторону взморья. Наиболее примечательными здесь были Офицерская, Торговая, Канонерская улицы, а также Английский и частично Екатерингофский проспекты, удаленные от центра города участки набережной Фонтанки и Крюкова канала.

Южнее, между Финским заливом и Обуховским проспектом и между Фонтанкой и Обводным каналом, располагалась пятая — Нарвская — часть. Здесь пролегали Измайловский, частично Обуховский и Петергофский проспекты, Фуражная и Болотная улицы.

Границами шестой — Московской — части служили с одной стороны Невский проспект за Фонтанкой до Лиговского канала, с другой — Обуховский проспект, переходящий в Большую Московскую дорогу. Главными улицами этой части считались Загородный проспект, Владимирская, Большая Офицерская, Стремянная, Поварская и Хлебная улицы.

Седьмая — Литейная — часть шла от Невского проспекта к Неве и от Фонтанки к Лиговскому каналу. Особо примечательной в этой части города была Литейная улица, вблизи которой располагались Моховая, Симеоновская, Бассейная, Кирочная, Пантелеймоновская, Фурштадтская, Сергиевская, Захарьевская, Знаменская улицы и Воскресенский проспект.

Восьмая — Рождественская — часть находилась за Литейной, в пространстве, ограниченном излучиной Невы. В этой части было восемь Рождественских улиц, различавшихся по номерам, две Болотные, множество переулков и две набережные — Невская и Воскресенская.

В девятую часть — Каретную — входил отрезок Невского проспекта, который шел от Знаменской площади до Александро-Невской лавры. Сюда же относились набережная Лиговского канала, Гончарная и Боровая улицы. Каретная часть считалась окраинной.

Эти девять частей расположены были на так называемом Адмиралтейском острове.

Десятая часть — Васильевская — занимала весь Васильевский остров, омываемый Большой и Малой Невой и водами Финского залива. Улицы здесь назывались «линиями». Причем на каждой улице линий было две — по числу сторон. Всего их насчитывалось 24. Эти линии пересекались тремя проспектами — Большим, Средним и Малым, — протянувшимися через весь остров. На территории Васильевской части находились Торговый порт и Галерная гавань с Галерной слободой.

Одиннадцатая часть называлась Петербургской по своему местоположению на Петербургской стороне. Главной улицей Петербургской стороны считался очень длинный Каменноостровский проспект.

К Петербургской части принадлежали острова — Петровский, Каменный, Елагин, Аптекарский. Последний по-

лучил свое название от Аптекарского огорода лекарственных трав, заведенного еще при Петре I и позднее преобразованного в Ботанический сад.

Двенадцатая и тринадцатая части города — Выборгская и Охтинская — располагались на правом берегу Невы. Выборгская часть имела «мало порядочных улиц». Почти все обитаемые участки расположены были здесь по обе стороны Сампсониевского проспекта, переходившего в Выборгскую дорогу. На Охте «порядочных» улиц не было вовсе.

Нумерация домов в Петербурге первоначально была сплошная по всему городу. Позднее стали нумеровать дома по частям. Но это создавало большие неудобства, так как на отрезках одной и той же улицы, пересекавшей разные части города, порой повторялись одни и те же номера. С 1834 года дома стали нумеровать по улицам, четные номера домов шли по правой стороне улицы, а нечетные — по левой.

Три полицейских отделения и тринадцать полицейских частей осуществляли «неусыпный надзор» за общественным порядком. Управляли ими три полицмейстера и тринадцать частных приставов.

В каждой части имелся съезжий дом. В нем жил частный пристав, помещались канцелярия, арестантские камеры и лазарет. Здесь же находились пожарная команда «с инструментом» и команда фонарщиков. Особое помещение отводилось для произведения экзекуций: там секли провинившийся простой народ. Из этого помещения, как вспоминают современники, нередко доносились свист розог и крики истязуемых. Съезжий дом Первой Адмиралтейской части находился в самом центре города, на Большой Морской улице, и его пожарная каланча высоко поднималась над всеми окрестными домами.

Полицейская часть объединяла несколько кварталов, в каждом из которых распоряжался квартальный надзира-

тель. Он выполнял свои обязанности вместе с одним или двумя помощниками, а также городовым унтер-офицером и вице-унтер-офицером, или, как их еще называли, жохлами.

Чудовищный произвол, самоуправство и лихоимство отличали деятельность всех полицейских чинов.

Решая для себя вопрос, где больше всего творится безобразий и беззаконий, лицейский друг Пушкина декабрист Иван Пущин в начале 1820-х годов надумал идти служить в квартальные надзиратели. Для дворянина, гвардейского офицера, внука адмирала, это было весьма необычное намерение. Хотя по зрелом размышлении Пущин пришел к выводу, что сможет сделать больше добра в должности надворного судьи, само его намерение характерно. О полицейских никто не говорил доброго слова. Так было в начале 1820-х годов, так было и десять лет спустя.

В своем журнале «Современник» Пушкин в 1836 году напечатал повесть Гоголя «Нос». Здесь очень точно были изображены нравы столичной полиции. Вот, например, как беззастенчиво выпрашивает взятку явившийся к герою повести квартальный надзиратель: «Очень большая поднялась дороговизна на все припасы... У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды: очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких». Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который, расшаркавшись, вышел за дверь, «и в ту же почти минуту Ковалев слышал уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар».

Во всех частях города, особенно «в приличных местах», стояли черно-белые «в елочку» полицейские будки. В них днем и ночью дежурили будочники, так называемые «град-

ские сторожа». Они должны были днем следить, чтобы не возникало шума, ссор и беспорядка, а ночью, бодрствуя, окликать прохожих и смотреть, чтобы на улице не шатались люди «подозрительные». Однако стражи порядка далеко не всегда выполняли свои обязанности как следовало. А пожаловаться на них было некому. В полиции существовала круговая порука.

Дело зашло столь далеко, что даже такой махровый реакционер, как издатель «Северной пчелы» Булгарин, счел необходимым предупредить об этом правительство в специальной записке, предназначавшейся для управляющего Третьим отделением Дубельта: «Если б я открыл, что будочник был пьян и оскорбил проходящую женщину, я бы приобрел врагов: 1) министра внутренних дел, 2) военного генерал-губернатора, 3) обер-полицмейстера, 4) полицмейстера, 5) частного пристава, 6) квартального надзирателя, 7) городского унтер-офицера и *par dessus le marche** — всех их приятелей, усердных подчиненных и так далее. Спрашивается: кому же придет охота открывать истину, когда каждое начальство почитает врагом своим каждого открывающего злоупотребление или злоупотребителей в части, вверенной их управлению?!»

Николай I считал, что всякое нареkanie на полицию есть вольномыслие. Когда в 1832 году была издана шуточная поэма Елистрата Фитюлькина (И. А. Проташинского) «Двенадцать спящих будочников», царь весьма разгневался тем, что она заключала в себе описание действий полиции «в самых дерзких и неприличных выражениях» и «приноровлена к грубым понятиям низшего класса людей, из чего видимо обнаруживается цель распространить чтение ее в простом народе и внушить оному неуважение к полиции». Было при-

* Сверх того (*фр.*).

казано цензора, пропустившего книжку (писателя С. Т. Аксакова), от должности уволить.

Полиция оберегала устои крепостнической монархии. Потому правительство не жалело денег на увеличение числа полицейских и на их содержание. Если в конце XVIII века в штате Управы благочиния было всего 647 человек, то в 1838 году в полиции служило одних только «нижних чинов» — рядовых и унтеров-офицеров — 1753 человека. И еще при обер-полицмейстере имелась специальная воинская команда почти из 700 человек да будочников было около 1000.

В обязанности Управы благочиния входило «иметь попечение о сохранении в городе благочиния, добронравия и порядка», а также смотреть за мостами, перевозами, пожарными командами, чистотою улиц, медицинской частью, мерами и весами.

«Благочиние» населения было главной заботой полиции. Домовладельцам предписывалось незамедлительно сообщать обо всех вновь прибывших и отъезжающих. А если случалась просрочка, то за сутки взимался штраф в размере 10 рублей. Тот же, кто давал убежище беспаспортным, бродягам и беглым, платил еще дороже — 25 рублей в сутки — и привлекался к суду, ибо по закону подобных лиц надлежало ловить и предъявлять начальству. Подозрительные люди тотчас же арестовывались и отправлялись на съезжую, а оттуда в Смирительный дом — тюрьму. Тюрьмами также ведала полиция.

Полиция следила за исполнением жителями многочисленных повинностей. Все владельцы домов обязаны были блюсти чистоту улиц — «каждый против своего двора», вывозить сор за город в указанные места, зимою тротуары или часть улицы перед домами посыпать песком, разравнивать снежные ухабы; весною, когда стает снег, счищать и «свозить навоз, грязь»; летом — подметать. Для этого каждый

владелец большого дома содержал одного или нескольких дворников, которых полиция обязывала также знать всех живущих в доме, извещать о приезжающих и «об особенных случаях». Ночью в центральных кварталах дворники по очереди дежурили у домов.

Для петербургских жителей существовало множество ограничений и запретов. Следить за их соблюдением также предписывалось полиции. Ей следовало пресекать распространение «предосудительных» политических слухов, запрещать недозволенные «общества, товарищества, братства», а также искоренять азартные игры под названием «лото, фортуна, орлянка», не разрешать «как при прогулках пешком, так и в проезде в экипажах курить в городе сигарки» и т. д., и т. п.

Грибоедов в 1826 году писал о «душном однообразии» и «отменно мелкой, ничтожной деятельности», характеризующих атмосферу столицы. Гоголю, приехавшему в Петербург в 1829 году, сразу бросилась в глаза всеобщая подавленность, царившая в городе: «Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блещит в народе». В создании этой всеобщей «тишины», этого «душного однообразия» или, по Пушкину, «духа неволи» полиция играла роль немаловажную. Относительно же других ее функций Управа благочиния отнюдь не оправдывала своего названия. Жалобы и прошения жителей, поступавшие в ее канцелярию, передавались из одного отделения в другое и часто бесследно исчезали. Беспорядок здесь царил такой, что месяцами нельзя было добиться не только решения дела, но даже установить его местонахождение. А вымогательством чиновники занимались так нагло, что выдавшие виды петербургские жители только диву давались.

Еще с екатерининских времен в Петербурге помимо государственных органов управления городом существовали

выборные — Общая и Шестигласная думы. Их избирали свободные сословия: «городовые обыватели» — по одному депутату («гласному») от каждой части города; три купеческие гильдии — по одному гласному от каждой гильдии; ремесленники — по одному гласному от каждого цеха; иностранные купцы — по одному гласному от каждой национальности. Ученые и художники (архитекторы, живописцы, скульпторы, музыканты, имеющие аттестаты) тоже имели право посылать своих гласных в думу. Избирательным правом пользовались лица не моложе 21 года и с годовым доходом не менее 100 рублей.

Общая дума из своего состава избирала Шестигласную. Председателем был городской голова. Шестигласная дума действовала постоянно и должна была собираться не реже раза в неделю, между тем как Общая дума собиралась лишь несколько раз в год.

Из обширного и сложного городского хозяйства дума ведала немногим: перевозами, рынками, постоянными дворами, общественными скверами, некоторыми зданиями. Она выдавала торговые патенты, переводила купцов из гильдии в гильдию, контролировала цены на съестные припасы, отводила места под застройку на городских землях.

При помощи особой торговой полиции дума наблюдала за торговлей. Полиция должна была следить за мерами и весом, препятствовать обману покупателей. Например, смотреть за булочниками, «чтобы лучший белый хлеб за восемь копеек весил один фунт и шесть лотов*, черный за одиннадцать копеек — один фунт и двенадцать лотов, ржаной за пять копеек — один фунт и восемь лотов». Но и здесь полиция оставалась верна себе. Как утверждали, «частные и квартальные получают свою плату за то, чтоб не мешали торговать, и они никого не беспокоят».

* Фунт — 409,4 грамма, лот — 12,5 грамма.

В жизни Петербурга дума играла незначительную роль. Она не имела реальной власти и во всем зависела от высшего городского и губернского начальства. А высшее начальство с нею не больно-то церемонилось. Поэтому звание гласного думы никого не привлекало. Наоборот, гласные манкировали своими обязанностями, не желали посещать заседаний, и думский секретарь нередко посылал им дела на подпись на квартиру. Думская канцелярия во многом напоминала пресловутую канцелярию Управы благочиния. По словам одного ревизора, Петербургская дума являла собой «образец медлительности, упущений, запутанности, беспорядка и злоупотреблений».

Впрочем, столичная администрация была лишь составной частью более обширного бюрократического механизма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Везде несправедная власть»

Петербург был центром управления Российской империей, управления многосложного и запутанного.

Во главе государства стоял самодержавный властитель — царь.

Главной царской резиденцией в Петербурге был Зимний дворец, возведенный Ф.-Б. Растрелли в середине XVIII века. Когда царь находился в столице, над Зимним дворцом развевалось желтое знамя с черным двуглавым орлом — императорский штандарт. В Зимнем дворце решались все основные вопросы внутренней и внешней политики, что делало его важнейшим государственным учреждением.

В грандиозных парадных залах второго этажа — Белом, Георгиевском, Фельдмаршальском, Тронном — принимали послов и устраивали торжественные дворцовые церемонии.

Вот как описан Тронный зал Зимнего дворца в книге В. Бурьянова «Прогулка по Санкт-Петербургу», изданной в 1838 году: «В Тронной находится великолепный трон в старинном вкусе с четырьмя ступенями, покрытыми красным бархатом. Самый трон состоит из больших кресел, покрытых алым бархатом, с балдахином, украшенным императорскою короною. При публичных аудиенциях стоят государственные регалии подле трона на бархатных подушках, лежащих на маленьких столиках... Большая корона, вся литая из золота,

подложена красным бархатом и осыпана крупными драгоценными камнями. Верх украшен большим яхонтом необыкновенной величины. *Малая корона* также осыпана брильянтами. Верхняя оконечность *скипетра* украшена огромным алмазом, купленным императрицей Екатериной II... за полмиллиона рублей... Он весит 194 карата и огранен в Индии. *Государственная держава* с золотым крестом покрыта более нежели до половины на поверхности разными драгоценными камнями».

Из владельцев Зимнего дворца Пушкин знал двоих.

Об Александре I в десятой главе «Евгения Онегина» сказано:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Хитрый, двуличный, переменчивый Александр I не отличался ни выдающимся государственным умом, ни военными талантами.

После победы над Наполеоном Александр пожинал лавры, добытые русскими полководцами и солдатами. Во второй половине своего царствования он мало бывал в Петербурге, передоверив ведение дел своему любимцу — генералу Аракчееву, которого порядочные люди иначе не называли, как «подлый» и «гнусный».

Что же касается Николая I, то, вступив на престол в 1825 году, двадцати восьми лет от роду, он вплотную занялся государственными делами.

Поднимаясь чуть свет, он до полудня читал и подписывал бумаги, принимал министров. «В первом часу дня, — сообщает мемуарист, — невзирая ни на какую погоду, государь отправлялся, если не было назначено военного учения,

смотр или парада, в визитацию или, вернее, инспектирование учебных заведений, казарм, присутственных мест и других казенных учреждений. Чаще всего он посещал кадетские корпуса и женские институты... В таких заведениях он входил обыкновенно во все подробности управления и почти никогда не покидал их без замечания, что одно следует изменить, а другое вовсе уничтожить». Однако неумная деятельность царя, мелочная и суетливая, не приносила полезных плодов. Большинство должностных преступлений и злоупотреблений обычно сходило с рук. Лишь изредка случайно они обнаруживались, и тогда, по выражению М. А. Корфа, ставшего в 1830-е годы одним из видных деятелей николаевской администрации, царь видел себя перед «зияющей бездною всевозможных мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, через многие годы, неведомо ему перед самым его дворцом».

Управление страной царь осуществлял с помощью сосредоточенного в Петербурге громоздкого государственного аппарата.

Высшим правительственным учреждением империи являлся Государственный совет, который заседал тут же, в Зимнем дворце. Государственный совет был образован в 1810 году Александром I как совещательный орган при императоре. В его обязанности входило разрабатывать законы, обсуждать их и вносить на утверждение царя. Первоначально предполагалось, что царь будет соглашаться лишь с мнением большинства и ставить резолюцию: «Вняв мнению Государственного совета, утверждаем». Но так как часто утверждалось мнение меньшинства, Николай I в 1826 году сменил эту формулу на другую: «Быть по сему». Так писал он на бумагах и ставил свое имя.

В сатирическом ноэле Пушкина «Сказки» Александр I обещает подданным:

Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли.

Горголи был петербургским обер-полицмейстером. Место закона мог он занимать потому, что закон не почитался ни во что. Его не соблюдали. Цари управляли страной посредством высочайших повелений, именных указов, рескриптов и распоряжений. Каждый царский указ и становился законом впредь до нового, отменявшего прежний или противоречившего ему. Один за другим летели из Петербурга эти указы по всей империи — от Польши в Европе до Аляски в Америке. Право царя вмешиваться в деятельность любого учреждения, изменять и отменять любые постановления и приговоры низводило даже высших сановников до роли безгласных исполнителей.

При Александре I Государственный совет делился на четыре департамента — законов, гражданских и духовных дел, военных дел, государственной экономии. При Николае I был образован еще департамент по делам Царства Польского.

В 1810 году председателями департаментов были назначены граф П. В. Завадовский, князь П. В. Лопухин, граф А. А. Аракчеев, граф Н. С. Мордвинов. «Известно, — писал Корф, — что продолжительным прениям о том, как их посадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам мы обязаны остроумною баснею Крылова „Квартет“».

А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь —

таков был взгляд баснописца на пригодность этих лиц к государственной деятельности.

Через двадцать с лишним лет Пушкин столь же нелестно отозвался о князе В. П. Кочубее, бывшем при Николае I председателем Государственного совета. В июне 1834 года поэт записал в своем дневнике: «Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея нечем заменить!.. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется».

При Государственном совете состояли Комиссия составления законов, Комиссия прошений, подаваемых на высочайшее имя, Государственная канцелярия и Канцелярия Комитета министров. Комитет этот должен был во время отсутствия императора решать все дела, «разрешение коих превышает предел власти, вверенной каждому министру». Комитет министров, как и Государственный совет, заседал в Зимнем дворце.

Высшей судебной инстанцией империи был Правительствующий сенат. Он помещался на Петровской (Сенатской) площади, в бывшем дворце канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, а с 1834 года — в новом великолепном здании, возведенном по проекту К. И. Росси.

Сенат делился на восемь департаментов. Пять из них находились в Петербурге, три — в Москве. Сенату подчинялись все присутственные места, он наблюдал за отправлением правосудия, разбирал апелляции и, кроме того, ревизовал губернии.

Тяжбы между жителями — в зависимости от их сословной принадлежности — разбирали уездный, надворный и земский суды в первой инстанции, губернское правление, уголовная и гражданская палаты во второй.

О том, как велось делопроизводство в самом Сенате, рассказывает в своих «Записках современника» С. П. Жихарев: «Отец писал, чтоб я похлопотал по березняговскому делу и попросил кого-нибудь в Межевом департаменте Сената о скорейшем окончании этого несчастного процесса, продолжающегося более 17 лет. Рано утром отправился я в Сенат и провозился там до двух часов, отыскивая секретаря Булкина, к которому прежде для справок и наставлений отец адресоваться мне приказал. Булкин с великим огорчением объявил, что он не заведывает более нашим делом и что оно по приказанию обер-прокурора... передано другому секретарю, Степану Степановичу Ватиевскому. „А где ж Ватиевский?“ — спросил я у Булкина. „А вон сидит там“, — отвечает Булкин. Я обратился к Ватиевскому. Презрительно посмотрев на меня, он спросил довольно грубо: „Что вам угодно?“ Я объяснил, в чем дело. „Сегодня день не присутственный, — сказал он, — извольте прийти в другой раз“». На просьбу Жихарева ответить только, в каком положении дело, секретарь объявил: «Не от нас зависит-с, а от обер-секретаря». Добравшись наконец до обер-секретаря Крейтера, Жихарев узнал, что дело остановилось за неполучением каких-то новых справок. При этом Крейтер ободрил его и посоветовал «сыскать какую-нибудь *протекцию*». «Я отвечал, — рассказывает Жихарев, — что... знаком с сенатором И. С. Захаровым, у которого буду сегодня на литературном вечере. „Ну, так и слава богу! Чего ж, батюшка, лучше? Христос с вами! Успокойте родителей ваших!“».

Без «протекции» даже очевидное дело могло тянуться годами.

Окончательной инстанцией судебной власти, как и законодательной, был царь.

В ноябре 1833 года Пушкин отметил в дневнике: «Выдача гвардейского офицера фон Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал на суд курляндскому дворянству. Это зачем?.. Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство?.. Вот вопросы, которые повторяются везде».

Для Николая I, как и для его старшего брата Александра I, законов не существовало.

Высшими правительственными учреждениями были и министерства. Их учредили в 1802 году вместо старых коллегий. При Александре I существовало семь министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, духовных дел и народного просвещения. При Николае I к ним еще прибавились Министерство императорского двора и Министерство уделов.

Министерство императорского двора состояло в ведении императора и не отдавало отчета в действиях своих ни одному «правительственному месту». В него входили Кабинет его императорского величества, заведовавший доходами с многочисленных заводов и фабрик, являющихся личной собственностью царя; Придворная контора, ведавшая всеми расходами на содержание двора; Гофинтендантская контора, имевшая в своем ведении придворные здания и селения; Егермейстерская контора, ведавшая охотой и разными «царскими забавами»; Конюшенная контора, Экипажный комитет и другие. В ведении Министерства двора находились также императорские театры, Эрмитаж, Академия художеств, Певческая капелла, Пажеский корпус, Ботанический сад...

Министерство уделов тоже подчинялось лишь императору и управляло доходами и расходами по имениям, «отчисленным в удел лиц высочайшей фамилии».

Каждое министерство подразделялось на департаменты, департаменты в свою очередь — на отделения, отделения — на столы. При каждом министерстве существовал министерский совет, а также канцелярия. Кроме министерств и департаментов, делами государства управляли всевозможные комиссии, комитеты, канцелярии.

Министерства и департаменты заняли едва ли не лучшие здания столицы. В середине 1820-х и в 1830-е годы Министерство уделов размещалось в особняке на Дворцовой набережной, выходившем и на Большую Миллионную улицу; Министерство иностранных дел — в восточном крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади (до того резиденцией его был просторный особняк на Английской набережной); Военное министерство — в здании Главного штаба, в бывшем доме князя А. Я. Лобанова-Ростовского на Адмиралтейской площади и еще в нескольких домах — казенных и частных; Морское министерство — в Главном Адмиралтействе и казенном здании на Английской набережной; Министерство внутренних дел — в особняке на набережной Мойки близ Синего моста, а позже — в новом здании у Чернышева моста, построенном Росси; Министерство духовных дел и народного просвещения — в домах по Большой Садовой и Чернышеву переулку, а затем также в новом здании возле Чернышева моста; Министерство юстиции — в генерал-прокурорском доме по Малой Садовой; Министерство финансов — в особняке на Дворцовой набережной и других казенных зданиях; Главное управление путей сообщения и публичных зданий — в казенных домах по набережной Фонтанки у Обухова моста; Главное управление почт — в домах Почтамта близ Исаакиевской площади.

До середины 1820-х годов в Петербурге с раннего утра, если не сказать — с ночи, наибольшее оживление наблюдалось

не у министерств и департаментов, а возле скромного деревянного дома на углу Литейной и Кирочной улиц. Дом этот принадлежал второй артиллерийской бригаде, и занимал его шеф бригады генерал Аракчеев. Рассказывали, что как-то Александр I предложил Аракчееву:

— Возьми этот дом себе.

— Благодарю, государь, на что он мне? Пусть останется вашим. На мой век станет, — ответил генерал.

А дело было в том, что казенный дом освещала, отапливала и ремонтировала казна, а перейди он к Аракчееву, все расходы легли бы на него.

Царь видел в Аракчееве, которого назначил председателем Военного департамента Государственного совета, инспектором всей артиллерии и начальником военных поселений, своего ближайшего друга и лучшего исполнителя своих предначертаний.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
. грошевой солдат.

Так писал об Аракчееве Пушкин.

Назначенный царем «для доклада и надзора по делам Комитета министров», Аракчеев считал своим долгом надзирать за всем. Вставал он по-военному рано. Просителей принимал с четырех часов утра. Уже перед рассветом возле дома на углу Литейной стояли кареты министров, сенаторов, членов Государственного совета. Без Аракчеева почти невозможно было добиться аудиенции у царя. Даже знаменитому писателю и историографу Н. М. Карамзину, когда он

захотел говорить с Александром, пришлось прежде отправиться на поклон к Аракчееву. Приехавшая в Петербург просительница сообщала родственникам: «...а насчет дел, кажется, ни по каким ничего не будет. Государя нет и, думаю, прежде 6 января не будет. Аракчеев нездоров и все дела сдал». Когда царь уезжал, а Аракчеев болел, дела решать было некому.

Многие, желавшие получить теплое местечко, повышение в чине, орден, действовали через любовницу Аракчеева, жену синодального обер-секретаря Пукалову. Эта дама за соответствующую мзду «помогала» просителям.

От Аракчеева зависело очень многое. Вскоре после победы над Наполеоном Александр поставил своего любимца во главе комитета, призванного оказывать «воспомоществование неимущим и изувеченным» генералам и офицерам. Просьбы их царь распорядился «представлять... через состоящего при нем генерала от артиллерии графа Аракчеева». В комитет вошло и несколько вельмож. О том, как оказывалась помощь изувеченным воинам, рассказал Гоголь в «Повести о капитане Копейкине», вошедшей в «Мертвые души». Капитан Копейкин, потерявший в кампании 1812 года правую руку и ногу, кое-как добрался до Петербурга искать помощи у начальства. Ему указали на «высшую комиссию» и дали адрес ее начальника. Вельможа велел Копейкину наведаться на днях. И начались для Копейкина бесплодные хождения. А когда он, доведенный до крайности, вздумал возражать, то его с фельдъегерем препроводили к месту жительства.

Из дальних мест, из городов и деревень шли и ехали в столицу люди искать защиты и правосудия. Что же находили они? И в высших, и в низших инстанциях было беззаконие, произвол, мздоимство.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи*
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Это строки из агитационной песни поэтов-декабристов К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева. Тут нет никакого поэтического преувеличения. Вопиющее неправоудие было делом обычным. О многих преступлениях, творившихся в судах, знал и рассказывал в обществе друг Рылеева и Бестужева писатель-декабрист Ф. Н. Глинка, служивший чиновником по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче. Вот один из его рассказов. Унтер-офицерская жена Ромашева нанялась в услужение «к двум сестрам-девицам, имевшим наружность знатных господ, но в самом деле во всем смысле развратным». Заподозрив Ромашеву в краже вещей, одна из сестер, состоящая в связи с квартальным надзирателем, подала заявление в съезжий дом, и безвинную Ромашеву бросили в тюрьму при Управе благочиния, «ужасную по зловонию и нечистоте». «Оттоле она перешла все узаконенные мытарства и через надвор-

* Пятирублевая ассигнация («синенькая»).

ный суд в уголовную палату. Нигде не чинили ей допроса, никуда налицо не приводили, но, судя ее за глаза, приговорили к наказанию плетьюми и ссылке в Сибирь. По объявлении сего ужасного приговора и наказав плетьюми, повергли опять невинную в ужасное заточение».

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде несправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть, —

писал Пушкин в оде «Вольность».

Так было при Александре I.

Что же сделал, вступив на престол, Николай I? Он еще более усилил «несправедную власть». Департамента полиции Министерства внутренних дел и городской петербургской полиции для наведения «порядка» в стране и в столице ему показалось мало. И, предугадывая желание царя, уже в начале января 1826 года генерал Бенкендорф представил Николаю «Проект об устройстве высшей полиции». В проекте говорилось: «События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более десяти лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение».

Николай одобрил проект своего генерал-адъютанта. 25 июня 1826 года был издан указ о создании жандармской полиции во главе с Бенкендорфом. Еще через неделю Особую канцелярию Министерства внутренних дел преобразовали в Третье отделение собственной его императорского

величества канцелярии, и во главе ее был поставлен тот же Бенкендорф.

Третье отделение, разместившееся на Мойке в доме купца Таля, недалеко от Красного моста, первоначально было совсем небольшим — штат его составляли всего шестнадцать чиновников. Зато предоставленная в его распоряжение жандармская полиция (впоследствии отдельный корпус жандармов) была весьма многочисленна. Империю поделили на пять жандармских округов. Во главе каждого округа стоял генерал. В каждую губернию назначили одного штаб-офицера и нескольких обер-офицеров, в ведении которых находилась жандармская команда. Кроме того, Третье отделение пользовалось услугами многочисленных агентов — платных и добровольных.

Третье отделение обязано было искоренять крамолу, бороться с казнокрадством и взяточничеством, ловить фальшивомонетчиков и особо опасных уголовных преступников, следить за иностранцами и надзирать за русской литературой. Круг интересов Третьего отделения оказался столь обширен потому, что это учреждение призвано было контролировать деятельность и всего государства в целом, и каждого подданного в отдельности. В делах Третьего отделения имелись сведения о мужике, распространявшем слух про будто бы объявившегося где-то атамана Метелкина и утверждавшем, что «Пугачев пугал господ, а Метелкин пометет их». Здесь же находилась характеристика министра внутренних дел графа А. А. Закревского, в которой говорилось: «Гр. Закревский деятелен и враг хищений, но он совершенно невежда».

Как справлялась со своими обязанностями тайная полиция? Паническая боязнь «вольномыслия», которая определяла политику Николая I, особенно наглядно проявлялась в деятельности его тайных агентов и жандармов. Казнокрад-

ство и взяточничество процветали, несправедливость и неправоудие по-прежнему были отличительными чертами государственной системы, а Третье отделение искореняло «крамолу». В инструкциях, рассылавшихся высшим жандармским чинам, говорилось, что обязанностью Третьего отделения является «охрана благополучия и достоинства жителей империи». На деле же роль этого учреждения свелась к установлению над всеми подданными мелочной, унизительной опеки и слежки.

Убедительный пример — отношение к Пушкину. Известна переписка Бенкендорфа с Пушкиным. Она велась из года в год, из месяца в месяц. Началась она вскоре после того, как Николай вернул поэта из михайловской ссылки, «простил» его и препоручил заботам шефа жандармов. Что ни письмо Бенкендорфа — то выговор, угроза, грозный запрос, предупреждение.

Генерал Бенкендорф обращался с Пушкиным как с неискправным поручиком. Тон, разумеется, задавал сам царь.

Поэту приходилось давать объяснения Бенкендорфу, Третьему отделению по поводу отрывка из элегии «Андрей Шень», ходившего в списках с заголовком «На 14 декабря», по поводу виньетки на обложке поэмы «Цыганы», где изображены были опрокинутая чаша, змея и кинжал, по поводу чтения в частных домах трагедии «Борис Годунов», еще не разрешенной к печати высочайшим цензором, и в других случаях. Под бдительным оком жандармов был не только сам поэт, но и каждое его поэтическое слово.

Принципы и методы управления государством, взаимоотношения личности и государства — эти вопросы неотступно занимали Пушкина-мыслителя. Работая над «Историей Петра I», он беспристрастно оценивал деятельность царя-преобразователя в управлении страной: «Достойна удивления разность между государственными учреждения-

ми Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*». Наследники Петра усвоили, главным образом, его грубые приемы, утратив его государственную мудрость.

В «Дневнике» Пушкина за 1834 год есть такая характеристика императора Николая I, данная поэтом от третьего лица: «Кто-то сказал о государе: Il'y a beaucoup de praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand»*. В 1830-е годы городом Петра Великого правил прапорщик. И в великом городе царил дух казармы.

* В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого (фр.).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«У суеверных алтарей»

Петербург был центром управления не только административными, но и «духовными» делами империи. Здесь находился Святейший правительствующий синод. Ему были подведомственны все российские епархии, настоятели и настоятельницы монастырей и все духовные чины, две синодальные конторы — московская и грузинско-имеретинская, духовные академии и семинарии. С начала 1830-х годов Синод занимал огромное здание на Сенатской площади рядом с Сенатом.

У Пушкина в материалах к «Истории Петра» есть запись: «По учреждении Синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников — графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: „Вот вам патриарх“».

Духовенство в России целиком подчинялось царю. Патриаршество было упразднено. Главою православной, греко-российской церкви являлся царь.

Председательствовал в Синоде санкт-петербургский митрополит, но членов этого учреждения (из духовных лиц) назначал царь. При Синоде имелась должность обер-прокурора, занимаемая светским лицом — «око государя и стряпчий по делам государственным». Обер-прокурор Синода

обладал правами министра. Он объявлял Синоду распоряжения царя и докладывал царю о положении дел в Синоде. Он же осуществлял связь Синода со светскими правительственными учреждениями.

Такие широкие полномочия обер-прокурор Синода получил с начала царствования Александра I. Взойдя на престол, Александр захотел иметь в Синоде доверенное лицо. И, к всеобщему изумлению, назначил на эту должность своего любимца князя А. Н. Голицына — человека, щеголявшего в узком кругу вольномыслием и даже безбожием. Заняв должность обер-прокурора Синода, недавний богохульник разительно переменился — впал в набожность и даже в мистицизм на новомодный европейский манер. В предоставленном ему правительством доме на Фонтанке, против Летнего сада, Голицын устроил роскошную и мрачную домовую церковь.

В верхнем этаже дома Голицына жили друзья Пушкина — братья Александр Иванович и Николай Иванович Тургеневы (первый был директором Департамента духовных дел и иностранных исповеданий). И, приходя к ним, Пушкин слышал заунывное церковное пение, доносившееся из домовой церкви князя Голицына, видел знатных особ, приезжавших сюда молиться.

С 1817 года Голицын возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения.

Вся придворная атмосфера с середины 1810-х годов была пропитана мистицизмом и религиозной экзальтацией. Придворные дамы и царедворцы слушали заезжих проповедников, прорицателей, выискивали «святых людей». Тогда же с благословения Голицына, по примеру парижского и лондонского, появилось петербургское Библейское общество, ставившее своей целью изучение и распространение Библии. Оно помещалось в подаренном ему царем доме на Ека-

терининском канале. В Общество были приглашены представители всех христианских вероисповеданий, жившие в Петербурге. На его собраниях рядом с петербургским митрополитом Михаилом и ректором духовной академии Филаретом сидели лютеранские и англиканские проповедники, католический епископ Сестренцевич.

Ересь... Угроза истинной вере... Православное духовенство открыто роптало и стало объединяться для борьбы с Голицыным и новомодными мистиками. Во главе православной партии встал монах-изувер Фотий.

Пушкин клеймил в своих эпиграммах и Голицына, и Фотия. О последнем он писал:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, Господи, греховным,
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

Задумав свалить Голицына, Фотий развил бурную деятельность. Он неусыпно следил за всеми действиями мистиков, читал их книги, делал выписки. Скупал и жег «масонские» издания, чтобы они не разошлись в публике. Подкупал слуг в тех домах, где устраивались собрания мистиков, чтобы из потаенного места все видеть и слышать.

Православная партия заручилась поддержкой всесильного Аракчеева и нового Санкт-Петербургского митрополита Серафима. В конце концов Голицыну пришлось подать в отставку.

Православная партия с такой же готовностью служила властям, как и мистики во главе с Голицыным. А целью Александра I было превратить церковь в своего рода духовную полицию. Аракчеевщину насаждали и в делах религии.

Роль духовных полицейских отводилась «святым отцам» и при Николае I. Понятие о том, сколь рьяно стремились угождать власть имущим многие православные иерархи, дает проповедь, произнесенная митрополитом новгородским и петербургским Никанором в январе 1832 года. Говоря об особе государя императора, митрополит возгласил: «Вы знаете, что избирает его сам Бог, который и помазует его на царство, и превозносит. Он представляет образ Царя Небесного на земле... Назначает ли подати и налоги? Мы должны платить без роптания... Требуем ли от нас наших детей для защиты отечества? В сем случае мы должны жертвовать не только жизнью своих сынов, но и собственную своею, только бы спасти престол и царство...»

Священники в церквях в обязательном порядке должны были возносить молитвы за царя. В столичных храмах с особой торжественностью праздновали ежегодные «табельные» дни — коронования, рождения, именин императора.

В сугубо монархическом духе излагали Закон Божий в учебных заведениях. Основой преподавания с середины 1820-х годов служил катехизис, составленный митрополитом Филаретом. Толкуя десять заповедей, Филарет требовал почитать все предрежащие власти, как отца и мать.

Высшие церковные иерархи 14 декабря 1825 года наряду с шефом столичной полиции генерал-губернатором Милорадовичем пытались уговорить восставших солдат вернуться в казармы. После подавления восстания Николай I сразу же постарался привлечь церковь к политическому сыску.

Декабрист Михаил Бестужев рассказывал, как, будучи брошен в Петропавловскую крепость и ожидая близкой смерти, встретил явившегося к нему священника: «Спокойно, даже радостно я пошел к нему навстречу — принять благословение, и, принимая его, мне казалось, что я уже пере-

ступил порог вечности, что я уже не во власти этого мира и мысленно уже уносился в небо. Он сел на стул подле стола, указывая место на кровати. Я не понял его жеста и стоял перед ним на коленях, готовый принести чистосердечное покаяние на исповеди, перед смертью.

— Ну, любезный сын мой, — проговорил он дрожащим от волнения голосом, вынимая из-под рясы бумагу и карандаш, — при допросах ты не хотел ничего говорить; я открываю тебе путь к сердцу милосердного царя. Этот путь есть чистосердечное признание...

С высоты неба я снова упал в грязь житейских дрызг... В слуге алтаря я должен был признать не посредника между земною и небесною жизнью, не путевода, на руку которого опираясь я надеялся твердо переступить порог вечности, но презренное орудие деспотизма, сыщика в рясе! Я не помню, не могу отдать верного отчета, что стало со мною. Я поднялся с колен и с презрением сказал:

— Постыдитесь, святой отец! что вы, несмотря на ваши седые волосы, вы, слуга Христовой истины, решились принять на себя обязанность презренного шпиона?»

В соответствии с возложенными на них полицейскими функциями «святые отцы» порой выступали и в роли тюремщиков: политических преступников иногда ссылали «на покаяние» в монастыри. Такому наказанию подверглись некоторые декабристы.

Ссылка в Соловецкий монастырь, как уже говорилось, угрожала Пушкину.

Церковь оказывала помощь самодержавному государству и в его борьбе с «вредными» идеями. Устав духовной — то есть церковной — цензуры, утвержденный в 1828 году, предписывал защиту православия от «богохульных и дерзких извращений вольнодумцев» и обязывал духовных цензоров искоренять мысли, «пахнущие вольностью и неуважением к власти, от Бога установленной».

Церковники весьма враждебно относились к поэзии Пушкина. А. В. Никитенко в марте 1834 года записал в своем дневнике слышанный им «забавный анекдот» о том, как митрополит Филарет жаловался Бенкендорфу на то, что в описании Москвы в «Евгении Онегине» сказано: «И стаи галок на крестах». Здесь Филарет нашел оскорбление святыни. Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что «галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицмейстер, допускающий это, а не поэт и цензор». В конце 1820-х годов по инициативе петербургского митрополита Серафима было начато дело против Пушкина из-за его «богохульной» поэмы «Гавриилиада»...

В заметках, дневниковых записях и письмах Пушкина немало резких критических суждений о православной церкви и ее служителях.

В поэме «Цыганы», рисуя картину современного ему общества, в том числе и петербургского, Пушкин выделяет как его необходимую принадлежность и «суеверные алтари»:

О чем жалеть? когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов —
За неподвижными стенами
Там люди тесными толпами
Не дышат запахом лугов —
Там вольность покупают златом,
Балуя прихоть суеты,
Торгуют вольностью — развратом
И кровью бледной нищеты.
Любви стыдятся, мысли гонят,
У суеверных алтарей
Главы пред идолами клонят
И молят денег и цепей.

Эти строки остались в черновике поэмы, опубликовать их Пушкин, конечно, не мог — защитой «суеверным алтарям» служила вся мощь самодержавного государства, одним из учреждений которого была православная церковь.

В 1801 году в Петербурге проживало 520 представителей православного духовенства. Через двадцать лет число их увеличилось до 1991 и продолжало расти.

Священники и причт жили в церковных домах. Высшее духовенство — в Александро-Невской лавре.

Петербург был город молодой и деловой, церквей в нем было сравнительно немного. В конце 1830-х годов насчитывалось православных соборов и приходских церквей 46, домовых — 100, часовен — 45. По праздникам звонили в 626 колоколов.

Российское правительство воздвигало храмы не только для совершения религиозных обрядов и вознесения молитв. Здесь была и другая, мирская цель — сделать столичный город Санкт-Петербург еще пышнее и торжественнее. Поэтому для постройки парадных церквей и соборов отпускались огромные суммы (так, Исаакиевский собор стоил более 23 миллионов рублей). Воздвигать их поручали выдающимся зодчим.

Петропавловский собор, собор Смольного монастыря, Никольский Морской, Троицкий собор в лавре, Казанский, Троицкий, Преображенский соборы — творения Д. Трезини, Ф.-Б. Растрелли, С. И. Чевакинского, И. Е. Старова, А. Н. Воронихина, В. П. Стасова — замечательные образцы мирового зодчества, сокровища русской архитектуры. Грандиозность и красота этих зданий поражали воображение. Внутреннее убранство тоже было великолепным. Иконостасы создавали талантливые мастера, иконы и роспись — лучшие художники, скульптуру — лучшие скульпторы. На оклады старинных «нерукотворных» и «чудотворных» икон, так же

как на церковную утварь, не жалели ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней.

Такие соборы, как Петропавловский, Казанский, Преображенский, служили хранилищами русской славы.

В Петропавловском соборе, где хоронили царей начиная от Петра I, были собраны и развешаны военные трофеи русских войск, добытые в войнах с турками. Знамена, флаги, вымпелы, ключи от крепостей, оружие, бунчуки... У могилы Петра I лежало знамя турецкого капудан-паши, взятое русскими войсками, разбившими морской флот Турции в 1770 году.

В Казанском соборе находились военные трофеи, взятые в годы войны с Наполеоном. Здесь висело множество знамен, лежали ключи от крепостей и городов, жезл маршала Даву. Одной из достопримечательностей собора был огромный литой серебряный иконостас. Его отлили из 100 пудов серебра, отбитого у французов казаками Войска Донского.

Под сенью знамен в соборе покоился Кутузов.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд...

Так писал Пушкин о гробнице Кутузова.

Новый Преображенский собор, отстроенный после пожара в конце 1820-х годов, был полковой церковью старейшего гвардейского Преображенского полка. Внутри собора хранились военные трофеи, а ограду составляли красиво сгруппированные и соединенные цепями стволы турецких пушек, захваченных у неприятеля во время Русско-турецкой войны 1828 года.

29 августа во всех церквах служили панихиду по русским воинам, павшим на поле боя; 25 декабря — благодарственный молебен за избавление России от нашествия Наполеона и «двунадесяти языков». Торжественные богослужения бывали на Рождество, на Пасху и еще несколько раз в году.

Особый, петербургский характер был у богослужений по праздникам, связанным с водой. В Крещение на Неве против Зимнего дворца сооружали деревянный храм с широкой террасой и открытой галереей. На первой совершался молебен, на второй размещались знамена гвардейских полков, принесенные для освящения водой из проруби — иордани. В церкви Зимнего дворца митрополит служил молебен, а оттуда крестный ход через главный подъезд спускался к иордани. Воду святили — в прорубь погружали крест. При этом в крепости палили пушки, а выстроенные тут же солдаты гвардейских полков стреляли из ружей. В связи с этим главный подъезд Зимнего дворца получил название Иорданского, а главная парадная лестница — Иорданской. В день Преполовления, праздновавшийся весной, крестный ход устраивали у Невы на стенах Петропавловской крепости и молились о том, чтобы не было наводнений.

В апреле 1828 года друг Пушкина писатель П. А. Вяземский сообщал жене: «Сегодня праздник Преполовления, праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками и катерами, которые перевозят народ... Сегодня и праздник ранее, и день холодный, но, однако же, народа было довольно. Мы сажались с Пушкиным в лодочку... Пошли бродить по крепости и бродили часа два».

Все жители Петербурга считались паствой ближайшей к их дому церкви. Здесь они должны были молиться, исповедоваться, причащаться. Те, кто не ходил в церковь, могли быть обвинены в вольнодумстве. Здесь венчались, крести-

ли младенцев и отпевали умерших. Правда, простых людей отпевали обычно в кладбищенских церквях.

Живя в Коломне в доме Клокачева, Пушкины были прихожанами Покровско-Коломенской церкви, которая стояла недалеко от их дома, на Покровской площади. В «Домике в Коломне», рассказывая о жизни своей героини Параше, Пушкин вспоминал эту церковь:

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

Даже здесь, в церкви, где, казалось бы, все равны, прихожане молились по-разному. И здесь играло роль их положение в обществе.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! все гляжу направо,
Все на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.
Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.

Случалось, что, живя в доме Клокачева, Пушкины всей семьей ходили по праздникам в церковь Театральной школы, находившуюся неподалеку. Одна из воспитанниц этой школы, актриса А. М. Каратыгина-Колосова, впоследствии вспоминала: «Пушкины и графиня Ивелич на Страстной неделе говели вместе с нами в церкви Театрального училища (на Офицерской улице, близ Большого театра). Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко растроганною за всенощною Великой пятницы, при выносе святой плащаницы, просил сестру свою Ольгу Сергеевну напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горесть, тем более что Спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить на себя мое внимание...»

Юный Пушкин ходил в церковь Театрального училища, чтобы увидеть будущих актрис. То в одну, то в другую он время от времени влюблялся. Девушек держали строго. Церковь была единственным местом, куда допускались посторонние.

25 января 1828 года в метрической книге собора Святой Троицы — церкви Измайловского полка, в графе «Кто именно венчаны», была сделана следующая запись: «Состоящий в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел чиновник 9-го класса Николай Павлищев с дочерью статского советника Сергея Пушкина, девицей Ольгой, как жених, так и невеста первым законным браком венчаны священником Симеоном Александровым». За этой краткой записью скрывалась необычная история замужества сестры Пушкина — Ольги Сергеевны, которая обвенчалась со своим женихом тайно, не спросив согласия родителей.

В метрической книге Владимирской церкви за июль того же 1828 года в графе «Кто именно померли» есть запись: «5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Арина Родионова». В графе «Лета» проставлен воз-

раст умершей — 70 лет. В графе «Какою болезнию» указано: «Старостию». Няня Пушкина Арина Родионовна недолго была прихожанкой Владимирской церкви. Последние месяцы своей жизни она провела у жившей в Большом Казачьем переулке Ольги Сергеевны. Выйдя замуж и обзаведясь собственным домом, Ольга Сергеевна вызвала себе в помощь из села Михайловского свою старую няню. Но вскоре Арина Родионовна заболела и умерла.

И еще одна церковь в Петербурге связана с именем Пушкина — церковь Конюшенного ведомства, построенная В. П. Стасовым на Конюшенной площади, вблизи того места, где жил Пушкин. После смерти поэта отпевать его предполагалось в Исаакиевском соборе Адмиралтейства. Однако 1 февраля 1837 года А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, — так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви».

3 февраля в полночь, опять-таки тайно, тело Пушкина из Конюшенной церкви было увезено в Псковскую губернию, в Святогорский монастырь. Поэт завещал похоронить себя на родовом кладбище. «Умри я сегодня, — писал он жене летом 1834 года, — что с вами будет? Мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку». Весной 1836 года, когда Пушкин ездил в Святые Горы хоронить мать, он купил подле могилы матери место для себя...

Среди столичных кладбищ были и привилегированные, были и попроще.

Наиболее заслуженных и знатных особ хоронили в Александро-Невской лавре. Этот большой монастырь, находившийся в самом конце Невского проспекта, начали строить еще при Петре I.

В Благовещенской церкви лавры был похоронен Суворов. Об этом гласила лаконичная надпись на бронзовой доске: «Здесь лежит Суворов». Так велел написать сам великий полководец. Под пышными надгробиями покоились военачальники, вельможи, царедворцы. На Лазаревском и Ново-Лазаревском (Тихвинском) кладбищах лавры хоронили известных писателей, художников, скульпторов, архитекторов, ученых. Здесь были похоронены М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, скульптор М. И. Козловский, архитекторы И. Е. Старов и А. Н. Воронихин.

Привилегированным считалось и Волково кладбище. В. Бурьянов в 1838 году писал о нем как об очень хорошо убранном и устроенном. «Прогулка по кладбищу, устроенному в виде сада и цветника, с множеством превосходнейших памятников, не может не быть интересна».

На Смоленском кладбище хоронили небогатых купцов, лиц «среднего сословия», то есть мещан, людей «простого звания». Здесь была похоронена няня Пушкина Арина Родионовна. Об этом имеется запись в «Ведомости города Санкт-Петербурга церкви Смоленския Божия Матери, что на Васильевском острове при кладбище».

Еще скромнее было Большеохтинское кладбище, о котором упоминается в поэме «Домик в Коломне»:

...С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день пришли
За ней и гроб на Охту отвезли.

Летом 1836 года, живя с семьей на даче на Каменном острове, Пушкин заходил на ближайшее, Благовещенское, кладбище.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,

Путешествие в пушкинский Петербург

В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которые также тут
Зебаячи жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит,
Хоть плюнуть да бежать...

(«Когда за городом, задумчив, я брожу...»)

Вид столичного кладбища — того пристанища, что было уготовано петербуржцам после смерти, — являл глазам поэта те же отвратительные, те же нелепые черты, которые отталкивали его и в петербургской жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Военная столица»

Во вступлении к «Медному всаднику» Пушкин писал:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И, чуя вешни дни, ликует.

Пушкин не случайно назвал Петербург «военной столицей». Город просыпался под звуки барабанов. По торжественным случаям, а также при вскрытии Невы и при подъеме в ней воды из Петропавловской крепости, из Адмиралтейства, из Галерной гавани, с кораблей палили пушки.

В Петербурге к середине 1830-х годов было около 50 тысяч солдат и матросов, что составляло более 10 процентов населения. На улицах то и дело мелькали эполеты, кивера, султаны.

В это время в столице постоянно размещалось двенадцать пехотных и кавалерийских гвардейских полков, две гвардейские артиллерийские бригады, гвардейская конная артиллерия, Гвардейский экипаж, множество отдельных эскадронов, дивизионов, учебных частей, а также Военная академия,

Артиллерийское и Инженерное училища, Школа гвардейских подпрапорщиков, кадетские корпуса, Морской кадетский корпус, дворянский полк, Школа кантонистов и многие другие военные учебные заведения.

В Петербурге находились Военное министерство, Главный штаб, Главное адмиралтейство.

И монументы на площадях столицы (не считая двух памятников основателю города) были воздвигнуты в честь военачальников — фельдмаршалов Румянцева-Задунайского, Суворова-Рымникского, позже — Кутузова-Смоленского и Барклая-де-Толли. После победного завершения войны с Наполеоном, в эпоху общественного подъема, несколько комнат Зимнего дворца перестроили в грандиозную галерею, чтобы в ней разместить портреты русских генералов, командовавших войсками в годы Отечественной войны. Из Англии был выписан знаменитый портретист Д. Доу. В помощь себе он нанял двух петербургских живописцев — А. В. Полякова и В. А. Голике. Художники работали семь лет, и в конце 1826 года Военная галерея Зимнего дворца была открыта для обозрения.

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
<...>

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.

(«Полководец»)

Пушкин знал многих из тех, чьи портреты украшали Военную галерею.

Во всех частях «военной столицы» стояли казармы гвардейских полков. В самом центре города близ Зимнего дворца на Большой Миллионной — казармы первого батальона Преображенского полка. Близ Мраморного дворца на Марсовом поле — Павловского полка. У Исаакиевской площади — Конного полка и Конногвардейский манеж. На Кирочной улице близ Таврического сада — казармы двух батальонов Преображенского полка. В том же районе, на Воскресенском проспекте, — корпуса огромных казарм Кавалергардского полка и Кавалергардский манеж. Близ них — казармы Конной артиллерии и саперного батальона. В четвертом квартале Московской части на Загородном проспекте и в «ротах» — Семеновского полка. На Литейной улице — первой гвардейской артиллерийской бригады. У Семеновского моста на набережной Фонтанки — Московского полка. В районе Обводного канала — Егерского полка. На Петербургской стороне вдоль набережных реки Карповки и Большой Невки тянулись казармы Гренадерского полка. На 18-й и 19-й линиях Васильевского острова помещался Финляндский полк. На Выборгской стороне — Литовский полк. В Нарвской части — Измайловский полк и за Шлиссельбургской заставой — Казачий полк. На Охте — вторая гвардейская артиллерийская бригада. Казармы Гвардейского экипажа находились на Екатерингофском проспекте близ Никольского собора.

Гвардейские казармы обычно представляли собой целый комплекс зданий. Сюда входили солдатские корпуса, офицерский корпус, хозяйственные и служебные помещения, склады, госпиталь, полковая церковь. Часто здания казарм строились по проектам выдающихся архитекторов и становились украшением города, как Павловские или Конногвардейские.

Семеновский и Измайловский полки занимали такие обширные участки, что улицы здесь, как уже говорилось, называли «ротами». И вполне штатский петербуржец писал свой адрес так: «В Измайловском полку, в такой-то роте».

Полки, квартировавшие в центре города, проводили свои учения на Марсовом поле. Семеновский полк обучали на обширном Семеновском плацу. Войска, расположенные на Васильевском острове, совершали свои «экзерциции» на огромном Смоленском поле. «Как велико, как пространно это поле, — писал в 1838 году автор „Прогулки по Санкт-Петербургу“. — Здесь рота солдат Финляндского полка учится стрелять в цель; здесь толпа мальчиков пускает змей; там барышник на беговых легких дрожках наезжает своего коня; а там пасется стадо; эти коровы вечером, отягченные молоком, придут к домовитым хозяйкам Васильевского острова...»

В 1814 году, уже через несколько дней после возвращения гвардии из заграничного похода, был отдан приказ по Гвардейскому корпусу об учениях по полкам. Собственно военной подготовкой занимались мало. Руководствовались мнением, что «война портит солдат». Как некогда при Павле, подлинную военную науку заменили муштра, «экзерциции» и «эволюции». «Шагистика вошла в полную свою силу», — вспоминает декабрист И. Д. Якушкин.

Каждодневно — кроме конца лета, когда солдаты уходили на «вольные работы» либо в отпуск, — происходили «учения войск». То перед казармой на плацу, в манежах, то на одном из городских полей. Зимой случалось, что одну роту какого-нибудь полка вели во дворец и учили в большой дворцовой зале под наблюдением самого императора.

Петербургский житель В. Н. Каразин, человек отнюдь не прогрессивных взглядов, занес в свои «Дневные записки»: «Вчера был у нас разговор о пристрастии государя к строям

и учению войск. Кто-то (уже не помню) уверял, будто его величество в Царском Селе иногда по целому дню бьется над солдатом (одним, порознь), обучая лично, и так далее. Я не мог не улыбнуться...»

Каждодневные учения чередовались со смотрами. Смотры назначались регулярно — то одному полку, то сразу нескольким. На смотрах войска производили движения колоннами «дробных частей батальонов и рот», «походной колонной» и «к атаке». Строились в каре — против кавалерии и против пехоты. О плац-парадной выучке солдат можно судить по отзыву большого знатока «фрунтового дела» великого князя Константина Павловича. Побывав на смотре одного из гвардейских полков, он писал: «Необычайная тишина, осанка, верность и точность беспримерны, маршировка цельным фронтом и рядами удивительны, в перемене фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущимся стенам, и вообще должно сказать, что не маршируют, но плывут, и словом, чересчур хорошо, и право, славные ребята и истинные чада российской лейб-гвардии». Когда же эти «истинные чада российской лейб-гвардии» после Березины, после изгнания Наполеона из России предстали на смотре перед великим князем в изорванных в непрерывных боях и походах мундирах, идущие без тонкостей плац-парадной маршировки, он негодуяюще воскликнул: «Эти люди умеют только драться!»

Дорого стоили солдатам фрунтовые красоты! Изнуряющая муштра была, пожалуй, опасней неприятеля.

Под Бородином Конногвардейский полк потерял 18 кирасир, а в мирном 1817 году из полка выбыло 66 унтер-офицеров и кирасир. Одни умерли от болезней, другие сами лишили себя жизни.

Случаи самоубийства солдат не были редкостью. Декабрист М. И. Муравьев-Апостол в своих воспоминаниях рассказывает: «Я шел... через Исаакиевский мост, видел, как солдат Гренадерского полка перелез через перила носовой части плашкоута, снял с себя кивер, амуницию, перекрестился и бросился в Неву. Когда он это снимал, я не понимал, что он делает. Мне не приходило в голову, что он собирается лишить себя жизни. Часто случалось, что солдат убивал первого встречного, предпочитая каторгу солдатской жизни».

В гвардию отбирали самых рослых, красивых и сильных солдат. Но, обреченные почти четверть века нести воинскую службу, они гибли от непосильного напряжения. То приходилось подолгу маршировать, неестественно вытягивая носки, то часами стоять неподвижно под дождем, ветром, на морозе. Идя на дежурство во дворец, гвардейцы даже зимой натягивали на голое тело мокрые лосины, чтобы сидели как влитые. Людей губили цинга, чахотка, лихорадка, наказания шпицрутенами. Губили унижения и издевательства; не в силах вынести их, солдаты топились и вешались. Потому-то так велика была убыль рядовых в гвардейских полках в мирные годы. Царь знал об этом, но ничего не менялось.

Даже самые рьяные приверженцы шагистики, включая самого императора, безусловно понимали, что умение безукоризненно совершать эволюции, стоять по стойке смирно, маршировать, выбрасывая ногу под определенным углом, и так прямо держать при этом корпус, чтобы полный стакан воды, поставленный на кивер, не расплескался, ни в какой степени не пригодится солдатам на поле сражения. Но, зная, что после поражения Наполеона безопасность русских границ обеспечена на много десятилетий вперед, Александр I думал о другом. Его пристрастие к муштре, так же как и подобное пристрастие его отца и младших братьев, вовсе не было причудой или манией. Оно было следствием безуслов-

ной необходимости. Необходимости для самодержавного режима постоянно опираться на вымуштрованную военную силу.

Гвардия должна была не столько воевать, сколько охранять императора, его резиденцию и его столицу, охранять существующий порядок. Гвардию готовили для несения полицейской, карательной службы и внутри страны, и за ее границами.

Раз в 7–10 дней каждый из расквартированных в Петербурге гвардейских полков «заступал в караул». Караульных постов было множество. Караулы назначали на главные гауптвахты в Зимнем дворце и в Петропавловской крепости, на Сенатскую площадь, в Аничков дворец, в Арсенал, в губернские присутственные места, в Ассигнационный банк, в Воспитательный дом, на Сенную площадь... Разводы караулов, за которыми наблюдало высшее начальство, происходили «с церемонией».

Главным, что требовалось от гвардии в целом и от каждого солдата в отдельности, было послушание. Беспрекословное, бездумное, совершенно механическое подчинение любому приказу. Того же требовали от офицеров. «Служба в гвардии стала для меня несносна», — писал И. Д. Якушкин.

Своеобразным протестом против муштры, регламентации — того «порядка», который насаждали в стране и в армии царь и его любимец Аракчеев, — были рискованные шалости молодых гвардейских офицеров. Одной из самых невинных проказ считалось перевешивание вывесок. Этим занимались ночью под носом у полиции. Наутро над аптекой красовалась вывеска гробовщика, над мясной лавкой — модной модистки, над булочной — сапожника и т. д.

Но кутежи, проказы не мешали мыслящей гвардейской молодежи иметь другие, серьезные интересы.

Пушкин писал в стихотворном послании своему приятелю, гусарскому офицеру П. П. Каверину:

И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой*, с портиком**, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Такое сочетание встречалось тогда нередко. Каверин — участник войны с Наполеоном, храбрец, кутила — был в то же время человеком образованным и мыслящим, интересовался поэзией, вступил в декабристский «Союз благоденствия».

Пушкин поддерживал дружеские отношения со многими гвардейскими офицерами. Еще в Лицее он познакомился с Чаадаевым и его товарищами по лейб-гвардии Гусарскому полку. Поселившись в Петербурге после окончания Лицея, часто бывал в казармах первого батальона Преображенского полка на Большой Миллионной у капитана П. А. Катенина. Храбрый офицер, отличившийся под Бородином и под Лейпцигом, Катенин серьезно занимался литературой — писал стихи, статьи, трагедии, переводил, прекрасно знал и любил театр. Он состоял в тайных политических организациях — «Военном обществе» и «Союзе благоденствия». В его офицерской квартире в здании казарм собиралась вольномыслящая молодежь. И Пушкин не раз слышал, как офицеры-преображенцы пели здесь хором песню на слова Катенина:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!

* *Кифера* — музыкальный инструмент, распространенный в античном мире.

** *Портик* — крытая галерея вокруг торговых площадей в Древней Греции и Риме, место собраний ученых, философов.

Аркадий Гордин, Михаил Гордин

Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!

Ах, лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас...

Характерна для эпохи история отставки заслуженного гвардейского офицера Катенина. На одном из смотров Преображенского полка великий князь Михаил Павлович заметил на рукаве у одного из солдат заплатку. Он подозвал Катенина и грозно спросил:

— Это что? Дыра?

— Никак нет, ваше высочество, это заплатка, — насмешливо ответил Катенин, — именно затем, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

— А я вам говорю, что это дыра!

— А я имею честь докладывать вашему высочеству, что именно затем и заплатка, чтобы не было дыры.

Спор с великим князем стоил Катенину мундира. Это был удобный предлог. От «неблагонадежного», строптивого Катенина давно хотели избавиться, и осенью 1820 года его, уже полковника, уволили в отставку, а вскоре затем выслали из столицы.

...молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал,
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом;
У них чело яснилось думой,
Из-за которой ум сиял...
Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин.

Так писал декабрист Ф. Н. Глинка.

До 1825 года «офицеры, — по словам А. И. Герцена, — являлись душою общества, героями праздников, балов, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания. Военные были более независимы и держались более достойно, чем пресмыкавшиеся, трусливые чиновники». После 1825 года «обстоятельства изменились... лучшие из офицеров были сосланы, многие оставили службу, не в силах выносить грубый и наглый тон, введенный Николаем. Освободившиеся места поспешно заполнялись усердными служаками или столпами казармы и манежа. Офицеры упали в глазах общества». Что же касается порядков в гвардии, то здесь стало еще больше мелочных придирок, еще больше забот о внешней форме, о «выпушках, погончиках, петличках».

В ноябре 1833 года Пушкин записал в своем дневнике: «Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии...»

Любимым занятием великого князя Михаила Павловича было появляться неожиданно и ловить неисправных офицеров и солдат. И он, и его старший брат, император Николай I, с детства всем наукам предпочитали фрунт. Николай считал себя лучшим знатоком военного дела, хотя никогда не бывал в бою. Царь обожал парады. Они являли его душе идеальный порядок, совершенную регламентацию, механическое подчинение огромных людских масс — все, к чему он упорно стремился и чего никак не мог достичь в управлении страной.

Парады устраивались по разным поводам — в день рождения императора и императрицы, на Крещение, в годовщину вступления русских войск в Париж, по случаю приезда иностранных монархов... Бывали они грандиозны: на Марсовом поле или на Дворцовой площади выстраивали 20–30 тысяч солдат — пехоту, конницу и артиллерию. Придерживались определенного распорядка — сперва торжественный молебен, затем преклонение знамен, бой барабанов, «музыка всех полков и трубы кавалерии», церемониальный марш. И зимой солдаты маршировали на смотрах и парадах в одних мундирах. Если было более 10 градусов мороза, то к месту парада следовали в шинелях, а затем снимали их и складывали позади фронта.

Парады привлекали множество зрителей. Один из петербургских жителей писал: «Кто станет отрицать, что военные эволюции, как ни механическими нашей гражданской философии кажутся, пленительны; что это многолюдство, составляющее правильные фигуры, движущиеся и перемещающиеся одна в другую по одному мановению как бы волшебным образом, что эта приятная и блестящая пестрота среди единообразия занимает взор необыкновенно, как звук музыки и гром пушек — слух».

6 октября 1831 года на Марсовом поле по приказу Николая I был устроен грандиозный парад. «Смотр и вся церемония были прекрасны, — писал царь в Варшаву фельд-маршалу Паскевичу, — войска было 19 000 при 84 орудиях, погода прекрасная и вид чрезвычайный». Чтобы увековечить этот парад, Николай поручил художнику Г. Г. Чернецову изобразить его на полотне. Так родилась картина «Парад на Царицыном лугу», где, кроме массы войск — конных и пеших, — художник представил и «весь Петербург», целую портретную галерею — 223 человека. И все списаны с натуры. Среди прочих — писатели: Крылов, Жуковский, Гнедич, Пушкин. На подготовительном карандашном рисунке

Чернецов сделал надпись: «Александр Сергеевич Пушкин. Рисовано с натуры 1832 года, апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 верш. с половиной» (то есть 166,5 сантиметра).

Для Пушкина парады были не только великолепным зрелищем, но прежде всего напоминанием о военной славе России.

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

(«Медный всадник»)

Однако с тех пор, как ему «пожаловали» унижительное для него звание камер-юнкера, Пушкин избегал посещать парады, он не хотел появляться на людях в придворном мундире среди своих «собратьев» — камер-юнкеров. По этой причине за пять дней до торжественного открытия Александровской колонны поэт уехал из Петербурга.

Огромный парад по случаю открытия Александровской колонны состоялся 30 августа 1834 года на Дворцовой площади. Мимо колонны за дворцовыми гренадерами прошли воспитанники военно-учебных заведений, за ними пехота в сомкнутых колоннах, пешая артиллерия, кавалерия в эскадронных колоннах, конная артиллерия, пионерный эскадрон. В параде участвовали и войска Пруссии — союзницы России в войне с Наполеоном. Парад начался в одиннадцать часов утра, а кончился в четвертом часу дня.

Однако площадям и плацам Петербурга суждено было стать не только местом смотров и парадов гвардейских полков, но и местом их восстаний...

Такого в Петербурге еще не слыхали. А услышав, не сразу поверили. Случилось невероятное — 16 октября 1820 года восстал лейб-гвардии Семеновский полк — три тысячи солдат.

Преображенский и Семеновский полки были старейшими в русской гвардии, основанными еще Петром I. Семеновский полк прославился доблестью во многих походах. Он отличился и в 1812 году, а за кампанию 1813–1814 годов получил почетные Георгиевские знамена. Семеновский полк был любимым полком Александра I. Именно он помог Александру занять российский престол. В ночь, когда заговорщики убили Павла I, в карауле Михайловского замка стояли семеновцы. Самых видных и красивых солдат из армии Александр отбирал в этот полк. Царь часто носил темно-голубой семеновский мундир. И вот любимый царский полк вышел из повиновения.

Что же предшествовало этому?

Солдат-семеновцев отличала не только доблесть, но и прекрасная выправка. Они блистали на парадах. Жили семеновцы лучше солдат других полков, ибо многие ремесленники: шили сапоги, выделывали султаны, огородничали. И тем пополняли свою артельную казну. Командир полка генерал Я. А. Потемкин был бескорыстен, справедлив, вежлив с офицерами и солдатами. Молодые офицеры, испытывавшие вместе с солдатами все тяготы недавней войны, относились к ним гуманно, уничтожили в полку телесные наказания.

...Перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человеческие манеры? —

писал в «Стихах о бывшем Семеновском полку» Ф. Н. Глинка.

Тон здесь задавали будущие декабристы С. П. Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, М. П. Бестужев-Рюмин и другие.

И хотя некоторые из них перешли в другие полки, все оставалось неизменным до весны 1820 года, когда командиром Семеновского полка был назначен Ф. Е. Шварц. «Этот Шварц, — рассказывал в своих „Записках“ Ф. Ф. Вигель, — был из числа тех немцев низкого состояния, которые, родившись внутри России, не знают даже природного языка своего. С черствыми чувствами немецкого происхождения своего соединял он всю грубость русской солдатчины. Палка была всегда единственным красноречивым его аргументом. Не давая никакого отдыха, делал он всякий день учения и за малейшую ошибку осыпал офицеров обидными словами, рядовых — палочными ударами; все страдало нравственно и физически».

Шварц был ставленником Аракчеева, который после возвращения гвардии из заграничного похода первым делом начал «чистить» полки, удалять неугодных ему командиров и заменять их жестокими солдафонами. Делалось это с полного одобрения царя и великих князей — Николая и Михаила. Последний считал, что Шварц, «беспрестанно содержа семеновцев в труде и поте, выбьет из них дурь», то есть вольный дух, чувство собственного достоинства.

Для семеновцев настали черные дни. Без того тяжелое солдатское существование Шварц превратил в сущий ад. Солдатам не было покоя ни днем ни ночью. Днем их учили, ночью они отбеливали мелом панталоны и чистили амуницию. Кроме общих учений, Шварц устраивал свои, где учил «своеручно», изоциряясь в зверствах. Приказывал часами стоять неподвижно; тем, у кого от старых ран и от возраста недостаточно выпрямлялись ноги, велел привязывать лубки, рвал усы, колол вилками, заставлял плевать в лицо друг

другу. С 1 мая по 3 октября были наказаны 44 человека, которые получили в общей сложности 14 250 ударов палками. Шварц запретил ремесленничать, не отпускал на работы, а деньги были нужны — на покупку амуниции, на мел, на клей, на баню, на мыло, на фабру для усов. Усы у всех должны были выглядеть совершенно одинаково. Тем, у кого усы росли плохо, приходилось наклеивать фальшивые. От клея на лице появлялись болячки. Новый командир обращался с солдатами как с бездушными куклами.

И вот долготерпению их пришел конец. Непосредственным поводом к возмущению послужило следующее. «...Во время учения, — гласит военно-судное дело, — когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стала вольно. Ротный командир, увидя приближающегося полковника, скомандовал „смирно!“ При этом один из рядовых (Бойченко), исполнявший естественную надобность, стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц, подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял его за руку и, проведя по фронту первой шеренги, приказал рядовым на него, Бойченку, плевать».

Это было 16 октября 1820 года.

Вечером того же дня, несмотря на уговоры фельдфебеля, солдаты головной «государевой роты» самовольно выстроились в коридоре казармы, вызвали ротного командира капитана Кошкарлова и принесли жалобу на полкового командира.

Узнав об этом на следующий день, 17 октября, в полк приехали генерал Бенкендорф и великий князь Михаил Павлович. «Государева рота» подтвердила жалобу. Солдаты просили изменить порядки в полку. Великий князь уговаривал, угрожал, но семеновцы твердо стояли на своем. Первую роту, без оружия, обманом увели в манеж, там арестовали и отправили в Петропавловскую крепость.

В остальных ротах еще не знали о судьбе головной. Узнали ночью, когда из отпуска вернулся рядовой второй роты Павлов. Он сообщил о случившемся своему товарищу Чистякову. Чистяков выбежал в коридор с криком:

— Выходи на переключку!

Разбуженные солдаты заполнили коридор. А Павлов кричал:

— Нет государевой роты! Она погибает!

Волнение перекинулось дальше. Возмущился весь полк.

В этот день была очередь Семеновского полка нести в городе караулы, но солдаты не одевались. Они заявили, что раз их первая рота, их голова, в крепости, то ноги тоже не могут идти в караул. Служить без первой роты отказывались. Ночью семеновцы искали Шварца, чтобы убить его, но не нашли.

18 октября к казармам семеновцев подвели наиболее надежные Егерский и Конногвардейский полки. Семеновцев арестовали и повели в крепость. Петербург увидел странное зрелище: без оружия, под конвоем шли по улицам молодцы-гвардейцы. «Куда вы?» — спрашивали встречные. «В крепость». — «Зачем?» — «Под арест». — «За что?» — «За Шварца».

Весь Петербург сочувствовал семеновцам. «В Государственном совете говорили о случившемся в Семеновском полку. Все с негодованием и ужасом отзываются о Шварце. В Английском клубе только об этом и говорили. Весь полк в крепости... Солдаты показали необыкновенное благородство во время всего происшествия. Все им удивляются, все о них сожалеют», — записал в своем дневнике политический наставник молодого Пушкина декабрист Н. И. Тургенев.

В правительственных кругах царило настроение близкое к панике. Власти опасались, что взбунтуется вся гвардия.

Во дворе Преображенских казарм была найдена прокламация «Жалоба от Семеновского полка Преображенскому». «Смотрите на горестное наше положение! — говорилось в прокламации. — Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить оружие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от бессильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение». Преображенцев призывали «честно истребить тирана», то есть царя, а вместо него «определить человека великодушного», который бы управлял страной при помощи законов, полезных для народа.

В другой прокламации солдат призывали арестовать всех начальников и выбрать других «из своего брата солдата».

Весь полицейский аппарат столицы был поднят на ноги. Переодетые агенты шныряли по улицам, прислушиваясь к разговорам, толкались на перевозах у рек и каналов, на площадях. Собирая сведения, часами парились в банях. Проникали и в казармы. И доносили: слышно от измайловцев, что солдаты Преображенского полка выходят из повиновения и бунтуют против начальников; преображенцы же толкуют, что в Павловском, Гренадерском и Егерском полках неспокойно.

Волнение росло. Среди солдат появились агитаторы.

Рядовой Егерского полка Гуцеваров говорил, что «семеновцам за поступок их ничего не будет, да и быть не может, чтобы за одного им несносного человека, варвара Шварца, променяли целый полк; за них вступится великий князь цесаревич и дело их решит, а коли не вступится, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию».

«Где справедливость и моления 1812 года? Все забыто, послуги наши» — так говорил писарь Измайловского полка.

Властями были приняты строжайшие меры для охраны города. Даже ночью в канцелярию генерал-губернатора приходили с сообщениями квартальные, приезжали с донесениями частные приставы, раза два в ночь являлся петербургский обер-полицмейстер Горголи. Во все концы города отправляли курьеров. «Тревога была страшная», — вспоминал Ф. Н. Глинка.

Через несколько дней после восстания семеновцев к министру внутренних дел графу Кочубею приглашен был для беседы статский советник Каразин, предупреждавший в своих доносах правительство о близости революции. Эту беседу Кочубей записал. Вот отрывки из нее:

«— Скажите, неужель впрямь видите вы ту опасность, о коей изъясняетесь?

— Несомненно. Опасность предстоит величайшая... Все жалуются. Правительство не уважается. Надобно послушать здешнюю молодежь. Она заражена самым дурным духом. Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где они квартируют...

— Полагаете ли вы, что могут быть между солдатами люди, кои решились бы распоряжаться в виде начальников при каком-либо возмущении?

— Кто знает! Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте... Они так, как и все, читают журналы, газеты и проч.».

В заключение Каразин сообщил, что в городе все сочувствуют семеновцам и считают строгость тут употребленную «слишком великою».

Говорили, что царь узнал о восстании Семеновского полка от австрийского канцлера Меттерниха: они оба находились на конгрессе в Лайбахе.

— Все ли у вас спокойно, государь? — спросил Меттерних Александра. — По частным сведениям, вчера вечером полученным, один из ваших гвардейских полков взбунтовался, а именно Семеновский.

— Не верьте, — будто бы ответил царь. — Это суцая ложь; это мой любимый полк.

Получив донесение из Петербурга, Александр пришел в ярость. Бунт в его личной гвардии, в гвардии главного блюстителя порядка в Европе, главного охранителя самодержавного правления... Что сообщат в свои столицы иностранные послы? Что скажет Европа?

Александр очень хотелось доказать, что виноваты во всем штатские «крикуны» и «либералисты», что это они совершили солдат. Но «крикунов» не обнаружили. Пришлось признать, что солдаты действовали самостоятельно, что в армии неспокойно, что опора трона — армия — выходит из повиновения. Это было страшно, это было симптоматично. Александр решил примерно проучить непокорный полк. Восемь «зачинщиков» по приказу царя прогнали сквозь строй — шесть раз через батальон, — что было равносильно смертной казни. Около 600 солдат приговорили к наказанию шпицрутенами и плетью. Остальных после долгих месяцев заключения отправили в отдаленные армейские части — кого в Сибирский корпус, кого на Кавказ. Туда же перевели и многих офицеров-семеновцев.

Так надеялся Александр I истребить в гвардии дух мятежа. Но получилось обратное. «...Не кто другой, как он сам, заразил всю армию, разослав в ее недра семеновцев», — сетовал великий князь Константин Павлович на недалёковидность своего старшего брата.

Будущие руководители тайного Южного общества декабристов С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин попали на Украину из Семеновского полка. Среди солдат вос-

ставшего в конце 1825 года Черниговского полка было немало семеновцев.

Восстание Семеновского полка явилось первым крупным выступлением в русской армии. В нем нашел выражение охватывавший все более широкие народные массы гневный протест против несправедливой, бесчеловечно жестокой крепостнической системы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«По части иностранных дел»

На политической арене Европы после падения Наполеона ведущую роль играли две державы — Россия и Англия. Влияние Англии на мировые дела определялось ее преобладанием на морях, ее экономической мощью. Влияние России зависело прежде всего от ее военной силы. Все понимали, что именно русские войска нанесли решающее поражение «великой армии», и поэтому европейские монархи вынуждены были признавать главенство Александра I.

Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.

(«Евгений Онегин», гл. X)

И после войны русский царь стремился сохранить за собой положение вершителя судеб Европы. Он был инициатором Священного союза. Это соглашение монархов имело целью не только поддержание международного мира, но в еще большей степени борьбу с революциями. Александр I играл главную роль на «конгрессе государей» в Троппау и Лайбахе, где было принято решение выступить в защиту неаполитанского короля Фердинанда IV, которого народ принудил дать стране конституцию. В Италию послали австрийские войска, и в помощь им Александр готов был направить русский корпус. Царь стал главным действующим лицом

и на конгрессе в Вероне, где монархи договорились об интервенции в революционную Испанию... Но основные интересы европейских держав отнюдь не всегда совпадали. Глава Священного союза, как, впрочем, и его партнеры, стремился не столько помочь другим, сколько упрочить свое собственное влияние и славу. Петербург стал центром, где пересекались интересы всех европейских — да и не только европейских — государств.

С петровских времен делами внешней политики России занималась Коллегия иностранных дел.

Список ее чиновников был непомерно длинен. Причина в том, что именитые русские дворяне, тем более столичные аристократы, почитали для себя зазорным смолodu идти на гражданскую службу: молодому дворянину приличествовало носить военный мундир. Исключением была лишь дипломатическая карьера. И молодые люди «хороших фамилий», те, которые не могли или не хотели служить в гвардии, поступали в Коллегию. Множество чиновников здесь лишь числилось, не имея ни жалованья, ни надежды на завидные чины. «Похлопочи, чтобы тебя перевели, — советовал вельможа князь П. В. Лопухин молодому дипломату, своему знакомцу, — ...а то в Коллегии столько вас, что ни до чего не добьешься». Среди числившихся в Коллегии, но не служивших были и люди чиновные — действительные и даже тайные советники, и безусая молодежь. Все они именовались «стоящими при разных должностях».

В число не служивших чиновников Коллегии попал после Лицея и восемнадцатилетний Пушкин. Занятия «по части иностранных дел» (так именовал он дипломатию в эпиграмме на Александра I) привлекали его мало, как и любые другие чиновничьи занятия. О дипломатической карьере он не помышлял — в отличие от некоторых своих лицейских товарищей, которые получили назначения на низшие долж-

ности в русские миссии за границей: Александр Горчаков уехал в Лондон, Сергей Ломоносов — в Вашингтон...

В 1814 году Александр I поставил во главе иностранного ведомства двух статс-секретарей, которые дважды в неделю являлись к нему для доклада по делам Коллегии.

Один из статс-секретарей, немец Карл Нессельроде, был исполнительным и деятельным чиновником. Другой, грек Иоанн Каподистрия, отличался государственным умом, просвещенными понятиями и образованностью.

Иностранные дипломаты, приезжавшие в Петербург, первым делом являлись к статс-секретарю Нессельроде, жившему на Невском проспекте возле Аничкова дворца. Пробыв некоторое время в русской столице, они обыкновенно старались завязать знакомство и со статс-секретарем Каподистрией, которого царь поселил в бывших покоях государственного канцлера Румянцева на Дворцовой площади. «Господин Нессельроде, — сообщал в Париж французский поверенный в делах, — обычно связан с дипломатическим корпусом и ведет официальные беседы, но ничего сегодня не делается без господина Каподистрии, у которого тайком получают частную аудиенцию». Многие из русских посланников, направляя донесения Нессельроде, вели еще частную переписку с Каподистрией.

Каподистрия вел в Петербурге жизнь довольно уединенную. Ближайшими его друзьями были несколько живших в русской столице греков. Кроме того, он поддерживал отношения с петербургскими литераторами. Еще в начале 1810-х годов Каподистрия познакомился в Молдавии с писателем и историком Павлом Свиньиным. В Петербурге он встречался с И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым. По просьбе Тургенева Каподистрия помог определить поэта К. Н. Батюшкова на службу в русскую миссию в Неаполе. Когда молодые литераторы составили дружеское

литературное общество «Арзамас» (в него входил и юный Пушкин), они избрали Каподистрию почетным членом общества (или, как это называлось по-арзамасски, «почетным гусем») наряду с И. И. Дмитриевым и Н. М. Карамзиным.

Год спустя Карамзин попросил Каподистрию заступиться за Пушкина, которому грозила ссылка в Сибирь, и статс-секретарь принял близкое участие в судьбе двадцатилетнего поэта. Вероятно, именно Каподистрия предложил Александру I придать высылке Пушкина из Петербурга вид перевода на службу в Екатеринослав, в канцелярию главного попечителя иностранных колонистов Южной России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. В то время, когда решалась судьба Пушкина, Инзов был назначен наместником Бессарабии. Управление этой провинцией находилось в непосредственном ведении Каподистрии. В письме Инзову граф дал умную и благожелательную характеристику Пушкину, он просил генерала принять крамольного поэта под свое благосклонное попечение. Кроме того, Каподистрия назначил ссылаемого стихотворца министерским курьером — причем курьер повез Инзову депешу, в которой генералу предлагался высокий пост наместника Бессарабии.

Вернувшись вечером 4 мая 1820 года из Царского Села, где он вместе с Нессельроде был на докладе у царя, Каподистрия утром 5 мая написал записку директору Хозяйственного департамента Коллегии В. А. Поленову: «Император приказал вчера, чтобы Коллегия выдала г-ну Пушкину, переводчику, тысячу рублей на дорожные расходы. Я прошу Вас, дорогой Поленов, сделать так, чтобы этот молодой человек смог получить эти деньги сегодня, с тем чтобы ему выехать завтра рано утром. Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова».

Человек умеренных взглядов, Каподистрия при этом был решительным противником «австрийской системы» воору-

женной контрреволюции, к которой с 1820 года все более склонялся Александр I.

Свое несогласие с политикой царя Каподистрия смело высказывал на конгрессах Священного союза. Никогда не перечивший царям Нессельроде злорадно сообщал жене из Лайбаха: «Доверие к „восьмому мудрецу“ значительно уменьшилось, и расположение к нему уже не прежнее... Каподистрия сам вызвал перемену настойчивостью и неосторожностью, с которыми он выражал мнения, по совести, ошибочные».

Революционные события в Испании и в Италии, начавшееся восстание греков против турецкого господства волновали, конечно, не только дипломатов. Известно, что Пушкин мечтал отправиться в Грецию и, подобно Байрону, сражаться за свободу эллинов. «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы, — писал Пушкин одному из друзей в начале 1821 года. — Греция восстала и провозгласила свою свободу... Важный вопрос: что станет делать Россия... перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?»

Отношение к греческому восстанию на некоторое время стало центральной проблемой русской внешней политики. Именно греческие дела окончательно развели царя и графа Каподистрию. Тот пытался удержать соотечественников от восстания, опасаясь неудачи. Но когда восстание все-таки началось, он счел, что Александр I обязан выступить в защиту греков. Царь, однако, не склонен был поддерживать бунтовщиков — даже когда речь шла об освобождении единоверцев от чужеземного ига. Весной 1822 года отставка Каподистрии была решена.

Во главе Иностранного ведомства остался один Нессельроде. При Николае I оно было реорганизовано. Нессельро-

де получил звание вице-канцлера. Оставался он в этом звании до 1856 года.

Вице-канцлер, управлявший министерством, имел собственную канцелярию; при нем состояли три советника и пять «чиновников для особых поручений». Текущие дела вели четыре департамента. Департамент внешних сношений имел три экспедиции и литографию для изготовления дипломов и грамот. Азиатский департамент включал в себя «общее присутствие» и два отделения. При нем состояли семь драгоманов (переводчиков). В его ведении находились Оренбургская и Троицкосавская (в городе Кяхте, на границе с Китаем) пограничные комиссии. Департамент хозяйственных и счетных дел также подразделен был на два отделения. Департамент церемониальных дел состоял из обер-церемониймейстера и семи церемониймейстеров.

В ведении министерства находились и архивы: Государственный, Главный Санкт-Петербургский и Главный Московский.

Министерство должно было следить за «торговыми и прочими делами» русских подданных в других странах, наблюдать за «азиатцами» в империи, хранить государственные акты, конвенции, трактаты и все договоры, заключенные с другими державами. Но главной его задачей было, разумеется, проведение внешней политики посредством постоянных дипломатических сношений с иностранными правительствами — и через русские заграничные миссии, и через иностранные представительства в Петербурге.

Уже в начале XIX века Петербург получал регулярные дипломатические донесения из Европы, Азии и Америки. Конечно, самые тесные связи существовали у Петербурга с европейскими правительствами. Но интересы России пересекались также с интересами Турции, Персии, Китая. С первыми двумя странами Россия в начале XIX века неоднократно вое-

вала, а потом вела дипломатические переговоры и заключала соглашения. В Тегеране и Стамбуле Россия имела своих послов. Время от времени русское правительство посылало миссии в китайскую столицу.

Известно, что в 1829 году Пушкин безуспешно просил Николая I разрешить ему присоединиться к русскому посольству, отправлявшемуся в Китай.

В 1810-х годах в поле зрения русского дипломатического ведомства оказались острова Океании. В 1817 году в Петербурге было получено сообщение, что владетель двух островов Гавайского архипелага — король Каумуалии — желает принять русское подданство. Но королю в его просьбе было отказано. Дело в том, что присоединение островов, лежащих на важных торговых путях, неминуемо повлекло бы за собой осложнения в отношениях с Англией и Соединенными Штатами.

Русско-английские отношения после Венского конгресса становились все более прохладными. В то же время все большее сближение происходило между Россией и Соединенными Штатами. Когда в 1817 году в Петербург прибыл американский посланник Уильям Пинкни, Александр I принял его чрезвычайно дружелюбно и говорил ему о «поразительном сходстве между двумя странами». Секретарь американской миссии в донесении из Петербурга объяснял это расположение самодержавного императора к республиканским Соединенным Штатам следующим образом: «Мне удалось обнаружить, что между Россией и Англией существует сильное соперничество... В таких условиях растущее значение Соединенных Штатов как морской державы, естественно, привлекает внимание всех и особенно России, которая полагает, что они в недалеком будущем станут соперником Англии». Некоторое время спустя о том же самом писал в своих инструкциях русскому послу в Вашингтоне вице-канцлер

Нессельроде и добавлял: «Между Россией и Соединенными Штатами существует союз, который мы считаем важным развивать».

В 1824 году в доме графини Гурьевой на Невском проспекте, где жил Нессельроде, проходила дипломатическая конференция, в ходе которой был заключен договор о разграничении владений России и Соединенных Штатов на севере Американского континента. В 1832 году между Россией и Соединенными Штатами был заключен торговый договор, в то время как ни с какой другой державой (кроме непосредственных соседей — Пруссии и Швеции) Россия подобных соглашений не имела.

Из европейских держав к концу 1820-х годов Россия сближалась с Пруссией и Францией. Берлинский двор находился в наиболее тесных отношениях с петербургским двором — Николай I был женат на прусской принцессе. Русский император часто ездил в Берлин, а члены прусской королевской семьи посещали Петербург.

Дружественные отношения существовали также между Петербургом и Мадридом. Своей ролью в подготовке интервенции Священного союза в революционную Испанию Александр I снискал признательность короля Фердинанда VII. Русского посла в Мадриде П. Д. Татищева считали весьма влиятельным человеком при испанском дворе.

В пушкинское время русская дипломатическая активность простиралась от Китая на востоке до Аргентины и Перу на западе.

К концу 1830-х годов в Петербурге было более двадцати постоянных иностранных представительств. Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Соединенные Штаты, Дания, Швеция, Королевство Обеих Сицилий (или Неаполитанское королевство) были представлены не только послами или посланниками, но и консулами разных рангов — генеральными, просто

консулами, вице-консулами. Страны поменьше или не имевшие в России значительных интересов — Швейцария, Бразилия, герцогства Мекленбург-Шверинское, Ольденбургское, вольные города Ганновер, Гамбург, Бремен, Франкфурт-на-Майне — присылали в Петербург только консулов.

Лишь две миссии владели в Петербурге собственными домами. Французское посольство владело особняком на Дворцовой набережной близ Зимнего дворца, прусское посольство — на Гагаринской набережной. Некоторые послы покупали в Петербурге дома. Так, вюртембергский посланник князь Гогенлоэ-Кирхберг приобрел дом на Караванной улице. Но большинство дипломатов арендовало обширные квартиры. В доме князя Долгорукова на Дворцовой набережной жили шведский и баварский посланники, в доме княгини Бутеро на Английской набережной — английский посол и посланник Королевства Обеих Сицилий, в доме Салтыковых на Суворовской площади помещалось австрийское посольство, в доме Таля на Большой Морской — нидерландское.

Появление иностранного представителя в Петербурге обставляли по-разному: порой просто, а порой весьма пышно — в зависимости от ранга посла, характера его миссии и других обстоятельств.

Когда в августе 1830 года в Кронштадт прибыл американский посланник Бьюкенен, он провел первую ночь на корабле, а поутру его приветствовали начальник порта и комендант Кронштадтской крепости адмирал Рожков. Под гром орудийного салюта Бьюкенен пересел на пироскаф, который доставил его в Петербург. В порту посланника встречал американский консул. Посланник известил о своем прибытии исполнявшего в отсутствие Нессельроде обязанности главы Министерства иностранных дел князя Ливена и попросил назначить время для встречи.

Во время беседы с Ливеном американский дипломат узнал, когда он будет представлен императору. Беседа с Николаем была весьма дружественной, но краткой и деловой. Некоторое время спустя Бьюкенен писал сестре в Америку: «Мои домашние условия весьма комфортабельны. Я занял очень хороший дом на берегу Невы с прекрасным видом на эту величественную реку и корабли, входящие в изумительный и роскошный город... Летом здесь много капитанов американских кораблей и лиц, сопровождающих грузы».

Посла персидского шаха Аббаса принца Хозрев-Мирзу — особу царской крови — встречали в Петербурге гораздо торжественнее. Младший сын шаха приехал в Петербург в августе 1829 года, чтобы принести извинения за совершенный в Тегеране разгром русской миссии и убийство русского посла А. С. Грибоедова и передать императору в виде выкупа огромный алмаз.

Николай стремился сохранить дружественные отношения с Персией. Гибель Грибоедова не особенно его волновала. И принц был принят с почестями, подобающими «августейшей» особе. «Его высочество принц Хозрев-Мирза, — сообщала „Северная пчела“, — прибыл в здешнюю столицу водою 4 августа и около 8 часов пополудни вышел на берег у Таврического дворца, приготовленного для его принятия». Принца приветствовали обер-гофмаршал двора и генерал-губернатор. Несколько дней спустя ему была назначена публичная аудиенция у императора. В десять часов утра из Зимнего дворца в Таврический за принцем отправился генерал-адъютант граф Сухтелен. Затем из Таврического дворца в Зимний двинулась пышная процессия, напоминавшая шествие из балетной феерии. Впереди — дивизион конной гвардии, следом — унтер-шталмейстер императорского двора верхом и два берейтора, за ними — двенадцать дворцовых верховых лошадей «в богатом уборе». Далее следовала придворная карета, в которой приехал за принцем граф

Сухтелен, четыре дворцовые кареты, где сидели персидские чиновники, затем шесть дворцовых конюхов верхом, четыре скорохода, два камер-лакея и двадцать четыре лакея — все в ярких одеждах. Наконец, за лакеями следовала дворцовая карета цугом. В ней сидели принц и граф Сухтелен. Рядом с каретой ехали два камер-пажа и четыре кавалергардских и конногвардейских офицера. Шествие заключал дивизион кавалергардов. После аудиенции процессия с принцем прежним порядком двинулась из Зимнего дворца в Таврический. Принц Хозрев-Мирза гостил в Петербурге несколько недель и участвовал в придворных развлечениях.

Не столь красочными, но также весьма торжественными бывали в Петербурге приемы в честь европейских монархов и их родственников.

Что касается постоянно аккредитованных в Петербурге дипломатов, то они очень деятельно участвовали в придворной жизни. Летом посланников нередко приглашали в загородные царские резиденции. В Павловске их принимала вдовствующая императрица Мария Федоровна, угощала, возила на прогулки в открытых экипажах, вела с ними беседы. Николай I ежегодно устраивал роскошные летние праздники в Петергофе, Царском Селе и Гатчине: по утрам высшее общество и дипломаты наблюдали парады и маневры войск, а вечерами присутствовали на придворных балах и концертах. Французский поверенный в делах барон Бургоэн вспоминал о небывало блестящих праздниках 1830 года в Петергофе, где присутствовали принц Вильгельм Прусский, будущий король, и шведский наследник престола принц Оскар. Бургоэн пишет и о пышных балах зимой 1829/30 года по случаю заключения Адрианопольского мира: «Самый замечательный из них был бал при дворе, в котором явились боги и богини Олимпа, одни в богатых и изящных костюмах, другие в комическом одеянии. Русские и французские стихи были читаны или петы этими аллегорическими лицами».

Время от времени в Зимнем дворце устраивались утренние приемы для дипломатического корпуса. Дипломатов выстраивали в шеренгу, как солдат, и император, следуя вдоль ряда, здоровался и беседовал то с одним, то с другим. Порой Николай приглашал с собой дипломатов в инспекционные поездки. То он отправлялся осматривать Кронштадтскую крепость вместе с английским поверенным в делах, чтобы продемонстрировать представителю Лондона морскую мощь России. То, уезжая в Новгородские военные поселения, брал с собой французского дипломата, дабы похвастаться благоустройством и порядками, заведенными в поселениях Аракчеевым.

Большинство иностранных дипломатов стремилось к сближению с русским двором и высшим обществом. Такое сближение было существенным для успеха дипломатической деятельности в любой столице, а в Петербурге — особенно. «Петербургское общество, — писал французский дипломат, служивший в России в конце 1820-х — начале 1830-х годов, — всегда очень сдержанное в своих речах относительно вопросов внутренней русской политики, выражалось часто с некоторой свободой о делах других государств. При таких отзывах, особенно по делам Франции, можно было отличить оттенки партий...»

В России не было ни парламентской, ни газетной полемики, в которой высказывали бы свои взгляды представители различных общественных сил. Получить неофициальную информацию о том, что действительно происходит в стране, о настроениях в обществе и в правительстве иностранный дипломат мог только в столичных салонах и гостиных. Иностранные послы были постоянными посетителями гостиных вице-канцлера Нессельроде, председателя Государственного совета Кочубея, петербургского почт-директора Булгакова.

Многие иностранные дипломаты сами устраивали у себя приемы, вечера и балы, на которых собирался петербургский высший свет. В 1830-х годах одним из самых примечательных был салон австрийского посла Фикельмона. Его жена — Дарья Федоровна — приходилась внучкой Кутузову. В доме посла жила и мать Дарьи Федоровны, дочь Кутузова — Елизавета Михайловна Хитрово. О собраниях, хозяйкой которых по утрам бывала Е. М. Хитрово, а вечерами ее дочь, П. А. Вяземский впоследствии вспоминал: «Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаются в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты: в салонах этих можно было запастись сведениями о всех вопросах дня».

Частым гостем в доме Фикельмонов и Хитрово был Пушкин. В январе 1831 года поэт писал Е. М. Хитрово из Москвы: «Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы». Обсуждая в следующем письме к ней европейские дела, Пушкин замечал: «Итак, г-н Мортемар в Петербурге, и в вашем обществе одним приятным и историческим лицом стало больше. Как мне не терпится очутиться среди вас...» (Герцог Мортемар — французский посол в России.) Пристально следя за развитием международной ситуации, Пушкин в это время особенно интересовался политическими новостями из Парижа. Летом 1831 года поэт отозвался на европейские события стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Размышляя о судьбах России, изучая ее историю, Пушкин много занимался прошлым русской дипломатии. Взглядом историка оценивал современную ему внешнюю политику

страны. Составить себе достаточно полное представление о ней Пушкину помогало знакомство со многими русскими и иностранными дипломатами. Так, Пушкин был хорошо знаком с французским послом в Петербурге Барантом, сменившим Мортемара. Будучи литератором, Барант интересовался состоянием авторского права в России. Сохранилось письмо к нему Пушкина на эту тему.

Зловещую роль в дуэльной истории Пушкина сыграл нидерландский посланник в Петербурге барон Геккерн. По отзыву современника, это был человек, «которому все средства казались позволительны для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли». Из-за скандального участия в дуэльной истории Пушкина Геккерн был выслан из Петербурга.

В общественной жизни России Пушкин играл столь существенную роль, что известие о его смерти стало предметом обширной дипломатической переписки. Многие иностранные дипломаты послали своим правительствам подробные донесения о гибели Пушкина.

«Смерть Пушкина представляется здесь как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие... — писал в Берлин прусский посланник, — думаю, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перепробовало до 50 000 лиц всех состояний».

То, что весть о гибели Пушкина сделалась темой дипломатических депеш, свидетельствовало о значении этого события для России. Интерес западных правительств к судьбе великого поэта говорит еще и о возраставшем значении Петербурга в европейской жизни — не только экономической и политической, но и умственной, духовной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Все флаги в гости будут к нам»

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...

Так во вступлении к «Медному всаднику» передал Пушкин надежды основателя Петербурга на будущее новой столицы — центра торговых связей России с Европой и всем миром.

К началу второго столетия существования Северной столицы эти надежды уже вполне оправдались. Петербург стал важнейшим торговым центром империи, крупнейшим портом, принимавшим большую часть пришедших в Россию купеческих кораблей.

Корабли приходили из Германии, Англии, Франции, Дании, Голландии, Швеции, стран Америки и Африки — до двух тысяч в год. Как сообщала газета «Северная почта» 18 июня 1815 года, только «с 23 мая по сие число прибыло к здешнему порту 327 купеческих судов, в том числе российских 16, английских 182, прусских 22, шведских 19, норвежских 7, датских 17, португальских 5, голландских 5, гамбургских 1, любекских 8, ростокских 14, мекленбургских 18, ольденбургских 3, бременских 3 и американских 7. Из сих судов 198 прибыли с балластом, а прочие с разным товаром, как то: с вином, устрицами, сельдями, плодами, буковым деревом и проч.».

Товaroоборот Петербургского порта составлял более половины всего внешнеторгового оборота России, хотя годовая продолжительность его работы не превышала 210 дней (остальное время он был скован льдом).

Вывозили через столичный порт все, что издавна составляло предметы русского экспорта, — «товары в первоначальном виде, рукоделию служащие», то есть сырье: лес, сало, лен, пеньку, щетину, шерсть, а также рожь, пшеницу, уральское железо, некоторые изделия из волокна и кожи. Ввозили «колониальные товары» — кофе, чай, сахар, экзотические фрукты, в немалом количестве высокосортные виноградные вина, дорогие ткани, редкие сорта древесины и на огромные суммы предметы роскоши —

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам...

(«Евгений Онегин»)

Товaroоборот Петербургского порта увеличивался из года в год. Если в 1816–1820 годах он выражался по вывозу в сумме 93,5 миллиона рублей ассигнациями и по ввозу в сумме 114,5 миллиона рублей, то в 1831–1835 годах эти суммы выросли до 106,5 миллиона рублей по вывозу и 222,5 миллиона рублей по ввозу.

Русский торговый флот, приписанный к Петербургскому порту, был невелик. В целях его увеличения правительство поощряло создание акционерных обществ для эксплуатации пароходов, даровало им различные привилегии. Так, образованное в 1830 году «Общество акционеров для учреждения постоянного сообщения между Санкт-Петербургом и Любеком посредством пароходов» получило исключительные привилегии на перевозку грузов и пассажиров в гава-

ни и из гаваней Балтийского моря к югу от 55° северной широты. Общество владело большими пароходами.

До середины XIX века порт находился на Стрелке Васильевского острова, в самом сердце столицы. Лес мачт с пестрыми флагами был виден из разных частей города.

Многочисленные сооружения порта занимали обширную территорию. Причальные линии располагались со стороны Малой Невы.

В начале века архитектор А. Д. Захаров создал проект благоустройства территории порта. В 1805–1810 годах было воздвигнуто новое здание Биржи с двумя роstralными колоннами — маяками. Во второй половине 1820-х — начале 1830-х годов на месте старых, сильно пострадавших от наводнений складов построили новые каменные пакгаузы, защищенные от затоплений. Размеры их были весьма значительны — только верхний этаж одного из них вмещал 300 тысяч пудов сахара. Пакгаузы располагались симметрично к югу и к северу от Биржи по набережным Большой и Малой Невы. Рядом с северным пакгаузом поднялось парадное трехэтажное здание Таможни с белоколонным портиком и башней (архитектор И. Ф. Лукини). У самой оконечности Стрелки, где в XVIII веке стоял «илюминационный театр» и в дни торжеств жгли фейерверки и устраивали илюминации, был разбит сквер, привлекавший в весеннее и летнее время немало гуляющей публики.

Во всем городе не было места более людного и шумного, чем порт. Разноязыкая речь доносилась с кораблей. Перекликались рабочие, переносившие на плечах или с грохотом катившие на тачках огромные тюки, мешки, ящики. Рабочих было множество — главным образом из приехавших на заработки в столицу оброчных крестьян. Купцы и маклеры делились коммерческими новостями. Иностранные мат-

росы и шкиперы громко предлагали всякого рода диковинные товары — «богатства всех поясов земли». Множество зевак толпилось вокруг них.

Здесь можно было купить шелка и алмазы, устрицы и апельсины, попугая и обезьянку, ньюфаундлендскую собаку и шотландского пони, даже вывезенного из Константинополя арапчонка... «Это страна коммерции, торговых оборотов, прибежище иностранцев, негоциантов и спекулянтов», — восклицал петербуржец. Оживленная торговля шла в Старом и Новобиржевом гостиных дворах, особенно в ларях и лавках, построенных на площади перед зданием Биржи. Их было больше 250. Здесь петербуржцы могли полакомиться редкими заморскими кушаньями. П. А. Вяземский 12 мая 1828 года писал жене: «Вчера ездили мы с Карамзинными Невою на Биржу есть устрицы и слушать тысячи птиц, которые в клетках расставлены на несколько этажей... Тот было бы тебе объедение на Бирже: устрицы, сыры, разные сласти».

Величественное, монументальное здание Биржи в духе античных храмов, окруженное мощной колоннадой, украшенное на фронтонах скульптурами Нептуна, Навигации и Меркурия, символизировало экономическую мощь Российской империи. Это был центр всей оживленной коммерческой деятельности портового города. В огромном светлом зале, занимавшем центральную часть здания, купцы, русские и иностранные, спорили, торговались, заключали сделки и подписывали контракты на многие миллионы рублей, марок, франков, фунтов стерлингов.

Биржа, как определял ее устав, изданный в 1832 году, «есть собрание принадлежащих к торговому сословию лиц, которые собираются в одном известном месте для удобства взаимных сношений и сделок по всем оборотам торговли

и промышленности». Петербургское купечество собиралось в огромном зале Биржи ежедневно, кроме воскресенья и больших праздников, с 3 до 6 часов пополудни. Два дня недели — вторник и четверг, — накануне отправления заграничной почты, назывались курсовыми, и в эти дни объявлялись новые курсы ценных бумаг. Раз в год (биржевой год начинался 1 мая, с началом навигации) созывалось общее собрание биржевого купечества, которое выбирало Биржевой комитет. В обязанности комитета, председателем которого был городской голова, входило следить за «благочинием» собраний, не допускать незаконных маклерских сделок, выступать посредником в спорах, ограждать купцов «от неудовольствий и обид».

Заключать биржевые сделки разрешалось купцам первой и второй гильдии, как русским, так и иностранным, заводчикам, фабрикантам. «Иностранные гости» — лица, занимавшиеся оптовой торговлей и «принявшие временное подданство в приморских портовых городах», — также пользовались правом заключать биржевые сделки и вести торг, но с ограничениями.

В заключении сделок большую роль играли биржевые маклеры — ловкие, пронырливые дельцы, владевшие иностранными языками, хорошо осведомленные в биржевой конъюнктуре и всегда готовые прийти на помощь своим клиентам, конечно не без существенной для себя выгоды (они работали на процентах). Выгода эта была столь значительна, что наряду с маклерами штатными, «утвержденными правительством по выбору и удостоверению купечества» в количестве ста человек, появлялись незаконные, самозванные, с которыми властям приходилось вести борьбу.

Важная роль в деятельности порта принадлежала Таможне. Недаром для нее, как и для Биржи, выстроили такое

торжественно-величественное здание в непосредственной близости от причалов.

Таможенные узаконения были строгие. За нарушения их полагалось суровое наказание — крупный штраф и конфискация товара, а то и тюремное заключение. Согласно этим узаконениям корабельщик по приходе в гавань обязан был «в 24 часа, считая, как бросит якорь, выключая бури, явиться лично в Таможню и по представленным коносаментам (грузовым росписям) написать о своем грузе декларацию в дубликате. В ней означаются: имя корабля и корабельщика и какой нации; откуда пришел, в сколько дней, к кому адресован; сколько корабль его имеет ластов и на столько футов имеет в глубину; товары, груз корабля составляющие; число пассажиров; имена корабельных служителей и кто из них какой нации...». Декларация писалась корабельщиком на родном языке, на листе гербовой бумаги стоимостью 50 копеек.

Каждому входящему в порт судну корабельный смотритель устанавливал строго определенное место стоянки и место выгрузки товаров, предварительно самым тщательным образом проверив паспорта, карантинные виды и коносаменты. Затем он «опечатывал все люки, проходы и места, так, чтобы ничего вынуть нельзя было», и для присмотра ставил на корабль досмотрщика. Пока это не сделано и корабль не досмотрен, никто не должен был на него входить и что-либо сносить с корабля.

Таможенные пошлины были весьма значительные и приносили казне ежегодно десятки миллионов рублей дохода. Однако правительство в целях расширения внешнеторговых связей время от времени их снижало. 26 марта 1830 года был издан «высочайший указ», по которому снижались пошлины на ввоз многих товаров. «Меры сии, — говорилось

в указе, — будут иметь благотворное влияние на ход нашей промышленности, возрождая соревнование в русских фабрикантах и прекращая всякие монополии».

Вся деятельность столичного порта, с Биржей и Таможней, находилась под контролем Министерства финансов, во главе которого с 1822 года в течение более двадцати лет стоял Е. Ф. Канкрин — один из самых образованных и деятельных сановников в тогдашнем правительстве. В составе министерства был специальный Департамент внешней торговли, помещавшийся в 1820-х годах на набережной Мойки, близ Синего моста, а позже в здании Главного штаба. Департамент имел четыре отделения: торговых внешних сношений, таможенное, судное и счетное. В обязанность его входил сбор сведений о конъюнктуре на мировом рынке, выяснение потребностей в русских товарах за границей и наблюдение за их транспортировкой и сбытом, а также за транспортировкой ввозимых в Россию товаров и их сбытом, утверждение торговых тарифов и уставов, борьба с контрабандой. Последней уделялось особое внимание.

Торгово-коммерческой деятельностью в Петербурге занимались не только отдельные купцы, но и акционерные общества и компании. Выше уже шла речь об «Обществе акционеров для учреждения постоянного сообщения между Санкт-Петербургом и Любеком посредством пароходов». Активную деятельность развернула созданная еще в 1799 году Российско-американская компания, имевшая целью освоение богатств русских владений на Аляске и вдоль западного побережья Северной Америки и установление торговых связей со странами Американского континента. Ей было предоставлено право на монопольную добычу пушнины.

Главным предметом хозяйственной деятельности компании была ловля «морских и земных зверей». Особенно

прибыльным оказался промысел «морских котов» и «морских бобров» у Алеутских островов и в Беринговом проливе. За первые двадцать лет своего существования от промысла пушнины, моржовой кости, китового уса и прочего компанией было выручено 16 370 тысяч рублей. И если бы не бесхозяйственность и воровство чиновников, объем промысла и вырученная сумма могли бы быть значительно больше. За это время компания основала 15 поселений. Центром колонии был город Ново-Архангельск, где проживало 220 русских и 1000 туземцев. Всего в Русской Америке жили 350 русских — корабельных мастеров, чиновников, солдат, 250 креолов и 8500 индейцев, алеутов, эскимосов. Для промысла «морского зверя», для связи с метрополией, а также странами Северной и Южной Америки Российско-американская компания в разное время построила сама и приобрела 32 судна.

Деятельность компании содействовала развитию русско-американской торговли. В Петербурге американцы основали несколько крупных торговых фирм. Среди них особенно выделялись торговые дома Льюиса, Клеменца и Берса, Штиглица, Вильсона. В 1820 году из Петербургского порта вышло 66 принадлежавших им кораблей, а в следующем, 1821 году только Льюис отправил 25, и в его адрес прибыло 34 корабля — из Соединенных Штатов, Бразилии, Кубы, европейских стран — с грузом сахара, кофе, хлопка, красок. Главными предметами вывоза из Петербурга в Америку были полосовое железо, пенька, снасти, парусное полотно. Лишь объем английской торговли с Россией был больше американского.

Российско-американская компания сначала находилась в ведении Министерства внутренних дел, затем Министерства финансов. Возглавляло ее Главное управление, состояв-

шее из нескольких директоров. С 1820-х годов оно занимало просторный особняк на набережной Мойки, возле Синего моста.

Управляющим делами компании с 1824 года был К. Ф. Рылеев. Декабристы и передовая молодежь вообще проявляли к деятельности компании живой интерес. Декабрист Д. И. Завалишин, совершивший в 1822–1824 годах кругосветное плавание и побывавший в русских селениях Америки, предложил властям значительно расширить калифорнийский форт Росс. Как вспоминал другой декабрист, А. П. Беляев, они мечтали, «что это местечко, населившись, должно сделаться ядром русской свободы».

В 1828 году А. С. Грибоедов представил правительству проект Российской Закавказской компании, создание которой должно было способствовать экономическому развитию южных окраин империи. Однако царь не одобрил замыслов Грибоедова — смелые и обширные начинания, даже если они касались только торговли и промышленности, вызывали страх у Николая I и его окружения. Руководившие страной помещики и бюрократы боялись подорвать основы существовавшего в России крепостнического строя.

Тем не менее жизнь брала свое. Коммерческая деятельность разрасталась, и прежде всего в Петербурге. На страницах столичных газет регулярно публиковались «Коммерческие известия» — сообщения о размерах экспорта и импорта, «находящихся в движении» капиталах, «вексельный и денежный курсы». «Северная пчела» в первом же номере за 1830 год, например, сообщила «Правила о вкладах и ссудах в банковских установлениях». Издавались «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости», «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли». В 3-й книжке «Современника» Пушкин напечатал статью В. Золотницкого «Государ-

ственная внешняя торговля 1835 года». В столице не было еще частных банков, но действовали государственные банки, подведомственные Министерству финансов. Частный коммерческий кредит осуществлялся в виде кредита под векселя и ростовщических операций.

Государственных банков было три — Заемный, Ассигнационный и Коммерческий.

Государственный заемный банк вел свои операции в солидном собственном доме близ Банковского моста, на углу Большой Мещанской улицы и Конного переулка. Операции состояли из приемов вкладов из расчета 4 процента годовых и выдачи займов под залог имений, фабрик, горно-заводских предприятий, каменных домов (минимальный размер ссуды составлял 5000 рублей на три срока — 15, 26 и 37 лет, в течение которых заемщик должен был внести занятый капитал с соответствующими процентами). В 1837 году сумма всех операций банка составляла 2 448 156 рублей серебром.

Государственный ассигнационный банк, занимавший великолепное здание, построенное Д. Кваренги на Большой Садовой, выпускал ассигнации и обменивал их на медную монету. В его ведении находилась Экспедиция заготовления государственных бумаг, владевшая собственным домом на Фонтанке, близ Египетского цепного моста.

Государственный коммерческий банк, помещавшийся на Екатерининском канале, близ Невского проспекта, отличался тем, что в правление его, кроме правительственных чиновников, входили представители петербургского купечества. Он главным образом и призван был содействовать развитию промышленности и торговли, особенно внешней — «поддерживать русских купцов, торгующих при С.-Петербургском порте». Но его деятельность не была особенно значительной. Операции включали прием вкладов из 4 процентов годовых и выдачу ссуд.

Ростовщиков в Петербурге было много — из купцов, мещан, а то и из дворян. Законом предусматривалось, что «заимодавцам дозволяется брать рост с капитала, отданного в долг, но не свыше шести рублей на сто в год; взимание же роста в количестве свыше узаконенного, именуется лихою, которая наказывается лишением всего капитала». Однако закон оставался законом, а ростовщики грабили нуждающихся, как могли. Некоторые из них нажили значительные капиталы и считались богатейшими людьми в столице.

Не раз в трудные минуты приходилось пользоваться услугами петербургских ростовщиков и Пушкину. В 1830 году он взял по заемному письму у некоего полковника Л. И. Жемчужникова 12 500 рублей, и процентов по этому долгу было уплачено 1389 рублей. В 1834 году у титулярного советника И. И. Татаринова поэт занял «за указанные проценты» 4000 рублей. В течение 1836 года также «за указанные проценты» у прапорщика В. Г. Юрьева — 13 900 рублей и у отставного подполковника А. П. Шишкина под залог 12 500 рублей (к этому ростовщику Пушкин обращался и ранее, оставляя в залог столовое серебро, драгоценности и шали Натальи Николаевны).

Финансово-коммерческими операциями занимались и такие учреждения, как Государственная комиссия погашения долгов и Санкт-Петербургский опекунский совет. Последний имел в своем составе Сохранную казну, принимавшую вклады с выдачей процентов, как Заемный банк, Ссудную казну (ломбард), выдававшую ссуды от 10 до 1000 рублей под заклад вещей, и Вдовью казну для обеспечения содержания вдов и семейств после смерти вкладчиков. Но к развитию промышленности и торговли деятельность этих учреждений прямого отношения не имела.

В 1827 году было открыто в Петербурге «Первое общество для страхования от огня домов и прочего имущества».

Вскоре появилось второе такое общество, затем третье, а также общество страхования товаров, транспорта, капиталов.

Одно за другим возникали различные основанные на акционерных началах общества. К 1836 году в Петербурге их было уже более двадцати. Среди учредителей некоторых из них оказались виднейшие сановники. Около тысячи акций Второго страхового от огня общества приобрели члены Государственного совета.

На столичной бирже началась торговля акциями, «биржевая игра». Биржевые спекуляции достигли значительного размаха. Люди, мало сведущие в коммерции, скупали подряд все «ценные бумаги», не заботясь о том, приносят ли они какой-либо реальный доход. Нашлись мошенники, которые стали продавать акции фиктивных предприятий. Присвоив деньги, они исчезали. Дело кончилось разорением многих доверчивых простаков и шумным скандалом.

Воздействие «делового» Петербурга — торгового и финансового центра государства — на повседневную жизнь петербуржцев было двойственным. С ростом коммерческой деятельности эта жизнь становилась разнообразнее и напряженнее, но вместе с тем ею все больше овладевал дух меркантилизма, все явственнее тяготела над ней мрачная власть денег.

Пушкин подметил те новые черты, которые нес с собою «век-торгаш», и создал образ героя, на многие годы ставшего, по выражению ф. М. Достоевского, «самым петербургским типом» русской литературы. «Деньги, — вот чего алкала его душа!.. Ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его. Он не чувствовал угрызания совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения» — так писал Пушкин в «Пиковой даме» о своем Германне.

Представление о разрушающей людскую душу силе золота, о фигуре «приобретателя» (ведь это Пушкин подарил Гоголю сюжет «Мертвых душ») возникало в сознании Пушкина как результат обобщения бесчисленных ежедневных впечатлений, которыми дарил его огромный торговый и промышленный город.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Встает купец, идет разносчик»

И купец, и разносчик не случайно упомянуты в описании петербургского утра в «Евгении Онегине».

Торговля в Петербурге пушкинского времени процветала. Гостиные дворы и рынки. Магазины и лавки: серебряные, галантерейные, сапожные, парфюмерные, суконные, меховые, шляпные, перчаточные, сапожные, холстяных и шелковых товаров, военных вещей, мужского, женского и маскарадного платья, табачные, мыльные, писчебумажные, щеточные, ламповые и посудные, игрушечные, чайные, хлебные, кондитерские, фруктовые, овощные, колониальных товаров, водочные, виноградных вин, сбитенные... Мучные лавазы, живорыбные садки...

Сухопутные и водные пути прочно связали Петербург с внутренними губерниями страны. К старой Вышневолоцкой водной системе, соединявшей бассейны Невы и Волги, в начале XIX века прибавились две новые — Мариинская и Тихвинская. Дороги, хотя и пребывали в плачевном состоянии, местами улучшились. По рекам и каналам, по дорогам, ведущим в столицу, тянулись караваны барж, обозы с всевозможным грузом. Зерно, крупу и муку доставляли главным образом из черноземных губерний и Поволжья, мясо — с Украины, из Оренбурга и «земель казаков», то есть казахов, а также от калмыков и киргизов — оттуда большими

и малыми гуртами пригоняли быков на убой; дичью снабжали Олонецкая и Вологодская губернии; рыбой — Беломорье и Астрахань, рыбаки с Псковщины и Приладожья; «хлебное вино» привозили из Лифляндии, Смоленска, Пензы...

Снабжали Петербург съестными припасами, особенно овощами, молоком, и соседние уезды. Но основная их масса шла издалека.

Склады для оптовой торговли, так называемые «буяны», находились на берегах Невы. Сальный буян — в Четвертой Адмиралтейской части. Масляный, Сельдяной и еще один Сальный — на Васильевском острове. Пеньковый буян — на Петербургской стороне.

Оптовая торговля хлебом велась на Бирже, а также в трактире «Хлебная биржа» на Калашниковской набережной. Там была главная стоянка барж с хлебом. Грубо сколоченные баржи и другие плоскодонные суда, на которых доставляли продовольствие в Петербург, после разгрузки ломали, бревна и доски пускали на дрова и плотницкие поделки — гнать пустые баржи обратно, особенно против течения, не было расчета.

Оптовая торговля мясом, маслом, яйцами производилась главным образом на Никольском рынке, овощами и фруктами — в Апраксином и Щукином дворах, скот гуртом продавали на Мытном дворе и Торговом, близ Московской заставы.

Описывая раннее петербургское утро, А. Башуцкий рассказывает: «Между тем изредка начинает быть слышим шум колес; мостовые звучат под тихим и мерным шагом больших, здоровых ломовых лошадей, которые тащат роспуски, тяжело нагруженные дровами, припасами и строительными материалами; с этим шумом смешиваются какие-то странные крики, какие-то чудные напевы, звонкие, отрывистые, продолжительные, пискливые или хриплые. Это продавцы

овощей, мяса, рыбы, молочницы, колонисты с картофелем и маслом; они идут и едут с лотками, корзинами, кувшинами...»

Пожалуй, самой заметной фигурой на петербургской улице, невольно привлекавшей внимание, была фигура мужика-разносчика с подносом на голове, или с лотком перед грудью, или с тележкой, или с санками. Сотни и сотни этих «расхожих продавцов» оглашали улицы города криками:

— Сайки, сайки! Белые, крупчатые, поджаристые!

— Садовый вареный чернослив крупный! По грушу, по варену, по грушу!

— Прекрасные фиалы! Левкои, гвоздики, ерани! Купите, барыня!

— Сахарны конфекты! Коврижки голландски! Жемочки медовы! Патрончики! Леденчики! Кто бы купил, а мы бы продали!

На Садовой, на Гороховой, на Вознесенском, на Фонтанке бойко шла торговля вразнос сбитнем и апельсинами, дичью и рыбой, студнем и солеными грибами, книгами и кухонной посудой, гипсовыми бюстами греческих философов и поношенной одеждой...

В те ранние часы, когда на улицах появлялись первые разносчики, повара и кухарки из богатых домов отправлялись на рынки. Спешили туда и хозяйки, что победнее, сами закупавшие провизию.

В первой трети века в Петербурге было несколько рынков.

Круглый рынок, названный так по форме своей постройки, помещался на Мойке, против здания Главных конюшен. Он обслуживал аристократическую Первую Адмиралтейскую часть города. Здесь торговали главным образом мясом, рыбой, мукой, зеленью.

Большой и Малый Никольский рынки находились в Третьей Адмиралтейской части, у Никольского собора. Здесь мож-

но было найти муку, рыбу, мясо, кур, масло, овощи, а также веревки, пеньку, краску, нитки и разные мелочи.

Так называемый Пустой рынок в Литейной части, у церкви Пантелеймона, торговал всевозможными съестными припасами.

На Андреевском рынке — между 5-й и 6-й линиями Васильевского острова — также продавали съестные припасы.

Сытный, или Обжорный, рынок на Петербургской стороне, против крепости, торговал в деревянных лавках и ларьках съестными припасами, железом, посудой, пенькой.

В Московской части имелось два рынка — Ямской и Кузнечный.

Торговый рынок, или Мясной ряд, был против Большого театра в Четвертой Адмиралтейской части.

Самым большим, самым дешевым, а потому и самым многолюдным рынком столицы был расположенный на Сенной площади, которую рассекала надвое проходящая через нее Большая Садовая улица. Рынок тянулся по обе ее стороны. В 1830-е годы его отделили от проезжей части улицы зеленой деревянной балюстрадой. На Сенном рынке торговали в лавках, с ларей, с возов и вразнос. Здесь можно было купить корм для многочисленных петербургских лошадей и коров — овес, сено, солому; кроме того, глиняную посуду и другую домашнюю утварь, всевозможные съестные припасы. «Здесь селянин обыкновенно сбывает с рук свои произведения, а потому и толпящегося народа великое множество, так что часто с трудом продрасться можно», — писал в 1820 году составитель «Новейшего путеводителя по Санкт-Петербургу». Особенно изобилен бывал Сенной рынок накануне Рождества. Покупателей собирались тысячи, и всякий выбирал товар по своим возможностям. Дворецкий знатного барина здесь торговал целый воз дичи, повар выбирал поросята, чиновник в потертой шинели прижимал к груди куп-

ленную на последний рубль утку, жительница Коломны отсчитывала медяки за гусиные потроха. С раннего утра до позднего вечера на Сенном рынке не прекращалась торговля.

Живя в доме Волконской на Мойке, Пушкины пользовались ближайшим, Круглым рынком. После смерти поэта среди бесчисленных его долгов оставались и долги в лавки Круглого рынка. В свечную лавку купца Богомолова, где брали ламповое масло, восковые и сальные свечи, фитили, мыло, задолжали 614 рублей 84 копейки. Долг за съестные припасы, купленные на рынке, составил более 100 рублей.

За январь 1837 года Пушкиным было взято в лавке купца Дмитриева, на Невском проспекте в Милютинских рядах, масла, сыру, чаю, кофе, лимонов и прочего, а также лампового масла, фитилей и другого на 204 рубля 60 копеек, в булочной — на 26 рублей 98 копеек и в других лавках разной провизии на 570 рублей 42 копейки. За дрова в месяц платили 210 рублей.

В городе было много мелочных лавочек, так называемых «лавок под домами», часто помещавшихся в подвальных этажах. Здесь торговали всем — хлебом и мылом, пирогами и селедками, мануфактурой, сахаром, кофе, чаем, бумагой, свечами.

Эти лавочки служили своего рода клубами для невзыскательных покупателей. Сюда заходили слуги, извозчики, солдаты, забегали посыльные, разносчики, ремесленники. Здесь обсуждали городские новости, толковали о политике и других предметах. Не случайно в «Ревизоре» Гоголя слуга Хлестакова Осип говорит, вспоминая свою петербургскую жизнь: «...компания захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер* расскажет про лагерь и объявит, что всякая звезда

* *Кавалер* — солдат, награжденный медалью или Георгиевским крестом.

значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредет, горничная иной раз заглянет такая... Фу, фу, фу!»

Лавки и лавочки были разбросаны по всему городу. Но кондитерские, «магазины с товарами» и «магазины с модами» располагались почти все в центре. Так, в середине 1810-х годов из 134 «магазинов с товарами» 90 находились в Первой Адмиралтейской части. Из 54 «магазинов с модами» — 48 торговали в трех Адмиралтейских частях.

Торговым центром города был Невский проспект с прилегающими к нему улицами — «постоянное торжище и самое деятельное и живое место всей столицы». На Невском проспекте не составляло труда одеться с головы до ног, удовлетворить все свои прихоти.

К Невскому проспекту был обращен своим главным фасадом Большой гостиный двор. Это огромное двухъярусное здание с открытой галереей, построенное в XVIII веке архитектором Ж.-Б. Валлен-Деламотом, выходило еще на Большую Садовую улицу, Думскую улицу и Чернышев переулок. Каждая сторона Гостиного двора называлась «линией». Обращенная к Невскому — Суконной. Та, что шла вдоль Думской улицы, — Большой Суровской или Шелковой. Обращенная к Большой Садовой — Зеркальной. Протянувшаяся по Чернышеву переулку — Малой Суровской.

Оптовая торговля всевозможными товарами велась внутри двора, где были склады. Розничная — в лавках на всех четырех линиях. Лавок насчитывалось более трехсот. На Суконной продавали сукна, шерстяные ткани, бархат. На Большой Суровской, вернее Сурожской, — шелка, которые привозили из-за Сурожского, то есть Азовского, моря, а также из Франции. На Зеркальной линии торговали «светлым товаром» — зеркалами, фарфором, фаянсом, женскими украшениями, галантереей, обувью. И еще в Гостином дворе

производилась торговля «мебелями», бронзой, железным, медным, оловянным и жестяным товаром, инструментами, книгами, писчею бумагой, картинами, игрушками и прочим.

Гостинодворские купцы и их приказчики — сидельцы умели как никто зазывать покупателей. Стоя перед лавкой, они в самых заманчивых выражениях расхваливали свои товары, их дешевизну и добротность. Завидев хорошо одетого прохожего, буквально хватали его за полы и тащили в лавку. Отделаться от них было непросто.

В 1830 году в нескольких номерах газеты «Северная пчела» печатались очерки под названием «Письма провинциалки из столицы», рассказывающие о столичной жизни. Вот что писала «провинциалка» о Гостином дворе: «Я хоть и патриотка, но не люблю покупать в Гостином дворе. Для меня несносен этот гостинодворский обычай зазывать в лавку. Чуть взглянешь на двери, тотчас и зашикали: чего прикажете-с, чего угодно-с, есть лучшие товары-с, петинеты-с, шелковые материи-с, кружева-с. Войдешь в лавку, спросишь чего-нибудь, начинается раскладка товаров, сперва самой низкой доброты, а потом постепенно все лучше и лучше, если приметят, что знаются на товарах. Беда неопытным! К цене нельзя примениться; запрашивают вдесятеро и более, торгуются, складывают товары, опять раскладывают, то выпускают из лавки, то удерживают, то просят возвратиться! Настоящая комедия! И точно надобно уметь сыграть свою роль, не показать ни голосом, ни движением, что вещь нравится, а не то тотчас запросят в двадцать раз более настоящей цены. А между тем, пока торгуешься, холодный ветер продувает насквозь, сырость падает на грудь».

Лавки в Гостином дворе не отапливались. Торговля кончалась засветло. Во избежание пожаров зажигать огонь запрещалось.

Недалеко от Большого гостиного двора, близ Екатерининского канала, находился Малый гостинный двор. Между Большим и Малым гостинными дворами — Перинный, или Бабий, ряд. Напротив, внизу здания Городской думы помещались лавки: те, что выходили на Невский проспект, назывались Серебряным рядом.

В нескольких минутах ходьбы от Большого гостиного двора и Невского проспекта по Большой Садовой находились Щукин и Апраксин дворы.

В 260 лавках и лавочках Щукина двора торговали всем на свете, начиная от изделий из серебра и кончая певчими птицами. Здесь можно было купить шерстяные и льняные ткани, свечи, разную посуду, обувь, одежду, иголки, нитки, ленты, травы и семена, фрукты, грибы, а также картины и гравюры.

В Апраксином дворе, где было также более 200 лавок, торговали платьем, обувью, холстами, кожами, железом, новой и подержанной мебелью. Там же внутри был «толкучий» рынок, где производилась «мелочная продажа разного платья и разных вещей, составляющих потребность простолюдья».

Роскошные магазины на Невском проспекте почти все содержали иностранцы. Английский магазин, Итальянский, Голландский... Вывески пестрели иностранными фамилиями. Магазин лучших в городе шляп Циммермана, магазин отличных ситцев русского изделия Битенпажа, старейший в Петербурге косметический магазин Герке, магазин мужского платья Едера... «Прелестные галстуки можно найти в Итальянском магазине у Аничкова моста. Кстати об Итальянском магазине: знают ли наши читательницы и читатели, что французские перчатки, особенно лучших сортов, например, дамские с розетками и мужские механические, скоро вздорожают! Это, верно, потому, что на них положены боль-

шие пошлины. Советуем запастись ими и уверяем наших читателей, что нигде не найдут их лучше и дешевле, как в том же Итальянском магазине». Так усердствовала «Северная пчела». А в «Письмах провинциалки из столицы» можно было прочесть настоящий панегирик Английскому магазину Никольса и Плинке, который находился на углу Невского проспекта и Большой Морской. Это был первый в Петербурге универсальный магазин. «Английский магазин есть столица всех магазинов. Не знаю, почему он называется Английским, ибо в нем продаются русские, французские, немецкие и всякие товары, бриллианты и глиняная посуда, золото, серебро, бронза, сталь, железо, посуда, всевозможные ткани для женских уборов и платья, все принадлежности дамского и мужского туалета, и... вместе с духами, помадою и кружевами, вино, ликеры, горчица и даже салат в банках... Тут охотничье ружье, там хрусталь, тут кисея, ситцы, там шелковые ткани, здесь мужские шляпы, там дамские италийские; здесь кожаные чемоданы, ковры, тут бриллиантовые вещи и ордена, там иголки, здесь готовые платья, плащи, шинели... Непостижимое дело! Мне кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а универсальным».

По мнению «провинциалки», магазины выгодно отличались от гостинодворских лавок: «В магазинах... никто тебя не беспокоит. Товары лежат: смотри, любуйся, хочешь — купи, не хочешь — сядь и отдохни... Здесь не торгуются в магазинах: сказано слово — и должно платить... Впрочем, купцы в магазинах такие вежливые, услужливые, так хорошо одеты и, кажется, такие образованные, что торговаться право стыдно».

«Высшее общество» покупало в магазинах. Возле них останавливались кареты, из которых выходили нарядные дамы. Сюда спешили светские франты. 8 марта 1819 года офицер

лейб-гвардии Гусарского полка Василий Олсуфьев записал в своем дневнике: «Погода прекрасная. Обедал у Чаадаева, где был Пушкин; много говорили; он нам читал свои сочинения. Потом я с Чаадаевым пошел пешком, заходил в Английский магазин».

В 1830-е годы в магазинах на Невском проспекте можно было встретить молодую красавицу, которая, близоруко щурясь, рассматривала товары, — Наталья Николаевна Пушкина охотно посещала модные магазины. Несмотря на стесненные обстоятельства, Пушкину приходилось тратить много денег на наряды жены. Так, в январе 1837 года он заплатил только за головные уборы Натальи Николаевны в модный магазин Мальпар 411 рублей. В Английский магазин Пушкин остался должен 2015 рублей 12 копеек. В счете среди прочего значилось: 9 аршин шелковой материи — 58 рублей 50 копеек, 16 аршин гро-грена — 104 рубля, 44 аршина гро-грена — 264 рубля, $3\frac{1}{2}$ аршина бархата — 70 рублей, платок — 40 рублей, пара серег — 110 рублей, браслет — 150 рублей, пряжка — 150 рублей и т. п. Опека, учрежденная над детьми и имуществом Пушкина после смерти поэта, заплатила его долги и Английскому магазину.

Как свидетельствует статистика, жизнь в Петербурге с каждым десятилетием дорожала. Бумажный ассигнационный рубль резко падал в цене, стоимость товаров, и прежде всего предметов первой необходимости, повышалась. С 1804 по 1836 год цена на ржаную муку возросла более чем в три раза, на пшеничную — более чем в два, на мясо — почти что втрое. Положение рабочих казенных заводов, мелких чиновников, разночинцев-учителей, всякого рода «оставных» и вдов, живущих на мизерную пенсию, было бедственное, так как размеры жалованья, пособий, установленные еще в начале века, не менялись.

Я не богат, в том нет сомненья,
И у Параши нет имения,
Ну что ж? какое дело нам,
Ужели только богачам
Жениться можно? я устрою
Себе смиренный уголок,
Кровать, два стула; щей горшок
Да сам большой; чего мне боле? —

так в черновиках «Медного всадника» изобразил Пушкин радужные мечтания своего героя Евгения, которому приходится жить на мизерное чиновничье жалованье.

Но даже собственный «смиренный уголок» и «щей горшок» были доступны далеко не каждому обитателю Петербурга. Столицу наполняли тысячи нищих. В 1814 году тогдашний министр полиции генерал С. К. Вязмитинов предписал городским властям очистить Петербург от «просящих милостыню» казенных и помещичьих крестьян и дворовых. Из этого предписания также явствовало, что просили подавание даже отставные штаб- и обер-офицеры. Количество нищих в Петербурге росло. Ранним утром на улицах города, писал в «Панораме Санкт-Петербурга» А. Башуцкий, «появляются люди в черных ветхих салопях, дурных кафтанах, заплатанных шубах; они робко, как тени, тянутся под стенами, заходят за углы домов, заглядывают в окна нижних ярусов и, жалобно сгибаясь, останавливаются у закрытых еще дверей лавок и магазинов, дожидаясь их открытия. Это нищие... Спросите, где спали эти люди, так рано встающие? Может, в каком-нибудь отдаленном переулке под дождем и ветром, за углом забора, в сыром подвале... До обедни они будут бродить из лавки в лавку, кланяясь в каждой; в русских сиделец безмолвно подаст им во имя Христа грош; в иностранных, из двадцати в одной, им дадут его, в других же скажут: Бог даст, пошел».

Жалким бездомным нищим кончает свою жизнь пушкинский Евгений.

...Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела...

(«Медный всадник»)

Покупательная способность простого народа была крайне низка. Один из полицейских агентов доносил начальству: «Всеобщая безденежность, нищета у многих и у некоторых совершенная невозможность существования имеет свою опасность. Голодный превращается в зверя и не имеет никаких способов к пропитанию; неимущие могут решиться резать и грабить тех, кои имеют что-либо. Столица наводнена людьми, которые, проснувшись, совершенно не знают, чем пропитать себя...»

Безудержная роскошь и беспросветная нищета в Петербурге соседствовали.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Полезный промысел»

На литографированной «Панораме Невского проспекта» В. С. Садовникова (1830–1835 гг.), где изображены со всеми подробностями обе стороны главной улицы столицы, на одном из домов левой, солнечной стороны — доме Католической церкви — есть вывеска «Шоколадная фабрика». Далее, по той же стороне, на фасаде дома на углу Невского проспекта и Садовой улицы, вывеска с надписью «Цигарочная фабрика». Еще дальше, на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки, у самого Аничкова моста, вывеска «Мебельная фабрика». Но, несмотря на столь громкие названия, все эти «фабрики» по существу представляли собой предприятия ремесленников. И таких предприятий было разбросано по всему Петербургу множество. Наряду с ними в начале XIX века в Петербурге уже имелось более 100 промышленных предприятий мануфактурного типа. К 1830 году количество их увеличилось примерно до 150 и продолжало расти.

В столице работали такие большие казенные производства, как Адмиралтейство, Арсенал, пороховые заводы. Было здесь несколько инструментальных и металлообрабатывающих заводов, были заводы по производству кирпича, стекла, фарфора, мыла, пива, свечей, сахара. Были прядильные, ткацкие, ситцевые, шелковые, суконные, ленточные,

тесемочные, кожевенные, табачные, канатные и другие фабрики.

«Полезный промысел», о котором говорит Пушкин в «Евгении Онегине», — это не только изготовление предметов роскоши и забав.

Крупные предприятия строили обычно вблизи воды. Больше всего заводов и фабрик находилось на левом берегу Невы. На правом берегу — на Выборгской и Петербургской сторонах — промышленных предприятий было еще немного. Но дело шло к тому, чтобы большую часть заводов и фабрик перевести на окраину и там же строить новые. Для этого в безводной южной части города прорыли Обводный канал.

Петр I велел строить Корабельную верфь (Адмиралтейство) и Литейный пушечный двор поблизости от своих дворцов — Зимнего и Летнего. Но времена изменились, и в XIX веке для правителей России важнее всего стал парадный вид столицы, особенно тех ее частей, где находились дворцы «августейшей фамилии» и где жили привилегированные лица.

К тому же некоторые промышленные предприятия не только портили вид улиц, но и наполняли их едкими запахами, дымом, загрязняли воду. Поэтому в 1830-е годы их поделили на три класса. В первый входили «безвредные» — изготавливавшие экипажи, шляпы, искусственные цветы; воскобойни, прядильни, лесопильни и т. п. Ко второму классу отнесли «заведенья, которые дозволяются в населенных частях города с соблюдением особых предосторожностей». Такими считались водочные и сахарные заводы, волосяные, горшечные заведения, приготовляющие краски, кислоты, купорос «мокрым путем», кузницы, небольшие литейные и т. п. К третьему классу относились промышленные предприятия, «которые ни под каким видом не могут быть до-

пущены в населенных частях города»: производящие белила, химические соединения «сухим путем», выделяющие кожу, меха, ситценабивные, красильные. Их разрешалось заводить на островах Гутуевском, Голодае, Канонерском, в некоторых частях Петровского острова и на Васильевском, вниз от 25-й линии...

С самого своего основания Петербург стал центром русского кораблестроения. В 1820-х годах в трех «рабочих экипажах», занятых на казенных верфях, трудилось 2500 человек, набранных из рекрутов. Кроме того, в помощь им Адмиралтейское ведомство ежегодно нанимало множество плотников и других мастеров. Так, в 1830 году в Главном адмиралтействе трудилось 2210 вольнонаемных рабочих.

К 1830-м годам только в Главном адмиралтействе имелось пять доков для постройки судов. С 1801 по 1825 год здесь был построен целый флот — 44 больших корабля. «Здесь вообще все суда строятся из казанского дуба и отличаются чистотою отделки и красотою», — свидетельствовал столичный журналист.

Спуск корабля на воду был примечательным петербургским событием. Толпы зрителей заполняли набережные возле Адмиралтейства и на противоположном берегу Невы, на Васильевском острове. Любопытные взбирались на крыши, высовывались из окон. Тут же, на берегу, выстраивались войска. На новом корабле взвивались три флага — государственный, адмиралтейский и императорский штандарт. Капитан порта, командующий церемонией и сопровождающий судно в Кронштадт, отдавал команду в рупор. Громада корабля оседала на «сани», густо смазанные салом, и, извлекая из желобов дымок, двигалась к воде. Оглушительное «ура!», звуки музыки, гром пушек... И корабль с громким плеском, среди тысячи брызг сходил в воды Невы.

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей,
Качаясь, плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова...

(«Чу, пушки грянули!..»)

Описанную здесь картину Пушкин видел 10 августа 1833 года при спуске на воду 84-пушечного корабля «Владимир».

Помимо Главного адмиралтейства корабли строили в Новом адмиралтействе, в Охтинской слободе, в Главном гребном порту. Все эти казенные верфи пополняли российский флот многопушечными линейными кораблями, фрегатами, малыми судами. Для постройки малых судов в 1828 году положили еще верфь на Галерном острове.

Кроме казенных верфей, имелись и частные. «На Охте находится корабельная верфь для постройки военных судов, — сообщает в „Прогулке по Петербургу“ литератор В. Бурьянов. — Тут же верфь для постройки частных судов купца Громова, который занимает ныне одно из первейших мест в российском торгующем сословии».

В трех верстах за Охтинской слободой находились казенные Охтинские пороховые заводы. В 1816 году здесь было устроено военное поселение.

Изуверская идея взвалить на солдата двойной гнет, посадить армию на землю и заставить кормить себя, а крестьян обучать солдатскому делу, отрывая от хозяйства, принадлежала Александру I. Исполнителем предначертаний царя — жестоким и рьяным — был Аракчеев. О военных поселениях рассказывали ужасающие подробности.

Пушкин писал своему другу, офицеру Мансурову, посланному в командировку в Новгородскую губернию: «Поговори мне о себе — о военных поселениях. Это все мне нужно — потому, что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм».

Военные поселения являлись крайним выражением самодержавного деспотизма. Но это было далеко от Петербурга. А тут появилось такое поселение рядом. Рабочих самого опасного — порохового — производства поделили на роты, куда входили хлебопашцы и ремесленники. Хлебопашцам выделили казенные дома и наделы земли, обязали не только изготавливать порох, но и возделывать землю, содержать себя и семью, а также иметь при себе двух постояльцев-ремесленников. Те хоть и получали казенный паек, но приварок им шел от хозяина. Срок службы на пороховых заводах был, как и в армии, 25 лет.

С петровских времен на берегу Невы, недалеко от Летнего сада, помещался Литейный двор, занимавший пространство от Литейной до Гагаринской улицы. Здесь отливали пушки.

В самом начале Литейной улицы находились Старый и Новый арсеналы.

В Старом размещались склады. Здесь же устроен был музей, где хранились исторические реликвии — «орудия разных родов и видов», отечественные и трофейные; модели крепостей; возок Петра I с «машиной, показывавшей самым верным способом» расстояния, которые проезжал царь; драгоценные сабли, присланные японским императором в благодарность за спасение русскими моряками экипажа японского судна, разбившегося у Алеутских островов, и многое другое.

В Новом арсенале изготавливали артиллерийское вооружение. Вдоль фасада длинного двухэтажного здания Нового арсенала, по обе стороны его главных ворот, на возвыше-

ниях стояли на лафетах старинные пушки и две мортиры. Одна из этих пушек, весящая 454 пуда, была отлита еще при Иване Грозном литейным мастером Андреем Чоховым. В двух этажах располагались мастерские. В круглом зале второго этажа, украшенном военными реликвиями, рядами стояли готовые орудия. «Вот вместилище громов российских! Вот откуда ниспосылаются перуны на поражение врагов России!» — восклицал современник.

Еще в начале 1810-х годов для производства самых тяжелых работ в Арсенале, как и в Адмиралтействе, установили паровые машины. Но это лишь незначительно облегчило тяжелый труд тысяч мастеровых, занятых изготовлением артиллерийских орудий. Рабочие Арсенала, набранные из рекрутов, жили в казармах, подчинялись военной дисциплине. С 1811 года стали им платить по 5 копеек в день, а некоторым, семейным, снимавшим квартиры в городе, — нищенские «квартирные». Служили здесь также 25 лет. Из каждых 100 рабочих ежегодно умирало 6 человек.

Казенным предприятием с необычайно тяжелыми условиями труда был и находившийся в Петропавловской крепости Монетный двор. Господа, желая особо наказать своих крепостных, посылали их туда для «исправления». Ф. Н. Глинка в своих показаниях следственной комиссии по делу декабристов рассказывал об отставном подполковнике Эсипове, который, всячески измываясь над своим крепостным человеком, затребовал его в Петербург, и здесь «господин отдал его на монетный двор, в крепость: там просидел он два месяца, как в аде».

Металлообрабатывающая и машиностроительная отрасли промышленности развивались в Петербурге медленно. С начала века до конца 1830-х годов было открыто всего десять заводов. Крупные металлообрабатывающие заводы принадлежали казне. Исключение составлял лишь большой

завод предприимчивого шотландца Чарльза Берда, находившийся на левом берегу Невы, недалеко от взморья. Он был основан еще в 1792 году. Сперва завод выпускал утюги, вьюшки, камины, балконные перила, ступени винтовых лестниц, печи для сахарных заводов, валы для мельниц. Затем его продукция усложнилась. Изготовив паровую машину, которая стала главным двигателем на этом заводе, Берд перешел к производству паровых машин. За первую четверть XIX века он выпустил 130 заводских и 11 судовых паровых двигателей.

Первый петербургский казенный чугунный завод находился сперва в Кронштадте. В самом начале века его перевели на взморье, на четвертую версту от Калинкина моста по Петергофской дороге. Место было низкое, и наводнение 1824 года разрушило и новую чугунолитейную мастерскую, и другие заводские здания. При этом погибло более 150 рабочих. После наводнения чугунный завод перевели за Невскую заставу, на Шлиссельбургский тракт, и наименовали Александровским.

Во второй половине 1830-х годов у Шлиссельбургского тракта сосредоточивалась петербургская промышленность. Кроме Александровского чугунного завода, здесь находились казенный Александровский механический завод, шелковая фабрика Бинара, императорские стекольный и фарфоровый заводы и целый городок — Александровская мануфактура. Это было не случайно. Проведенный Обводный канал соединил эту местность с морем, с Петербургским портом и Кронштадтом. Сюда легче стало доставлять сырье и топливо, сюда шел хлопок из-за границы, в частности из Америки, а лен, пенька, железо — из глубины России. К тому же наличие воды благоприятствовало устройству паровых машин.

Петербургские газеты называли Александровский чугунный завод «отцом» других мануфактур. Литейная и кузнечная мастерские этого завода представлялись современникам чудом прогресса. «Везде действуют паровые машины: они приводят в движение тысячи различных орудий, раздувают огонь, поднимают тяжести, а руки человеческие дают только формы вещам, изобретенным умом, — восторженно писал В. Бурьянов. — Вошел в мастерскую, кажется, что находимся во внутренности огромных часов: повсюду движутся сами собою, разумеется от действия паровой машины, вальки, колеса, молоты, поршни, шум, стук и всеобщее движение изумляют зрителя». И все же это была типичная мануфактура, где имелись паровые двигатели, но основой производства оставался ручной труд.

Рабочий день на Александровском заводе был установлен по 14 часов в сутки, но фактически он длился 18 часов. Твердый заработок рабочего был до крайности скуден — всего 30–31 рубль в год. Непосильный труд был уделом рабочих, набранных в основном из рекрутов, перешедших из рабства у барина в рабство у казны. Рабочие не имели права уйти с завода. Самовольно ушедшие считались беглыми и, будучи пойманы, жестоко наказывались плетью.

Не легче были условия труда и на императорском фарфоровом и стекольном заводах. Вот как описывает очевидец цех, где изготовляли зеркала: «Идем в другую палату, также имеющую вид сарая, потому что она без фундамента, на земле. Вы поражены при входе, вся палата, кажется, пылает, огненная лава разлита на досках, которые со стуком и шумом везут по сараю прямо на вас люди в черных балахонах, в черных шляпах, с распущенными полями, как у похоронных факельщиков; люди, которые от влияния сильного света кажутся какими-то страшными привидениями. Здесь производится литье зеркал. Огненная масса наливается на осо-

бенные, нарочно тут приготовленные столы, до которых она довозится на этом колесном ходу. Когда масса остынет, ее режут для делания зеркал».

В четырех верстах от фарфорового завода находилась Александровская мануфактура. «Мы видим каменный город и огромные строения, правильность и оригинальность размеров которых свидетельствуют, что это должно быть какое-нибудь мануфактурное заведение. Мы не ошиблись — это известная, знаменитая Александровская мануфактура. Ничто не может быть величественнее наружного вида Александровской мануфактуры, состоящей из множества величественных зданий в английском вкусе, расположенных на берегу Невы в самом приятном местоположении» — так описывал житель Петербурга внешний вид этого крупнейшего в столице предприятия. Здесь трудились и жили тысячи рабочих, которые обслуживали несколько фабрик. Одна из них — бумагопрядильная — давала почти половину бумажной пряжи, вырабатываемой в России. На других пряли лен и пеньку. Ткацкая фабрика с 75 механическими и 275 ручными станками выпускала парусное «фляшское» и другое полотно — до 600 тысяч аршин в год. Были здесь и подсобные мастерские, и особая карточная фабрика. Она приносила огромные доходы, так как монопольно изготовляла игральные карты (все другие карты считались фальшивыми, и их производство каралось законом).

Александровская мануфактура находилась в ведении петербургского Воспитательного дома. Это было основанное еще в XVIII веке государственное учреждение, куда отдавали незаконнорожденных детей. Воспитательный дом занимал огромные здания на набережной Мойки между Красным и Полицейским мостами, располагал значительными средствами и обширным штатом прислуги и чиновников.

Детей туда «подкидывали» так: приносивший младенца дергал дверной колокольчик, и по его сигналу сверху спускали корзину для ребенка. Позднее просто отдавали младенцев швейцару. Каждый год приносили по несколько тысяч детей. Только немногие из них оставались в самом Воспитательном доме. Большую часть отправляли на воспитание в деревню к «поселянам». Многих подросших мальчиков отдавали в ученье ремесленникам, девочек — в услужение на разные предприятия. И большое количество — на Александровскую мануфактуру. В 1830-е годы здесь работало 800 детей (600 мальчиков и 200 девочек).

Всего на Александровской мануфактуре трудилось около 4000 человек — несколько сот казенных крестьян и приписанных к мануфактуре мастеровых, три роты солдат-инвалидов (они же несли караульную службу) и около 1000 вольнонаемных рабочих.

Булгаринская «Северная пчела» на все лады расхваливала порядки в мануфактуре, благоденствие ее «питомцев», их «сытные вкусные и здоровые кушанья». В действительности же это был, по словам историка Петербурга П. Н. Столпянского, «скверный рабочий дом, с работой из-под палки, с сильным принуждением, с работой кое-как, лишь бы сбыть заданный урок».

До 1830-х годов в петербургской промышленности частный капитал не играл значительной роли. Но с этого времени положение резко изменилось. Одно за другим открывались частные предприятия, особенно текстильные, как наиболее прибыльные. Если в первой четверти века была открыта лишь одна фабрика, изготавливавшая ткани из хлопка, то в 1830-е годы таких фабрик открылось пять.

В условиях крепостного права для развивавшейся промышленности не хватало рабочих рук, и владельцы предприятий то и дело публиковали в «Санкт-Петербургских ве-

домостях» объявления такого рода: «На бумажной фабрике принимаются для обучения по сходным ценам молодые господские и вольные люди»; «Сим объявляется, что желающие детей своих отдавать учиться чулочному делу могут договариваться на фабрике».

Правительство поощряло частное предпринимательство. Заводчикам и фабрикантам предоставлялись различные привилегии. Иностранцам, «которые перевозят в Россию свои капиталы, искусство или мастерство», разрешалось «устраивать фабрики, заводы и записываться в гильдии без вступления в подданство на 10 лет».

Положение фабричных рабочих на частных предприятиях было нисколько не лучше, чем на казенных. «Посмотрите на фабричного: бледно, бедно, босо, наго, холодно и голодно... Может ли такой человек быть счастлив и сохранит ли нравственность?.. Мастеровой принужден довольствоваться платою, которую ему дает фабрикант и которая обыкновенно бывает самая малая... Фабричные по большей части бывают хворые, чахоточные, калеки, скоро пухнут и укорачивают свой век... Разделение работ много способствует усовершенствованию изделий... но оно делает мастерского машиною; тут ему не о чем рассуждать, нечего соображать. Ум его тупеет, человеческая природа в нем унижается...» Таково свидетельство очевидца.

Бесправие фабричных рабочих и на частных предприятиях узаконивалось. Изданное в 1835 году «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» еще более укрепляло власть хозяев. По этому «Положению» рабочие не имели права уйти с предприятия или требовать прибавки жалованья до конца срока договора. Хозяин же мог уволить рабочего в любое время, выставив причиной его «лень» или «дурное поведение».

Своеобразные порядки завел на своей фабрике табачный фабрикант В. Г. Жуков, выпускавший знаменитый «жуковский табак». Жуков был личностью примечательной. Смекалистый, ловкий, оборотистый «русский самородок», как его называли, он из простого плотника сумел сделаться богатым купцом — миллионером, фабрикантом. Имя его часто мелькало в газетах. Этому он добивался щедрой благотворительностью. Актер П. А. Каратыгин, знавший будущего фабриканта в те годы, когда тот был плотником в петербургском Большом театре, писал о нем: «Какой прозорливый мудрец мог бы тогда предвидеть, глядя на Васюху Жукова в грязном зипуне, что он сделает такую блестящую фортуна, будет ходить в мундире, вышитом золотом, и с регалиями на шее. Такие превращения почище театральных». Жуков за заслуги получил звание коммерции советника, ордена, стал городским головой Петербурга.

Фабрика Жукова помещалась на левом берегу Фонтанки, между Чернышевым и Семеновским мостами. Рабочие его, как и большинство других, жили тут же, при фабрике. Пользуясь этим, Жуков установил за ними круглосуточный надзор. Для этой цели существовали особые дневальные, затем «старшие», набранные из отставных унтер-офицеров, и часовые у ворот. Из каждодневных рапортов хозяин знал все о поведении рабочих, об их малейших проступках: кто вернулся в позднее время, не ночевал дома, был пьян, проявил «мотовство» и «щегольство». Провинившегося ждали строгий выговор от хозяина, временное запрещение отлучаться, задержка части жалованья.

Жуков очень гордился таким жестоким, полутюремным режимом на своей фабрике и даже описал его в «Журнале мануфактур и торговли».

Ироническое упоминание «хваленного Жукова» есть у Пушкина в незаконченном стихотворении «Французских рифмачей суровый судия»:

Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести...
И снискивать в труде себе барыш и честь...

15 мая 1829 года в Петербурге, в здании Биржи, открылась Всенародная выставка российских изделий. Это была первая в России промышленная выставка. В ней приняли участие русские, а также обосновавшиеся в России иностранные фабриканты, заводчики и ремесленники. Представили свои изделия казенные заводы и мануфактуры.

Выставка пользовалась большим успехом. «Сия экспозиция сделалась ныне любимую прогулкою и сходбищем особ первых сословий, — сообщали газеты. — ...Вельможи, генералы и другие знатные особы с семействами своими ходят по великолепным залам, любуются плодами русского досужества и смеются, встречая тут под русским клеймом то, что доньше втридорога покупали в иностранных магазинах под фирмою Парижа и Лондона. Иностранные министры и путешественники, вместе с нашими знатными господами, громко и справедливо отдают русским дарованиям, искусству и терпению и предсказывают нам со временем на мирном поприще такое же превосходство над совместниками, какое мы приобрели на поле брани и побед. Большая часть выставленных здесь товаров уже раскуплена посетителями, и фабрикантам сделаны сверх того значительные заказы».

Во вторник и пятницу, когда выставку посещали по пригласительным билетам «особы первых сословий», людей «низкого звания» сюда не пускали.

Выставку расположили в нескольких залах. В самом большом, двухъярусном, с галереей, поместили громоздкие, тяжелые предметы — машины, экипажи, башенные часы, изделия чугунные, медные и стальные, а также сахар, ковры,

клеенки и т. д. На галерее вокруг зала разложили шерстяные, бумажные и полотняные ткани, писчую бумагу, обои. Здесь же стояли мебель и музыкальные инструменты. В шести меньших залах были выставлены шелка, парча, бархат, ленты, вышитые вещи, стеклянная и фарфоровая посуда, бронза, хрусталь, люстры, часы, изделия из золота, серебра и платины.

В залах дежурили чиновники Департамента мануфактур и внутренней торговли и несколько таможенных служащих, наблюдавших за порядком. Тут же было много заводчиков и фабрикантов, которые отвечали на вопросы посетителей, объясняли способы изготовления своих изделий, выслушивали замечания.

По поводу замечаний посетителей «Северная пчела» писала, что ни одна поэма Пушкина не была так «расщипана» критиками, как разобраны были дамами качество, достоинства и недостатки шелков и других тканей, лент, шляпок, выставленных в Бирже.

Качество многих товаров было превосходно. Рассказывали, будто комиссионер, представлявший в Петербурге одну из заграничных фирм, торгующих «мануфактурными товарами», осмотрев выставку, сказал: «Мне теперь нечего более у вас делать. Придется воротиться домой и ездить на охоту». По постановлению Мануфактурного совета владельцам фабрик и заводов, а также мастерам и художникам, представившим на выставку изделия, признанные лучшими, были выданы награды — большие и меньшие золотые и серебряные медали, денежные премии. А особо отличившимся присваивали звания мануфактур-советников и награждали медалями на орденских лентах. Среди прочих награды получили «петербургский Крез» — отец приятеля Пушкина — камергер Всеволожский «за усовершенствование разных изделий из железа», петербургский фабрикант Битенпаж «за отлич-

ные ситцы и набивку по шелковой материи». Их удостоили большой золотой медали. Петербургский каретный мастер Иохим удостоился меньшей золотой медали «за ландодер отличной работы». Серебряную большую медаль получил придворный механик Гамбс за свою знаменитую мебель. Звание мануфактур-советников получили петербургские фабриканты Сазонов и Казолет «за отличную выделку канатов и по важности предмета сего в российской торговле». Много награжденных было среди петербургских мастеров.

На всех фабриках, владельцы которых удостоились награды, работали русские рабочие. А на некоторых и мастерами были тоже русские.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«„Пади, пади!“ — раздался крик»

К середине 1810-х годов в Петербурге насчитывалось 8102 казенных (кавалерийских, обозных, пожарных, почтовых), 7519 обывательских (верховых, выездных, тяжело-возов) и 2476 извозчичьих лошадей. В столицу доставляли ежегодно до полутора миллионов пудов сена.

В каждом номере газеты «Санкт-Петербургские ведомости» можно было прочесть такие объявления: «Продается пара крепких белых каретных лошадей»; «Продаются четыре каретные пестрые лошади. Пара темно-гнедых и пара саврасых»; «Продается несколько лошадей лучшей породы, в числе коих и рысак».

Несколько раз в неделю поблизости от Невского проспекта, не доходя Лавры, на Конной площади шел торг лошадей. Здесь можно было купить и прекрасного рысака, и искусно «подновленную» барышником полуживую клячу.

По улицам столицы скакали верховые, неслись украшенные гербами кареты, щегольские коляски и дрожки, английские возки с зонтиками, дормезы, кабриолеты, фаэтоны, линейки, таратайки. И по тем же улицам бок о бок с ними катились тяжело груженные телеги и фуры. Даже на парадном Невском проспекте каретам то и дело преграждали путь возы с сеном, мешками, дровами. Зимой повсюду скрипели сани. Часто кузова карет тоже ставили на полозья.

Движение в центре города было таким оживленным, что рассеянный пешеход рисковал попасть под колеса кареты или под копыта лошади. Кучера «остерегали» зазевавшихся пешеходов громким криком, а тех, кто победнее, — кнутом.

Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги...

Так было с героем «Медного всадника».

Говоря о том, какие удобства предоставляет пешеходу Петербург с его широкими улицами, гранитными набережными, плиточными тротуарами, посыпанными песком, автор «Панорамы Санкт-Петербурга» в то же время остерегает своих читателей: «Будьте только осторожны сами, и сердитая лошадь не сомнет вас под ногами, экипаж богача не раздавит вас и не забрызгает грязью...»

Французский аббат Жоржель, посетивший русскую столицу в начале XIX века, утверждал, что «извозчиьи экипажи в Санкт-Петербурге гораздо многочисленнее, чем в самых больших городах Европы, улицы заставлены ими».

Бесчисленные извозчики — «ваньки» — в синих поддевах и высоких шапках были не менее характерными фигурами для петербургской улицы, чем вездесущие торговцы вразнос. Они терпеливо ждали седоков на каждом углу и, увидев хорошо одетого прохожего, дружно кричали: «Барин! Куда изволите? Прикажите подавать!» Только специальных стоянок — бирж — насчитывалось в городе более трехсот.

Извозчики обычно были крепостными, приходившими в город на заработки, чтобы добыть денег на оброк. Один из таких извозчиков в начале 1820-х годов рассказывал другу Пушкина, декабристу Н. И. Тургеневу, что «принадлежит графу Петру Разумовскому, деревня в Рембовском (Ораниенба-

умском. — *Авт.*) уезде, что крестьяне в сей деревне платят по 32 рубля с ревизской души, что прежде они платили гораздо менее, но что недавно Разумовский увеличил оброк». Так было в 1820-е годы, а несколько позднее размер оброка петербургского извозчика достигал 100 рублей, «не считая паспортных денег и податей».

Явившись в Петербург, будущий извозчик первым делом выправлял в полицейской Конторе адресов «билет» и номер, которые обязан был всегда иметь при себе. Жестяной номер вешали на спину, чтобы седок его видел и мог запомнить. В случае, если извозчик не потрафил седоку, вел себя «дерзко», рекомендовалось с виноватым самолично не «управляться», а заявить в полицию, указав номер, — и там «тотчас удовлетворят».

В «билете», кроме номера, имени и фамилии, указывалась часть города, где проживал извозчик. Обычно это была Московская часть, Ямская слобода — возле Лиговского канала. Постоянные жители Ямской слободы еще с петровских времен обязаны были «править гоньбу» — выставлять для казенных надобностей по три лошади с ревизской души. Некоторые ямщики, разбогатеv, держали извозчицьи дворы. От них работали извозчики, не имевшие ни собственных лошадей, ни экипажей.

Нанять извозчика в Петербурге стоило дорого. За проезд от Аничкова моста на Невском до дома Клокачева в конце Фонтанки Пушкин платил 80 копеек — почти дневной заработка мелкого чиновника.

Но вот в марте 1830 года «Северная пчела» сообщила, что с лета текущего года в Петербурге появятся «городские кареты, известные в Париже под названием omnibus, для доставления небогатой, то есть многочисленной части нашей публики, средства за небольшую плату посещать загород-

ные места, для освобождения оной от монополии летних извозчиков, которые тогда именно набавляют цену за перевоз, когда большей части публики настает в этом надобность».

На Невском проспекте, за Аничковым мостом, в доме купца Миняева открылась контора омнибусов. Омнибусы ходили по трем маршрутам: от Казанского моста и Думы к Крестовскому острову, к Старой и Новой Деревне. Отходили омнибусы в 9 и 11 часов утра, в 2, 4, 6 часов дня и 9 часов вечера. Сверх того, они отвозили желающих в Каменно-островский театр, а в праздничные дни — на Крестовский и Елагин острова.

Омнибусы представляли собой большие кареты, запряженные четверкой лошадей. Впереди сидел кучер, сзади, снаружи, на особом сиденье, — кондуктор с трубой. Карета разделена была на две половины. В каждой помещалось по шесть человек, сидящих по три в ряд лицом друг к другу. Такое же количество пассажиров помещалось на империа-ле — на крыше кареты, где стояли скамьи; туда поднимались по откидной лесенке. Отправлялся омнибус по сигналу кондуктора.

Открытие омнибусного сообщения вызвало у петербуржцев большой интерес. В первый день возле Думы собралась толпа народа, чтобы поглазеть на новшество. Места в омни-бусах брали с бою.

Однако подавляющему большинству жителей столицы и извозчики, и омнибус были не по карману. Они ходили пешком, иногда по многу верст ежедневно, из одного конца города в другой.

Привилегированная часть публики, люди богатые, не пользовалась ни извозчиками, ни омнибусами по иной причине. Они ездили в собственном экипаже, на собственных

лошадях, щеголяя друг перед другом красотой лошадей, экипажа и упряжи. За хорошую породистую лошадь платили от тысячи до четырех тысяч рублей.

Петербургские каретные мастера придерживались в своей работе «английского вкуса», соединяя солидность и прочность с удобством и легкостью. Быстрая езда (в Петербурге ездили очень быстро), большие расстояния и булыжная мостовая требовали от экипажей особой прочности. Известные каретные мастера, такие как Иохим, наживали немалые капиталы.

В сараях столичных богачей стояли экипажи на все случаи жизни — от легких дрожек и саней до больших дорожных карет. В таких каретах выезжали не только с кучером, но и с форейтормом на «выносной» паре лошадей и с лакеями на запятках. Кучера, с окладистой бородой, в красивых кафтанах, облегающих сверху и широких книзу, перетянутых кушаками с «персидским узором», в высокой шляпе с загнутыми полями, ловко управлялись с четырьмя крестообразно схваченными плетеными цветными вожжами. Форейтормы, (их выбирали из красивых крепостных мальчиков) в таком же наряде, как кучера, сидя в высоком седле и управляя передней парой, звонко кричали прохожим:

— Пади! Пади! Вправо держи!

Как в «Евгении Онегине»:

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.

Кучера принадлежали к привилегированным слугам. Лейб-кучер императора был известной персоной. В 1822 году на заседании совета Академии художеств президент внес предложение избрать в почетные любители графа Аракчее-

ва, графа Гурьева и графа Кочубея, как людей особо близких к государю. На это вице-президент Академии А. Ф. Лабзин возразил, что если считают нужным выбрать этих трех лиц за их близость к государю, то он предлагает в почетные любители Илью Байкова, который не только близок к государю, но даже сидит впереди него (Илья Байков был лейб-кучером Александра I). За эту дерзость Лабзина вскоре выслали из Петербурга в дальнюю глухую деревню.

От царского кучера в самом деле порой зависело больше, чем от министра. Случалось, его подкупали богатым подарком, чтобы он в нужном месте придержал лошадей — тогда проситель мог кинуться на колени и подать царю прошение.

Специальное придворное Конюшенное ведомство ведало многочисленными дворцовыми лошадьми и экипажами. Огромное здание ведомства, построенное В. П. Стасовым в 1817–1823 годах, — вернее, комплекс зданий — находилось на Конюшенной площади и набережной Мойки. Здесь были конюшни и экипажные сараи, а также Конюшенная контора, квартиры чиновников, помещения для кучеров и конюхов, седельные и шорные мастерские, сеновалы и склады овса. В здании придворных конюшен помещался и музей.

Не меньше, чем экипажей на улицах, было в Петербурге всякого рода лодок на реках и каналах. Мостов в городе не хватало. К тому же наплавные мосты через Неву в бурную погоду снимали, и сообщение между обоими берегами прекращалось.

Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.

(«Медный всадник»)

На Большой Неве существовало двенадцать перевозных пристаней с лодками и другими судами. Имелись перевозки на Малой Неве, на Большой Невке и на других реках и каналах — всего по городу больше тридцати. Все перевозки Городская дума сдавала с торгов частным лицам, и те взимали с переправлявшихся плату по таксе. На больших пристанях Невы и Невки за переправу на судах с двумя гребцами брали по 4 копейки с человека. На двух пристанях — Мытнинской и Охтинской — по 2 копейки. Во время разведения мостов на всех этих перевозах взимали по 6 копеек. В дурную погоду, когда Нева волновалась, плату набавляли до гривенника.

И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет.
(«Медный всадник»)

Переправа через каналы стоила 1 копейку. Военные и охтинские плотники от платы за перевоз освобождались.

За перевозку на лодках и других судах тяжестей платили: за бочки с грузом до 10 пудов — 20 копеек, от 10 до 25 пудов — 30 копеек. За шкаф, комод и прочую мебель — по 15 копеек с большой вещи и по 2 копейки с малой. За кулю муки и прочих припасов — по 5 копеек. За карету — по 2 рубля. За дрожки — 1 рубль. За телегу или сани — по 30 копеек. За лошадь — 25 копеек. За крупный рогатый скот — по 10 копеек с головы, за мелкий — по 2 копейки.

В 1815 году в городе насчитывалось 520 лодок, 295 яликов, 268 «ельботов», 60 «голиотов», 38 катеров, 45 «щерботов», 65 небольших мореходных судов. К 1830-м годам количество это почти удвоилось.

От берега к берегу сновали лодки перевозчиков. Под удачные песни гребцов скользили по воде прогулочные лодки

богатых бар — позолоченные, с сиденьями, обитыми бархатом. На тех, что побольше, устраивали шелковые шатры. Гребцы носили одежду особого рода. Так, «гондольеры» князя Юсупова были наряжены в вишневого цвета куртки, богато отделанные, и шляпы с перьями. Красиво разодеты были и гребцы на лодках, принадлежавших Адмиралтейству.

Катание на лодках с поющими гребцами было излюбленным развлечением состоятельной петербургской публики.

Однажды юный Пушкин катался на лодке по Неве с отцом и знакомыми. Погода стояла прекрасная. Вода была так прозрачна, что просматривалось дно. Пушкин вынул из кошелька несколько монет и одну за другой бросал их в воду, любуясь их падением и блеском. Можно себе представить, что испытывал при этом скупой Сергей Львович.

Живя в Петербурге после Лицея и в 1830-е годы, Пушкин часто пользовался лодками.

Важными событиями для жителей столицы были ледостав и ледоход на Неве. Поздней осенью, когда Нева начала замерзать, и весной, когда ее «ломало», мосты снимали. На несколько дней, а случалось и недель, прекращалось сообщение между левым берегом — Адмиралтейской стоной, и правым — Петербургской и Выборгской, а также с Васильевским островом. Ледостав на реке осенью, а также вскрытие Невы весной бывали предметом толков, а часто и «закладов», то есть споров, пари.

Осенью 1830 года, по свидетельству «Северной пчелы», «расстройство сие кончилось невероятно скоро». В воскресенье 16 ноября было 6 градусов мороза. При появлении льда на Неве мосты сняли. А в среду 19 ноября уже переходили по льду с Васильевского острова за Горным институтом. 23 ноября снова навели Исаакиевский мост, а 25-го — Воскресенский.

В зимнее время через Неву переправлялись главным образом по льду. С берега на берег шли пешеходы, катились сани и поставленные на полозья кареты. Опасные места, проруби отмечались елками.

Чаще всего Нева замерзала в середине ноября, вскрывалась в первой половине апреля.

Еще с петровских времен торжественно отмечался праздник вскрытия Невы и начала по ней судоходства. В этот день по особому сигналу с Адмиралтейской стороны начальник городской верфи пускался на катере с развевающимся флагом к Петропавловской крепости. Его сопровождало множество гребных судов. Достигнув крепости, катер салютовал ей семью выстрелами из маленькой пушки — фальконета. Крепость отвечала тоже пушечными выстрелами. Из крепости на катере выезжал комендант, и вся флотилия направлялась к Зимнему дворцу. Комендант крепости отдавал рапорт царю и подносил ему серебряный кубок с невской водой. Как только комендант вступал во дворец, судоходство на Неве возобновлялось. Пушки стреляли, матросы на судах кричали «ура», бесчисленное множество лодок, яликов, катеров стремилось от берега к берегу. Тысячи жителей толпились на набережных. Зрелище было впечатляющее.

От полноводной, судоходной красавицы-реки в немалой степени зависело благосостояние Северной столицы. Но от нее же петербуржцам приходилось постоянно ожидать губительных бедствий.

Великие стихийные бедствия имеют свойство обнажать суть того жизненного порядка, который они собой нарушают. В столкновении с силами природы определеннее обозначаются основные черты быта, социального устройства, культуры народа. Тут можно видеть жестоко правдивый «срез» исторической эпохи.

Так было и 7 ноября 1824 года, когда Петербург постигло самое сильное и разрушительное в его истории наводнение. Этот день как бы вместил в себя всю эпоху с ее явными контрастами и противоречиями, с ее скрытым, внутренним драматизмом.

Страшные эпидемии, опустошительные пожары случались во многих городах. Наводнения были бедствием чисто петербургским, местным, особенным. Они находились в непосредственной связи с историей города: Петербург стали строить не там, где удобно было основать город, но там, где его нужно было основать. Острова, выбранные для сооружения новой столицы, по утверждению старожилов, почти всякую осень заливало водой. Петр I смог очень скоро сам убедиться в справедливости этого утверждения. Тем не менее устье Невы казалось Петру самым подходящим местом для будущего «окна в Европу».

По мере того как город строился, бульжные мостовые его улиц и набережных все выше поднимались над уровнем реки. Наводнения стали не так разрушительны, но отнюдь не прекратились. Сильные наводнения случались в среднем не реже чем раз в 10–15 лет. Редкая осень обходилась без одного, а то и нескольких малых наводнений. Порой вода резко поднималась среди зимы, в декабре или январе.

В начале XIX века, кроме «великого наводнения» 1824 года, описанного Пушкиным в поэме «Медный всадник», случилось еще несколько менее значительных: в сентябре 1802 года (уровень воды более 7 футов выше ординара), в январе 1822 года (более 8 футов), в декабре 1830 года (более 5 футов). Об угрозе наводнения горожан оповещали пушечными выстрелами. Когда в канале Главного адмиралтейства вода поднималась на 3 фута и 8,5 дюйма* выше ординара, то у Остро-

* Фут — 30 сантиметров (12 дюймов), дюйм — 2,5 сантиметра.

вов и в Екатерингофе река уже выходила из берегов. Тогда из Галерной гавани раздавались три пушечных выстрела; на башне Адмиралтейства днем поднимали красные флаги, а ночью — фонари. Если уже уровень воды достигал 6 футов выше ординара, то тогда каждые четверть часа стреляли из пушек Петропавловской крепости или Адмиралтейства и на Адмиралтейской башне вывешивали дополнительные флаги...

День накануне наводнения 7 ноября 1824 года был ненастным, дождливым, с резким, холодным ветром. Вода в Неве прибывала. В семь часов вечера на Адмиралтейской башне были вывешены сигнальные фонари — предупреждение об опасности. Ночью ветер усилился. «Длинная волна» — огромный водяной вал, поднятый циклоном где-то далеко в Балтийском море, — приближалась к устью Невы.

О размерах грозившего бедствия никто не догадывался. Праздные петербуржцы с утра отправились на набережную любоваться волнующейся, вспененной, грохочущей рекой.

Первыми, как всегда, оказались под водой Острова. Около девяти часов утра воды Финского залива, «кипевшие на всем обозримом пространстве, точно в котле, и окутанные туманом брызг», устремились на сушу. Под напором огромной массы воды прибрежные строения были мгновенно смыты. Люди спасались кто как мог: на бревнах, на плавающих кровлях, воротах. По словам очевидца, «некоторые лишились жизни при сем случае». Другой петербуржец, побывавший на следующий день на Васильевском острове, узнал, что в прибрежной его части недосчитывается несколько сотен домов. С удивлением увидел он развалины одного дома, возвышавшиеся посреди обширного пустыря. Но ему объяснили, что «отсюда строения бог ведает куда унесло, а это было сюда с Ивановской гавани». Разбушевавшаяся река не-

сла оторванные от причалов баржи, недостроенные корабли с верфей. В Галерной гавани большие суда носились по воле волн и, как тараны, крушили уцелевшие еще дома.

В двенадцатом часу дня вода из Невы и каналов хлынула на улицы центральных районов города. Прохожие и любопытные, застигнутые быстро прибывавшим потоком, лезли на фонари, в окна домов, на деревья, цеплялись за балконы, взбирались на крыши карет. Некто Яковлев, застигнутый наводнением возле дома Военного министерства (прежде принадлежавшего князю Лобанову-Ростовскому), подобно пушкинскому Евгению, залез на одного из каменных львов, стоящих на высоком крыльце дома, и просидел там, пока не спала вода. Кареты и дрожки начали всплывать. В низких местах лошади тонули в упряжи. Верховые лошади пустились вплавь. Вообще животных гибло очень много — лошади в конюшнях, коровы, овцы и козы в хлевах. Кое-кто из жителей, спасая лошадей и коров, вводил их во второй и третий этажи — по доскам, приставленным к окну или положенным на лестнице.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

(«Медный всадник»)

В более возвышенный юго-восточный угол города вода не проникла. Не были залиты Рождественская и Каретная части, а Московская и Литейная — лишь наполовину. Между

тем в прибрежных местах напор воды был таков, что кое-где гранитные парапеты невской набережной оказались разломаны — огромные камни, особенно на пристанях, были сдвинуты или повалены. Волны с такой силой ударялись о стены Зимнего дворца, что брызги долетали до второго этажа. На Дворцовой площади темная, зеленоватая вода крутилась, как гигантский водоворот. По воздуху неслись листы кровельного железа, сорванные с крыши недостроенного Главного штаба.

В низменной Коломне еще при Екатерине II было предписано «держатъ довольное число гребныхъ судовъ» для спасения жителей в случае стихийного бедствия. Аналогичный указ издали и в начале XIX века. Но ни в Коломне, ни в других частях города никакой спасательной службы не существовало. В день наводнения большинство спасенных от смерти петербуржцев были обязаны жизнью стараниям добровольцев.

Декабрист Д. И. Завалишин рассказывал в своих записках, как он, тогда лейтенант флота, явился днем 7 ноября к морскому министру Моллеру. Получив приказание выслать лодки на помощь гибнущим людям, Моллер был в растерянности. «Когда я пришел к нему, — писал Завалишин, — он тем более обрадовался моему приходу, что никто другой из обязанных быть при нем к нему не явился... Я взял на себя внешнюю деятельность спасения людей на улицах... Я послал сейчас верхового в Гвардейский экипаж за людьми и за лодками, если есть, и взял несколько лодок у перевозчиков да две лодки (одна из них была министерский большой катер), бывшие в доме министра и которые насилиу выручили из сарая. Первый явился ко мне Михаил Карлович Кюхельбекер, пришедший уже по пояс в воде, который, хотя и старше меня, отдал себя в мое распоряжение...»

Моряки, морские артиллеристы, офицеры и солдаты других гвардейских частей, разъезжая по улицам на лодках, по-

добрали в воде, сняли с крыши и заборов несколько сотен человек. Матросы торговых судов, мужики-лодочники и некоторые горожане спасали утопающих. Ученый П. И. Соколов вытаскивал из воды пятнадцать человек, бросая им веревку из окна своей квартиры. Казаки Муров и Лазарев на своих лошадях вплавь добрались до строения, на крыше которого сидел мещанин Кожин с женой и с детьми, и вывезли на сухое место все семейство...

В третьем часу дня вода стала спадать. В семь часов вечера уже ездили в экипажах по улицам, и во многих местах можно было пройти по тротуарам. К утру на мостовых остались только лужи. Но город приобрел вид странный и страшный. Улицы были завалены бревнами, обломками зданий, домашней утварью, полицейскими будками и всевозможным хламом. У здания Двенадцати коллегий стояли две баржи с сеном, у здания Кадетского корпуса еще одна. Возле Сальных буянов на высокий берег закинуло двухмачтовое судно. Огромная баржа, вдвинутая водой через переулок в Большую Миллионную, перегородила улицу. В Летнем саду лежали поваленные деревья вперемежку с дровами, бревнами, деревянными крестами с могил. Два плашкоута наплавного Троицкого моста выбросило на берег возле сада. В Коломне на Торговой улице стоял тот самый пароход, на котором петербуржцы ездили в Кронштадт. Многие улицы Васильевского острова были перегорожены занесенными сюда избами и сараями. Картину разорения являли улицы Петербургской и Выборгской стороны. Под развалинами домов тут и там видны были трупы людей и животных. А среди развалин бродили потерявшие близких и лишенные крова люди.

...Несчастный

Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!

Все перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются.

(«Медный всадник»)

Из 7826 домов, насчитывавшихся тогда в городе, было снесено и разрушено 462, повреждено 3681. Погибло 3609 голов крупного и мелкого домашнего скота. Большой урон понесли торговля и промышленность. В одном только Петербургском порту было уничтожено сахара 300 тысяч пудов, почти столько же соли, на полмиллиона хлебного вина, подмочены были тысячи пудов круп, овса, муки, пеньки, «колоннальных» товаров. На Васильевском острове сильно пострадали кожевенные заводы. Залиты были многие фабрики в Нарвской части и на Выборгской стороне.

На казенном чугунном заводе, стоявшем возле Петергофской дороги, рабочим не позволили вовремя бросить работу, вернуться в свои квартиры, и они не смогли спасти своих жен и детей, когда воды залива хлынули на берег и затопили их жилища. Здесь погибло особенно много народу.

По официальным данным, весьма неполным, в Петербурге и Петербургском уезде в день наводнения погибло 480 человек, причем в уезде — 224, большей частью людей «низкого класса». Сами жители города тогда называли другую цифру погибших — быть может, и преувеличенную, но, вероятно, более близкую к истине — 14 тысяч.

Когда случались в столице повальные болезни, они поражали прежде всего простой народ, тех, кто жил в тесноте и грязи. Если случались катастрофические пожары, их жертвами становились, как правило, обитатели окраин, вла-

дельцы и жильцы деревянных домишек. Точно так же и наводнения обрушивали свою ярость именно на бедняков — больше всего страдали от них жители ветхих лачуг, первых этажей, подвалов. Гибли, теряли близких «маленькие люди», подобные героям пушкинского «Медного всадника»:

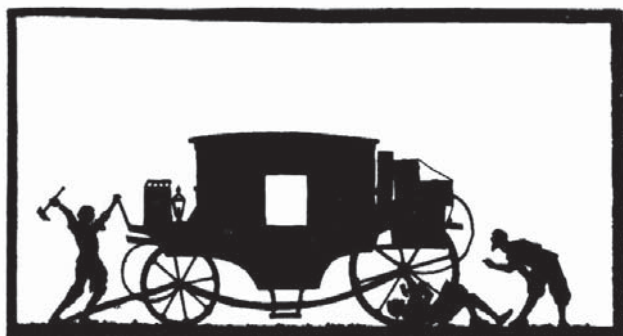
...Там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта...

Первые же сообщения о петербургском «потопе» Пушкин воспринял как весть о несчастье народном. Поэт находился тогда в ссылке в Михайловском. 4 декабря он писал брату Льву: «Закрытие феатра и запрещение балов — мера благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народ не участвует в увеселениях высшего класса, но во время общественного бедствия не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освещение бельэтажа, могли бы разбить зеркальные окна, и был бы убыток. Ты видишь, что я беспристрастен. Желал бы я похвалить и прочие меры правительства, да газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? об этом зимою не грех бы подумать хоть в одиночку, хоть комитетом. Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прощу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного».

Наводнение, случившееся в Петербурге 7 ноября 1824 года, конечно, осталось столь памятным для последующих поко-

Аркадий Гордин, Михаил Гордин

лений потому, что Пушкин запечатлел его в своей «петербургской повести», как он назвал поэму «Медный всадник». Поэт разглядел социальную основу происшествия, его роль в людских судьбах. Стихийная катастрофа предстает перед нами в пушкинской поэме знаменательным событием истории.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Сей век железный»

В 1814 году петербургский литератор и путешественник П. П. Свиньин, два года проживавший в Соединенных Штатах Америки, напечатал в журнале «Сын отечества» статью «О стимботах, или паровых судах американских». Это было первое известие об изобретении Фултона, о первых пароходах, построенных им в Америке. А уже в следующем, 1815 году в том же «Сыне отечества» появилась статья «Стимбот на Неве». На Неве испытывалось первое русское паровое судно. Оно представляло собой «обыкновенную тихвинскую лодку», то есть небольшую баржу в 60 футов длиной, в трюме которой предприимчивый заводчик Ч. Берд установил паровой двигатель. По бокам стимбота, упрятанные сверху в деревянные футляры, крутились два гребных колеса, на палубе возвышалась труба в 25 футов высотой. При попутном ветре она служила мачтой для поднятия паруса. В кормовой части под парусиновым навесом устроены были скамьи для пассажиров. Стимбот двигался со скоростью 10 верст в час. Двенадцать часов работы паровой машины обеспечивала сажень полуторааршинных березовых дров.

Вскоре паровое судно демонстрировалось членам царской фамилии. Оно полтора часа курсировало по большому пруду у Таврического дворца, и его удостоили своим посещением вдовствующая императрица Мария Федоровна и великая

княгиня Анна Павловна. Они катались на стимботе в сопровождении свиты. Очень важно было расположить к новшеству власть имущих.

Русской торговле и промышленности необходимы были новые быстроходные, требующие меньших затрат человеческого труда виды транспорта. Ведь путь от низовья Волги до Петербурга совершали в две навигации.

Говоря о значении пароходов для России, тот же журнал «Сын отечества» замечал: «Нетрудно исчислить, какое влияние иметь будет сие сбережение сил и лошадей на земледелие и ремесла! Конечно, надобно много времени, трудов и попечений для общего введения сего изобретения. Но способности и искусство русских художников изведаны». Слово «художники» здесь употреблено в широком смысле.

В 1815 году Ч. Берд открыл в Петербурге первое пароходство. Его пароходы — «пироскафы», как их тогда называли (английское «стимбот» не привилось), — начали курсировать между Петербургом и Кронштадтом. Путешествие длилось три с половиной часа.

На набережной Невы толпились любопытные, наблюдая невиданную картину: по реке без парусов двигалось судно с двумя огромными колесами по бокам и дымящей трубой на палубе. Это шел первый русский пароход «Елизавета». Через год появился и второй, а затем и еще. В 1820-е годы пироскафы регулярно ходили в Кронштадт два раза в сутки — в девять часов утра и в пять часов дня.

Вот как описывал такое путешествие А. В. Никитенко: «С судна подали сигнал; пассажиры толпою хлынули на палубу, и минуто спустя мы уже были на середине реки. Изобретение парохода — одно из чудес нашего века. Стоя на палубе, спокойно сидя в каюте, вы с невероятною быстротой, почти незаметно, переноситесь вдаль: так ровен ход судна, до такой степени двигающая его сила подавляет колебание волн.

Один только шум колеса, которое быстро вращается под действием пара и, как плуг, взрывает водную равнину, нарушает тишину... Я остался на палубе, желая насладиться видом моря. Петербург убежал от наших глаз: „Казалось, он в волнах свинцовых утопал“».

Теперь жители столицы, желающие совершить далекое морское путешествие, плыли в Кронштадт на «Бердовой машине», а там пересаживались на парусные корабли, идущие в порты России и Европы.

В 1820–1830-е годы Пушкин несколько раз совершал прогулки на пароходе из Петербурга в Кронштадт. В мае 1828 года ему сопутствовали А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, семейство Олениных. Его попутчиком оказался и живописец Д. Доу, который закончил работу над портретами генералов — героев 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца и должен был из Кронштадта отплыть на родину в Англию. Тут же на пароходе он зарисовал Пушкина. И Пушкин сочинил обращенное к Доу стихотворение: «Зачем твой дивный карандаш рисует мой арапский профиль?..» Поэт советовал художнику рисовать юную Анну Алексеевну Оленину, в которую был влюблен.

Незадолго до того Вяземский писал жене: «Смерть хочется... возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе... Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я».

Пушкин еще мальчиком мечтал о путешествиях. «С детских лет путешествия были моей любимой мечтой». Он мечтал побывать в Европе, но за пределы Российской империи его не выпускали. Он мог плыть туда лишь в своем воображении. К маю 1830 года относится автобиографический отрывок: «Участь моя решена. Я женюсь... Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, — и уже воображал себя на

пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся, морской свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег. *My native land, adieu**. Подле меня молодую женщину начинает тошнить, это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды — слава богу, до Кронштадта есть у меня занятие...»

Уже в первые месяцы появления пароходов петербуржцы на опыте убедились в их преимуществе перед парусниками, всецело зависевшими от превратностей погоды. С 1815 по 1825 год на заводе Берда в Петербурге, как уже говорилось, было изготовлено одиннадцать пароходных паровых машин. С 1827 года казенный Ижорский завод под Петербургом начал строить пароходы для Камы и Волги.

С конца 1820-х годов из Петербурга в немецкий порт Штеттин ходил пароход «Ижора». Регулярные рейсы из Петербурга в немецкий порт Любек совершал английский пароход «Георг IV». Но весной 1830 года владелец неожиданно продал его, и рейсы прекратились. Тогда составилось акционерное общество «для учреждения постоянного сообщения между Санкт-Петербургом и Любеком посредством пароходов». Контора его помещалась на Английской набережной, в доме Коммерческого клуба.

С весны 1831 года два больших парохода, «Александра» и «Наследник», уже перевозили из Петербурга в Любек и обратно пассажиров и грузы. «Сообщение российских гаваней Балтийского моря с остальною Европою, — писал журналист, — производится посредством пароходов, и известия об этом печатаются в „Северной пчеле“».

Слово «пароход» постепенно вытеснило чужеземное «пироскаф» и обрело права гражданства.

* Моя родная земля, прощай (англ.).

Существенные перемены коснулись и сухопутного движения. Весной 1830 года петербургская газета писала: «Наш век не без оснований называют веком *промышленности житейской*. Сколько придумано удобств, сколько новых средств к сближению людей и их мыслей, к облегчению затруднений, к сбережению издержек, к сокращению времени и пространства! И в отечестве нашем являются сии плоды общего порыва к улучшению житейского быта: по пространной России разъезжают удобные дилижансы...»

Первая в России крупная акционерная компания по устройству пассажирских рейсов в дилижансах между Петербургом и Москвой учреждена была еще в 1820 году. «Дилижансы, по акциям графом Воронцовым и другими учрежденные, устроены, — писал в ноябре 1820 года Н. И. Тургенев брату Сергею Ивановичу. — Я намерен воспользоваться сим учреждением».

Дилижансы представляли собой большие многоместные кареты, запряженные обычно четверкой лошадей. Путешествие в прочных, основательных «поспешных дилижансах» выгодно отличалось от езды в собственной коляске, которая из-за плохой дороги была весьма тряской, часто ломалась. Дилижансы быстро завоевали популярность. «...Охотников ездить в дилижансах очень много, — извещал Н. И. Тургенев брата, — записываются за две недели, чтобы иметь место».

В 1833 году было наконец закончено длившееся семнадцать лет строительство шоссе между Петербургом и Москвой. Это способствовало тому, что рейсы дилижансов стали регулярными и этот вид транспорта прочно вошел в быт москвичей и петербуржцев.

Наезжая в Москву из Петербурга в 1830-е годы, Пушкин тоже пользовался дилижансами.

Местом отправления дилижансов была в Петербурге Исаакиевская площадь. Первая контора дилижансов помещалась на Малой Морской улице в доме Бреммера.

В Петербурге в середине 1830-х годов уже имелось несколько контор дилижансов, и рейсы совершались не только между столицами, но и между Петербургом, Ревелем и Ригой, между Петербургом и Царским Селом, Петербургом и городами Финляндии. Сведения о времени отправления дилижансов, о ценах на места и плате за доставление посылок печатались ежегодно в месяцесловах, то есть календарях, издававшихся Академией наук.

Дилижансы на первый взгляд мало чем отличались от обычных дорожных карет — тащили их лошади, правил ими кучер. Но регулярность, с которой курсировали между городами огромные кареты, быстрота движения по хорошо укатанной дороге, наконец, относительная доступность этого вида транспорта были очевидными свидетельствами изменения ритма жизни, ее «скорости», ее уклада. Наступал век железных дорог.

В 1836 году в Петербурге возникло акционерное «Общество Царскосельской железной дороги». Контора Общества поместилась в Столярном переулке, в доме купца Дирсена.

«В течение последнего времени, — сообщает И. Пушкарев в своем „Описании Санкт-Петербурга“, — ни один предмет технической механики не занимал столь сильно всеобщее внимание, как устройство железных дорог». Действительно, вопрос о строительстве железных дорог в России вызвал ожесточенные споры в журналах, в публике, в правительственных сферах. У железных дорог были горячие сторонники. Были и не менее рьяные противники — среди помещиков-крепостников, боявшихся всяких новшеств, владельцев дилижансов и судовладельцев, опасавшихся конкуренции. «Я полагаю, — докладывал Николаю I обер-шталмейстер князь В. В. Долгоруков, — что для России, как государства весьма обширного и по его обширности весьма малонаселенного, неудобства сии, по роду их, слишком уве-

личиваются и делают заведение подобных дорог столь же мало выгодным, как и затруднительным». Сторонники железных дорог доказывали, что быстрые и дешевые пути сообщения — необходимый залог развития торговли и промышленности, важнейшее условие прогресса. Молодой ученый Н. П. Щеглов выступил со статьей «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами». Статью он напечатал в 1830 году в столичной газете «Северный муравей». У Щеглова оказалось немало сторонников. «...В части физических применений, мы, русские, в многих случаях опереживали других европейцев: чугунные дороги не новы, они существуют на многих железных заводах для перевозки руды бог знает с которой поры», — писал декабрист Н. А. Бестужев из сибирской ссылки брату.

И вот в 1835 году в Петербурге появился австрийский предприниматель и инженер, профессор Венского университета Ф. А. Герстнер. Он подал прошение о предоставлении ему монополии на постройку железных дорог в России сроком на двадцать лет. В монополии Герстнеру отказали, но разрешили в виде опыта построить железную дорогу между Петербургом и Павловском. Строительство продолжалось более года. На работах было занято до трех тысяч человек.

Железнодорожное депо разместилось в Московской части города, на территории Семеновского полка. Там подле полковой церкви стояло временное деревянное строение, из которого выходили рельсы. Они тянулись вдоль Введенского канала, по Семеновскому плацу, по Новому мосту через Обводный канал и дальше, вплоть до Павловска. Неподалеку от депо построили первый вокзал — очень скромное, небольшое деревянное здание.

27 сентября 1836 года состоялась первая пробная поездка по железной дороге от Царского Села до Павловска. Для этой цели на рельсы поставили два шарабана — открытые

широкие повозки с шестью рядами скамеек — и два вагона по тридцать мест в каждом. Шарабаны и вагоны попарно сцепили между собой — получилось два экипажа на шестьдесят человек. В каждый впрягли «гусем» по две лошади, и экипажи один за другим двинулись по рельсам. Скорость движения не превышала обычной, но изумляло то, что две лошади везли огромный груз — больше двухсот пудов весом. «Движение ровное, приятное, изредка дающее чувствовать, что колеса экипажей и шины* дороги еще, по новосте своей, не обтерлись; от Царского Села до Павловского парка, пространство трех верст, проезжали в 15 минут... Удовольствие и одобрение были всеобщие. Катанье продолжалось до сумерек. Опасностей, страха, испуга ни малейших!» — так рассказывал об этой поездке журналист.

Царскосельская железная дорога — первая в России пассажирская железная дорога — была торжественно открыта 30 октября 1837 года. К отправлению первого поезда собралась огромная толпа. Сановники, генералы, дипломаты, ученые, литераторы, художники, множество столичных обывателей с любопытством наблюдали за происходящим. Поезд отошел по удару колокола в 12 часов 45 минут. Он состоял из восьми украшенных флагами вагонов, в которых разместились 250 человек. К пассажирским вагонам были прицеплены платформы с рогатым скотом и строительными материалами, чтобы все видели: по железной дороге можно перевозить и пассажиров, и грузы. Зрители стояли по обе стороны дороги, любопытные выскакивали на рельсы перед самым паровозом. Во избежание несчастных случаев паровоз двигался с небольшой скоростью. Он проходил версту за две — две с половиной минуты. Причем в Павловск паровоз шел впереди вагонов, а обратно гнал их перед собой.

* То есть рельсы.

Плата за проезд была высокой, далеко не всякому доступной: билет от Петербурга до Царского Села и обратно стоил в первом классе — 5 рублей, во втором — 3 рубля 60 копеек, в третьем — 2 рубля 40 копеек.

До весны 1838 года паровоз пускали лишь по воскресеньям. В будние дни его заменяли лошади. Затем паровоз уже ходил ежедневно, и количество вагонов увеличилось. Вот как описывал один из жителей столицы поездку по железной дороге из Петербурга в Царское Село: «Наши знакомые и приятели помещаются в удобные и просторные берлины, вагоны или шарабаны, по желанию и по цене взятого в кассе билета, и едва успели усесться, как длинная цепь двенадцати огромных экипажей, по звонку, величественно приходит в движение. Это, право, что-то похожее на чародейство! Слышите ли оглушительный, дикий рев огненного коня, застилающего путь густою пеленою! Нельзя себе представить ничего величественнее этой силы, непреодолимой и вместе с тем послушной, которая несется быстрее ветра. На первом шагу радостный крик вырывается из гордой пасти могущественного паровоза, но вскоре он умиряется, бежит ровно... Сидящие в экипажах не чувствуют никакого движения: все летит вместе с ними, ветер хлещет крыльями по лицу и освежает горячее чело, сердце бьется медленнее: по железной дороге не едешь, а скользишь, и приедешь когда, кажется, еще не уезжал».

Царскосельская железная дорога перевозила только пассажиров. Экономического значения она не имела. Но все же появилась надежда, что близится время, когда чугунные рельсы протянутся на много верст вглубь страны, и это будет способствовать развитию промышленности и торговли.

«Сей век железный», о котором писал Пушкин в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», вступал в свои права.

В Петербург ежегодно различными путями приезжали и приплывали тысячи людей из-за границы, приезжали и приходили десятки тысяч из провинции, из деревень. И всем нужно было найти пристанище. Неудивительно, что среди множества столичных зданий весьма характерными были гостиницы и трактиры (то есть гостиницы с ресторанами), «заездные дома», постоялые дворы.

Они появились в Петербурге еще при Петре I, в 1720-х годах. С середины XVIII века специальные законоположения определили порядок содержания этих заведений, открываемых «ради приезжающих из иностранных государств иностранцев и всякого звания персон, и шкиперов, и матросов, а также для довольства российского всякого звания людей, кроме подлых и солдатства». Содержатели были люди «выдержанные и с поведением», главным образом иностранные подданные, потому постоялые дворы и трактиры часто именовались «гербергами» и носили громкие названия — по странам и городам, откуда происходили владельцы: «Шведский трактир», «Лондон», «Париж», «Любек»...

В изданном в 1822 году С. Аллером «Указателе жилищ и зданий в Санкт-Петербурге» перечислено 9 гостиниц и 25 постоялых дворов, расположенных главным образом в центральных, но также и в окраинных Московской и Каретной частях города.

Однако ни один путеводитель по городу не сообщал о тех многочисленных петербургских пристанищах, где постояльцам сдавали не номера, не комнаты, а углы комнат. В «угловых домах», как называли в столице такого рода пристанища, обитали по преимуществу мастеровые, являвшиеся в столицу на заработки, лакеи, лишившиеся места, разносчики с Сенной, отставные солдаты и многочисленные нищие.

По словам автора первого «Медико-топографического описания Санкт-Петербурга», изданного в 1820 году, постояльцы жили здесь «в настоящей свалке». Небольшие «угло-

вые дома» подчас вмещали одновременно до тысячи человек. Некоторые здесь жили месяцами, другие снимали угол на одну ночь. Угловой жилец платил в месяц от 2 до 5 рублей ассигнациями. Плата за ночлег составляла 5–10 копеек.

Именно в различного рода заведениях для приезжающих наиболее отчетливо была видна чрезвычайно сложная структура столичного населения. «В угловых домах» можно было видеть разнообразные типы «простонародья» — от профессиональных нищих до мелких торговцев с толкучего рынка. В гостиницах для «чистой публики» — заезжих помещиков, иностранцев-ремесленников, генералов, сановников, послов.

«Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу», изданный в 1820 году Ф. Шредером, сообщал: «Места, где путешествующий может остановиться, суть: Hotel de Londres, на Дворцовой площади, против Бульвара; у Демута на Мойке, между Конюшенным и Полицейским мостами; также в так называемом Ревельском трактире, в Новом переулке, и в Калмыковом доме у Каменного моста».

Самой известной в Петербурге на протяжении многих лет была гостиница Демута, или Демутов трактир, основанная еще в 1770 году неким Филиппом-Якобом Демутом, купцом из Страсбурга.

Поначалу Демутов трактир был невелик — всего шесть номеров. Затем здание перестроили. Оно заняло обширную площадь от набережной Мойки до Большой Конюшенной улицы, куда выходил другой его фасад; номеров в трактире стало более пятидесяти, и притом на все вкусы и средства. Были номера из одной, из двух комнат, с окнами на темный грязный двор. Были апартаменты из нескольких комнат окнами на Мойку и на Конюшенную.

Помещица В. П. Шереметьева, останавливавшаяся здесь в октябре 1825 года, свои первые впечатления записала так: «Мы прибыли в Петербург... Я еще ничего не видела, кроме

огромных домов, мимо которых проехали, и прибыли в гостиницу Демут. Она так полна, что мы едва нашли три небольшие комнаты в четвертом этаже, это меня нисколько не смутило, в случае наводнения мы довольно высоко... Лестницы, ведущие к нам, каменные; не согласились поместить нас менее чем на неделю, и представьте — эта несчастная квартира 65 руб. в неделю, кроме того, 2 руб. за воду. Так как мы прибыли сюда без всякого хозяйства, то нельзя получить чашки, не беря порции чая или кофе, и все ужасно дорого; то же самое за обедом».

Кто только не жил у Демута! Здесь останавливались М. М. Сперанский и А. П. Ермолов, П. И. Пестель и П. Я. Чаадаев, А. И. Тургенев и родители Пушкина. Здесь известный путешественник и коллекционер Алексей Салтыков, по прозвищу Индеец, занимал чуть не целый этаж редкостным собранием персидских ковров и восточного оружия. Выписанный в Россию Николаем I итальянский художник Козоре Дузи снял себе здесь мастерскую. А французский литератор Дюпре де Сен-Мора в зале гостиницы читал лекции о французском театре и литературе.

25 мая 1827 года в трактире Демута поселился вернувшийся в Петербург после ссылки Пушкин. Поэт занял «бедный номер, состоявший из двух комнаток» в той части гостиницы, где окна обращены были на двор к северо-западу. На экземпляре «Цыган», подаренном А. П. Керн в начале 1828 года, поэт написал: «Ее превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя. Трактир Демут, № 10...» Этот адрес значится и в документах полиции, неотступно следившей за поэтом.

Летом 1827 года Пушкин продолжал здесь работу над «Евгением Онегиным», держал корректуру отданных в печать глав романа, готовил для представления «самодержавному цензору» поэму «Граф Нулин», «Сцену из Фауста», «Песни о Стеньке Разине» и другие произведения.

В гостинице Демута осенью 1828 года была написана Пушкиным поэма «Полтава». Со слов самого Пушкина современник рассказывал: «Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах... Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части... Он кончил „Полтаву“, помнится, в три недели».

В «заездном доме Демута» собирались у Пушкина друзья. «Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина, — писал в мае 1828 года П. А. Вяземский жене, — с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым. Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас, разумеется, не складом фраз своих, но силою, богатством и поэзией своих мыслей... Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами».

Весной 1828 года в Демутовом трактире поселился А. С. Грибоедов. Автор «Горя от ума» приехал в Петербург 14 марта с текстом мирного договора между Россией и Персией, заключенного в Туркманчае при деятельном его участии. Оба поэта много времени проводили вместе в открытых дружеских беседах. Пушкин говорил о Грибоедове: «Это один из самых умных людей в России, любопытно послушать его».

В это же время жил у Демута А. Д. Тырков — отставной штабс-ротмистр, новгородский помещик, однокашник Пушкина по Лицею (лицейское прозвище его было Кирпичный Брус). В номере Тыркова 19 октября 1828 года Дельвиг, Илличевский, Яковлев, Корф, Стевен, Комовский, Тырков и Пушкин праздновали семнадцатую лицейскую годовщину. Со-

хранился шуточный протокол этого празднования, написанный Пушкиным и кончавшийся его стихами:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Действительно, на следующий день, 20 октября, Пушкин покинул Демутов трактир и уехал из Петербурга в Тверскую губернию, а оттуда в Москву.

Снова жил Пушкин у Демута в 1830 году, а затем в 1831-м — несколько дней, приехав в Петербург с молодой женой. С осени этого года Пушкин вновь становится петербуржцем — живет в столице уже постоянно, снимая квартиры.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Адрес мой — в Галерной, дом Брискорн»

С самыми отдаленными селениями страны Петербург имел постоянную и по тем временам довольно скорую связь, прежде всего — почтовую.

Вскоре после основания Петербурга по приказу Петра I собраны были во множестве ящики со всех губерний России (кроме Сибири) и переселены в Петербургскую губернию. Им отвели земли и в самом городе, близ Невского монастыря. С тех пор появилась в Петербурге Ямская слобода.

При Петре I на новых трактах, ведущих к Петербургу, заведены были почтовые станции. Возчики почты стали называться «почтарями», а лошади «почтовыми». Они менялись на каждой станции. Отсюда пошло выражение: езда «на почтовых», «на перекладных».

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых...

(«Евгений Онегин»)

Что собой представляли почтовые станции в первой трети XIX века, Пушкин описал в повести «Станционный смотритель».

Главное почтовое управление находилось в Петербурге. В конце царствования Екатерины II казной были куплены на Ново-Исаакиевской улице у частных лиц два дома для

размещения в них Главного почтамта. В одном из домов, ранее принадлежавшем графу Ягужинскому, разместилось Почтовое управление. Вскоре, в 1782–1789 годах, архитектор Н. А. Львов возвел здесь еще одно большое здание. Первоначально оно имело подсобное назначение. Во втором и третьем его этажах находились казармы для «почтальонской команды» и жили чиновники. При этих домах был большой внутренний «черный» двор, где полукругом располагались конюшня для почтовых лошадей, сараи, мастерские. К этим же домам принадлежали еще три двора «средней величины». Все это, вместе взятое, называлось Почтовым станом.

В самом начале XIX века Почтовое управление перевели в здание, построенное Львовым. С тех пор оно стало именоваться Главным почтамтом.

В Петербургском почтамте имелось семь экспедиций — текущих дел, счетная, приходящих почт российских, приходящих почт иностранных, отходящих почт российских, отходящих почт иностранных, секретная. В 1820 году к ним прибавилось еще несколько экспедиций, в том числе экспедиция приема денег, страховых писем, документов и дорожных посылок «на все главные российские почты».

Направлений, куда отсылалась и откуда приходила почта, было множество. Московская почта, малороссийская, белорусская, рижская, Выборгская, архангельская, ярославская, кронштадтская и т. д. Каждая приходила и уходила в определенные дни недели. В месяцесловах (календарях) среди всяких полезных сведений печатались известия о почтовых днях в Москве и Петербурге.

В то время, когда царский двор находился под Петербургом, в Царском Селе или Петергофе, действовала так называемая «суточная» колясочная почта. Она ежедневно отправлялась из столицы в летние царские резиденции и доставляла туда депеши и бумаги. За особую плату принимали и частные письма.

Петербургским почт-директором с 1819 по 1835 год, до самой своей смерти, был К. Я. Булгаков. От подписки на иностранные газеты и журналы он получал огромный доход — 100 тысяч рублей комиссионных ежегодно — и жил вельможей.

В ярко освещенных комнатах почтового дома два раза в неделю Булгаков принимал гостей. Его билiardная, по словам Ф. Ф. Вигеля, была своеобразной биржей — не для торговых, а для гражданских оборотов. Здесь сенаторы, статс-секретари, обер-прокуроры, директора департаментов договаривались о взаимных услугах, служебных сделках, протекциях.

По свидетельству современников, Булгаков сумел придать своей должности важность в глазах правительства. Ему он был весьма полезен тем, что не стеснялся, как и его старший брат — московский почт-директор, читать чужие письма и сообщать их содержание. Гоголевский почтмейстер Шпекин оказался не одинок. Распечатывали даже письма В. А. Жуковского — воспитателя наследника престола. Возмущенный поэт писал в конце 1827 года А. И. Тургеневу: «Что могут узнать теперь из писем? Кто верит себя почте? Что выиграем, разрушив святыню, веру и уважение к правительству? Это бесит. Как же хотят уважения к законам в частных лицах, когда правительство все незаконное себе позволяет?»

Постоянной перлюстрации подвергались письма Пушкина. Неосторожное выражение в одном из них послужило поводом к его высылке из Одессы в село Михайловское. Распечатывали и читали письма Пушкина к жене. 10 мая 1834 года поэт записал в своем дневнике: «Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь о нем ему говорил... Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распе-

чатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться...»

«Я не писал тебе потому, — сообщал Пушкин жене, — что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе».

Сохранилась обширная переписка братьев Булгаковых, в которой они, не боясь чужого глаза, живо и откровенно сообщали друг другу петербургские и московские новости, слухи, сплетни. Пушкин, хорошо знакомый петербургскому и московскому почт-директорам, тоже фигурирует в их переписке.

При К. Я. Булгакове были открыты в Петербурге первые городские почтовые отделения. Необходимость их он мотивировал так: «Жители отдаленных частей Санкт-Петербурга нередко находят затруднения в доставлении в почтамт своих писем. Живущие на Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах за Литейной улицей и в Ямской должны проходить несколько верст для подачи иногда одного письма на почту».

1 марта 1821 года открылись почтовые отделения: первое — в Литейной части на Воскресенском проспекте, второе — в Московской части на Офицерской улице, третье — в Петербургской части на Большом проспекте. В начале 1830-х годов было открыто еще два городских почтовых отделения: четвертое — на Васильевском острове, пятое — между Калинкиным и Обуховским мостами. Последнее — «для большей удобства подачи корреспонденции обывателями Большой Коломны, равно живущими близ Московской заставы, казармах Измайловского полка».

Когда в 1831 году Пушкин с женой поселился в Петербурге на Галерной улице, корреспонденция его шла через почтамт. Свой адрес поэт писал так: «Адрес мой — в Галерной, дом Брискорн».

Живя в 1833–1834 годах в Литейной части на Пантелеймоновской улице в доме Оливье, поэт сдавал письма в первое городское почтовое отделение на Воскресенском проспекте. «Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину в Москве на Остоженке против Воскресения в доме священника» — так написано на одном из конвертов рукой Пушкина. И стоит штемпель первого почтового отделения.

Адрес тогда писали начиная с имени, отчества и фамилии адресата, а затем уже указывали место назначения. «М. г. Наталье Николаевне Пушкиной в С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме г. Оливье». Это адрес на письме Пушкина из Болдина к жене.

Для удобства жителей, уезжающих на дачу под Петербург, столичный почтамт с мая 1832 года учредил на летние месяцы временные почтовые отделения: первое — близ Охты, второе — на третьей версте по Петергофской дороге, третье — близ Новой Деревни и четвертое — в Первом Парголовском селе.

Корреспонденцию во всех почтовых отделениях принимали ежедневно, кроме воскресенья.

С 1831 года для ускорения доставки писем Петербург был разделен на 20 «почтальонских» округов. Каждый округ обслуживали два почтальона — с сумкой, в мундире и при сабле. В длинные весенние и летние дни письма разносили не один, а два раза.

С января 1833 года начала действовать в Петербурге первая в России внутригородская почта. 14 января «Северная пчела» писала: «Во вторник 17-го сего месяца воспримет свое начало здесь в Санкт-Петербурге городская почта для разности писем и билетов по городу». В приложении к газете напечатано было об этом объявлении на русском, французском и немецком языках.

Организована петербургская городская почта была своеобразно. 45 мелочных лавок, преимущественно на пере-

крестках улиц и у мостов, объявили «приемными местами». На этих лавках появились вывески: «Прием на городскую почту №...» Лавки торговали с раннего утра и до позднего вечера, и все это время здесь принимали корреспонденцию. Брал ее лавочник. Он же получал установленную плату: за каждое письмо 20 копеек, за каждый пересылаемый билет (визитный, пригласительный) 10 копеек. Затем письмо опускали в запертый почтовый ящик.

Почтовые ящики различной формы имели два отделения. Одно на замке — куда опускали письма. Другое открытое — где хранились те письма, адресатов которых не смогли отыскать. Ключ от почтового ящика находился у письмоносца — так в отличие от почтальонов называли разносчиков внутригородской почты.

У этой почты были свои округа — всего 17. Два письмоносца по очереди обходили лавки в своем округе, открывали ящики, забирали письма и доставляли их в почтовые отделения города. Оттуда уже три раза в день — в восемь утра, в час дня и шесть вечера — письма доставлялись адресатам.

Собранная плата за письма распределялась так: с каждого рубля 10 копеек лавочнику, 20 копеек — письмоносцу, 20 копеек — чиновникам и служителям почтамта. Остальные 50 копеек — Почтовому ведомству.

В 1834 году количество пунктов приема внутригородской корреспонденции увеличилось до 108. Нововведение вполне оправдало себя.

Для быстрой доставки деловых бумаг существовала экстра-почта. А с 1825 года в Петербурге появился оптический семафорный телеграф. Он связывал Зимний дворец и Царское Село. Телеграф — «это машина, устроенная на возвышении, через которую посредством разных знаков можно извещать о том, что происходит или что открыто. Телеграфы делаются один от другого в таком расстоянии, чтобы

можно было способом зрительной трубы ясно рассмотреть знаки оного, которые повторяются ближайшими, а от сего другим, и так далее, через что в самое короткое время можно узнать, что происходит или какое получено известие за несколько десятков миль» — так разъяснял сущность оптического телеграфа С. А. Тучков, автор «Военного словаря», вышедшего в конце 1820-х годов. Днем в ясную погоду сообщения передавались при помощи семафорных сигналов, ночью — световыми сигналами, в туман или снегопад телеграф бездействовал.

Один из пунктов оптического телеграфа находился на Невском проспекте, на башне Городской думы.

С 1835 года линии оптического телеграфа связывали Петербург с Кронштадтом и Варшавой.

Развитие почтовой и телеграфной связи, вызванное насущными потребностями дня, способствовало и умственному прогрессу, удовлетворению возрастающей потребности в обмене информацией и идеями.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Журналы наши»

Наряду с экстренными сообщениями оптического телеграфа, наряду с депешами и письмами, доставлявшимися почтой, источником всевозможных новостей для жителей столицы была пресса.

В пушкинское время в Петербурге одновременно выходило несколько газет и много журналов.

С 1727 года при Петербургской Академии наук издавалась официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости». В начале XIX века она выходила ежедневно на двух листах небольшого формата. Почти каждый номер сопровождался «Прибавлениями» — порой на нескольких листах. Газета публиковала известия — петербургские, провинциальные и заграничные, правительственные сообщения, а также казенные и частные объявления. Больше всего было объявлений. Каждое обыкновенно печатали по три раза, из номера в номер, — о вызове кредиторов, должников и наследников; продажах с публичного торга имений, домов и прочего имущества; предлагаемых услугах; прибывающих в порт иностранных кораблей; приехавших в Петербург и отъезжающих господах; книгах, изданных Академией наук; подрядах. Например: «Желающие поставлять к высочайшему двору... шляпы треугольные с золотым галуном, петлицами, бантами и вязкою совсем готовыми могут для торга и условий

являться в придворную контору ежедневно кроме воскресных и праздничных дней с узаконенными о залогах и состоянии свидетельствами».

С 1809 до 1819 года в столице два раза в неделю выходила также официальная «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета». Издавал газету Почтовый департамент, а руководил изданием известный сановник (одно время министр внутренних дел), стихотворец и переводчик О. П. Козодавлев. Газета постоянно печатала иностранные и внутренние известия.

Благодаря связи Почтового ведомства со всей империей внутренние известия в «Северной почте» были особенно подробными, хотя зачастую не слишком значительными.

В 1813 году, в разгар войны с Наполеоном, чиновник и литератор П. П. Пезаровиус начал издавать газету «Русский инвалид». Выходила она сначала один раз, потом дважды в неделю. Целью издания был сбор денег в пользу увечных воинов и их семейств, сообщения о нуждающихся и публикация о пожертвованиях. В 1815 году выручку от издания и нерозданные пожертвования, а также право на издание газеты Пезаровиус передал правительственному Комитету по делам инвалидов. Однако до 1822 года он оставался редактором газеты, которая называлась теперь «Русский инвалид, или Военные ведомости» и выходила ежедневно.

События Отечественной войны внесли оживление и в петербургскую журналистику. С этого времени она начинает играть все более заметную роль в общественной жизни.

Военной поре обязан своим появлением самый примечательный петербургский журнал первой четверти XIX века — «Сын отечества». Журнал был основан в 1812 году и первое время печатал преимущественно политические и исторические статьи, имевшие большее или меньшее отношение к войне с Наполеоном. Журнал рассказывал о до-

блести русских воинов, сражавшихся с французами, о походе Дария в Скифию, о борьбе Испании за независимость, об освобождении Швеции от тиранства Христиана II и об узурпации власти Наполеоном. Вперемежку с военными реляциями здесь появлялись актуальные басни Крылова «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица».

После окончания войны «Сын отечества» помимо политических и исторических статей стал публиковать статьи научные, литературные, старался сообщать обо всех выходящих в России книгах и, наконец, печатал небольшие стихотворения — оды, послания, басни. В это время авторами «Сына отечества» стали Жуковский, Гнедич, Грибоедов, Кюхельбекер, Рылеев, Бестужев. Гнедич и Грибоедов на страницах «Сына отечества» спорили о балладах Жуковского и Катенина, Кюхельбекер развивал свои идеи о романтизме, Рылеев в канун восстания декабристов напечатал статью «Несколько мыслей о поэзии».

То и дело мелькало в журнале имя Пушкина. Много месяцев «Сын отечества» вел спор о его поэме «Руслан и Людмила». В этот спор вступил даже никогда не участвовавший в журнальной полемике Крылов — он напечатал в «Сыне отечества» (правда, без подписи) эпиграмму на критиков поэмы. В 1822 году Вяземский поместил здесь подробный разбор «Кавказского пленника», а Веневитинов в 1825 году — статью о «Евгении Онегине».

Публицистика журнала отличалась явным либерализмом. Так, в «Сыне отечества» появилась статья профессора права А. П. Куницына «О конституции», в которой исчислялись выгоды представительного правления, был напечатан сочувственный отзыв о книге Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», основная мысль которой клонилась к необходимости отмены крепостного права в России. «...Жиденькие книжки „Сына отечества“ первой четверти XIX века были полны вы-

разительных, даже бешеных статей», — писал в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель.

Книжки «Сына отечества» действительно были тонкими — журнал выходил недельными выпусками. Тираж его достигал 600 экземпляров — для 1810–1820-х годов цифра очень значительная. Издатель журнала Н. И. Греч вел дело единолично — содержал типографию, сам отбирал и редактировал материалы, сам правил корректуру. Когда в 1814 году Греч тяжело заболел, выход «Сына отечества» чуть было не прекратился.

Журналистские нравы были патриархальны. Очередные номера журналов часто запаздывали, случалось, не выходили вовсе. Своей издательской беспечностью особенно славился известный в то время поэт А. Е. Измайлов, который с 1818 по 1826 год выпускал журнал «Благонамеренный». В 1824 году не вышло два полумесечных выпуска его журнала, в 1825 году — двенадцать недельных.

Пушкин вспоминал, как Измайлов, не выпустив журнала, однажды «печатно извинился перед публикой тем, что он на праздниках гулял». Извинение было стихотворным:

Как русский человек, на праздниках гулял,
Забыв жену, детей, не только что журнал.

С 1818 по 1825 год выходил журнал «Соревнователь просвещения и благотворения, или Труды Вольного общества любителей российской словесности». На обложке журнала была напечатана программа, которой «Соревнователь» постоянно следовал: «I. Науки и художества. Словесность древняя и новая. Исследования о свойствах языков. Древности. Описание земель и народов. Исторические отрывки и биографии знаменитых мужей. Ученые путешествия, разные рассуждения, речи и вообще все любопытное по части наук и искусств. Новые изобретения, открытия и т. п. II. Изящная

проза. Живописные путешествия, изображения характеров, повести. III. Стихотворения. IV. Смесь». Что касается художественной прозы, то ее в журнале было мало. Поэтический отдел, напротив, бывал обширен, и в нем часто встречались стихи Федора Глинки, Рылеева, Кюхельбекера, басни Крылова. Несколько стихотворений поместили там Пушкин, Жуковский, Баратынский, Дельвиг, Гнедич.

Журнал Вольного общества любителей российской словесности упомянут в пушкинской «Истории села Горюхина» как издание популярное и широко известное читающей публике: «Позвольте спросить... вы г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастье читать в „Соревнователе просвещения?“». Упоминается этот журнал и в черновиках поэмы «Езерский»:

Вам должно знать, что мой чиновник
Был сочинитель...
Свои статьи печатал он
В «Соревнователе».

Основное место в журнале занимали научно-популярные статьи по истории, географии, этнографии. Здесь можно было прочесть об испанских торедорах, донских казаках XVI столетия, Карле V, свадебных русских обрядах, народных песнях, былинах и преданиях.

Журналом, печатавшим по преимуществу исторические, этнографические и биографические материалы, были также «Отечественные записки», которые с 1820 по 1830 год издавал П. П. Свиньин. Он же вместе с А. Ф. Кропотовым с 1816 по 1818 год выпускал периодическое издание «Пантеон славных российских мужей». Рассказывая об исторических лицах, а в особенности о своих современниках, среди которых Свиньин неустанно разыскивал таланты, он нередко впадал в преувеличения, выдавал воображаемое за действительное.

Этот порок Свинына Пушкин высмеял в ироническом «детском рассказе», озаглавленном «Маленький лжец», где между прочим писал: «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок. Он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он усакал из Полтавского сражения».

Истории, этнографии и ориенталистике был посвящен журнал «Сибирский вестник», позже переименованный в «Азиатский вестник». Здесь публиковались избранные сочинения и переводы, касавшиеся наук, искусств и словесности стран Востока, а также описания путешествий по этим странам и «разные новейшие сведения». Издавал журнал в 1818–1827 годах член Вольного общества любителей российской словесности Г. И. Спасский.

Члены этого общества были активными участниками и другого столичного журнала — «Невский зритель». Журнал публиковал статьи по вопросам политической истории и политической экономии. Основатель журнала Иван Сниткин приехал в столицу в конце 1818 года. Незадолго перед тем он окончил с серебряной медалью Московский университет и, получив степень магистра этико-политических наук, был определен на службу в Петербург, в Департамент горных и соляных дел. Молодой магистр в конце 1819 года вместе с почтовым чиновником Гаврилой Кругликовым получил разрешение на издание «Невского зрителя».

Сниткин поместил в журнале ряд статей — о причинах расцвета и упадка Древней Греции, о правлении и законодательстве Древнего Рима, о возникновении государств, о политическом состоянии Европы, статью, которая называлась «Должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров или только некоторых, и каких более?», исследование

о философии Монтескье и еще несколько сочинений. Рецензент «Сына отечества» в 1821 году писал о Сниткине, что цель его деятельности есть «благоденствие отечества и счастье рода человеческого». Власти смотрели на дело иначе. Министр просвещения князь Голицын летом 1820 года писал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, занимавшемуся делами цензуры: «В книжке журнала „Невский зритель“, часть первая, март, помещена опять целая статья под названием „О влиянии правительства на промышленность“, в коей делаются замечания правительству в постановлениях и распоряжениях его, и делаются оному наставления, весьма неприличные ни в каком отношении. Такое смелое присвоение частными людьми себе права критиковать и наставлять правительство ни в каком случае не может быть позволено».

Постоянно сотрудничали в «Невском зрителе» Рылеев, Кюхельбекер, Александр Бестужев, Федор Глинка, Баратынский. Здесь в октябре 1820 года было напечатано стихотворение Рылеева, впервые обратившее на поэта общее внимание, — сатира «К временщику». Хотя стихи были названы подражанием латинскому, все поняли, что имеется в виду не кто иной, как граф Аракчеев — «монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный, неистовый тиран родной страны своей». Начался скандал, но тот же самый князь Голицын, который возмущен был дерзкой статьей Сниткина, имел свои счета с Аракчеевым. В ответ на требование временщика произвести расследование ему предложили указать, какие именно оскорбительные выражения в стихах Рылеева принял он на свой счет. Стать общим посмешищем Аракчеев не захотел, скандал удалось замять.

Вероятно, Рылеев был в достаточно дружеских отношениях с издателем «Невского зрителя», поскольку в декабре 1820 года сообщал жене, что собирается войти с ним в ком-

панию. Но план этот не осуществился. В середине 1821 года Сниткин, не решаясь далее гневить начальство, счел за благо прекратить выпуск журнала и вернуть подписчикам деньги за невышедшие номера.

В начале 1820-х годов цензурные гонения на журналы усилились. Жертвой их стал и другой примечательный ежемесячник — «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и пр.». Издатель «Духа журналов» Г. М. Яценко занялся сравнением общественного устройства России и других стран, заговорил о крепостном праве, развивал либеральные идеи. В 1820 году — на шестом году издания — ему приказано было закрыть журнал.

Чем дальше, тем менее охотно власти разрешали издание новых журналов. Цензурный комитет в своем представлении начальству утверждал, что нет пользы в «неограниченном размножении журналов, издаваемых частными лицами, которые еще неизвестны полезными трудами».

Наряду с цензурой на пути журналистов стояло и другое существенное препятствие — равнодушие публики. Тираж самых популярных изданий редко превышал 600 экземпляров. Русское дворянство в массе своей не любило словесности, тем более отечественной. Даже образованные светские люди, особенно женщины, как правило, читали лишь французские книги.

Не случайно Пушкин писал о Татьяне Лариной, что она «журналов наших не читала...».

Желание избежать бесплодной постоянной борьбы с цензурой, а также стремление наполнить свой журнал одними только первоклассными сочинениями — стремление в то время трудновыполнимое — привело Александра Бестуже-

ва и Рылеева к мысли выпускать ежегодник — периодическое издание, заключающее в себе только отборные произведения лучших столичных писателей. Так родился альманах «Полярная звезда», вышедший с 1823 по 1825 год. «При составлении нашего издания Рылеев и я имели в виду более чем одну забаву публики. Мы надеялись, что по своей новостности, по разнообразию предметов и достоинству пьес, коими лучшие писатели удостоили украсить „Полярную звезду“, она понравится многим...» — писал Александр Бестужев по выходе первого выпуска альманаха.

В «Полярной звезде» Пушкин поместил отрывки из «Братьев-разбойников» и «Цыган» и много стихотворений. Дельвиг напечатал здесь свои «Русские песни», Жуковский — переводы из Шиллера, Гнедич — строфы из «Илиады», Крылов — несколько басен, Баратынский — лирические стихотворения, Грибоедов — «Отрывок из Гёте», Рылеев — «Думы» и отрывки из «Войнаровского» и «Наливайко».

В «Полярной звезде» на 1825 год были напечатаны пророческие стихи Рылеева:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Стихи эти, по свидетельству декабриста Беляева, «были знакомы каждому и повторялись во всех дружеских и единомышленных кругах». Дух независимости и вольномыслия отличал направление альманаха. Он сказывался и в повестях

Бестужева, и в его годовых обзорах русской литературы, в стихах Кюхельбекера и Федора Глинки, в очерках историка Корниловича.

«Полярная звезда» имела небывалый успех. Первая книжка альманаха была отпечатана в количестве 600 экземпляров. Их расхватили менее чем за неделю. Вторую книжку отпечатали тиражом 1500 экземпляров, и она разошлась в три недели. До того ни одно периодическое издание в России не пользовалось подобной популярностью. Материальный успех предприятия дал возможность издателям щедро расплатиться с авторами (в то время издатели журналов, как правило, гонораров не платили вовсе). Александр Бестужев однажды сказал Льву Пушкину, просившему по пять рублей за каждый онегинский стих: «Ты промахнулся, Левушка... не потребовав за строку по червонцу... Я бы тебе и эту цену дал, но только с условием — напечатать нашу сделку в „Полярной звезде“ для того, чтобы знали все, с какой готовностью мы платим золотом за золотые стихи».

С легкой руки Бестужева и Рылеева в столице появляется множество альманахов. Следом за «Полярной звездой» начинают выходить «Северные цветы», «Невский альманах», «Альциона», «Подснежник».

Обилие журналов и альманахов, серьезность и богатство содержания многих из них — свидетельство напряженной и разнообразной духовной жизни Петербурга в конце 1810-х — начале 1820-х годов.

Но еще полнее, чем в печати, стесненной правительственной цензурой, интеллектуальные силы столицы являли себя в петербургских литературных кружках, литературных обществах и небывалых до того в России тайных политических обществах.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Где разговор найду непринужденный»

Поэт П. А. Вяземский назвал вечера в одной из петербургских гостиных «изустной, разговорной газетой». Именно такие разговорные газеты — то есть чтения литературных произведений, критические высказывания о них, непосредственный обмен мнениями — были в первые десятилетия XIX века весьма распространенной формой художественной жизни.

Пушкин писал о литературных гостиных:

Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный...

(«Краев чужих неопытный любитель»)

В небольших, скромно обставленных или, напротив, просторных и убранных богато комнатах складывались мнения, произносились приговоры, формировались литературные партии. Подобно газетам и журналам, каждый кружок и каждый салон имел свое направление, свою окраску или хотя бы оттенок. В каждом были свои литературные кумиры, которых почитали, которыми гордились.

Едва ли не самым примечательным среди литературных салонов тех лет был салон президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина.

Малого роста, невзрачный с виду, Оленин обладал недюжинным умом, весьма обширными познаниями в науках и был предан русскому искусству как своему кровному делу. Десяти лет от роду его отправили на воспитание к родственнице — Е. Р. Дашковой, незаурядной женщине, той самой, которая много лет возглавляла Академию наук, а также Российскую академию, созданную по ее замыслу. Воспитанника Дашковой заметила Екатерина II и приказала записать его в Пажеский корпус. Затем он изучал науки в Страсбурге и артиллерийское дело в Дрездене. Из военной службы он позднее перешел в штатскую и в ней преуспел.

Будучи за границей, Оленин прочитал «Историю искусства древности» знаменитого Винкельмана и с той поры увлекся историей и археологией. За труд, посвященный «толкованию многих русских старинных речений», его избрали в Российскую академию.

В 1810-х годах Оленин жил в собственном доме на правом берегу Фонтанки, между Семеновским и Обуховским мостами. Этот трехэтажный особняк он получил в приданое за женой Елизаветой Марковной, урожденной Полторацкой.

В гостеприимном доме Олениных собирались писатели, художники, артисты. «Предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговор... Сюда обыкновенно привозились все литературные новости, вновь появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, книгах, картинах», — рассказывал посетитель салона.

Завсегдатаями оленинского кружка были И. А. Крылов и известный переводчик «Илиады» поэт Н. И. Гнедич. Здесь любил бывать и юный Пушкин.

В отличие от большинства петербургских гостиных у Оленина не в чести были карты. Им предпочитали другие игры — особенно шарады. В играх участвовали и знаменитые гости. «Не помню, за какой-то фант Крылова заставили про-

читать одну из его басен. Он сел на стул посередине зала; мы все столпились вокруг него, — рассказывала племянница Е. М. Олениной А. П. Керн, — и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего *Осла!* И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: „Осел был самых честных правил!“»

В 1819 году у Олениных Пушкин впервые увидел А. П. Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В 1820-х годах Оленины поселились на набережной Мойки, возле Синего моста.

Младшая дочь Олениных — Анна Алексеевна — задумала писать роман с реальными персонажами, теми, кто окружал ее в родительском доме. В июле 1828 года она занесла в дневник: «Пушкин и Киселев — два героя моего настоящего романа. Сергей Голицын (Фирс), Глинка, Грибоедов и в особенности Вяземский — персонажи более или менее интересные». Роман не состоялся, но дневник А. А. Оленина вела исправно. «Стали приезжать гости. Приехал милый Сергей Голицын (Фирс), Крылов, Гнедич, Зубова, Михаил Глинка... Приехал по обыкновению Пушкин». Пушкина Анна Алексеевна характеризовала как «самого интересного человека своего времени».

Как и прежде, у Олениных собирались писатели, художники, актеры.

После возвращения из ссылки, наезжая в Петербург, Пушкин постоянно бывал у Олениных. Особенно привлекала его сюда Анна Алексеевна. Покидая Петербург в 1820 году, он

оставил ее ребенком. Теперь это была прелестная девушка — живая, остроумная, прекрасно образованная. Пушкин увлекся ею и даже решил жениться. Он сделал предложение, но ему отказали. Олениных не устраивала его репутация, его неблагонадежность. К тому же Анна Алексеевна была к нему равнодушна. Следом этого увлечения остался ряд стихотворений, посвященных Олениной.

Человеком, известным в литературном и художественном мире столицы, был хозяин другого аристократического салона — граф И. С. Лаваль. В своем роскошном особняке на Английской набережной возле Сенатской площади он принимал не только весь высший свет, но и знаменитых писателей, музыкантов. В доме Лавалья собирались и молодые гвардейские офицеры, члены тайного общества, — один из его основателей князь С. П. Трубецкой был женат на дочери Лавалей — Екатерине Ивановне.

В 1817–1820 годах здесь не раз бывал Пушкин. Хозяева, по словам очевидца, «с удовольствием видели у себя молодого поэта». Посещал Пушкин знаменитый салон на Английской набережной и по возвращении из ссылки. Так, 16 мая 1828 года в присутствии Крылова, Грибоедова, Мицкевича поэт читал здесь еще не разрешенную к печати трагедию «Борис Годунов».

В конце 1810-х годов литераторы, маститые и начинающие, а также любители словесности собирались по субботам в квартире Жуковского, который жил тогда у Кашина моста, на углу Крюкова канала и Екатерингофского проспекта, в доме Брагина.

На собраниях в его квартире царила непринужденность, светских церемоний не было и в помине. Собиралось только мужское общество. Приходили Крылов, Гнедич, бывали Батюшков и наезжавший в столицу Вяземский, недавние лицеисты — Кюхельбекер, Дельвиг и Пушкин.

Пушкин писал «Руслана и Людмилу», приносил сюда и читал песнь за песнью. Когда же была прочитана последняя песнь, Жуковский подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного-учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница».

Недавние выпускники Лицея — Дельвиг, Кюхельбекер, Илличевский — часто собирались в доме Софьи Дмитриевны Пономаревой.

Сестра одного из лицеистов второго выпуска, она навещала брата и дружила с юными поэтами еще тогда, когда они не сняли лицейских мундиров. С. Д. Пономарева, которая, по словам одного из ее почитателей, —

Была, как Грация, мила
И образованна, как Музы,

устраивала в своем доме литературные вечера. Здесь собирались и писатели старшего поколения — А. Е. Измайлов, автор идиллий В. И. Панаев, Н. И. Гнедич, порой сам И. А. Крылов, — и молодежь — кроме упомянутых лицеистов первого выпуска, Е. А. Баратынский, П. А. Плетнев, П. Л. Яковлев, О. М. Сомов. Любезная и веселая хозяйка салона, державшая себя с гостями весьма просто и свободно, побуждала поэтов блистать остроумием и талантом. Альбом Пономаревой был наполнен мадригалами и посланиями, в которых порой проглядывало искреннее чувство.

О, сила чудной красоты!
К любви по опыту холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество: но ты

Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила, —

писал Пономаревой юный Дельвиг. Не на шутку был влюблен в нее и Баратынский.

Некоторые из молодых литераторов, бывавших в салоне Пономаревой, собирались в середине 1820-х годов в доме поэта И. И. Козлова, ослепшего и прикованного к креслу. Представление о том, как проходили вечера в доме автора «Чернеца», может дать отрывок из его дневника за апрель-май 1825 года: «28. Лев (Пушкин) читал нам мелкие стихотворения своего брата... Вечером Гнедич, Александр и Сергей Тургеневы. Я был в салоне... 3 мая... Вечером Лев, Дельвиг, Грибоедов, человек умнейший, каких мало... 12. Тургенев, Жуковский, Пушкин (Лев), Дельвиг и Кюхельбекер пили чай. Много смеялись. Дельвиг так утомительно бесил Кюхельбекера. Позже декламировали стихи. 25. Дельвиг остался обедать. Около 6 час. Тургенев и Жуковский, который едет в Павловск и Царское. Лев (Пушкин) принес мне чудное послание ко мне своего брата Александра, что мне доставило чрезвычайное удовольствие».

Это были присланные Пушкиным из Михайловского стихи:

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел...

(«Козлову»)

Литературные собрания в начале 1820-х годов заводят у себя и издатели журналов — А. Ф. Воейков и Н. И. Греч.

В дом Воейкова гостей привлекала ясная улыбка и печальная красота его жены Александры Андреевны — пле-

мянницы Жуковского, «Светланы» его стихов. В нее был влюблен Александр Тургенев, от нее был без ума дерптский студент, поэт Николай Языков.

В кабинете Воейкова висели портреты Карамзина, Жуковского и Пушкина. Рядом красовалось его собственное изображение. Автор сатирической поэмы «Дом сумасшедших», высмеивавшей всех видных тогдашних литераторов, Воейков пожелал, чтобы его изобразили в комнате, где висела табличка «Дом сумасшедших, отделение III, № 27». На портрете Воейков, сидя за столом в полосатом халате, пишет на лежащем перед ним листе бумаги:

Вот Воейков, что бранился,
Век с Булгариным возился,
Честь свою тем запятнал
И в безумный дом попал.

В литературном кругу Воейков славился злоязычием и страстью к интригам.

Греч был не менее знаменит своими колкими шутками. В начале 1820-х годов он слыл за либерала, и в шутках его иногда сквозило вольномыслие. Будущие декабристы в то время часто посещали «четверги» Греча.

В середине 1820-х годов петербургским литераторам хорошо была известна квартира К. Ф. Рылеева в доме Российско-американской компании на Мойке.

Сюда на так называемые «русские завтраки» приходили литераторы — друзья Рылеева. Завтраки эти бывали ежедневно около второго или третьего часа пополудни. «Русскими» они назывались потому, что угощением служили ржаной хлеб, кислая капуста и «графин очищенного русского вина». Говорили о литературе и о политике. «То там, то сям вырывались стихи с оттенком эпиграмм и сарказма». Пели сатирические песни, сочиненные Рылеевым и А. А. Бестужевым.

Вдоль Фонтанки-реки
Квартируют полки.

Слава!

Квартируют полки
Все гвардейские.

Слава!

Их и учат, их и мучат
Ни свет ни заря.

Слава!

Что ни свет ни заря
Для потехи царя.

Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться от мук?

Слава!

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?

Слава!

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?

Слава!

«Я очень любил эти завтраки, — вспоминал младший брат А. А. Бестужева Михаил, — и, как только была возможность, от убийственной шагистики, поглощавшей все мое утро до вечера, я спешил отдохнуть там душою и сердцем в дружной семье литераторов и поэтов. Особенно врезался у меня в памяти один из них, на котором, в числе многих писателей, были Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Грибоедов и другие. Тут же присутствовал брат А. Пушкина Лев... Помню, что он говорил наизусть много стихов своего брата, еще не напечатанных: прочитал превосходный разговор Тани с нянею, приведший в восторг слушателей».

Пушкин в это время томился в михайловской ссылке, но и оттуда его поэтический голос достигал столицы. Более того — среди людей, живших в Петербурге, не было чело-

века, чье влияние на духовную жизнь петербуржцев можно сравнить с влиянием ссыльного поэта. «...„Деревня“, „Кинжал“, „Четырехстишие к Аракчееву“, „Послание к Петру Чаадаеву“ и много других, — вспоминал декабрист И. Д. Якушкин, — были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения... И вот, может быть, почему он был поэт истинно народный, каких не бывало прежде в России».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Где ум кипит, где в мыслях волен я»

В 1810-е годы на российском Парнасе разгорелась война архаистов и новаторов. Тогда же в Петербурге появились два литературных общества. Первое именовало себя на древнерусский манер «Беседой».

«Беседу любителей русского слова» возглавлял старый адмирал А. С. Шишков. Искренний патриот, но человек ограниченный, прямолинейный, упрямый, при этом яркий реакционер, он изыскивал способы оградить Россию от «опасных» веяний, проникающих извне, особенно из «развратной» Франции. В своем «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» Шишков выступал против реформы языка, проводимой Н. М. Карамзиным. Карамзинистов, приближавших книжный язык к разговорной речи, Шишков и его единомышленники полагали чуть ли не якобинцами и всячески поносили. По словам дяди Пушкина, Василия Львовича, они уверяли:

Кто пишет правильно и не варяжским слогом,
Не любит русских тот и виноват пред Богом.

Литературные старожилы пользовались мощной поддержкой духовенства и чиновной знати. Недаром в «Беседу» вошли четыре министра, два митрополита и множество сановных и титулованных особ.

Первое заседание «Беседы» состоялось 14 марта 1811 года. Местом ее собраний служил дом Г. Р. Державина на Фонтанке, его большой парадный зал. Этот зал, украшенный колоннами под желтый мрамор и в дни заседаний великолепно освещенный, специально приспособили для торжественных собраний. Посреди него ставили непомерно длинный стол, покрытый зеленым сукном. Поодаль уступами возвышались ряды массивных кресел. Члены «Беседы» рассаживались вокруг стола. Кресла занимали приглашенные: мужчины в мундирах и фраках с орденами и лентами, дамы в великолепных туалетах. На публичные заседания «Беседы» по особым билетам пропускали светскую публику.

Все было торжественно, благопристойно и чинно. Заседание открывал престарелый Державин. Специально нанятый чтец декламировал сочинения тут же присутствующих авторов: оды, идиллии, поэмы, написанные по строгим «классическим» правилам.

Среди членов «Беседы» был И. А. Крылов, но он держался особняком и высмеял бездарных сотоварищей в баснях «Парнас» и «Демьянова уха».

Писатели — противники «Беседы» — сначала действовали порознь, не объединяя своих сил. Но осенью 1815 года один из «беседчиков», А. А. Шаховской, поставил на сцене петербургского Нового театра свою комедию «Липецкие воды, или Урок кокеткам». В этой комедии был высмеян Жуковский. Шаховской изобразил его в виде жалкого, всеми презираемого балладника Фиалкина. И тогда друзья Жуковского, писатели-карамзинисты, решили в противовес «Беседе» и для борьбы с нею объединить силы. Свой дружеский кружок они назвали «Обществом арзамасских безвестных людей», или попросту «Арзамасом». Название это — по имени заштатного городка Нижегородской губернии — имело

смысл иронический. И само общество было задумано как пародия на чиновную, торжественную, надутую «Беседу».

В «Арзамас» вошли все видные писатели-карамзинисты: В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, а затем и Александр Пушкин. Каждый арзамасец получил прозвище, взятое из баллад Жуковского: Батюшков — Ахилл, Вяземский — Асмодей, В. Л. Пушкин — Вот или Вот я вас, Жуковский — неизменный секретарь «Арзамаса» — именовался Светланой. Арзамасское прозвище юного Пушкина было Сверчок.

В отличие от беседчиков, собирались арзамасцы по-домашнему у кого-нибудь из членов кружка — у С. С. Уварова в его доме на Малой Морской улице, у Д. Н. Блудова в доме его матери на Невском проспекте близ Литейной, в квартире братьев Тургеневых на Фонтанке.

Пародируя торжественные сборища «Беседы», арзамасцы выработали свой веселый церемониал. Начинали с чтения шуточного протокола предыдущего собрания. Затем читали и обсуждали свои сочинения. Причем критика «ехала верхом на галиматье». В пику шишковистам, которым всюду мерещились вольнодумство, якобинство, члены кружка называли друг друга «гражданами», как французы во времена революции. Очередной председатель собрания надевал красный колпак — «украшение якобинцев». В таком же колпаке произносил вступительную речь каждый новый член кружка — он говорил надгробное слово одному из «живых покойников» «Беседы». Собрание обыкновенно завершалось ужином, за которым съедали жареного гуся — город Арзамас славился гусями. И члены дружеского общества тоже были «гусяи». «Гусяи» простые и «гусяи» почетные. В почетных числились Карамзин, Дмитриев и другие достойные лица.

Остроумные и меткие пародии, эпиграммы, памфлеты извергались из недр «Арзамаса» на головы беседчиков. Но этим дело не ограничивалось. «Арзамас», по словам Вяземского, был школой «взаимного литературного обучения». Арзамасцы искали «новых средств изъяснения», новых путей для распространения просвещения.

«Беседа» прекратилась в 1816 году, после смерти Державина. Дом поэта, где она собиралась, частично был сдан внаем. «Она осиротела, рассеялась и даже отдана внаймы за десять тысяч рублей; я говорю о здании: за членов, увы, ничего не дают», — писал один из арзамасцев.

С прекращением «Беседы» перед «Арзамасом» возник вопрос: что делать дальше? В 1817 году общество пополнилось тремя новыми членами. Были приняты: Варвик — Н. И. Тургенев, Рейн — генерал М. Ф. Орлов, Адельстан — Н. М. Муравьев, — все трое будущие декабристы. Они попытались обновить «Арзамас», дать ему серьезную политическую цель, но другие этому воспротивились. Бурные споры ни к чему не привели. Единомыслия не было. К тому же многие члены кружка уехали из Петербурга. В 1818 году «Арзамас» окончил свое существование.

Но регулярные собрания литераторов и любителей словесности в Петербурге отнюдь не ограничивались чиновной «Беседой» и дружеским «Арзамасом». Культурная жизнь города объединяла весьма широкий круг людей. В публичных чтениях и дискуссиях желали принять участие десятки и даже сотни писателей, ученых, ценителей искусства.

Еще в самом начале XIX века, после смерти Павла и восшествия на престол Александра I, несколько юношей, окончивших Петербургскую гимназию при Академии наук, задумали составить литературное и ученое общество. Это было время больших надежд — «дней Александровых прекрасное начало», когда вновь оживилась примолкшая при Павле

литература, вновь разрешено было ввозить из-за границы книги и открывать частные типографии. Тогда-то и основали питомцы академической гимназии Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Члены общества ставили себе целью «взаимно себя усовершенствовать» в словесности, науках и художествах и «споспешествовать по силам своим к усовершенствованию сих трех отраслей».

В отличие от «Беседы» и «Арзамаса», Вольное общество состояло из людей различного, часто «низкого», звания. В него вступали сыновья мелких дворян, поповичи и даже сочинители из купцов. Были и незаконнорожденные. Так, один из самых авторитетных членов Вольного общества — И. П. Пнин — был побочным сыном екатерининского вельможи, фельдмаршала Репнина. Член общества художник А. И. Иванов — выдающийся мастер исторической живописи — происходил от «неизвестных родителей», а В. В. Попугаев — «пламенный поэт, неистовый друг правды и гонитель зла» — был сыном живописца императорской Шпалерной мануфактуры.

Заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств происходили в здании Немецкого училища Святого Петра на Невском проспекте, в квартире старшего преподавателя русского языка И. М. Борна. Борн и его коллега по училищу, поэт Попугаев, были основателями общества, первыми подавшими мысль о его создании.

Зал, где проходили заседания, расписал «эмблемами наук и литературы» член общества художник А. И. Зауэрвейд. Сюда раз в неделю приходили начинающие литераторы, учителя, художники, скульпторы, архитекторы, медики, астрономы, химики, математики, специалисты горного дела. Читали и обсуждали переводы из Бентама, Мабли, Монтескье и других философов и мыслителей, занятых судьбами человечества, читали собственные сочинения на философ-

ские, политические, экономические и другие темы. Члены общества занимались словесностью и критикой, сочиняли в стихах и прозе. Они стремились к тому, чтобы их деятельность способствовала распространению в России просвещения для достижения «всеобщего блага».

В сентябре 1802 года И. П. Пнин прочитал на заседании Вольного общества свое стихотворение «На смерть Радищева». (Незадолго перед тем покончил с собой возвращенный из ссылки А. Н. Радищев.) Пнин, Попугаев и другие поэты и публицисты Вольного общества не скрывали своего духовного родства с автором «Путешествия из Петербурга в Москву». Они шли по пути, проложенному Радищевым, ратовали за насущные интересы народа, за гражданственную литературу. И хотя деятельность их была кратковременной, она оставила след в развитии русского просвещения.

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств просуществовало до 1826 года, но под конец в нем ничего не осталось от «гнезда радищевцев». Состав его членов изменился, и название в публике утвердилось другое. Оттого что собрания общества перенесли в Михайловский замок, оно получило название — Михайловское. Или еще — Измайловское, по фамилии его председателя — поэта А. Е. Измайлова.

30 июля 1818 года юный Пушкин получил от Измайлова следующее уведомление: «Милостивый государь мой Александр Сергеевич, Санкт-Петербургское Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, в заседании своем вчерашнего числа, избрав единогласно вас в свои действительные члены, возложило на меня приятную обязанность уведомить вас, милостивый государь мой, об этом».

Надо полагать, что подобная честь не слишком обрадовала Пушкина. Стать сотоварищем благонамеренных и совер-

шенно бесцветных третьеразрядных литераторов он отнюдь не стремился.

Гораздо более интересным было в это время Вольное общество любителей российской словесности, основанное несколькими молодыми чиновниками — любителями литературы.

К концу 1810-х годов членами Вольного общества любителей российской словесности были Гнедич, Кюхельбекер, Дельвиг, Баратынский, позднее в него вступили Александр и Николай Бестужевы, Рылеев, Грибоедов.

В «Новейшем путеводителе по Санкт-Петербургу» Ф. Шредера говорилось: «Вольное общество любителей российской словесности собирается каждый понедельник после полудня в Вознесенской улице, в доме Войвода. Президент его полковник гвардии Ф. Глинка. Общество сие составилось в 1815 году из молодых стихотворцев и в 1817 году утверждено правительством. С 1818 года издает оно журнал под заглавием „Споспешествователь просвещения и благотворения“. Сбор с сего журнала определен для вспомоществования недостаточным писателям и художникам».

Президент Вольного общества полковник Федор Николаевич Глинка присоединился к «любителям словесности» еще в 1816 году. Поэт и прозаик, автор популярной книги «Письма русского офицера», герой Отечественной войны 1812 года, награжденный за храбрость золотым оружием, Глинка был также одним из руководителей «Союза благоденствия». В уставе этой тайной организации говорилось: «Союз всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего занимается он сочинениями и переводами книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук».

Глинка и его единомышленники делали все, чтобы превратить Вольное общество в «ученую республику», деятельность которой служила бы целям распространения «истинного просвещения».

Пушкин формально не состоял в Вольном обществе. Глинка по этому поводу сказал: «Овцы стадаются, а лев ходит один». Но автор «Вольности» и «Деревни» был связан с обществом через друзей, следил за его работой, печатался в его журнале.

Весной 1820 года, когда силы реакции ополчились против Пушкина и поэту грозила ссылка, на публичном заседании Вольного общества Вильгельм Кюхельбекер прочитал свое стихотворение «Поэты», напечатанное позже в «Соревнователе»:

О Дельвиг, Дельвиг! Что награда
И дел высоких, и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?

И в конце — обращение к Пушкину:

И ты — наш юный Корифей —
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и Филина, и Врана?

Так друзья из Вольного общества выступили в защиту Пушкина.

Доносчик Каразин поспешил обратить внимание министра внутренних дел графа Кочубея на то, что поскольку стихотворение «Поэты» было читано в обществе «непосредственно после того, как высылка Пушкина сделалась гласною, то и очевидно, что оно по сему случаю написано», что «безумная наша молодежь хочет блеснуть своим неуважением правительства».

И Кюхельбекеру пришлось покинуть Петербург.

На заседаниях Вольного общества его члены читали и обсуждали собственные сочинения и переводы — стихи, прозу и ученые упражнения.

Здесь Рылеев читал свои «Думы», Ф. Глинка и А. Бестужев — повести, Корнилович и Кутузов — исторические обозрения. И о чем бы ни говорили они — цель была единая: возбудить в душах соотечественников патриотизм, гражданское мужество, вольнолюбие. В доме Войвода будущие декабристы подбирали единомышленников. Вольное общество любителей российской словесности стало одним из легальных филиалов тайной организации.

После смерти Александра I в его письменном столе нашли обширную «Записку» доносчика Грибовского. Рассказывая о деятельности декабристского «Союза благоденствия», он между прочим писал, что из людей, приготовляемых для тайного общества, члены «Союза благоденствия» составляли «побочные управы», которые «назывались для прикрытия разными именами (Зеленой лампы и пр.), и под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ собирались как можно чаще».

С начала века на углу Екатерингофского проспекта и Никольской улицы, против собора Николы Морского, стоял большой, массивный двухэтажный дом, принадлежавший княгине Хованской. Во втором этаже этого дома в 1810-е годы занимал просторную квартиру молодой родовитый богач, сын «петербургского Креза» В. А. Всеволожского — Никита Всеволодович Всеволожский. Он, как и Пушкин, служил в Иностранной коллегии.

Завзятый театрал, Никита Всеволожский хорошо был известен в литературных и театральных кругах столицы. Весь Петербург знал о шумных пирах в его роскошной холостяц-

кой квартире, где в обществе актеров и актрис напропалую веселилась и повесничала молодежь. Но почти никто не подозревал, что здесь же, в зале, где с потолка свешивалась зеленая лампа, происходили другие сборища. Раз в две недели сюда являлось десятка два молодых людей — в большинстве офицеры, — чтобы прочитать друг другу и обсудить свои стихи, статьи, театральные рецензии. Это собирались члены общества «Зеленая лампа». Из писателей в него входили Пушкин, Дельвиг, Гнедич, Федор Глинка.

Пушкин любил собрания молодежи, «где ум кипит, где в мыслях волен я».

«Зеленая лампа» была негласным обществом. Оно не подчинялось закону, предписывающему всякому обществу, прежде чем собираться, испрашивать разрешения властей. У «лампистов» была причина таиться. Они хотели свобод-
но, без посторонних ушей, без соглядатаев говорить

Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Это строки из стихотворного послания Пушкина В. В. Энгельгардту.

Другой член общества, А. Г. Родзянко, свидетельствовал, что на собраниях «Зеленой лампы» «постоянно читались стихи против государя и правительства». Поэтому приходилось соблюдать конспирацию. Все давали торжественную клятву хранить тайну собраний. У каждого имелся перстень с печаткой, на которой была вырезана лампа. Девиз общества гласил: «Свет и надежда». Свет — в противоположность тьме, мракобесию. Член «Зеленой лампы» А. Д. Улыбышев в «Письме другу в Германию» писал о петербургском обще-

стве: «Посещая свет в этой столице, хотя бы совсем немного, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать *правоверными* (погасильцами), — сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — *еретики*... Эти две партии находятся всегда в своего рода войне, — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света...» Так понимали первую часть девиза члены «Зеленой лампы». Со второй частью его — «надеждой» — было связано и название кружка. Зеленый цвет считался цветом надежды, «Зеленая лампа» — лампа надежды. Устав декабристского «Союза благоденствия» назывался «Зеленой книгой». Невидимые нити связывали квартиру Никиты Всеволожского с тайным обществом. Председатель «Зеленой лампы» Я. Н. Толстой, члены ее Ф. Н. Глинка, С. П. Трубецкой, П. П. Каверин, А. А. Токарев были членами «Союза благоденствия». Учредители «Зеленой лампы» — Яков Толстой, Федор Глинка и Сергей Трубецкой — действовали по заданию тайного общества.

Оторванный от друзей-«лампистов», ссыльный Пушкин в 1822 году обращался к ним с поэтическим приветом:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?..
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз...

(Из письма к Я. Н. Толстому)

«Зеленая лампа» просуществовала с зимы 1818-го до конца 1820 года. Незадолго до этого, после восстания Семеновского полка, когда усилилась деятельность петербургской полиции, узнали и о «Зеленой лампе». Я. Н. Толстой вспоминал: «Однажды член отставной полковник Жадовский объявил обществу, что правительство имеет сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установленное общество. С сим известием положено было прекратить заседания, и с того времени общество рушилось».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Мятежная наука»

Осенним вечером 1817 года, глядя на темную громаду Михайловского замка, где был убит Павел I, юный Пушкин задумал свою оду «Вольность»:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами...

Глас Клио — музы истории — явственно слышал в то время не один автор дерзкой оды. Лучшие люди того поколения, к которому принадлежал поэт, ощущали свою кровную причастность русской истории, прошлому и будущему отечества. И те, кто прошел по полям Европы, освобождая ее от владычества Наполеона, и те, для кого, как для Пушкина, «гроза двенадцатого года» была воспоминанием отроческих лет, чувствовали себя в долгу перед Россией. Убеждение, что они обязаны принять участие в переустройстве

русской жизни, руководило поступками многих молодых людей. Эти дворянские юноши — по большей части гвардейские офицеры — не ограничивались мечтаниями, но стремились действовать. Сразу после победы, когда русские войска еще стояли во Франции, в гвардейской среде начали возникать политические кружки. Один из них носил звучное название «Орден русских рыцарей». Название это удачно характеризовало важнейшую черту нарождавшегося общественного движения. Самоотверженность, высокое благородство целей и щепетильная разборчивость в средствах — все это в полной мере было свойственно «русским рыцарям», получившим в потомстве имя декабристов.

После возвращения гвардии из заграничного похода кружки и союзы молодых офицеров стали играть существенную роль в жизни столицы.

Одним из самых примечательных содружеств стала офицерская артель, возникшая в лейб-гвардии Семеновском полку. Пятнадцать или двадцать небогатых молодых офицеров сложились, чтобы обедать вместе: так было и дешевле, и веселее. Но Семеновская артель при этом не похожа была на обычные офицерские кружки. «В 1811 году, когда я вступил в Семеновский полк, — рассказывал И. Д. Якушкин, — офицеры, сходявшись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую». Теперь все изменилось. «После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, такое времяпрепровождение было решительно нововведением». В артели обедали не только вкладчики, но и те из офицеров, кто по обязанностям службы проводил целый день в полку. Полковой командир генерал Потемкин покровительствовал кружку и иногда обедал вместе с офицерами. Однако, как только Александр I узнал о сходках и вольных толках офицеров, он

приказал командиру полка «прекратить артель», сказав, что «такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся».

Другую офицерскую артель, существовавшую не на виду у всех, а домашним, частным образом, власти разрушить не смогли. Это был кружок молодых офицеров, именовавших свой братский союз Священной артелью. Общие политические интересы, потребность постоянно делиться мыслями друг с другом, а также холостяцкая жизнь привели молодых людей к решению поселиться вместе. «Однажды, сидя с братом и Бурцовым, — рассказывал Николай Муравьев, — нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя... Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая». Позже члены артели поселились в другом месте — на Грязной улице, в доме генеральши Христовской.

Чтобы согласовать образ жизни со своими убеждениями, молодые офицеры старались и в быту вводить в употребление «республиканские обычаи». В общей комнате помещен был «вечевой колокол». Каждый член артели имел право в него звонить, и тогда все собирались для решения неотложного дела.

В квартире «артельщиков» постоянно бывали гости — в частности, юные лицеисты Иван Пущин, Владимир Вольховский, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер.

Несомненно, знал об артели и ближайший приятель всех четверых — Пушкин.

Особенно часто посещал квартиру Муравьевых, Бурцова и их друзей-офицеров Иван Пущин, который, по собственным его словам, почти жил здесь. У членов артели и лицеистов были общие учителя — дело в том, что молодые гвардейцы приглашали известных профессоров и слушали их лекции

по истории, праву, политической экономии и статистике. Лекции читали воспетые Пушкиным профессора Куницын и Галич, петербургские ученые Герман, Арсеньев. Помимо того, члены артели изучали языки — латинский, итальянский, турецкий.

Декабрист Андрей Розен писал в своих воспоминаниях: «С 1822 года, по возвращении гвардии с похода в Литву, заметно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшиеся не одними только ученьями, картами и уставом воинским, но чтением научных книг. Беседы шумные, казарменные, о прелестях женских, о поединках, попойках и охоте, становились реже, и вместо них все чаще слышны были суждения о политической экономии Сея, об истории, народном образовании. Место неугасаемой трубки заменяли на несколько часов в день книга и перо, и вместо билета в театр стали брать билеты на получение книг из библиотек».

Другой современник вспоминал, что тогда молодые офицеры на балах зачастую не танцевали, а обсуждали экономические теории.

Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине... —

писал о тогдашней гвардейской молодежи Федор Глинка.

Члены распущенной Семеновской артели и члены Священной артели были связаны друг с другом и с участниками других офицерских кружков. «...Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы и я, — рассказывал Якушкин, — мы жили в казармах и очень часто бывали вме-

сте с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем... В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».

9 февраля 1816 года князь Сергей Трубецкой — тогда молодой поручик — приехал в казармы Семеновского полка. Следом за ним приехали Никита и Александр Муравьевы, с которыми Трубецкой сговорился еще раньше. Они втроем предложили Якушкину и Муравьевым-Апостолам составить тайное общество, целью которого было бы противодействие влиянию немцев, состоящих в русской службе. Якушкин отвечал, что в «заговор против немцев» не войдет, но хочет участвовать в обществе, члены которого сообща трудились бы для блага России. В том же духе отвечали и Муравьевы-Апостолы. Тогда Александр Муравьев признался, что предложение было только «пробным», что Трубецкой, Никита Муравьев и он сам желают основать союз, который стремился бы к перемене порядков в стране и имел бы в виду «в обширном смысле» благополучие России. Тут же шесть членов-основателей нового братства договорились разработать его устав и принимать членов не иначе как с общего согласия. Так в одном из казарменных зданий, стоявших по бокам огромного заснеженного квадрата Семеновского плаца, было положено начало тайному обществу, которое называли «Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества».

Речь шла о спасении России от тягот самовластья и крепостного права. Члены «Союза спасения» всерьез обсуждали возможность цареубийства. Михаил Лунин предлагал на-

пасть в масках на карету царя где-нибудь на Царскосельской дороге. Иван Якушкин вызвался застрелить царя во время пребывания гвардии в Москве осенью 1817 года, когда тот будет выходить из Успенского собора, а затем убить себя.

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

(«Евгений Онегин», гл. X)

После долгих и горячих обсуждений, длившихся несколько месяцев, возобладало мнение, что тайное общество еще не готово взять власть и что цареубийство само по себе не обеспечит введения конституции и освобождения крестьян. Уже разработанный устав общества сожгли.

«Союз спасения», просуществовав немногим более года, был распущен. Однако ему на смену пришло другое тайное общество. Его возглавили те же молодые офицеры. И цели общества остались прежними, изменились только представления о том, как достигнуть их.

О способах борьбы, избранных «Союзом благоденствия» — так называли новую организацию, — один из его организаторов, С. П. Трубецкой, рассказывал: «Каждый по своей части обязан был приобрести познания, могущие сделать его полезнейшим гражданином, и сведения, потребные для действия общества, которое само оставалось неизменно первоначальному своему назначению, т. е. к поддержанию всех тех мер правительства, от которых возможно ожидать хороших для благосостояния государства последствий; к осуждению всех тех, которые не соответствуют этой цели; пре-

следование всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребления должности и за несправедливости; исправление, по силе своей и возможности, всех несправедливостей, оказываемых лицам и защита их; разглашение благородных и полезных действий людей должностных и граждан; распространение убеждения в необходимости освобождения крестьян; приобретение и распространение политических сведений по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и пр.; распространение чувства любви к отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению».

«Союз благоденствия» пытался прежде всего возбудить и направить общественное мнение, поддержать и объединить всех здравомыслящих и честных людей, призвать их к действию. Предполагалось, что таких в среде русского дворянства — большинство. И с их помощью «Союз благоденствия» рассчитывал поставить членов тайного общества на важнейшие посты в армии и государстве, чтобы затем уже, быстро и даже без кровопролития, произвести смену верховной власти.

Во главе «Союза благоденствия» стояла коренная управа. В нее входили члены-основатели. Каждый из них обязан был организовать отдельную управу союза и возглавить ее. Такие управы назывались «деловыми». Когда число членов «деловой» управы достигало десяти, положено было основывать дополнительные — «побочные» — управы. В Петербурге, кроме коренной, существовало еще несколько управ — в Московском, Егерском, Измайловском и, вероятно, Семеновском полках. Члены «Союза», как уже говорилось, руководили несколькими легальными и полулегальными обществами, в том числе Вольным обществом любителей российской словесности и обществом «Зеленая лампа».

Каждый член «Союза» выбирал для себя какую-нибудь из отраслей общественной деятельности: «человеколюбие», «образование», «правосудие» или «общественное хозяйство».

Так, гвардейский офицер Иван Пущин, выйдя в отставку, определился в надворные судьи. Он действовал по отрасли «правосудие». Рассказывая о своем посещении Пушкина в Михайловском, Пущин вспоминал: «Пушкин... потребовал объяснения, каким образом из артиллеристов я преобразовался в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня! Вот его строфы из „Годовщины 19-го октября“ 1825 года, где он вспоминает, сидя один, наше свидание и мое суждение»:

.....
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан».

В палату Петербургского уголовного суда с начала 1821 года пошел на службу заседателем отставной поручик Кондратий Рылеев.

Многие члены «Союза благоденствия» активно действовали на поприще «человеколюбия». Федор Глинка рассказывал: «Для показания за образец, каким образом совершали в совокупности какое-либо доброе предприятие, я укажу на одно из собраний нашего отделения... Толковали о том, как помочь целому бедному семейству, кажется, чиновника Баранова... Дело состояло в том, что сей чиновник сидел шесть лет на гауптвахте под судом, а когда кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство лишилось всего и не имело ни угла, ни куска хлеба. А потому... и взялись довести до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о страдании сего человека; Кошкуль вызвался выпросить денег у графа По-

тоцкого, я взялся составить записку, а некоторые положили стараться в городе о помещении двух малюток сего бедняка и хотели послать доктора к больной их матери. Успех сего был таковой, что, когда свиделись не то у меня, не то у Годайна, то оказалось: что чиновник получил от своего начальства некую награду за страдание; Кошкуль привез от Потоцкого... 200 рублей денег, да из общественных приложили столько же (200 рублей); матери помог доктор, а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благополучие сего семейства».

Возникшее в Петербурге тайное общество постепенно распространило свое влияние на всю страну. Управы «Союза», кроме Петербурга, возникли в Москве, Киеве, Полтаве, Кишиневе, Тульчине (где находилась главная квартира Второй армии) и других городах.

Много усилий приложили члены петербургской и московской управ «Союза благоденствия», чтобы спасти от смерти тысячи крестьян во время голода в Смоленской губернии в 1820 году. В несколько дней была собрана значительная сумма денег — пожертвования от разных лиц. Члены «Союза благоденствия» Иван Якушкин, Иван Фонвизин, Михаил Муравьев отправились в Рославльский уезд, где гибло особенно много людей. В Рославле Якушкин и Фонвизин оставались на постоялом дворе. Нищие шли к ним вереницей. Якушкин каждому давал пятак, а Фонвизин записывал имя помещика и название деревни, откуда пришел крестьянин. Был куплен хлеб и накормлены тысячи голодных. Но «Союз» этим не ограничился. В Рославль созвали несколько десятков окрестных помещиков. Муравьев предложил им подписать бумагу, где речь шла о положении в голодающей губернии. Бумага пошла к министру внутренних дел и, по словам Якушкина, произвела сильное впечатление в Петербурге. В Смоленск была наряжена сенаторская ревизия.

Александр I, пристально следивший за действиями вольнодумцев и вскоре узнавший из доноса о существовании «Союза благоденствия», говорил одному из своих министров, пренебрежительно отзывавшемуся о тайных обществах: «Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году во время неурожая в Смоленской губернии они кормили целые уезды».

Немало сделали члены «Союза благоденствия» и по отрасли «образование». Летом 1818 года в Петербурге был создан комитет Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (ланкастерскому методу). Инициаторами его были члены «Союза благоденствия». Председателем комитета Вольного общества стал известный художник Ф. П. Толстой, первым помощником председателя — Ф. Н. Глинка, вторым помощником — Н. И. Греч, секретарем по русской части — В. И. Григорович (вскоре ставший секретарем Общества поощрения художников, а впоследствии и конференц-секретарем Академии художеств), секретарем по иностранной части — В. К. Кюхельбекер. Вскоре после объявления устава общества согласились вступить в него С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев, а также Н. И. Гнедич, И. А. Крылов и другие известные люди. В начале 1819 года устав общества был утвержден правительством. В июле того же 1819 года общество открыло училище для 250 мальчиков в доме Шабишева на углу Большой Садовой улицы и Вознесенского проспекта. В типографии Греча печатались специальные «таблицы складов» для обучения чтению и письму. Как свидетельствует отчет Вольного общества, в 1820 году в столице были учреждены еще три училища — в частности, для сиротских детей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков.

Почетные и действительные члены общества вносили значительные суммы, которые шли на содержание училищ. С 1819 по 1822 год общество истратило на содержание школ взаимного обучения больше 18 тысяч рублей. Власти, поначалу поощрявшие деятельность просветителей, после восстания в Семеновском полку стали смотреть на них косо: опасались, что грамотность порождает вольнодумство. Министру просвещения было доложено, что в учебных пособиях, выпущенных Гречем для училищ взаимного обучения, сделан «набор слов, если не злонамеренный, то неприличный и по впечатлениям вредный». Пособия были отобраны, Вольное общество фактически отстранили от руководства училищами.

В январе 1820 года коренная управа «Союза благоденствия» созвала важное совещание. Для участия в нем из Тульчина приехал Павел Пестель. Собрались в обширной квартире Федора Глинки — в доме Крапоткина на Театральной площади. В нижнем этаже этого дома помещалась Контора адресов, куда постоянно входили и откуда все время выходили люди. Собрания в этом доме не могли ни у кого вызвать подозрений. На совещании обсуждали вопрос о будущей форме правления, и большинство членов коренной управы высказалось за введение в России республиканского строя. Решение это вызвало новые споры. Несмотря на все успехи «Союза благоденствия» в распространении либеральных идей и его серьезное влияние на общественное мнение, он был еще весьма далек от того, чтобы овладеть системой государственного управления мирным путем. Кое-кто из членов общества разочаровался в нем, другие требовали более решительных действий.

После того как на очередном совещании в Москве в начале 1821 года «Союз благоденствия» был формально распу-

щен, в Петербурге и на Украине, в Тульчине, возникли два новых тайных общества — Северное и Южное. Оба они, не отказываясь от легальной пропагандистской работы, делали ставку на военный переворот.

От вольнолюбивых мечтаний и романтических проектов заговорщики перешли теперь к тому, что Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина» назвал «мятежной наукой».

Члены Северного общества часто встречались на квартире К. Ф. Рылеева — в доме у Синего моста. На квартире Рылеева в 1824 году жил А. А. Бестужев, который позднее поселился в том же доме вместе с литератором О. М. Сомовым.

Другой дом, где сходились декабристы, — дом Булатова на углу Исаакиевской площади и Почтамтской улицы. Здесь обитал юный поэт, офицер Конногвардейского полка Александр Одоевский. У него также одно время жил А. А. Бестужев, а незадолго до 14 декабря 1825 года поселился В. К. Кюхельбекер.

Северное и Южное общества были тесно связаны между собой. Члены их регулярно встречались.

Одна из таких встреч была назначена в Летнем саду.

В тот весенний день 1823 года случайных прохожих не могло удивить, что в семь часов утра трое офицеров прогуливаются по дорожкам сада — в такое время офицеры отправлялись в казарму, в караул, а кто и возвращался с бала. Между тем посреди столицы происходили важные переговоры северян Никиты Муравьева и Александра Поджио с южанином Александром Барятинским.

Деятельность тайных дворянских политических организаций отражалась почти на всех сторонах жизни Петербурга.

Члены тайных обществ старались влиять на дела городского управления. Особенно активно тут действовал чиновник для особых поручений и доверенное лицо петербургско-

го генерал-губернатора графа Милорадовича Федор Глинка. Гуманное обращение с солдатами офицеров-декабристов сказывалось на положении дел в гвардии. В судах декабристы боролись с беззаконием, лихоимством. Поступив правителем дел в Российско-американскую компанию, К. Ф. Рыле-ев принимал участие в составлении ее докладных записок правительству: речь шла о значительном расширении внешней торговли страны. Декабристы и люди, им духовно близкие, преподавали в учебных заведениях столицы. Они участвовали в научных и литературных обществах и кружках, порой руководили ими. Декабристскими идеями были увлечены очень многие писатели, художники, артисты, музыканты, ученые.

Явный уклон общественного мнения в сторону либерализма, «вольные» разговоры, которые велись почти в открытую, в огромном количестве ходившие по рукам крамольные рукописные сочинения — все это определенным образом отзывалось и на настроениях петербургского простого люда. На Сенном рынке, на Шукином дворе, на бирже у Синего моста теперь — чаще, чем когда-либо прежде, — можно было услышать толки о всевозможных «знамениях» и «явлениях», предвещавших близкую волю для народа.

В жизни города случались события небывалые. Так, 27 сентября 1825 года впервые Петербург видел организованную политическую демонстрацию. Поводом для нее послужили похороны поручика К. П. Чернова, смертельно раненного на дуэли флигель-адъютантом В. Д. Новосильцовым. Причиной дуэли было то, что Новосильцов, посватавшись к сестре Чернова, затем отказался от брака только потому, что его аристократическая родня не захотела принять в свою семью дочь «мужика» — отец Черновых начал армейскую службу простым солдатом. Чернов писал накануне дуэ-

ли: «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души». Чернов состоял в тайном обществе. Секундантом его на дуэли с Новосильцовым был Рылеев. А над могилой Чернова Вильгельм Кюхельбекер читал стихи:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

В Петербурге несколько недель только и было разговоров, что о похоронах Чернова. Всех поразило, что безвестного поручика провожала огромная толпа — тысячи людей, большинство из которых прежде никогда не видели Чернова и не слыхали о нем. Речь шла именно о демонстрации в защиту чести и достоинства личности. Кто созвал демонстрантов, кто организовал столь мощный общественный протест? Ясно было, что самодержавной власти противостоит серьезная общественная сила.

«...Из тысячи молодых людей не найдется ста человек, которые бы не пылали страстью к свободе», — утверждал декабрист Каховский. «Чтобы истребить корень свободомыслия, — вторил ему декабрист Штейнгель, — нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование». Рассчитывая на мощную поддержку всех передовых людей России, тайные общества намеревались приступить к решительным действиям. Во время царского смотра предполагалось начать восстание в южной Второй армии, а затем поднять войска в Петербурге. Шла работа над проектами конституции, которую декабристы намеревались дать России. Был намечен состав будущего временного правительства.

Внезапное изменение политической ситуации в стране привело к тому, что членам тайного общества пришлось вступить в открытую борьбу с самодержавием раньше намеченного срока.

19 ноября 1825 года в Таганроге скончался Александр I. Через пять дней об этом узнали в Петербурге. 27 ноября войска были приведены к присяге новому императору — Константину I, брату Александра.

Константин, однако, отказался от короны и даже не пожелал приехать в столицу из Варшавы, где он командовал русскими войсками. Константин уступал престол младшему брату — Николаю.

Смерть Александра I явилась для всех полной неожиданностью.

Она застала врасплох и тайное Северное общество. Но нельзя было найти более подходящего момента для вооруженного переворота, чем затянувшееся междуцарствие. И руководители Северного общества решили действовать. Выступление назначили на 14 декабря. В этот день войска должны были присягать Николаю.

Для подготовки восстания оставались считанные дни. Вся неделя накануне 14 декабря прошла в непрерывных совещаниях. Собирались на квартире у Рылеева, обсуждали план действий. Решили поднять те гвардейские полки, где служили члены тайного общества, захватить Зимний дворец, арестовать царскую семью, овладеть Петропавловской крепостью и Арсеналом и принудить Сенат «объявить престол упраздненным».

Военным руководителем восстания, его «диктатором» избрали полковника Трубецкого. В помощь ему назначили капитана Якубовича и полковника Булатова. Вечером 13 дека-

бря члены тайного общества собрались на последнее совещание у Рылеева.

«Многочисленное собрание было в каком-то лихорадочно-высококонраваственном состоянии, — вспоминал Михаил Бестужев. — Тут слышались отчаянные фразы, неудобноисполнимые предложения и распоряжения... Зато как прекрасен в этот вечер был Рылеев! Он был нехорош собой, говорил просто, негладко; но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к Родине, — физиогномия его оживлялась, черные как смоль глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава... Его лик, как луна бледный, но озаренный каким-то сверхъестественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего страстями и побуждениями».

Рылеев был идейным вдохновителем и главой Северного общества, он поддерживал решимость и мужество товарищей, заражал их своим энтузиазмом.

Я ль буду в роковое время
Позорить Гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

Друзья Рылеева исповедовали то же, о чем писал поэт. Молодые блестящие офицеры, многие из знатных, богатых семей, знали, на что шли, что грозило им в случае неудачи. Но любовь к отечеству ставили превыше всего: горя родных, собственного благополучия, карьеры, самой жизни.

В ночь с 13 на 14 декабря в квартире Рылеева — штабе восстания — ярко горели свечи. Никто здесь не спал, кроме маленькой дочери хозяина — Настеньки.

К девяти часам утра квартира Рылеева опустела. Заговорщики вышли на улицы Петербурга.

Они уже знали, что их планы нарушены, что о заговоре стало известно Николаю, что Якубович отказался вести гвардейцев-матросов на Зимний дворец, что Сенат два часа как присягнул новому императору. Несмотря на это, решено было действовать и до конца исполнить свой революционный долг.

Около одиннадцати часов утра пустынная заснеженная Сенатская площадь наполнилась грохотом барабанов, лязгом оружия, мерным звуком сотен солдатских шагов. Это вышел на площадь с развевающимися знаменами мятежный Московский полк. Его привели братья Бестужевы — Александр и Михаил — и князь Щепин-Ростовский. Они надеялись встретить на площади Трубецкого, но он не явился...

Полк построился в каре возле памятника Петру. Александр Бестужев скинул шинель и принялся точить саблю о подножие монумента. Бестужев шел на великое дело и поэтому надел свой парадный мундир.

Начать активные действия силами восьмисот москвичей было более чем рискованно. Приходилось ждать.

Рылеев, Пуцин, Кюхельбекер, Каховский и другие члены тайного общества уже собрались на площади. Настроение у всех было приподнятое. Наконец-то сбываются их заветные мечты, слово становится делом. Наконец-то они дышат воздухом свободы! А тем временем Николай, узнавший о начале восстания, лихорадочно собирал присягнувшие ему войска.

«Образумить» бунтовщиков попытался петербургский генерал-губернатор Милорадович. Он был смертельно ранен выстрелом Каховского.

Весть о том, что войска взбунтовались, что мятежники двинулись к Сенату, разнеслась по Петербургу с неверо-

ятной быстротой. На Сенатскую площадь хлынул народ. Мятежное каре окружила толпа. Она все прибывала. Когда Николай сам привел к площади первый батальон Преображенского полка, он увидел, что площадь заполнена народом. И хотя подходили и подходили вызванные им полки, царь далеко не был уверен, что справится с возмущением. Он знал: почти все полки ненадежны, солдаты его не любят. И еще эта огромная, враждебная, буйная толпа...

«Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями, — писал Николай впоследствии. — Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении».

А толпа уже заполнила не только Сенатскую площадь, но и прилегающий к ней Адмиралтейский бульвар, Дворцовую площадь, набережную Невы и соседние улицы.

Узнав от офицеров-декабристов, в чем причина бунта, толпа с большой готовностью предлагала свою помощь:

— Кабы, отцы родные, вы нам ружья али какое ни есть оружие дали, мы бы вам помогли, духом все бы переворотили!

Николай велел конной гвардии отбросить толпу и атаковать мятежников.

Командир конногвардейцев, любимец Николая генерал Алексей Орлов приказал солдатам рассеять толпу. «Чернь с дерзостью, кидая шапки вверх, кричала „ура“ и кулаками грозила, — писал свидетель событий. — И как она более и более продвигалась вперед, то Орлов приказал первым двум рядам эскадрона ударить на них в атаку. Во весь опор пустились рейтары. Но чернь без страху встретила их, начала хватать за узды лошадей и бросаться на рейтар, и они, обратив лошадей, отступили назад. Раза четыре подобно эскадрон шел в атаку и всякий раз обращался назад, быв не

в состоянии уничтожить их. Последний раз она (чернь), набрав булыжнику, палок и досок, встретив эскадрон, начала все сие в них бросать. Град всего, брошенного чернью, принудил эскадрон обратиться вспять». Один из офицеров конной гвардии был ранен бревном в плечо, другой — булыжником в ногу. Самого генерала Орлова какой-то чиновник ухватил за ногу, пытаясь стащить с лошади...

Московцы, щадя товарищей, стреляли поверх голов и в лошадей. Но булыжники, доски, палки толпы делали свое дело. Конная гвардия отступила.

Убедившись в бесполезности кавалерийских атак, царь послал к московцам митрополита Серафима. С ним пошли митрополит Евгений и дьяконы. Но восставшие не слушали увещеваний и уговоров.

— Какой ты митрополит, — кричали солдаты Серафиму, — когда на двух неделях двум императорам присягнул! Ты изменник, дезертир! Не верим вам, подите прочь!

Каховский потребовал, чтобы священники ушли. Да они и сами торопились скрыться через щель в заборе строящегося Исаакиевского собора, увидев, что к московцам бегут вооруженные матросы.

— Чем вы нас порадуете? — спросили возвратившегося Серафима.

— Обругали и прочь послали, — ответил митрополит.

Вооруженные матросы, появившиеся на площади, были из Гвардейского экипажа. В узкой Галерной улице они опрокинули заслон павловцев и прорвались на площадь.

Когда московцы залпами отбивали атаки кавалерии, офицеры восставшего Гвардейского экипажа на дворе казарм строили своих матросов. Они слышали выстрелы, доносившиеся с площади.

— Ребята, что вы стоите? — закричал юный мичман Петр Бестужев. — Это ваших бьют!

А капитан-лейтенант Николай Бестужев, старший из пяти братьев, командовал:

— За мной! На площадь! Выручать своих!

«...Мы, — вспоминал художник Ф. Г. Солнцев, — встретили Николая Александровича Бестужева, он был в расстегнутом сюртуке, с одним эполетом, сабля наголо, при нем находился взвод экипажа гвардии... Они куда-то бежали». Ворвавшись на площадь, моряки встали «колонной к атаке» рядом с московцами.

К восставшим спешило еще подкрепление. С поручиком Сутгофом пришла рота лейб-гвардии Гренадерского полка. С поручиком Пановым еще чуть не тысяча лейб-гренадер. Они прорубились штыками и присоединились к московцам.

К четырем часам дня на Сенатской площади собралось около трех тысяч восставших и около двенадцати тысяч правительственных войск.

День близился к концу. Становилось темнее. Ранние декабрьские сумерки спустились на город. Восставшие уже не ждали «диктатора» Трубецкого. Им было ясно, что он изменил. Посоветавшись, выбрали другого «диктатора» — Оболенского. Его любили солдаты. Совещались о плане дальнейших действий. Три тысячи и двенадцать... Поджидали измайловцев, надеялись на финляндцев. С наступлением темноты могли присоединиться и другие полки. Александр Бестужев впоследствии писал, что ждал только измайловцев, чтобы возглавить атаку, план которой уже сложился у него в голове.

А в это время кавалерия по приказу царя не раз ходила в атаку. И ничего не добилась. Да и не слишком рвалась в бой. Щадила своих.

Николай раздумывал: пустить в дело пехоту? Да и она ненадежна. Пушки, картечь — вот что сломит бунтовщиков.

Царь отдал приказ. К мятежному каре с последним предупреждением поскакал командующий гвардейской артиллерией генерал Сухозанет.

— Изменники! — кричал он. — Сдавайтесь! Молите о помиловании! А то будем стрелять картечью!

Ему ответили выстрелами, и он ускакал.

Узнав, что в ход пойдет картечь, Пуцин стал уговаривать народ разойтись.

— Никуда не пойдем! — закричали из толпы. — Умрем вместе с вами!

Царь лично наблюдал за действиями артиллерии. И сам скомандовал:

— Пальба орудиями по порядку, правый фланг, начинай, первая!

Выстрела не последовало.

К стоящему у пушки солдату-артиллеристу подскочил офицер:

— Почему не выстрелил?!

— Свои, ваше благородие... — сказал солдат.

Офицер выхватил пальник.

Над головами восставших засвистела картечь...

На первый выстрел мятежники ответили дружным «ура!» и ружейными залпами. Но картечь, посылаемая почти в упор, косила всех без пощады. Восставшие стали отступать, но не хотели сдаваться. Вильгельм Кюхельбекер пытался вести матросов в штыковую атаку на орудия, но картечь остановила... Николай и Александр Бестужевы собрали часть моряков в Галерной улице, чтобы в случае кавалерийской атаки прикрыть отступление товарищей, но Николай приказал перебросить орудия к Медному всаднику и бить по Неве и вдоль Галерной. Картечь сметала все...

Московцы отступали мужественно, без паники. По команде Михаила Бестужева они спустились на невский лед

и строились в колонну, чтобы идти по Неве до Петропавловской крепости, захватить ее, сделать базой и оплотом восстания. Там могли укрыться и другие восставшие и начать переговоры с царем, наведя пушки крепости на Зимний дворец. Так планировал Михаил Бестужев. «Я уже успел выстроить три взвода, — вспоминал он позднее, — как завизжало ядро, ударившись о лед и прыгая рикошетом вдоль реки. Я обратился назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из нее то справа, то слева». Ядра пробили лед, солдаты стали тонуть...

Восстание было разгромлено.

На Сенатской площади и на льду Невы остались сотни убитых. Живых ловили. Эскадроны кавалерии прочесывали улицу за улицей. По приказу полиции ворота и двери домов заперли, городские заставы перекрыли. Семьсот солдат, захваченных на улицах, под усиленным конвоем отправили в Петропавловскую крепость. Охота за мятежниками продолжалась до поздней ночи.

В ночь с 14 на 15 декабря Петербург имел вид захваченного неприятелем города. На Сенатской площади располагалась лагерь конная гвардия. Вход в Гороховую охраняли два батальона Егерского полка и четыре эскадрона кавалергардов. В Малой Миллионной, Большой Миллионной, у казарм Преображенского полка на Зимней канавке и на Дворцовой набережной у Эрмитажного театра стояли пикеты егерей. Возле Зимнего дворца на набережной Невы установили две батареи — четырехпушечную и восьмипушечную. Парадный подъезд с набережной охранял батальон измайловцев, рядом расположились два эскадрона кавалергардов. На Дворцовой площади находился Преображенский полк и при нем четыре пушки. Во дворе Зимнего стояли гвардейский сапер-

ный батальон и первая гренадерская рота Преображенского полка...

«В 7 часов я отправился домой, — рассказывает столичный житель, — и вот необычайное в С.-Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят пикеты, у всякого пикета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики часовых, пушки, обращенные жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнаженных мечах кавалергардов и треск горящих дров, все это было наяву в столице...»

Николай боялся продолжения восстания.

Но продолжать было некому. Уже вечером 14 декабря в Зимний дворец, из которого, по выражению Николая Бестужева, устроили съезжую, стали приводить первых арестованных. Среди них были Рылеев, офицер Московского полка Щепин-Ростовский, моряк Михаил Кюхельбекер. По своей воле явился Александр Бестужев. В доме австрийского посла был арестован скрывавшийся там «диктатор» Трубецкой...

Так трагически закончился этот самый славный день в истории пушкинского Петербурга, первый день русской свободы.

14 декабря на Сенатской площади противостояли друг другу те же силы, что на протяжении предыдущего десятилетия вели между собою нескончаемый спор — в гостиных и в салонах, в канцелярии петербургского генерал-губернатора и в казармах Семеновского полка, в Большом театре и в Вольном обществе любителей российской словесности.

На стороне сил разума и справедливости выступили несколько десятков молодых офицеров, несколько поэтов, на их стороне была поддержка солдатской массы и огромной части столичного населения. На стороне самодержавия и рабства оказалось большинство гвардейского офицерства, весь

генералитет, все высшие сановники столицы и империи. Им помогали солдатская привычка беспрекословно подчиняться команде, извечный страх солдат перед офицерами. И наконец, боязнь дворян-революционеров действовать слишком резко, боязнь выпустить движение из-под контроля...

На этот раз царизм победил, восставших ждала расправа. Пятерых членов тайного общества казнили на кронверке Петропавловской крепости. Другим уготованы были тюремные казематы, сибирская каторга, солдатчина на Кавказе.

Но пророческими оказались слова Рылеева. «Мы начнем, — говорил он Николаю Бестужеву. — Я уверен, что погибнем, но пример останется». Действительно, сразу после поражения декабристов в недрах русского общества зарождается стремление продолжить их борьбу.

...Известно, что на прямой вопрос Николая I, где бы он был, если бы 14 декабря оказался в столице, Пушкин ответил, что был бы там, где все его друзья, — на Сенатской площади, в рядах восставших.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Вечер у Жуковского... У Одоевского... У Карамзиной...»

В дневнике Пушкина середины 1830-х годов часто встречаются записи о посещении литературных вечеров: «Вечер у Жуковского... У Одоевского... У Карамзиной...»

Если до 14 декабря 1825 года литературные собрания были лишь одним из многих проявлений тогдашней общественной жизни, то после восстания на Сенатской площади именно литературные салоны и кружки стали средоточием уцелевших общественных сил.

Конечно, дружеские кружки и общества возникали и за пределами литературной среды. Тут можно вспомнить раскрытое полицией Общество братьев Критских — наивных юношей, которые мечтали продолжить дело декабристов и прочили в руководители заговора не кого иного, как Пушкина. Или союз молодых офицеров — Кружок шестнадцати, членом которого был двадцатилетний Лермонтов.

Однако общественный протест в то время мог прозвучать только в литературе. И потому-то власти, неусыпно следя за всеми петербуржцами, особенно пристально наблюдали за литераторами.

Осенью 1827 года управляющий делами Третьего отделения М. Я. фон Фок составил для своего шефа А. Х. Бенкендорфа записку «О начале собраний литературных». Во вступлении к ней говорилось: «После несчастного происшествия

14 декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся словесностью, петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские кружки, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления правительства. Нелепое мнение, что государь император не любит просвещения, было общим между литераторами, которые при сем жаловались на цензурный устав и на исключение литературных обществ из адрес-календаря по повелению министра просвещения. Литераторы даже избегали быть вместе и, только встречаясь мимоходом, изъявляли сожаление об упадке словесности...»

Далее фон Фок уведомлял шефа жандармов, что теперь литературные собрания в столице как будто возобновляются. Такой вывод он сделал на основании сведений, полученных от осведомителей. А среди них были люди, имевшие к литературе прямое отношение: драматург Висковатов, романист Бошняк, журналист Булгарин. Свою записку фон Фок заканчивал многозначительной фразой: «Если литераторы станут собираться, то на сие будет обращено особенное внимание...»

Впрочем, Третье отделение оказалось в затруднительном положении: легко было подслушивать разговоры на толкучих рынках или в трактирах, но в литературные собрания полицейских агентов обычно не приглашали. Если же кто-нибудь из них и проникал в заветную гостиную или кабинет, то и тогда ему редко удавалось чем-либо порадовать начальство. О политике теперь говорили мало. Зато страстно обсуждали вопросы «отвлеченные»: философские, исторические, литературные.

К началу 1830-х годов оживилась деятельность прежних литературных салонов, возникали новые. Литературные вечера, чтения, литературные обеды и ужины сделались характерным явлением эпохи.

Постоянным местом встреч Пушкина и его литературных друзей стала квартира А. А. Дельвига, жившего на Загородном проспекте, возле Владимирской церкви.

Дельвиг был одним из примечательнейших людей своего времени. Талантливый поэт, он приобрел известность лирическими стихами. Его критические статьи и рецензии, отмеченные глубиной и меткостью суждений, вызывали оживленные толки среди литераторов и в публике. Человек яркого ума, неистощимого остроумия и на редкость доброго, открытого нрава, Дельвиг пользовался любовью и уважением таких своих современников, как Жуковский, Вяземский, Баратынский, Веневитинов. А Пушкин говорил: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига...»

По вечерам в квартире Дельвига собирались его лицейские товарищи, из них особенно часто бывали А. Иличевский и М. Яковлев, лицеисты второго выпуска князь Д. Эристов и В. Лангер, переводчик и художник, автор известного портрета Дельвига. Приходили двоюродный брат хозяина Андрей Дельвиг, Лев Пушкин, Алексей Вульф, Анна Петровна Керн... Под аккомпанемент жены Дельвига Софьи Михайловны, хорошо игравшей на фортепиано, Яковлев, Эристов и сам Дельвиг исполняли романсы и песни. Первые двое, сверх того, умели ловко показывать фокусы, представляли чревовещателей и каждый раз придумывали что-нибудь забавное. Иногда все хором пели какой-нибудь куплет, модный романс или баркаролу. После того как однажды щенок, пробравшись в кабинет хозяина, изорвал «Песни Беранже», в репертуар был включен сочиненный по этому поводу Дельвигом куплет:

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел!

Славился Дельвиг своими литературными пародиями.

До рассвета поднявшись, извозчика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бирюков;
Не с Цертелевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
За баллады, сонеты путем.
Но во фраке был он, был тот фрак запылен, —
Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь.
Вот к обеду домой возвращается он
В трехэтажный Моденова дом,
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
И согласно хмелен с седоком...

Так пародировал Дельвиг балладу Жуковского «Замок Смальгольм». «Герои» пародии были хорошо знакомы слушателям: Александр Ефимович Измайлов — поэт и издатель журнала «Благонамеренный», его активный сотрудник князь Цертелев, цензор Бирюков... Знакомы были и точно указанные петербургские адреса: Пески — район Рождественских улиц, Лиговский канал, где в трехэтажном доме Моденова жил Измайлов.

В назначенные дни — обыкновенно по средам и воскресеньям — у Дельвига сходились именитые писатели, собирався цвет тогдашней русской литературы. Здесь читали свои новые стихи Пушкин, Жуковский, Вяземский, Гнедич. Рассказывал свои басни Крылов. Адам Мицкевич импровизировал сказки «в духе Гофмана». Польский поэт, высланный из Вильны в Центральную Россию, в конце 1827 года приехал в Петербург и вскоре стал частым гостем в доме Дельвига.

В то же время начал посещать Дельвига и молодой, но уже известный в столице композитор и пианист Михаил Глинка. «Михаил Лукьянович Яковлев, композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном, познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом, — вспоминал Глинка. — Я нередко навещал его... Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню „Ах ты, ночь ли, ноченька...“».

Иногда Глинка приводил с собой молодого певца Н. К. Иванова, впоследствии знаменитого тенора, и они вместе пели русские песни.

А. П. Керн описала встречу Дельвига с приехавшим к нему Пушкиным, — в это время, бывая в Петербурге наездами, Пушкин много времени проводил у Дельвигов. Поэт, рассказывает Керн, «быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг другу руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях».

Отношения между Дельвигом и Пушкиным были поистине братскими. В эти годы, когда Пушкин не имел своего угла, жил «на больших дорогах», у Дельвигов он чувствовал себя дома. Посреди Петербурга, пропитанного «духом неволи», маленькая квартирка у Владимирской площади была истинным «приютом муз», приютом свободной мысли.

После смерти Дельвига литераторы пушкинского круга постоянно собирались у П. А. Плетнева, В. А. Жуковского и В. Ф. Одоевского.

Петр Александрович Плетнев — поэт, критик, учитель истории и словесности в различных учебных заведениях столицы, а с 1832 года профессор Петербургского университета — прославлен более всего тем, что ему посвятил Пушкин «Евгения Онегина».

На протяжении многих лет Пушкина связывала с Плетневым тесная дружба. «Я имел счастье, — вспоминал Плетнев, — в течение двадцати лет пользоваться дружбой нашего знаменитого поэта. Не выезжавши в это время ни разу из Петербурга, я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром».

Собирались у Плетнева, как у Дельвига, — по средам и воскресеньям. Гостей бывало немного, все больше люди, дружески связанные между собой. Наведывались Жуковский, Крылов, Одоевский, Гоголь. Пушкин приезжал один и с женой.

И. С. Тургенев, тогда студент Петербургского университета, попавший сюда по приглашению хозяина — своего профессора, впоследствии рассказал о виденном в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева». На этом вечере ему довелось впервые встретить Пушкина. «Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: „Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!“ — засмеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин, с которым мне до тех пор не удавалось встретиться: и как я досадовал на свою мешкотность!...»

Собрания у Василия Андреевича Жуковского, начавшиеся в 1818 году в доме купца Брагина на Крюковом канале, продолжались в 1830-е годы в Шепелевском доме на Большой Миллионной. Четырехэтажный дом этот, занимавший участок, соседний с Зимним дворцом и Эрмитажем, когда-то принадлежал камергеру Шепелеву. Потом он был приобретен императрицей Елизаветой и стал как бы дворцовым флигелем. Жуковскому, как воспитателю наследника, была предоставлена здесь, в верхнем этаже, казенная квартира.

Русское искусство обязано Жуковскому не только замечательными оригинальными произведениями, великолепными переводами шедевров мировой поэзии, но и той дружеской помощью, которую он щедро оказывал Пушкину, Гоголю, Глинке, Кольцову, Шевченко...

В одном из позднейших писем Гоголя к Жуковскому есть такие слова: «...я, едва вступивший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику!»

Часы проходили в оживленных беседах, «замечательных по простоте и сердечности».

«Раевский будет у меня нынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или хоть прозу... Порастреплем Пугачева... Собрание открывается в 9 часов» — так говорилось в одной из записок Жуковского Пушкину.

М. И. Глинка не мог забыть о том, как на одной из пятниц Жуковский «искренне одобрил» его желание приняться за русскую оперу и предложил сюжет «Ивана Сусанина». А в другой раз дал ему текст «Ночного смотра», на который в тот же день композитор написал музыку.

В середине 1830-х годов несколько молодых художников — учеников А. Г. Венецианова (А. Н. Мокрицкий, Г. К. Михайлов и другие) запечатлели на большом полотне тот вечер в просторном кабинете Жуковского в Шепелевском доме, когда Пушкин, Крылов, Гоголь, Плетнев и другие принимали воронежского поэта-прасола А. В. Кольцова. Венецианов поручил эту работу своим ученикам по просьбе Жуковского.

Знаменит был в Петербурге 1830-х годов и другой кабинет, где еженедельно проходили литературные собрания, — ка-

бинет князя В. Ф. Одоевского во флигеле скромного особняка М. В. Ланской в Мошковом переулке, между Дворцовой набережной и Миллионной улицей.

Владимир Федорович Одоевский — человек универсальных интересов: беллетрист, критик, журналист, ученый-естествоиспытатель, музыкант — принадлежал по рождению и общественному положению к столичной аристократии, но в то же время был известен демократическими вкусами и симпатиями. Ему, по словам современника, «было все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и в каком бы платье ни ходил».

Рассказывали и о некоторых чудачествах князя. Всякого попадавшего в его кабинет — так называемую «львиную пещеру» — поражало не только обилие книг, лежавших повсюду — на полках, этажерках, креслах, — но и необычные готические формы самих этих полок, этажерок, кресел, выглядывавшие из всех углов скелеты, реторты, всевозможные приборы для химических опытов. Удивлял и костюм хозяина: длинный черный сюртук, черный шелковый колпак на голове — нечто вроде наряда средневекового астролога. Картину довершал огромный черный кот, следовавший за хозяином по пятам.

Как писал В. А. Соллогуб, «в этом безмятежном святилище знаний, мысли, согласия, радушия сходилась по субботам весь цвет петербургского населения». Кроме Пушкина и писателей его круга — Жуковского, Вяземского, Крылова, Плетнева, Гоголя, — бывших в дружеских отношениях с Одоевским, здесь можно было встретить и литераторов, только что начинающих свою творческую жизнь. На равных правах с литераторами являлись музыканты, художники, актеры и люди, не имеющие прямого отношения к искусству, — университетские профессора, дипломаты, сановники. Этой пестротой заполнявших «львиную пещеру» гостей

отличались собрания у Одоевского от собраний у Жуковского и Плетнева.

Из салонов петербургского «света» в 1830-е годы самым литературным был салон Е. А. Карамзиной.

Екатерина Андреевна после смерти мужа (он скончался в 1826 году) старалась сохранить ту атмосферу семейного уюта, непринужденной беседы за чайным столом и ту приверженность широким умственным интересам, которые всегда отличали карамзинские вечера. Квартиру Карамзинных на Михайловской площади постоянно посещал узкий круг людей избранных, и среди них П. А. Вяземский (он приходился сводным братом Екатерине Андреевне), А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, А. С. Хомяков, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов.

Пушкин бывал здесь часто и охотно. Екатерину Андреевну он до конца жизни считал одним из самых близких друзей. «...В карамзинской гостиной, — писал современник, — предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе... составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душной атмосфере было для нас особенно полезно».

В октябре 1836 года Е. А. Карамзина писала сыну: «Вчера или позавчера мы много говорили о „Современнике“». Журнал, который с 1836 года стал издавать Пушкин, привлекал к себе всеобщее внимание... Несомненно, он был предметом разговоров и на собраниях у Жуковского, Одоевского, Плетнева. И собрания литераторов пушкинского круга становятся в то же время собраниями сотрудников «Современника».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Ведь нынче время споров»

Перелом в жизни русского общества, последовавший за поражением восстания декабристов, явственно сказался и на петербургской журналистике. Перемены в литературной атмосфере отразились здесь особенно наглядно. И, продолжая повествование о духовном облике пушкинского Петербурга, необходимо теперь вернуться к рассказу о столичной прессе — о том, какой стала она после 14 декабря.

В петербургской журналистике отныне резко противостояли друг другу два лагеря, два направления, сущность одного из них олицетворяла фигура Фаддея Булгарина, другого — фигура Пушкина.

Булгарин приехал в Петербург из Варшавы в 1819 году. Быстро освоившись в русской столице, он завел обширные литературные знакомства и с 1822 года стал издавать «Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий», а затем еще и «Литературные листки». В 1825 году Булгарин основал газету «Северная пчела». В это время он усиленно втирается в дружбу к Грибоедову, Рылееву, Бестужеву, рассчитывая на поддержку влиятельных литературных кругов, и вместе с тем заискивает перед властями, всячески выказывая свою благонамеренность. Уже тогда брезгливое чувство к Булгарину испытывали многие. Дельвиг однажды вызвал его на дуэль — Булгарин струсил и отказался. Гри-

боедов в ответ на неумеренные и бестактные похвалы, которые Булгарин расточал ему в своих писаниях, решил прервать всякое знакомство с ним.

Когда вечером 14 декабря 1825 года Булгарин пришел на квартиру к Рылееву, его тотчас выпроводили за дверь. Рассказывали, что вскоре Булгарин донес властям на своего родственника, поручика Искрицкого, состоявшего в тайном обществе. Во всяком случае сразу после 14 декабря началась деятельность Булгарина — полицейского агента. По поручению Третьего отделения Булгарин сочинял докладные записки о состоянии умов, о русской литературе и книгопечатании. Его «Северная пчела» пользовалась покровительством шефа жандармов Бенкендорфа и рьяно исполняла его предначертания. Сам Бенкендорф весьма ценил услуги Булгарина, который так прямо и заявлял, что его всегдашняя цель «состоит в утверждении верноподданнических чувствований и в направлении к истинной цели, то есть преданности к престолу и чистоте нравов».

Булгарин был для шефа жандармов тем более ценным сотрудником, что его газета пользовалась весьма значительной популярностью в столицах и провинции благодаря обилию публиковавшихся в ней занимательных сведений — политических, хозяйственных, научных, — изложенных к тому же бойко и общедоступным языком. Число подписчиков достигало огромной по тем временам цифры — около семи тысяч человек.

Среди прочего существовал в газете отдел «Словесность», где публиковались рассказы, стихи, рецензии, критические статьи. Рассказы и стихи, как правило, были невысоких художественных достоинств. Критические статьи отличала жалкая скудость мысли.

Отзывы Булгарина о литературных произведениях в гораздо большей степени определялись тактическими выго-

дами журнальной борьбы и личными отношениями с рецензируемым писателем, чем какими-либо эстетическими соображениями. Так, в середине 1820-х годов «Северная пчела» расхваливала Пушкина и всячески старалась польстить ему, надеясь, видимо, на его сотрудничество. Но вот до Булгарина дошли резкие слова Пушкина, обвинявшего его в беззастенчивом использовании мотивов и ситуаций «Бориса Годунова» для болгаринского романа «Дмитрий Самозванец» (не разрешенную еще к печати трагедию Бенкендорф послал на просмотр редактору «Северной пчелы», своему главному литературному советчику). Затем появилась статья Дельвига, изобличавшая полную бездарность и пошлость Булгарина-романиста. Статью, напечатанную без подписи, Булгарин принял за пушкинскую, и отношение «Северной пчелы» к поэту резко изменилось. На ее страницах появились пасквильные «анекдоты» о некоем французском поэте, который в своих сочинениях «не обнаружил ни одной высокой мысли», и о некоем поэте-мулате, подражателе Байрона, который гордился аристократическим происхождением, тогда как его предок-негр был куплен «за бутылку рома». В доносительном тоне Булгарин упрекал Пушкина за то, что, побывав на театре Русско-турецкой войны, поэт не воспел победы русского оружия. Пушкин ответил на болгаринские выпады стихотворением «Моя родословная» и памфлетами, напечатанными в московском журнале «Телескоп» за подписью Феофилакт Косичкин. Однако, когда в 1831 году соиздателем «Северной пчелы» стал Греч, он, видимо, убедил Булгарина, что вражда с Пушкиным невыгодно сказывается на репутации газеты. С этого времени тон «Северной пчелы» в отношении Пушкина снова стал почтительным.

Совместному изданию Булгариным и Гречем «Северной пчелы» предшествовало объединение их журналов — «Сына отечества» и «Северного архива». Кроме того, они вме-

сте начали выпускать журнальчик «Детский собеседник», который бесплатно выдавали подписчикам своих изданий. Союз Булгарина и Греча имел единственной целью извлечение максимальной прибыли из того коммерческого предприятия, каким было для них издание газеты и журнала.

«Торговому направлению» следовала и основанная в 1834 году «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Издателем журнала был книгопродавец А. Ф. Смирдин, организатором и редактором — О. И. Сенковский, профессор арабского и турецкого языков Петербургского университета, известный ученый-ориенталист. Будучи человеком талантливым и неутомимым (в первый год издания он написал для всех отделов журнала около тысячи печатных страниц), Сенковский принялся изобретательно и смело «торговать» своей начитанностью и литературными способностями. Научный отдел журнала отличался занимательностью, хозяйственный — основательностью, литературный — приятной легкостью и игривостью, критический — острым и забавным балагурством. На обложке первого номера «Библиотеки для чтения» значилось шестьдесят имен ее будущих сотрудников — все сколько-нибудь известные русские литераторы. Толстые тома журнала печатали на хорошей бумаге, четким шрифтом, с цветными картинками мод. Непривычной была строгая аккуратность выхода номеров — неизменно первого числа каждого месяца. Так же аккуратно «Библиотека» платила сотрудникам, причем впервые в России Сенковский ввел стандартную полистную оплату — 200 рублей ассигнациями за печатный лист оригинального текста. Именитым писателям платили много больше.

Свои произведения Сенковский печатал обычно под псевдонимами — Тютюнджи-Оглу, Белкин, Снегин, Осип Морозов. Наибольшим успехом пользовались иронические по-

вести, которые он подписывал именем — Барон Брамбеус. Это был не только псевдоним — Сенковский создал литературную маску, некую мифическую личность с определенной физиономией и даже биографией, изложенной в «Фантастических путешествиях барона Брамбеуса». Воплощавший в себе дух дешевого цинизма и бездумного зубоскальства, буффонады и мистификаторства, Брамбеус был «сработан» на определенный читательский вкус. «Библиотеку» признало своим журналом множество столичных чиновников и провинциальных дворян. Уже в 1835 году тираж ее достигал пяти тысяч экземпляров, в 1837 году семи тысяч — при подписной цене 50 рублей ассигнациями в год.

На протяжении 1830-х годов «Библиотека для чтения», наряду с «Северной пчелой», царила в петербургской журналистике. Любому литературному журналу трудно было конкурировать с «монополией» Булгарина, Греча и Сенковского.

Ироническим откликом Пушкина на журналистские нравы эпохи были строки в черновом варианте поэмы «Домик в Коломне»:

Ведь нынче время споров, брани бурной,
Друг на друга словесники идут,
Друг друга жмут, друг друга режут, губят
И хором про свои победы трубят...

В конце 1820-х и начале 1830-х годов в столице выходило несколько литературных газет и журналов: «Гирлянда, журнал словесности, музыки, мод и театров», газета «Северный Меркурий», «Журнал иностранной словесности и изящных художеств», «Санкт-Петербургский вестник, журнал словесности, театра, новостей и музыки», «Колокольчик, литературная газета», «Северная Минерва, журнал литературы», «Бабочка, дневник новостей, относящихся до просвещения

и общежития»... К середине 1830-х годов все эти издания исчезают.

Тем более заметно появление множества специальных газет и журналов, посвященных русской экономике, просвещению, естествознанию и технике. Издают их преимущественно различные ведомства. Министерство внутренних дел с 1829 года стало выпускать журнал, содержавший статистические описания городов империи и отчеты учреждений, подчиненных министерству. В «Журнале министерства народного просвещения» шла речь о постановке образования в России и за границей, а также о словесности, науках и художествах. Свои журналы печатали департаменты мануфактур и внутренней торговли, горных и соляных дел. Департамент внешней торговли выпускал «Коммерческую газету» на русском и немецком языках. Медицинский департамент Военного министерства имел свой «Военно-медицинский журнал». Артиллерийское отделение Военно-ученого комитета выпускало «Военный журнал», инженерное отделение — «Инженерные записки», а Ученый комитет по морской части — «Записки». Был еще «Журнал путей сообщения». Всего к концу 1830-х годов в Петербурге насчитывалось около двенадцати периодических изданий «от правительственных мест».

Говоря о специальных газетах и журналах, принадлежавших частным лицам, следует упомянуть «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», который издавал профессор Санкт-Петербургского университета Н. П. Щеглов, и основанную при его же участии промышленную газету «Северный муравей»; «народно-врачебную» газету доктора Грума «Друг здоровья», имевшую целью «сообщать публике разные сведения о средствах врачевания болезней, и преимущественно в простом народе».

Постоянно выходили в Петербурге газеты на французском и немецком языках. Время от времени появлялись и журналы — на французском, немецком, польском языках.

Среди всей этой массы последекабрьских петербургских журналов и газет резко выделялись благородством тона и независимостью суждений несколько периодических изданий, к которым прямое отношение имел Пушкин, — альманах «Северные цветы», «Литературная газета» и журнал «Современник».

В 1824 году книгопродавец Слёнин предложил Дельвигу стать редактором нового альманаха. Опытный издатель рассчитал верно: имя молодого поэта (Дельвигу тогда миновало двадцать шесть лет) было уже достаточно известно, а благодаря своим дружеским и литературным связям он мог надеяться на поддержку лучших русских писателей. Действительно, в дельвиговских «Северных цветах» участвовали Жуковский, Вяземский, Крылов, Гнедич, Баратынский, Языков, Козлов, Кюхельбекер, Владимир Одоевский.

В восьми книгах альманаха с 1825 по 1832 год Пушкин поместил около шестидесяти своих произведений, в том числе: «Песнь о вещем Олеге», «19 октября», «Бесы», «Анчар», «Граф Нулин», «Моцарт и Сальери», отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Цыган», «Арапа Петра Великого». В 1828 году альманах вышел с портретом Пушкина на фронтисписе (портрет работы О. А. Кипренского награвировал Н. И. Уткин).

«Северные цветы» были детищем писателей пушкинского круга. И чем дальше, тем решительнее «Северные цветы» вступали в полемику с пресмыкающейся булгаринской «Пчелой», ультраромантическим «Московским телеграфом» Н. А. Полевого, старозаветным «Вестником Европы» М. Т. Каченовского. Poleмика эта находила выражение и в годовых обзорах русской литературы, которыми открывалась каждая

книга альманаха, и в задорных статьях Вяземского, и в пушкинских эпиграммах.

Желание утвердить собственную литературную и общественную позицию, противопоставить ее недобросовестным суждениям продажных журналистов привело Дельвига и его друзей к мысли издавать наряду с альманахом еще и «Литературную газету».

Она стала выходить с января 1830 года, раз в пять дней, и печатала критические статьи и рецензии, исторические и биографические материалы, научно-популярные статьи по естествознанию и экономике, путевые записки, стихи, отрывки из повестей, романов, пьес. Газета знакомила своих читателей с первыми переводами на русский язык прозы Гюго, Стендаля, Мериме, Жюль Жанена. «Поблаговари Дельвига... Право, давно не читал такой замечательной газеты, — писал А. И. Тургенев Вяземскому. — В ней столько оригинальных статей: твои, Пушкина, Дельвига... Как умно многое судите или как дельно по крайней мере о многом намекаете!»

Быть может, общественную позицию «Литературной газеты» яснее всего определяет тот факт, что она регулярно печатала стихи «каторжников» — заключенных декабристов А. Одоевского и А. Бестужева, разумеется анонимно.

Произведения Кюхельбекера и казенного Рылеева появлялись и в «Северных цветах».

Чувство собственного достоинства издателей «Литературной газеты», широта и смелость суждений раздражали власти, которым в ней виделись «дерзость» и «неблагонадежность». Третье отделение не забывало о прежних связях Пушкина, Вяземского и Дельвига с декабристами. Когда в октябре 1830 года Дельвиг между прочим привел в своей газете четверостишие Казимира Делавиня, посвященное героям Июльской революции во Франции, шеф жандармов вызвал его к себе. Бенкендорф кричал на Дельвига, говорил ему

«ты», грозился упрятать вместе с Пушкиным и Вяземским в Сибирь. Издавать газету Дельвигу было запрещено. Правда, разрешено было передать ее писателю и журналисту Оресту Сомову — ближайшему сотруднику Дельвига. Но в январе 1831 года Дельвиг умер. Ни Пушкина, ни Вяземского не было в Петербурге. Несколько месяцев спустя Сомов прекратил издание.

Уже в следующем, 1832 году Пушкин начал хлопотать о разрешении на новую газету с гораздо более широкой программой, которая публиковала бы заграничные и внутренние известия, фельетоны и театральную критику. Такое решение было ему дано, но затем власти взяли его назад.

В 1835 году Пушкин получил дозволение издавать литературный журнал «Современник». Поэт уведомлял читателей, что его журнал «по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду», будет продолжением «Литературной газеты».

Журнал выходил раз в три месяца. Значительная часть статей и художественных произведений, публикуемых в «Современнике», принадлежала самому Пушкину. Здесь были напечатаны «Капитанская дочка» и «Путешествие в Арзрум». Круг прежних участников «Литературной газеты» пополнился именами Гоголя, Тютчева, Кольцова. Большое место в журнале занимали научно-популярные статьи. В первом томе были помещены статья П. Козловского «О Парижском математическом ежегоднике», статья самого Пушкина о сочинениях историка Георгия Кониского; во втором — статья Пушкина о Российской Академии, разбор книги В. Золотницкого «Статистическое описание Нахичеванской провинции»; в третьем — статья П. Козловского о теории вероятности, очерк Д. Давыдова о партизанской войне, материалы Пушкина к «Истории Пугачевского бунта»... Не уделяя мно-

го места литературной полемики, «Современник» отличался замечательной глубиной и прозорливостью в освещении основных вопросов русской жизни.

Злобное внимание, которое проявляли к журналу Третье отделение и глава цензурного ведомства министр народного просвещения граф Уваров, чрезвычайно усложняло задачу издателя. «Не знаю, чем провинились русские писатели... — жаловался Пушкин Денису Давыдову. — Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче...» И, несмотря на это, те четыре книги журнала, что вышли при жизни Пушкина, стали одним из значительнейших памятников русской культуры тех лет.

После смерти Пушкина журнал издавали в пользу его семьи Плетнев, Одоевский, Вяземский. Затем журнал перешел к Плетневу. Здесь были впервые напечатаны «Медный всадник», «Русалка», «Вновь я посетил» и множество других произведений Пушкина, не опубликованных до тех пор.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Литературная торговля»

В конце XVIII века появились в Петербурге первые книжные лавки и довольно многочисленные «ходебщики», или разносчики, продававшие книги «на ходу», вразнос. До того книги в столице продавали обыкновенно типографщики или переплетчики. Исключение составляла лавка Академии наук, но в ней можно было приобрести только академические издания.

Первые петербургские книжные лавки были весьма невелики по размерам, располагались почти исключительно вблизи Гостиного двора или в нем самом и отличались от соседних, где торговали текстильными и галантерейными товарами, еще большей теснотой и темнотой. Они не отапливались. У двери, как и у всех гостинодворцев, стоял приказчик или мальчик и зазывал покупателей.

Новый век принес заметные перемены в столичную книжную торговлю.

14 января 1813 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было объявлено об открытии книжной лавки Василия Алексеевича Плавильщикова на Садовой улице, против Гостиного двора, в доме полковника Балабина. Позже, в сентябре 1815 года, Плавильщиков перевел свою лавку в новое помещение — на набережной Мойки, угол Исаакиевской площади, не побоявшись оторваться от Гостиного двора, и впер-

вые назвал ее книжным магазином. «Новооткрытый книжный магазин Плавильщикова у Синего моста, в угловом доме Гавриловой, под № 168», как значилось в газетном объявлении, был просторнее прежних лавок и особенно отличался от них тем, что в зимнее время отапливался.

В. А. Плавильщиков, брат известного актера и писателя П. А. Плавильщикова, человек образованный, подходил к своему начинанию не только с коммерческой, но и с просветительской стороны. Движимый «любовью к словесности» и «намерением сделаться посредником между публикою и сочинителями», он превратил свой магазин в некий литературный клуб, «где собирались ученые и литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться». Магазин пользовался популярностью среди передовой столичной молодежи, будущих декабристов. Когда в 1819 году члены «Союза благоденствия» Ф. П. Толстой и Ф. Н. Глинка основали «Заведение для продажи разных вещей в пособие бедным всякого рода состояния», это филантропическое начинание поддержал Плавильщиков, в книжном магазине которого стали продавать вещи в пользу бедных. Здесь же шла запись в Ланкастерское общество взаимного обучения. Хозяин магазина сам был членом этого общества.

Начало «идейного книжного дела» в России теснейшим образом связано с передовым общественным движением эпохи.

Не ограничиваясь торговлей, Плавильщиков создал при своем магазине одну из первых в столице Библиотек для чтения. Как по количеству, так и по подбору книг библиотека была уникальной. Здесь за сравнительно небольшую плату предоставлялась возможность получить для прочтения все лучшие русские книги — от сочинений Державина и Фонвизина до новых творений Жуковского и Пушкина, от сатирических журналов Новикова до «Полярной звезды»

Бестужева и Рылеева. Имелись также в немалом количестве произведения великих европейских экономистов, философов, историков, социалистов-утопистов. Библиотека в 1823 году насчитывала восемь тысяч томов. Читателями ее были не только образованные дворяне, но и купцы, и мещане. Плавильщиков сетовал на «недостаток средств к распространению охоты к чтению и удовлетворению оной между небогатыми людьми» и стремился, как мог, эти средства приумножать.

В том же январе 1813 года, когда впервые распахнулись двери магазина В. А. Плавильщикова, начал торговать книгами в столице Иван Васильевич Слёнин. Десять лет спустя, в середине 20-х годов, Слёнин был одним из самых известных и уважаемых петербургских книгопродавцев, успешно торговавших как русской, так и иностранной, особенно французской, литературой. Его уютный теплый магазин находился в это время в знакомом всем петербуржцам огромном доме Кусовникова (с 1828 года — Энгельгардта) на Невском проспекте, у Казанского моста, а в 1830-е годы — поблизости, в доме аптекаря Имзена. Постоянными его гостями были известные столичные литераторы.

У Слёнина в лавке на креслах сижу,
На книги, портреты уныло гляжу.
Вот бард наш Державин, вот Дмитрев, Крылов,
А вот Каталани — под нею Хвостов...
Приходит Рылеев, Бестужев и Греч.
Язык ему надо немножко пресечь.
Вот Сомов вбегает, вот входит Козлов,
А вот из Сената заехал Хвостов... —

писал А. Е. Измайлов.

Книгопродавец И. Т. Лисенков вспоминал: «Поэт барон Дельвиг, издатель „Литературной газеты“, бывший у него часто на час, приводил с собой всех своих литературных тру-

жеников на перепутье по Невскому к Слёнину, где и отличались один перед другим разными остротами и сарказмами на все им знакомое». По словам другого петербуржца, Слёнин «принадлежал к небольшому числу тех книгопродавцев-издателей, которые заботились не только о своих личных выгодах, но и о пользе литературы».

Пушкин нередко бывал у Слёнина, поддерживал с ним дружеские отношения. Все сочинения поэта, выходявшие отдельными книгами, можно было приобрести в магазине у Казанского моста, а некоторые, как, например, «Руслана и Людмилу», только здесь — Слёнин откупил весь тираж. Летом 1830 года Пушкин видел у Слёнина выставленную для обозрения публики старинную копию «бриджуотерской» мадонны Рафаэля и под впечатлением этой картины тогда же написал стихотворение «Мадонна». В альбом Слёнина Пушкин вписал стихотворение «Я не люблю альбомов модных...», где есть слова: «Но твой альбом другое дело, охотно дань ему плачу».

И Пушкин, и другие петербургские писатели наведывались и в книжный магазин Ивана Тимофеевича Лисенкова, также заботившегося не только о личных выгодах, но и об успехах просвещения, даже материально поддерживавшего нуждающихся литераторов. В начале 1836 года он открыл свою торговлю в здании Пажеского корпуса на Садовой улице, вскоре переведенную на верхнюю линию Гостиного двора.

С лавкой Лисенкова связан примечательный рассказ современника о том, как книгопродавец, объявив в газетах о продаже литографированного портрета знаменитого французского сыщика Видока, выдавал покупателям изображение... Ф. Булгарина («Видок-Фиглярин» было известное прозвище, данное Булгарину Пушкиным). В своих воспоминаниях, написанных от третьего лица, Лисенков рассказывал: «Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто,

когда издавал журнал „Современник“; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота шутить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями. Взявши книгу в руки в прозе быстро пробежал ее, читая гласно одно лишь предисловие, и по окончании приговаривал, что он имеет об ней полное понятие; стихотворные же книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Лисенков иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался... В последний раз А. С. Пушкин посетил Лисенкова за три дня до своей смерти, где в магазине пробыл два часа...»

В Гостином дворе и вокруг него, на Невском проспекте и Садовой улице, в 1820–1830-х годах можно было найти десятка полтора иногда совсем небольших, но год за годом упорно ведущих свою торговлю книжных лавок. Они принадлежали купцам Н. И. и М. И. Глазуновым, А. И. и М. И. Заикиным, Я. А. Исакову (впоследствии известному столичному книгопродавцу, владевшему «вечным и потомственным правом» на издание сочинений Пушкина), И. И. Бородину, А. Л. Свешникову, Н. О. Воробьеву, Ф. Белизару и другим.

Белизар снабжал французскими книгами Пушкина, выписывая некоторые издания специально из Парижа, а в 1834 году по поручению поэта заказал там гравированный портрет Пугачева для пушкинской «Истории Пугачева».

Роль книгопродавцев в духовной жизни Петербурга была значительна и все возрастала, несмотря на препятствия книжной торговле, чинимые властями.

Постоянное неудовольствие Николая I вызывала торговля старыми книгами. Царь опасался, и не без основания, что букинисты могут успешнее обходить запреты и распространять «вредную» литературу. А букинисты в 1830-е годы стали заметными людьми в столичной книжной торговле. Среди них были тонкие знатоки и ценители старой книги. Они снаб-

жали любителей редкими изданиями. Не одна книга от них попала и в библиотеку Пушкина.

Старыми книгами торговали и «ходебщики». С мешками, называемыми сорочками, на спине и на груди и с связкою книг в руке, они ходили по городу, предлагая свой товар. Многие имели постоянных клиентов в литературных кругах и среди читающей молодежи, которым поставляли «в особенности запрещенный товар».

Старые книги были в ходу и в рыночной торговле «на развалах». Рыночная торговля книгами получила широкое распространение. На Апраксином, Щукином и других рынках были известны такие книгопродавцы, как Василий и Семен Олонины, Григорий Новинский, Василий Холмушин, Яков Матюшин (книгопродавец-антикварий, как называли его современники, собравший удивительную библиотеку, поставлявший редкие русские издания в Императорскую Публичную библиотеку и за границу). «Развал» устраивали обычно в центре рынка. На расчищенной от непролазной грязи площадке на невысоких подставках укрепляли широкую доску и на ней раскладывали «товар». Книги были на все вкусы: новые и старые, произведения известных русских и иностранных писателей, а рядом — святцы, псалтыри, толкователи снов, азбуки, сказки о Еруслане Лазаревиче и Бове Королевиче, лубочные картинки. Товар свой книгопродавцы брали со скидкой у типографщиков и переплетчиков, но больше покупали по домам, на аукционах, иногда целыми библиотеками. «Покупая дешево, они дешево же и продавали, и если им за предлагаемую книгу давали хотя небольшой барыш — давай деньги!» — писал И. Т. Лисенков, объясняя успехи рыночной книжной торговли.

Некоторые из торговавших книгами на рынках со временем обзавелись здесь же небольшими лавочками, где вместе с книгами продавали старые картины и другие произве-

дения искусства. В такой лавочке на Щукином рынке купил таинственный портрет старого ростовщика гоголевский художник Чертков.

Держать книги считали для себя выгодным и владельцы лавок, где торговали разными товарами, «от чая до дегтя». Конечно, это были книги, рассчитанные на самого нетребовательного покупателя.

Особое место среди столичных книгопродавцев пушкинского времени принадлежит Александру Филипповичу Смирдину. По словам В. Г. Белинского, он совершил «решительный переворот в русской книжной торговле и, вследствие этого, в русской литературе».

Начал Смирдин, как и многие другие, мальчиком, отданным для приучения к торговле, затем с 1817 года стал приказчиком в книжном магазине В. А. Плавильщикова, который оказал решающее влияние на его судьбу. У Плавильщикова Смирдин прошел хорошую школу книжной торговли, как дела прежде всего просветительского, общественно значительного, приобрел обширные знания и в полной мере проявил свои деловые качества. После смерти Плавильщикова в 1823 году он по духовному завещанию получил во владение магазин своего хозяина и его Библиотеку для чтения.

С самого начала Смирдин поставил свое дело на широкую ногу. В 1830 году он торговал уже в двух помещениях — старом, у Синего моста, в доме Гавриловой, и новом — на Невском проспекте, в недавно отстроенном доме Лютеранской церкви Петра и Павла. В 1832 году он полностью перевел и магазин, и Библиотеку для чтения на Невский.

Такого просторного и великолепного книжного магазина столица еще не знала. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Рекомендую... книжную лавку Смирдина, первую европейскую лавку с русскими книгами. В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно».

Смирдинская Библиотека для чтения намного превосходила все подобные библиотеки, существовавшие в столице. Каталог ее, выпущенный в 1832 году, включал более 12 тысяч названий. Правда, плата за пользование книгами не всем была по карману. Но по сравнению с другими библиотеками она считалась умеренной, и читателей находилось довольно много.

Если о лавке Плавильщикова можно было говорить как о литературном клубе, поскольку она служила местом встреч многочисленных деятелей литературы, то в еще большей степени это определение применимо к магазину и библиотеке Смирдина. «Туда, — по словам автора „Воспоминаний старожила“ П. Н. Юркевича, — ежедневно по утрам сходились почти все петербургские литераторы потолковать, обменяться мыслями, узнать городские новости».

Часто посещал Смирдина Пушкин, с его помощью подписывался на газеты и журналы, вел деловую переписку. О встрече с поэтом в знаменитой книжной лавке вспоминали И. И. Панаев, В. А. Соллогуб. Известна (в нескольких вариантах) эпиграмма Пушкина на Булгарина и Сенковского, с упоминанием Смирдина:

К Смирдину как ни зайдешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

В историю культурной жизни столицы тех лет вошло торжественное празднование, устроенное Смирдиным 19 февраля 1832 года в залах библиотеки по случаю новоселья. На этом праздновании присутствовал весь литературный Петербург. По словам очевидца, «смирдинский праздник удался вполне, все были дружно веселы. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами. Семенов (цен-

зор) за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин vis-à-vis с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: „Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе...“ Греч заплодировал, а все мы расхохотались, один Булгарин сморщился и промолчал...» Пушкин намекал на библейское предание о том, что Христос на Голгофе был распят между двумя разбойниками.

Присутствовавшие на празднике литераторы, чтобы отблагодарить радушного хозяина, решили издать в его честь сборник. В 1833 и 1834 годах вышли две части этого сборника под названием «Новоселье». Среди прочих там были напечатаны поэмы Пушкина «Анджело» и «Домик в Коломне». На титульном листе первой части сборника Пушкин изображен среди других писателей за праздничным столом 19 февраля 1832 года (художник А. П. Брюллов), на титульном листе второй части — во время посещения магазина (художник А. П. Сапожников).

Смирдин был далек от какого-либо политического либерализма. В первую очередь он — торговец, коммерсант, но его невиданная по размаху деятельность не только оказала огромное влияние на прогресс книготоргового дела и книгопечатания в России, но и имела в 1830-е годы большое общекультурное значение.

Издателей-профессионалов в России первых десятилетий XIX века еще не существовало. В большинстве случаев издателями были книгопродавцы. Так, книги издавали Глазуновы, Лисенков, Заикины; Слёнину принадлежит заслуга издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в 12 томах, он же был издателем первого выпуска «Полярной звезды», первых книг «Северных цветов». Но то, что издал Смирдин, превосходит все сделанное другими книгопродавцами, вместе взятыми. В. Г. Белинский ставил в особую заслугу Смирдину то, что «он издал сочинения Держа-

вина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова так, как они в типографическом отношении никогда прежде того не были изданы, т. е. опрятно, даже красиво, и — что всего важнее — пустил их в продажу по цене, доступной и для небогатых людей».

Цены на хорошо изданные серьезные книги вообще были высокие — 5, 10, а то и 20 рублей (напомним, что заработок канцеляриста-чиновника в то время не превышал 30–35 рублей в месяц). Смирдин многие издания продавал значительно дешевле. Так, например, выпущенное им в 1830 году собрание басен И. А. Крылова на хорошей бумаге и в переплете стоило всего 4 рубля.

Совершенно неслыханными были гонорары, которые Смирдин платил писателям. Крылову за право издавать басни с 1830 до 1840 года по 4 тысячи экземпляров в год он уплатил 40 тысяч рублей ассигнациями. Пушкину за право переиздавать старые его сочинения с 1830 по 1834 год — около 30 тысяч.

Сочинения Пушкина Смирдин издавал систематически с 1827 по 1835 год. Гонорары, получаемые Пушкиным от Смирдина, были предметом постоянных толков в литературной среде. Утверждали, что он получает по 11 рублей за стихотворную строку, что за «Гусара» получил тысячу и вообще Смирдин предлагал ему две тысячи в год — «лишь бы писал, что хотел». А. Я. Панаева в своих воспоминаниях передает такой рассказ А. Ф. Смирдина: «Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с... Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: „Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть“, и повел меня; постучались в дверь; она ответила: „входите“. Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку,

а горничная шнурует ей атласный корсет. — Входите, я то-роплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того при-звала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесете деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте... — Все это она-с проговорила скоро. Не поворачи-вая головы ко мне, а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные на обеих щеках. Я поклонил-ся, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой ру-кой подпирал голову-с, и они сказали-с мне: — Что? с жен-щиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего де-лать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось зака-зать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь». Речь шла, по-видимому, о рукописи «Гу-сара».

Вслед за Смирдиным вынуждены были повышать размеры авторских гонораров и другие книгопродавцы-издатели. А значительные гонорары давали возможность писателям жить на литературный заработок, что в огромной степени содействовало профессионализации писательского труда в России и вместе с тем развитию самой русской литера-туры.

В роли издателей своих произведений или произведений своих литературных друзей все чаще выступают и сами пи-сатели, стремясь освободиться от лишних посредников.

Успешно занимался издательской деятельностью Н. И. Гне-дич. Самым значительным его предприятием было издание первых поэм Пушкина — «Руслан и Людмила» в 1820 году и «Кавказский пленник» в 1822 году. Оба издания (несмот-ря на высокую цену — 10 и 15 рублей первое и 5 и 7 рублей

второе) разошлись с необыкновенной быстротой и не оставили издателя внакладе.

Издателем третьей поэмы Пушкина, «Бахчисарайский фонтан», был П. А. Вяземский, написавший к ней обширное предисловие. При затратах на издание в 500 рублей чистый доход составил 3000. Гонорар Пушкина равнялся 5 рублям за стих или даже больше. Вяземский считал нужным специально сообщить об этом в печати. Газеты и журналы писали не только о том, как быстро раскупается поэма Пушкина, но и о небывалом коммерческом успехе издания, обеспечившем автору такой баснословный гонорар. В этом видели «прогресс в умственной промышленности», «переворот дел на книжном рынке». Пушкин в это время писал: «Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого». В письмах поэта вопросы, связанные с изданием его книг, вообще занимают большое место.

Большинство последующих своих произведений Пушкин издавал при содействии П. А. Плетнева. В 1825–1833 годах им был издан «Евгений Онегин» (сначала отдельными главами по 5 рублей за экземпляр, а затем одной книгой), в 1831 году — «Повести Белкина».

Хлопоты П. А. Плетнева по изданию сочинений Пушкина вызвали подозрения властей, и он был взят под негласный надзор полиции.

Почти все произведения Пушкина издавались в Петербурге, и первыми читателями их были петербуржцы.

«Историю Пугачева» в 1834 году Пушкин издавал сам, заботливо наблюдая за всем ходом дела.

На пути самостоятельного издания своих сочинений всякому писателю приходилось преодолевать немалые трудности — финансовые, цензурные, торговые. И все же Пушкин этих трудностей не боялся. Его стремление издавать самому было частью той борьбы, которую он вел за независи-

мость писателя вообще, за освобождение его как от полицейско-цензурных пут, от унижительного меценатства, так и от эксплуатации нечестных типографщиков и книготорговцев. Относясь к литературному творчеству не как к забаве, а как к труду самому серьезному и общественно важному, Пушкин отстаивал право писать за деньги, получать гонорар как плату за труд, на которую писатель может существовать, подобно любому труженику.

В 1835 году Пушкин задумал написать статью о правах писателя и набросал ее план.

Вместе с ростом количества печатавшихся в столице книг увеличивалось и число полиграфических предприятий. В 1825 году в Петербурге насчитывалось 22 типографии, десять лет спустя — около 40. Большинство из них были казенные — принадлежали различным министерствам, департаментам, научным учреждениям и учебным заведениям. Непрестанно увеличивалось и количество частных типографий. Наиболее значительными из них были типографии И. И. Глазунова — на Большой Мещанской, Н. И. Греча — сначала на Большой Морской, затем на Исаакиевской площади, А. Плюшара (позднее вдовы А. Плюшара с сыном) — на Большой Морской, А. Ф. Смирдина — на Исаакиевской площади.

Казенные типографии выполняли главным образом официальные заказы, но не отказывались и от частных. Так, сочинения Пушкина печатались в типографиях Греча, Плюшара, Смирдина и в типографиях Департамента народного просвещения, Департамента внешней торговли, Российской академии, Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Лишь немногие типографии располагали просторными удобными помещениями, несколькими печатными станками, десятками рабочих и выпускали в год до полусотни названий общим тиражом 50–60 тысяч экземпляров. Большинство ютилось в подвалах или полуподвалах, все их оборудо-

вание состояло из одного-двух станков, а штат — из двух-трех наборщиков да надзиравшего за ними фактора. Количество изданий не превышало десятка-двух с тиражом 10–15 тысяч экземпляров.

При некоторых типографиях имелись свои граверные мастерские. Но опытных граверов не хватало, и иные клише приходилось заказывать за границей, что было сопряжено с большими затратами и даже риском. Так, осенью 1834 года погибло около ста гравированных иллюстраций к «Панораме Санкт-Петербурга» А. Башуцкого, заказанных в Лондоне, — корабль, который их вез, потерпел крушение.

Лучшие столичные типографии, благодаря искусству и старанию мастеров, выпускали немало красивых, добротных книг. Газеты сообщали об изготовленном в Петербурге скоропечатном станке. И цены на типографские работы в Петербурге были ниже, чем в какой-либо другой европейской столице. Известны случаи, когда иностранцы специально приезжали в русскую столицу, чтобы здесь напечатать свое сочинение.

Развитие издательского и книготоргового дела в столице могло быть и более успешным, если бы его не тормозила цензура, державшая издателей и книготорговцев под неусыпным надзором. Действия цензуры вызывали возмущение лучших людей России. С нею всю жизнь боролся Пушкин.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Волшебный край»

В начале XIX века в Петербурге постоянно действовали три театральные труппы: русская, французская и немецкая.

На представлениях русской труппы бывали и светское общество, и гостинодворские сидельцы, и лакеи. Французские актеры — драматические, оперные и балетные — давали спектакли только для дворянской публики, преимущественно великосветской. Немецких актеров ходили смотреть и слушать по большей части петербургские немцы — ремесленники, торговцы, аптекари, врачи, учителя, а также те из русской образованной публики, кто интересовался новинками немецкой драматургии.

Представления в столичных театрах шли круглый год. Закрывали театры только во время Великого поста либо по случаю придворного траура или очень сильных морозов.

Частных театральных трупп в Петербурге не было с екатерининских времен. И русских, и иностранных актеров нанимала Театральная дирекция, или Дирекция императорских зрелищ и музыки, как она официально именовалась.

В начале века казна расходовала на содержание петербургских театральных трупп несколько сот тысяч рублей ежегодно. И позднее эти расходы были также очень значительны. Лишь перевозка оперных и балетных артистов из их квартир в театр и обратно в специально для того пред-

назначенной «театральной» карете обходилась в 26 тысяч рублей в год. При этом бюджет русской труппы был значительно меньше, чем французской. Так, в 1809 году на русскую труппу было отпущено 54 600 рублей, а на французскую — 175 648.

«Декорации, костюмы и балет лучше всего во французском театре, — говорит автор описания Петербурга, — так как двор уделяет преимущественное внимание балету».

Еще в конце XVIII века Павел I подарил французскому театру костюмы из царского гардероба, которые, по уверению знатоков, своей роскошью далеко превосходили все то, что имели театры Парижа и Вены. Александр I отдавал предпочтение французской комической опере и водевилю. В 1812 году царю пришлось выслать из столицы французских актеров — этого требовало общественное мнение да и безопасность самих актеров. Но, как говорит в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель, петербургский высший свет и дипломатический корпус умирали от скуки без французского театра. И вскоре после окончания войны царь разрешил пригласить в столицу новую труппу из Франции.

Немецкая труппа была небольшая, в качестве статистов порой приглашали немцев-ремесленников, а в операх часто пели русские хористы, которые, не зная немецкого языка, механически заучивали слова и безбожно коверкали произношение.

С 1780-х годов самым обширным и величественным театральным зданием города был Большой (Каменный) театр — огромное здание с мощным восьмиколонным портиком.

Крыльцо Большого театра имело пандус — пологий скат к мостовой, так что экипажи могли заезжать под фронтоны — к самому подъезду. Господам достаточно было сделать всего шаг, чтобы из кареты попасть в театральный вестибюль. Таким образом, их наряды были защищены от уличной гряз-

зи и непогоды. Гардероба в театре не было — зимой в зал входили в верхней одежде или оставляли шубы лакеям, ожидавшим в сенях. Имелось несколько обширных фойе, но в антрактах публика из зала не выходила — фойе пустовали, использовали их, только когда давали в здании театра костюмированные балы.

Зрительный зал Большого театра разделялся на партер и пять ярусов лож и галерей. В партере были сидячие места (кресла) и стоячие (входные) места. Против сцены находилась обширная царская ложа, где размещались императорская фамилия, дипломаты, послы, высокопоставленные гости. Однако собственная ложа императора находилась возле сцены. К ней примыкало несколько комнат, где царь отдыхал в антрактах.

Особые предосторожности были приняты на случай пожара. Зрительный зал имел восемь выходов. В коридорах устроили железные двери, посредством которых рассчитывали преградить путь огню из одной части здания в другие. Если бы пожар начался на сцене, следовало опустить специальный железный занавес. Под крышей театра установили обширный резервуар с водой. От него шло несколько труб. Во время представления возле резервуара дежурили сторожа. Однако все это, как известно, от пожаров не спасало и Большой театр горел неоднократно.

Сцену освещало множество масляных плашек, расставленных вдоль рампы. Зрительный зал во время спектакля освещался большой люстрой. Ее зажигали на чердаке и затем через люк в потолке на тросе спускали в зал.

Сцена Большого театра была огромной — на ней одновременно могло поместиться несколько сот человек. Чрезвычайно сложными и весьма совершенными были театральные машины, игравшие важную роль в некоторых оперных и балетных представлениях. В волшебных операх — таких,

как «Русалка» или «Илья-богатырь», — с помощью машин демонстрировали полеты драконов, полеты героев на облаке, раскалывающиеся горы, внезапно низвергающиеся с гор водопады, фейерверки, молнии и т. п. «В первый раз в жизни удалось мне видеть такой диковинный богатый спектакль, — писал об опере „Князь-невидимка“ С. П. Жихарев. — ...Декорации большей частью кисти Корсини и Гонзаго. Это настоящие чародеи; машинист не отстал от них и удивляет своим искусством: то видите вы слона, который ходит по сцене, как живой, поворачивает глазами и действует хоботом; то Личарда — Воробьев, не двигаясь с места, двенадцать раз кряду превращается в разные виды; то у Цымбалды вырастает сажень в десять рука, и все это делается так быстро и натурально, что не успеешь глазом мигнуть, как превращение и совершилось».

На сцене Большого театра выступали русские и французские актеры. Они же попеременно играли и на сцене деревянного Малого театра, который находился на Невском проспекте возле Аничкова дворца. Театр был перестроенным дворцовым павильоном. По имени театрального чиновника, руководившего перестройкой, его иногда именовали театром Казасси. Здесь все выглядело куда скромнее, чем в Большом театре, но зал нравился зрителям — в нем отовсюду было хорошо видно и слышно. Посещала Малый театр в основном светская публика. Богатые люди, абонировавшие ложи, сами заботились об их убранстве — поэтому интерьер театра Казасси отличался некоторой пестротой.

Немецкая труппа до конца 1810-х годов играла в театральном зале дома Кушелева на Дворцовой площади. Театр этот именовался Немецким, или Новым. Он имел вид довольно запущенный — позолота потемнела, драпировки поистерлись, люстра горела тускло, на сцене стояли выцветшие декорации. Как сообщал в 1820 году «Новейший путеводи-

тель по Санкт-Петербургу», спектакли в Немецком театре шли всякий день, кроме вторника и пятницы, — «поелику купечествующий немец в эти дни по вечерам занимался приготовлением писем на почту». Рассказывали, что трудолюбивые немки во время представления, чтобы не терять времени даром, занимались вязанием. В самых трогательных местах прерывали работу, утирали слезы, а затем снова принимались за спицы. Фельетонист «Северной пчелы» сетовал на немецких дам за их обыкновение посещать партер (русские дамы ездили в ложи): «Соседство дамы бывает почти всегда приятно, — писал он, — но горе тому, кто сидит в ряду позади кресел, занятых дамами. Огромные шляпы, как павлиньи хвосты, закрывают от него сцену. Один мой приятель предложил брать с дам полуторную цену за вход в кресла — и дельно!»

В те годы, когда был закрыт пострадавший от пожара Большой театр, в Немецком часто играли русские актеры. В 1817 году его, вероятно, посещал Пушкин.

Русская и французская труппы постоянно выступали и на сцене придворного Эрмитажного театра. Его построил в 1783–1787 годах Джакомо Кваренги.

Сцена Эрмитажного театра не уступала по величине сценам общественных театров, а его зрительный зал, построенный в «античном» вкусе, был рассчитан на очень небольшое число зрителей, до 400 человек. Стены полукруглого зала Кваренги украсил нишами с фигурами девяти муз и Аполлона. Над нишами он поместил барельефы знаменитых в то время композиторов и драматических писателей, среди них Расина, Мольера, Вольтера, Сумарокова.

Предназначенный для увеселения двора, Эрмитажный театр иногда использовался не по назначению. Так, в феврале 1823 года Александр I повелел «театральную залу в Эрмитажном театре, да и самую сцену театра, очистить для

учения 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка и дверь, выходящую из казарм сего батальона в Эрмитажный театр, — отворить».

Великолепные домашние театры, подобные Эрмитажному, существовали и во дворцах богатых столичных вельмож.

Дворян-театралов в Петербурге было немало. Страсть к театру питали и скучающие помещики, и молодые аристократы, и гвардейские офицеры, вернувшиеся из Парижа. Но, разумеется, столичная публика состояла отнюдь не только из людей «хорошего общества». Она была весьма пестрой. «Театр, концерт, — заметил Гоголь, — вот те пункты, где сталкиваются классы петербургских обществ и имеют время вдоволь насмотреться друг на друга».

В зрительном зале социальная иерархия Петербурга видна была очень отчетливо: всякий занимал и здесь место, соответствовавшее его общественному положению. Естественным регулятором такого распределения мест служили цены на билеты. В начале 1830-х годов журналист сетовал: «Давно ли за кресла в театр платили по 2 рубля с полтиной, а за вход в партер (куда прежде хаживали офицеры гвардии и все порядочные из холостых людей) по рублю? В течение двадцати лет цена за вход в спектакли увеличилась до 5 рублей».

Впрочем, дорогие места дорожали заметнее, чем дешевые. В 1830 году вход на балкон и в галерею (или раек) Большого театра стоил от 50 копеек до 2 рублей 50 копеек. Места за креслами стоили уже по 3 рубля 50 копеек, кресла — по 5 рублей, места в ложах — от 7 до 20 рублей.

Те, кто на социальной лестнице занимали нижние места, в театре, напротив, оказывались на самой верхотуре.

Раек — это слуги, приказчики, торговцы, что победнее, — самая нетребовательная и благодарная публика.

Ложи — здесь располагаются знать и те, кто тянется к знати и возле нее вьется. В полутьме лож сверкают ордена и брильянты. «Я видела сегодня княгиню Куракину, дорогая маменька, — рассказывает попавшая в столичный театр провинциалка, — наши ложи были рядом, она меня не узнала сначала, но я ее хорошо узнала, поверите ли, она совсем не переменилась... На спектакле было довольно много народу и как нарядно, вы не поверите. Все молодые девицы едут с прическами, как на бал, и с открытой шеей, все дамы в шляпах с цветами и перьями...» Нередко ложи абонировали на весь сезон.

Партер, или кресла, — «значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъятии душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почетным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей», — иронизировал двадцатилетний Пушкин в первой своей статье «Мои замечания об русском театре».

Стоячий партер, или места за креслами, — это пристанище истинных театралов и молодых «обогаателей очаровательных актрис» — тех, кто

...вольностью дыша,
Готов хлопнуть *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

(«Евгений Онегин»)

Упоминаемая Пушкиным Федра — это, быть может, героиня балета Дидло «Тезей и Арианна», который тогда шел на петербургской сцене, Клеопатра — скорей всего, персонаж драмы А. Коцебу «Октавия», а Моина — героиня трагедии В. Озерова «Фингал».

Репертуар русского театра в онегинское время был чрезвычайно разнообразным и пестрым. От трагедий Озерова и Крюковского, от тяжеловерсно переведенных трагедий Расина и Вольтера, безбожно перекроенных трагедий Шекспира до комических опер, «волшебных» опер, интермедий, дивертисментов и «исторических драм с танцами». Оригинальные русские комедии, переложенные «на русские нравы» французские водевили, неуклюже переиначенные комедии Мольера соседствовали с драмами Лессинга, Шиллера, Коцебу. Слезливые сочинения последнего занимали в репертуаре особенно видное место. Среди самых замечательных явлений тогдашней театральной жизни следует назвать балеты Шарля Дидло. Это были не только великолепные зрелища, но и увлекательные повествования — танцовщикам порою удавалось взволновать зрителей до слез.

Русская сцена Петербурга в 1810–1830-х годах блистала многими замечательными талантами. В трагедиях и драмах «невольны дани народных слез, рукоплесканий» собирала не только Екатерина Семенова, но и Алексей Яковлев, Мария Валберхова и Яков Брянский, Александра Колосова и Василий Каратыгин. В комедиях и водевилях снискали славу Ва-

сий Рязанцев и Иван Сосницкий, Варвара Асенкова и Николай Дюр.

Руководителем русской драматической труппы на протяжении двух десятилетий был князь А. А. Шаховской. Помимо того он заведовал и репертуаром русского театра, а также был едва ли не самым плодовитым из тогдашних драматургов — он написал около ста пьес. Более всего ему удавались комедии — легковесные и болтливые, они часто бывали веселыми, острыми и живыми.

В начале 1820-х годов Шаховской создал своего рода театральную студию — «молодую труппу» — из воспитанников Театрального училища и молодых актеров. Играли они сперва в Новом, а затем в Малом театре. Для своих учеников, и в особенности учениц, Шаховской был не только наставником, но часто покровителем и внимательным другом. «Благодарю тебя, мое милое дитя, — пишет Шаховской одной из своих учениц, Любове Дюр, — за письмо твое... Я радуюсь, мой милый друг, что ты полюбила чтение, и мне очень приятно, что ты, как кажется, очень прилепилась к В. Скотту: этот шотландский скот не похож на наших скотов, которые иногда тебя занимали и мешали тебе заниматься своею головою и душою, без которых они могут обойтись, а тебе никак нельзя. Мне очень хочется, чтобы ты читала „Антиквариуса“; он тебе напомнит некоторые сцены между мною и племянником князем Иваном. Признаться, Вальтер Скотт задел немного меня в своем романе; но долг красен платежом: я сам изуродовал его в „Таинственном карле“ — так мы и квиты». (В последней фразе Шаховской намекает на свою переделку для театра одного из романов В. Скотта.)

В квартире Шаховского — в верхнем этаже дома Клеопина на Средней Подъяческой улице (эту квартиру в шутку называли чердаком) — постоянно собирались столичные театралы. Среди многочисленных гостей — актеров, писа-

телей, любителей театра — нередко появлялись молодые драматурги А. С. Грибоедов, Н. И. Хмельницкий, А. А. Жандр, П. А. Катенин.

В начале 1819 года завсегдаем «чердака» становится еще один «страстный обожатель» театра — Александр Пушкин.

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

(«Евгений Онегин»)

Театральные впечатления Пушкина отразились уже в «Руслане и Людмиле», а потом, особенно широко, в «Евгении Онегине». Позднее, набрасывая план обширного романа из петербургской жизни времен своей юности, Пушкин внес сюда и театральные эпизоды. Герой его, «чтобы заработать на жизнь, переводит водевили. Шаховской... Пельмов приобретает в глазах света репутацию шалопая. В это-то время он вступает в переписку с Наталией — он получает первое письмо, уходя от Истоминой, которую утешает по поводу женитьбы Завадовского... Его дуэль». Во времена юности Пушкина вокруг театра кипели бурные страсти — в том числе и любовные. Дуэли из-за актрис не были редкостью. В приведенных строках Пушкин упоминает нашу шумевшую

дуэль Завадовского с Шереметевым, на которой последний был убит.

Театр был источником не только ярких, но и возвышающих душу впечатлений. Он был и своего рода политическим клубом, где, собравшись открыто, на глазах у всех, «дышали вольностью» — вели смелые речи, не стесняясь бранили власти и аплодировали героям-тираноборцам.

Здесь, в партере Большого театра, юный Пушкин расхаживал с портретом Лувеля — убийцы наследника французского престола герцога Беррийского, на котором написал крупно: «Урок царям»...

После 14 декабря 1825 года столичная театральная жизнь резко изменилась. Когда для Пушкина миновали годы ссылки и поэт вновь пришел «под сень кулис» Большого театра, он увидел многих старых знакомых, но уже совсем иной стала атмосфера зрительного зала, иной дух царил на сцене.

Постепенно менялся репертуар. К середине 1830-х годов над всеми другими жанрами решительно возобладал водевиль. Из 48 новых пьес, показанных на русской сцене в 1835 году, 24 были водевили. Бездумные комические представления с куплетами и музыкой чрезвычайно нравились рядовому зрителю. Известным всему Петербургу ревностным поклонником водевилей был сам Николай I. Один особенно понравившийся царю водевиль — «Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони» — он смотрел более десяти раз. Нередко этот водевиль играли по высочайшему повелению «без афиши», то есть его назначали в самый день представления...

Наряду с водевилями шумным успехом у публики пользовались мелодрамы, почти совсем вытеснившие старые трагедии. Мелодрамы наполнены были неслыханными и невиданными происшествиями, дикими страстями, убийствами и самоубийствами. Особой популярностью пользовалась мелодрама Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

Водевиль, мелодрама, опера, балет... Обыкновенно все это можно было видеть в одном и том же театре, иногда даже в один и тот же вечер. Достаточно ясное представление о репертуаре, который предлагал в ту пору своим зрителям Большой театр, может дать характерный перечень пьес, показанных на его сцене в декабре 1835 года.

17 декабря. «15 лет разлуки», драма; «В тихом омуте черти водятся», водевиль; «Жена — делу всему вина», водевиль.

28 декабря. «Меломан», драма; «Страсть», водевиль; «Семик в Рыбацком», интермедия.

31 декабря. «Великодушный», драма; «Избавитель», драма; «Дезертир», опера.

В начале 1830-х годов в Петербурге были построены два новых театральные здания.

31 августа 1832 года на Невском проспекте, на месте прежнего Малого театра, был торжественно открыт Александринский театр. Газеты сообщали:

«Сие огромное, изящное, величественное здание построено архитектором Росси. Зала вмещает в себя пять ярусов лож, кроме бенуаров. Кресел числом 242, расположенных в девяти рядах. Позади кресел возвышаются амфитеатром, до лож первого яруса, так называемые места за креслами (числом 182), нумерованные скамьи, для зрителей и слушателей весьма удобные... Представление открылось трагедией „Пожарский“ и испанским дивертисментом, то есть разными испанскими танцами».

При строительстве Александринского театра были применены инженерные новшества: Росси решил использовать чугунные перекрытия, изготовленные на Александровском чугунолитейном заводе. Николай I, узнав об этом, велел приостановить работы. Но Росси заявил, что он ручается за прочность перекрытий и просит, чтобы его повесили на стропилах театра, если свод обрушится. На таких условиях царь разрешил завершить строительство.

В ноябре 1833 года был открыт театр на Михайловской площади, получивший название Михайловского. Архитектор А. П. Брюллов придал фасаду здания вид строгий и скромный, отказавшись от традиционного фронтона с колоннадой, статуями и прочего. Поступил он так, чтобы не нарушить задуманный К. И. Росси ансамбль площади, композиционным центром которого был парадный Михайловский дворец. Зрительный зал Брюллов сделал полукруглым, так же как в Большом и Александринском театрах. Ложи расположил в четыре яруса. Опорами для них служили тонкие чугунные колонны. Парапеты ярусов обиты были золотистым бархатом и украшены росписью. Посещала Михайловский театр главным образом светская публика, выступали здесь по преимуществу французские и итальянские актеры. Итальянскую труппу после долгого перерыва пригласили в Петербург в 1829 году.

В то время, когда Малый театр уже снесли, а Александринский и Михайловский еще не были построены, театральная дирекция приобрела деревянный Симеоновский цирк. Арену цирка превратили в партер, построили сцену, и в Симеоновском (или Новом) театре, возле Симеоновского моста через Фонтанку, стали давать спектакли. Позже здесь снова начали выступать цирковые труппы.

Весной 1827 года всего за сорок дней был построен деревянный Каменноостровский театр. Посещала его знать, жившая летом на Островах. Зрительный зал театра имел два яруса лож и галерею, а в партере — 250 кресел. Современников удивляло нововведение: «Вместо большого люстра в середине зала вделан в потолок стеклянный полушар, освещенный лампами изнутри; свет его ровный и приятный, притом он не мешает зрителям верхних ярусов, не затрудняет глаз и не угрожает партеру обломками стекол и каплями масла».

Одновременно с постройкой театра придворный садовый мастер Д. Буш перепланировал прилежащую к театру часть парка — посадил новые деревья и кусты, разбил цветники.

Спектакли в Каменноостровском театре давали только летом и так же, как в Михайловском, в основном французы и итальянцы.

В 1836 году существенно перестроили внутри Большой театр, который с этого времени становится только оперным и балетным. После перестройки Большой театр открылся в ноябре 1836 года премьерой оперы М. И. Глинки «Иван Су-санин» (называвшейся тогда по распоряжению Николая I «Жизнь за царя»). Это был важный день для русской музыкальной сцены.

Не менее значительным событием театральной и общественной жизни Петербурга стала постановка в том же 1836 году на сцене Александринского театра «Ревизора» Гоголя. П. А. Вяземский, поместивший статью о пьесе в пушкинском «Современнике», писал А. И. Тургеневу: «Прочти „Ревизора“ и заключи, сколько толков раздаются о нем. Все стараются быть более монархистами, чем царь, и все гnevаются, что позволили играть пьесу, которая, впрочем, имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения. Неимоверно, что за глупые суждения слышишь о ней, особенно в высшем ряду общества!»

«Ревизора» повторяли беспрестанно, чуть не через день. Молодежь сразу выучила пьесу почти наизусть, то и дело в разговорах слышались словечки и целые фразы из гоголевской комедии. Между тем сановные и влиятельные мужи не шутя называли автора «Ревизора» клеветником, поджигателем. От запрещения спасло пьесу лишь то, что она очень смешила самого Николая I.

Хотя мелодрама и водевиль господствовали в репертуаре 1830-х годов, именно в то время на столичных подмост-

ках впервые явились великие произведения национальной драматургии: в 1831 году сцены из «Горя от ума», в 1832 году — «Моцарт и Сальери», в 1836 году — «Ревизор», в 1838 году — «Русалка». Тогда же русская публика услышала в новых переводах, которые уже давали довольно ясное представление о подлиннике, трагедии Шекспира.

В 1830-е годы вокруг петербургского театра не кипела так общественная жизнь, как до 14 декабря 1825 года, но театр того времени благодаря Грибоедову, Пушкину, Гоголю в гораздо большей степени стал отражать русскую общественную жизнь, национальное самосознание народа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Одной любви музыка уступает»

Рисуя петербургскую белую ночь на Неве, Пушкин писал в первой главе «Евгения Онегина»:

Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удаляя...

В Петербурге пение и музыку можно было услышать повсюду. Пели на улицах, отдыхая и работая, крестьяне-строители. Гремели военные оркестры многочисленных гвардейских полков. Музыка звучала в садах и пригородных парках, доносилась из раскрытых окон барских особняков и густонаселенных «доходных домов». Музыка звучала в гостининых и людских, во дворцах и трактирах, в салонах и концертных залах.

Игра на фортепьяно была непременно элементом воспитания дворянской девушки. В стихотворном послании «К сестре», написанном в Лицее, юный Пушкин, спрашивая Ольгу о ее вечерних занятиях, предполагал и такое:

Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь Пиччини и Рамо?

Героиня «Домика в Коломне», дочь бедной вдовы Параша

Играть умела также на гитаре
И пела: *Стонет сизый голубок,*
И *Выйду* ль я, и то, что уж постаре.

Петь любили все: дочери бедных чиновников и светские барышни, знатные дамы и крепостные горничные, вельможи и лакеи, статские советники и коллежские регистраторы, офицеры и солдаты, приказчики, модистки, ремесленники. Пели романсы и народные песни под аккомпанемент гитары, фортепьяно, арфы.

Песен и романсов было множество. «Выйду ль я на реченьку», «Среди долины ровные», «Во поле березонька стояла», «По улице мостовой», «Из-под дуба, из-под вяза», «Чернобровый, черноглазый», «Лучинушка» и другие, ставшие народными песни пользовались всеобщей любовью. Широко популярны были романсы Н. А. и Н. С. Титовых, соученика Пушкина по Лицею М. Л. Яковлева, М. И. Глинки, А. Н. Верстовского, А. А. Алябьева; писались некоторые из них на слова Жуковского, Дельвига, Пушкина.

Так, в 1820 году, когда Пушкина выслали из Петербурга на юг, Дельвиг, расставшись с ним, написал стихотворение «Соловей мой, соловей». Современники считали, что под соловьем Дельвиг подразумевал своего гениального друга. Стихи были положены на музыку композитором Алябьевым. «Соловей» сразу же завоевал признание публики. Не меньшим успехом пользовался романс Верстовского на слова Пушкина «Черная шаль». Когда петербургский издатель Дальмас выпустил текст и ноты, они шли нарасхват.

Потребность в нотной литературе способствовала быстрому увеличению количества «музыкальных магазинов». В «Адресной книге на 1823 год» С. Аллера значится только четыре лавки, где продаются ноты, а десять лет спустя их

было уже вдвое больше. В 1830-х годах на Малой Морской существовал магазин И. Пеца, на Большой Миллионной — Бернара. Дела последнего шли так хорошо, что он открыл еще один магазин в доме Энгельгардта. Существовали музыкальные магазины Брифа, К. Рихтера, Брандуса и К^о — последний в доме Голландской церкви на Невском проспекте; на Невском же, у Аничкова моста, был музыкальный магазин Л. Снегирева.

В этих магазинах покупателю предлагали пьесы для фортепьяно и других инструментов, романсы, арии из опер, сборники русских песен, которые выдерживали по несколько изданий. Очень были популярны народные русские песни, собранные и обработанные композитором из крепостных Д. Н. Кашиным. «Кашин подслушивал песни у ямщиков, на большой дороге, и у русского мужика, в поле... Кто не знает голосов Кашина на слова Мерзлякова? Кто из слыхавших Сандунову не помнит ею петых песен Кашина и не любовался его „Лучинушкою“ в устах Зонтаг и Шоберлехнер?» — писал Н. А. Полевой.

В нотных магазинах продавались и всевозможные музыкальные альманахи с заманчивыми названиями: «Жасмин и Роза — подарок для туалета на 1830 год любительницам и любителям песен, или Новейшее собрание романсов и песен», «Подарок на 1832 год для милых девушек и любезных женщин» и т. п. Среди этих изданий выгодно выделялся «Лирический альбом», выпущенный в 1829 году М. И. Глинкой совместно с композитором-любителем Н. И. Павлицевым — мужем сестры Пушкина Ольги Сергеевны. Этот альбом пропагандировал русскую музыку. В него вошли песня М. Ю. Виельгорского «Ворон к ворону летит» и его романс «Черная шаль» на слова Пушкина, романсы Глинки «Память сердца» на слова К. Н. Батюшкова, «Скажи, зачем...» на слова С. Г. Голицына. В приложении даны были ноты танцев, и сре-

ди них мазурка и вальс Глинки. Танцы имелись в музыкальных магазинах в большом выборе.

Ноты стоили дорого, и предприимчивые владельцы музыкальных магазинов начали открывать нотные библиотеки. Был «Нотный кабинет» при магазине Брифа, нотная библиотека при магазинах Пеца и Рихтера. В 1836 году открылась Музыкальная библиотека Снегирева.

Но не только домашнее музицирование привлекало жителей столицы. Каждый год весной, в предпасхальный Великий пост, наступало время концертов. В это время театры закрывались, прекращались балы и маскарады. Единственным дозволенным развлечением становились концерты. «В великопостное время Петербург делается добычей артистов всех возрастов и видов, — писал фельетонист „Санкт-Петербургских ведомостей“. — Нет спасения и убежища от этого звучного нашествия. Концертные билеты сыплются как град... Если друг ваш бежит к вам с распростертыми объятиями — будьте уверены, что у злодея полон карман концертных билетов».

Выступали с концертами петербургские певцы и музыканты, много гастролеров приезжало из-за границы. Слава о щедрости русских меценатов, благожелательности русской публики прочно утвердилась в Европе. Весной, когда возобновлялось судоходство, на кораблях, идущих в Петербургский порт за сырьем и везущих иностранные товары, приплывали и гастролеры. Водный путь в столицу Российской империи считался самым коротким, дешевым и безопасным.

Устраивали гастроли по-разному. Одни гастролеры ехали на свой страх и риск. Другие заручались рекомендательными письмами от путешествующих русских. Самые знаменитые получали приглашения. Приехав, обращались к известным любителям искусства, прося покровительства, затем отправлялись в Управу благочиния за разрешением и снимали зал.

Иногда получали зал от благотворителей, как это описано в «Египетских ночах» Пушкина: «На другой день Чарский в темном и нечистом коридоре трактира отыскал 35-й номер. Он остановился у двери и постучался. Вчерашний итальянец отворил ее. — Победа! — сказал ему Чарский, — ваше дело в шляпе. Княгиня*** дает вам свою залу, вчера на рауте я успел завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявления. Ручаюсь вам если не за триумф, то по крайней мере за барыш...»

Так и делалось: печатали билеты и объявления, выпускали афиши. Эпиграфом к одной из глав «Египетских ночей» Пушкин взял текст из подобной афиши: «Цена за билет 10 рублей, начало в 7 часов».

В начале века концертные билеты стоили обычно 5 рублей ассигнациями. В 1820–1830-е годы цена колебалась от 5 до 10 рублей, что делало концерты мало кому доступными. Трудно предположить, чтобы какой-нибудь мелкий чиновник тратил значительную часть своего месячного жалованья на концертный билет. А о простом народе уж и говорить нечего. Посещать концерты могли только люди обеспеченные.

Обычный вид концертного зала описан Пушкиным в тех же «Египетских ночах»: «Зала княгини*** отдана была в распоряжение импровизатору. Подмостки были сооружены; стулья расставлены в двенадцать рядов; в назначенный день, с семи часов вечера, зала была освещена, у дверей перед столиком для продажи и приема билетов сидела старая долгоногая женщина в серой шляпе с надломленными перьями и с перстнями на всех пальцах. У подъезда стояли жандармы. Публика начала собираться... Вскоре все ряды кресел были заняты блестящими дамами; мужчины стесненной рамою стали у подмостков, вдоль стен и за последними стульями. Музыканты с своими пульпитрами занимали обе стороны подмостков. Посредине стояла на столе фарфоровая ваза.

Публика была многочисленна. Все с нетерпением ожидали начала...» Эта картина списана с натуры.

Весной 1820 года в Петербурге гастролировала знаменитая итальянская певица Анджелика Каталани. Современники считали ее гастроли самым выдающимся событием в музыкальной жизни Петербурга с начала века. Каталани дала два концерта. Ее голос и манера пения привели всех в восторг. В городе только и разговоров было, что о Каталани. Встречаясь, первым делом спрашивали друг друга: «Ты видел ее? Ты слышал ее?» В книжных лавках и музыкальных магазинах продавали портреты певицы. В ее честь слагали стихи. Журналисты сравнивали ее с легендарной райской птицей. В журнале «Сын отечества» концерт Каталани описывали так: «Хотя цена билета была 25 рублей, но уже накануне их нельзя было достать. Начало было назначено в 7 часов, но уже в 5 часов зала была почти полна. Стечение карет было столь велико, что сама Каталани, несколько опоздавшая, должна была с полчаса пробираться к зале».

Пушкину не удалось услышать Каталани. Ее концерты проходили 26 и 31 мая, а 6 мая он должен был уехать из Петербурга в Екатеринослав, но Пушкин знал все о гастролях певицы, даже подробности. Не случайно в «Египетских ночах» импровизатор-итальянец говорит Чарскому: «Как вы полагаете? Какую цену можно будет назначить за билет, чтобы публике не слишком было тяжело и чтобы я между тем не остался внакладе? Говорят, la signora Catalani брала по 25 рублей...» В 1827 году Пушкин, посылая З. А. Волконской свою поэму «Цыганы», сопроводил ее стихотворением «Среди рассеянной Москвы», где писал:

Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Пушкин знал и то, что, будучи в России, Каталани ездила слушать цыган.

Немецкая оперная певица Генриетта Зонтаг гастролировала в Петербурге осенью 1830 года. Ее пение пленило слушателей. Она была очень популярна.

Недаром в прозаическом наброске «Участь моя решена, я женюсь...» у Пушкина говорится: «Всякий предлагает мне свои услуги: кто свой дом, кто денег займы, кто знакомого бухарца с шальями. Иной беспокоится о многочисленности будущего моего семейства и предлагает мне 12 дюжин перчаток с портретом m-lle Зонтаг».

Обычно именитые гастролеры выступали в больших залах. Г. Зонтаг пела в Малом театре. Но чаще всего помещением для концертов служил зал в доме В. В. Энгельгардта, который арендовало Филармоническое общество.

Петербургское Филармоническое общество было создано в 1802 году. Основали его с благотворительной целью музыканты оркестров императорских театров. Сборы от концертов, устраиваемых обществом, предназначались для «составления капитала, из которого можно было бы производить пенсии вдовам и сиротам художников музыки».

Филармоническое общество стремилось приобщить публику к серьезной классической музыке. Оно давало регулярные концерты несколько раз в году. Только здесь можно было услышать многие монументальные сочинения для хора и оркестра, такие как оратории «Сотворение мира» и «Времена года» Гайдна, «Реквием» Моцарта, ораторию Генделя «Мессия», симфонии и увертюры Бетховена, Россини и других композиторов. Интересно отметить, что в одном из концертов Филармонического общества исполнялась оратория Теппера де Фергюссона — лицейского учителя музыки.

В начале 1820-х годов Филармоническое общество снимало зал в доме Купеческого, или Коммерческого, собрания

на Английской набережной, позже — в доме Энгельгардта на Невском проспекте.

Зал в доме Энгельгардта был одним из самых вместительных и роскошных в столице. Давний знакомый Пушкина, «расточительный богач, не пренебрегавший веселениями жизни», по словам Вяземского, свой дом на Невском проспекте у Казанского моста, полученный в приданое за женой, совершенно перестроил, сделав его центром столичных развлечений. Проект составил архитектор П. Жако, построивший затем дом Голландской церкви на Невском проспекте и дом Дворянского собрания на Михайловской площади. Перестройка дома Энгельгардта длилась около двух лет. 8 февраля 1830 года публика узнала из газет, что «храм вкуса, храм великолепия открыт...». «Северная пчела» сообщала подробности: «Теперь можем решительно сказать, что ни одна столица в мире, включая Париж и Лондон, не имеют такого великолепного публичного заведения... В доме В. В. Энгельгардта всюду паркет отличнейший, карнизы раззолоченные, потолки расписаны искуснейшими художниками, каминны мраморные и бронзовые, стены или расписаны искусно, или сделаны под мрамор. Бывшая Филармоническая зала представляет совершенство вкуса и великолепия...»

Сразу после перестройки дома Энгельгардта в его большом зале начались концерты. «В пятницу, 8 марта, г. Кюн (слепорожденный) дает концерт, в котором будут петь г-жа Гебгард и г. Този, г. Черлицкий будет играть на фортепьяно, г. Кюн на скрипке... Цена 5 рублей». «14 марта... Концерт г-жи Мелас (первой певицы), в котором будут петь лучшие арии из итальянских опер. Участвуют многие артисты. Цена за вход 10 рублей». И т. д., и т. п.

В 1830-х годах зал в доме Энгельгардта был центром музыкальной жизни города. По свидетельству приятельницы

Пушкина А. О. Смирновой-Россет, концерты здесь «давали всякую субботу... Requiem Моцарта, Creation Гайдна, симфонии Бетховена, одним словом — серьезную немецкую музыку. Пушкин всегда их посещал».

На одном из таких концертов в январе 1837 года видел поэта молодой И. С. Тургенев. «Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз, — вспоминал он, — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор, безцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечом — вообще он казался не в духе — и отошел в сторону».

Если долгое время концерты строго ограничивались весною неделями Великого поста, то постепенно сезон концертов расширился. Он захватывал и позднюю осень, и начало зимы. Но многочисленные петербургские любители музыки и этим не удовлетворялись. Они слушали хорошую музыку круглый год в частных домах. К тому же в концертах преобладала иностранная музыка и иностранные исполнители. А потребность в национальной русской музыке все возрастала. И созданию ее весьма способствовало образованное петербургское общество.

Были квартетные собрания у А. Ф. Львова. Сын директора придворной Певческой капеллы, Львов славился как замечательный скрипач. Вся его семья была очень музыкальна. 5 февраля 1928 года А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Здесь учредилась „Музыкальная академия“ преиму-

щественно стараниями господ Львовых, все семейство которых состоит из отличнейших музыкантов...» В «Музыкальной академии» Львовых участвовали талантливые любители «без разбора их положения в свете». Профессиональные артисты туда не допускались, не считая придворных певчих, которыми управлял старик Ф. П. Львов.

Регулярно в течение многих лет бывали квартетные собрания у известного скрипача Ф. Бема — «первого концертиста» императорских театров. У него брали уроки игры на скрипке А. Ф. Львов, А. Н. Верстовский, М. И. Глинка.

С 1827 по 1831 год в Петербурге на Итальянской улице жила польская пианистка М. Шимановская. В ее салоне звучала прекрасная музыка в прекрасном исполнении. Сохранилась относящаяся к осени 1828-го или началу 1829 года записка Пушкина — ответ на приглашение Шимановской: «С большой готовностью принимаю ваше очаровательное приглашение... Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном уважении. А. Пушкин».

Музыкой была пропитана вся атмосфера кружка Олениных. Хозяйка дома Е. М. Оленина была дочерью М. Ф. Полторацкого — первого директора придворной Певческой капеллы. Младшая дочь Олениных — Анна Алексеевна — сама сочиняла музыку и превосходно играла на фортепьяно. Она училась у М. И. Глинки, постоянно посещавшего их дом.

Однажды Анна Алексеевна напевала мелодию грузинской песни, услышанную от Глинки. В тот вечер у Олениных был Пушкин. При звуках грузинской мелодии ему вспомнился Кавказ, и он написал к ней слова. Так родился романс «Не пой, красавица, при мне».

Накануне одной из своих «суббот» В. А. Жуковский послал В. Ф. Одоевскому такую записку: «А Вас прошу позаботиться о наших душах и ушах в субботу, то есть что-нибудь приготовить для пенья. Да смотрите, чтобы нам заполучить

Глинку». «Я постоянно посещал вечера у В. А. Жуковского, — вспоминал Глинка. — Иногда вместо чтения пели, играли на фортепьяно».

Как мы знаем, Глинка часто посещал и дружеские собрания у Дельвига, где музыка была в большом почете.

А. Н. Оленин, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский состояли почетными членами Филармонического общества. Были почетными членами этого общества и братья Виельгорские.

В августе 1825 года П. А. Вяземский писал в Михайловское Пушкину: «Виельгорский сделал прекрасную музыку на твой „Режь меня! Жги меня!“». Речь шла о романсе на слова песни Земфиры из поэмы «Цыганы». На это Пушкин отвечал: «Радуюсь однако участи моей песни *Режь меня...* посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи это Виельгорскому...» По возвращении из ссылки Пушкин поддерживал с Виельгорским дружеские отношения, любил слушать его музыку, его рассказы о прошлом. Некоторые из них поэт записал. Виельгорский в то время положил на музыку отрывок из «Полтавы» — «Кто при звездах и при луне...». Для предполагавшейся оперы Виельгорского Пушкин написал «Песнь цыганочки» — «Колокольчики звенят».

Роскошная петербургская квартира Виельгорских на Михайловской площади в доме Л. И. Голенищева-Кутузова была «настоящим маленьким храмом изящных искусств». Здесь устраивались концерты и музыкальные вечера, выступали любители и лучшие артисты столицы, заезжие знаменитости. Здесь восхищал собравшихся своей игрой младший брат хозяина дома Матвей Юрьевич — выдающийся виолончелист. У Виельгорского постоянно бывали Жуковский, Вяземский, Одоевский, Брюллов, Глинка.

И Виельгорский, и Жуковский, и Одоевский деятельно помогали Глинке в его работе над первой национальной русской оперой. Передовой Петербург достойно оценил ее.

Аркадий Гордин, Михаил Гордин

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глиновеину стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

Этот «Канон в честь М. И. Глинки» был написан на обеде у А. В. Всеволожского, данном 13 декабря 1836 года по случаю первого представления оперы «Иван Сусанин» в петербургском Большом театре. Канон сочинили Виельгорский, Вяземский, Жуковский и Пушкин. Пушкину принадлежит последняя строфа.

Во многих пушкинских строках отзывались петербургские музыкальные впечатления поэта. Как бы подводя им итог, Пушкин вкладывает в уста одного из героев «Каменного гостя» слова:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую»

Художник — порою в небрежном и несколько причудливом костюме — был заметной фигурой в петербургской жизни. Начать с того, что большинство состоятельных людей желали иметь собственные изображения и портреты своих близких. Парадные портреты царей служили украшением казенных мест. Художники-портретисты не ощущали недостатка в заказах. Картины на стенах были непременной деталью обстановки всякого дворянского дома. Нередко стены и потолки особняков, дворцов и общественных зданий украшали росписи — тут работали художники-декораторы. Они же писали панно, украшавшие придворные праздники, и декорации для театров. Церкви, а также многие частные лица, не желавшие довольствоваться продукцией ремесленников-богомазов, пользовались услугами «образованных» живописцев. Художники, специализировавшиеся на «перспективной живописи», изображали улицы, здания и интерьеры. Художники-пейзажисты рисовали природу. Ведь в то время никто, кроме художника, не мог запечатлеть в зримом образе лицо человека или характерную городскую сценку, великое сражение или вид комнаты...

В «Адресной книге» Петербурга на 1823 год указано 53 художника — самых известных, по преимуществу академиков. Но, конечно, в действительности художников было куда больше.

В начале XIX века единственным учебным заведением в России, готовившим художников-профессионалов, была Академия художеств. Основанная в 1757 году, академия занимала специально для нее построенное великолепное здание на набережной Васильевского острова. Строителям академии, архитекторам Ж.-Б. Деламоту и А. Ф. Кокоринову удалось воздвигнуть здание, сама архитектура которого внушала высокое понятие об искусстве. В облике академии они достигли торжественности и в то же время спокойной простоты, приличествующих «храму искусств».

Что касается внутренней планировки здания, то среди сотен комнат были большие залы для торжественных собраний и выставок, учебные классы, дортуары воспитанников, квартиры профессоров, хозяйственные помещения.

Вместе с тем все здание академии превратилось в огромный художественный музей. В ее вестибюлях, залах, классах, кабинетах было развешано и расставлено множество произведений искусства. К 1830-м годам собрание картин академии насчитывало почти тысячу холстов, среди них — произведения Рембрандта, Рубенса, Рафаэля, Тинторетто и многих других знаменитых западных и русских мастеров. В коллекции академии было около тысячи оригинальных скульптур из мрамора и бронзы. Академия располагала обширной библиотекой, а также кабинетами эстампов, медалей и оружия.

В академии преподавали известные русские художники — В. К. Шебуев, А. Е. Егоров, А. И. Иванов, И. П. Мартос. В 1817 году президентом академии был назначен А. Н. Оленин. Его обширные познания в истории и теории искусства, его искреннее желание помогать художникам, его деятельный характер — все это принесло академии немало пользы. Вместе с тем Оленин никогда не делал того, что могло бы не понравиться властям. Добиваясь «высочайшего бла-

говоления», он порой действовал и во вред русскому искусству. Так, он перестал принимать в академию воспитанников из крепостных и настоял на том, чтобы все крепостные (а их в академии обучалось немало) были исключены.

Согласно уставу, принятому в 1802 году, в академии обучалось до трехсот мальчиков «из среды всех свободных состояний». Они поступали сюда в возрасте девяти-десяти лет, а покидали академию вполне взрослыми юношами. Кроме того, были и «пансионеры», которые платили за обучение и жили вне стен академии.

С 1830 года в академию стали принимать подростков не моложе четырнадцати лет. Число «штатных академистов» сократили до шестидесяти, а «пансионеров» предписано было принимать не более ста. Воспитанники академии должны были носить мундир — синий фрак со стоячим воротником и медными пуговицами с изображением лиры, а на голове — фуражку. Кроме воспитанников и пансионеров, имелось много посторонних вольноприходящих учеников. В залах академии можно было увидеть и простого мещанина в сибирке, обстриженного в кружок, и даму в щегольском наряде, и гвардейского офицера, и бедно одетую девушку, и светского юношу. Вольноприходящие ученики могли по нескольку часов в день рисовать с гипсовых скульптур или с натуры, а иногда пользоваться советами профессоров. Вольноприходящих учеников в академии было до двухсот. Летом 1830 года в толпе их часто видели молодого чиновника Департамента уделов Николая Гоголя.

Рисование преподавали во многих учебных заведениях столицы — и в Институте горных инженеров, и в кадетских корпусах, и в Инженерном училище, и в Царскосельском лицее. Умение рисовать считалось обязательным для светского молодого человека. Состоятельные люди нередко приглашали «рисовального учителя» на дом.

По уставу 1830 года обучение в академии продолжалось шесть лет. Те, кто успешно оканчивал курс, получали звание «классного художника», которое в гражданской службе приравнялось к самому низшему чину четырнадцатого класса. Шестерых наиболее отличившихся воспитанников отправляли за границу для усовершенствования в искусстве.

Раз в три года академия устраивала выставки работ своих выпускников, профессоров, а также художников, представлявших свои произведения на суд академического совета. Выставка открывалась обычно в конце сентября и продолжалась две недели. В течение первой недели впускали только «чистую» публику — по билетам. Тут обычно академию посещал и сам царь с семейством. Во вторую неделю двери академии открыты были для всех желающих. Газетное объявление о выставке предупреждало только, что не будет дозволен вход в академию с палками, тростями и зонтиками и что нижние чины могут появляться на выставке не иначе как в полной форме.

«Это для жителей столицы другое гуляние, — сообщал Гоголь свои впечатления от академической выставки в письме к матери осенью 1830 года, — около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, здесь встречались такие, которые года по два не видались между собою. С 27 числа академия открыта и для простого народа».

Каждая очередная академическая выставка на долгое время становилась предметом толков всего образованного Петербурга.

На выставке 1827 года О. А. Кипренский показывал «портрет первого современного поэта русского Александра Сергеевича Пушкина». Автор газетной заметки писал: «Благодарим художника от имени всех ценителей дарования Пушкина, т. е. от имени всей образованной публики за то, что

он сохранил драгоценные для потомства черты любимца муз. Не распространяясь в исчислении красот сего произведения г. Кипренского, мы скажем только, что это живой Пушкин».

Осенью 1827 года Пушкин уехал в Михайловское. Осенью 1830 и 1833 года жил в Болдине. На академической выставке он побывал только в 1836 году. Здесь поэт обратил внимание на работы молодых скульпторов Н. С. Пименова и А. В. Логановского на сюжеты «из коренных русских обычаев». Посмотрев «Юношу, играющего в бабки» Пименова, Пушкин воскликнул: «Слава богу! наконец и скульптура в России явилась народная». А. Н. Оленин представил Пушкину автора статуи.

«Пушкин пожал руку Пименова, назвав его *собратом*. Долго всматриваясь и отходя на разные расстояния, поэт в заключение вынул записную книжку и тут же написал экспромт:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Написанный листок был вручен самим поэтом художнику, с новым пожатием и приглашением к себе». Так много лет спустя рассказывал сам Пименов, сохранивший память о встрече с поэтом как об одном из самых важных событий своей жизни.

Уже к концу 1810-х годов стало ясно, что казенная академия не поспевает за быстро развивающейся художественной жизнью столицы. Художники далеко не всегда получали от академии необходимую им помощь и, кроме того, стремились к большей самостоятельности в выборе тем, художественных задач и приемов, чем то допускал акаде-

мический совет. И конечно, художники желали выставлять свои произведения не только раз в три года.

Осенью 1821 года в Петербурге с разрешения властей учреждено было Общество поощрения художников, организаторами которого стали известные «любители искусств» — статс-секретарь П. А. Кикин, князь И. А. Гагарин и граф А. И. Дмитриев-Мамонов (последние двое были видными масонами и в данном случае следовали масонской традиции помогать неимущим художникам). Прошло несколько лет, и деятельность «поощрителей» развернулась весьма широко. В 1824 году общество с согласия академического совета учредило три медали для награждения художников, не принадлежащих к Академии художеств, «за отличнейшие из числа произведений, кои представят они на суд ее». Золотая медаль Общества поощрения так же, как и медаль академическая, давала право на заграничную поездку: художник в этом случае получал пенсию. Пенсионерами общества в первые же годы его существования стали братья Карл и Александр Брюлловы, затем Александр Иванов, Петр Клодт и многие другие знаменитые впоследствии мастера.

2 февраля 1826 года Общество поощрения художников открыло первую Постоянную выставку произведений русских художников. Выставка помещалась на Невском проспекте в доме Голландской церкви — в магазине художественных произведений А. Прево. «Произведения известных художников наших украшают выставку. Многие были проданы. Лучшие работы, доселе представленные на выставку, были гг. Прокофьева, Кипренского, Воробьева, Венецианова, графа Толстого, Сазонова, Басина, Щедрина, Брюлловых Федора и Александра, Мейера, Габерцеттеля, Крылова, Тыранова, Мохначева; любитель художник Зеленцов и другие также выставили весьма хорошие вещи», — говорилось в отчете Общества поощрения.

Выставку в доме Голландской церкви посещал и Пушкин.

Быть может, самым замечательным в деятельности Общества поощрения была его постоянная забота об освобождении крепостных художников. Порой общество собирало немалые суммы денег, выкупая художников из неволи.

В середине 1830-х годов общество начало устраивать беспроигрышные художественные лотереи. За 5 рублей каждый мог рассчитывать выиграть нечто ценное. В первой лотерее на тысячу билетов приходилась тысяча выигрышей. Разыгрывали несколько картин, оригинальные рисунки и копии, литографии, эстампы. Помимо того, общество устраивало конкурсы среди художников, покупало у них картины, а также издавало книги для художников и любителей искусства. Например, в 1827 году была выпущена книга Милицци «Искусство смотреть на художество», в 1828 году — «Анатомия для живописцев и скульпторов».

Вообще, художественных изданий в Петербурге в это время выходило довольно много.

Сравнительно широко распространялись гравированные листы, как черно-белые, так и раскрашенные, и лубочные картинки, которые печатали с деревянных досок. Часто гравюры воспроизводили известные произведения живописи. Порой они предназначались для иллюстрирования книг. С гравированными картинками художников И. А. Иванова и С. Ф. Галактионова вышли поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан», И. А. Иванов и А. П. Сапожников иллюстрировали басни Крылова, Ф. П. Толстой — поэму Богдановича «Душенька». В «Невском альманахе», «Полярной звезде», «Новоселье» были напечатаны гравированные иллюстрации С. Ф. Галактионова, И. В. Ческого, Е. Гейтмана и других художников к «Кавказскому пленнику», «Братьям-разбойникам», «Евгению Онегину», «Домику в Коломне» Пушкина и сочинениям других авторов.

Петербургские художники исполнили немало гравированных видов города. Высокими художественными достоинствами отличались раскрашенные («иллюминированные») листы И. А. Иванова, Б. Патерсена, С. Ф. Галактионова.

Гравюры С. Ф. Галактионова сопровождали описание достопримечательностей Петербурга, изданное в 1816–1826 годах П. П. Свиным.

Одним из самых интересных изданий, посвященных Петербургу, была книга «Волшебный фонарь, или Зрелище петербургских расхожих продавцов, мастеров и других просто-народных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию». Автором и текста, и картинок был художник А. Г. Венецианов, награвировавший около ста листов с изображениями петербургских жителей различных сословий и профессий. Книга вышла в 1817 году.

С начала 1820-х годов, с появлением литографского способа печати, более легкого и дешевого, нежели гравировальный, художественных изданий стало выходить значительно больше. В столице почти одновременно возникают несколько литографических мастерских. Помимо прочего они печатают и виды Петербурга. Издатель А. Плюшар начинает систематически выпускать литографированные виды столицы, выполненные художниками К. И. Кольманом, П. А. Александровым, О. Германом и другими. После его смерти это дело продолжили его вдова и сын. В 1823–1827 годах, кроме отдельных листов, ими было издано пять больших альбомов. В то же время несколько серий превосходных литографированных видов Петербурга и окрестностей, как альбомами, так и отдельными листами, выпустило только что созданное Общество поощрения художников. В издании принимали участие такие известные мастера, как М. Н. Воробь-

ев, А. П. Брюллов, С. Ф. Галактионов, К. П. Беггров. Последний — автор большей части выпущенных листов — был владельцем литографической мастерской и магазина эстампов, расположенных на Невском проспекте. За свои труды Беггров получил звание академика.

Весьма примечательным изданием была и «Панорама Невского проспекта», выпущенная в 1830–1835 годах смотрителем Постоянной выставки произведений русских художников А. Прево. «Каждая сторона проспекта, — рассказывала „Северная пчела“ в номере от 4 марта 1830 года, — вылитографирована на особом листе бумаги, который свертывается на валик. Длина 20 аршин. Ширина 6 вершков. Отпечатанные листы можно видеть на Выставке произведений русских художников на Невском проспекте, № 65. Исполнение сего предприятия поручено русским художникам гг. Садовникову и Иванову. Известные своими дарованиями архитекторы гг. Росси и Монферран с похвалою отзываются о сем рисунке». Мастерски литографированная по рисункам с натуры В. П. Садовникова «Панорама Невского проспекта» поражала современников как точностью передачи архитектурных особенностей главной улицы столицы, так и удивительной живостью, жизненной достоверностью всего изображения в целом.

Увлечение художников красотами Северной столицы было связано с широким интересом публики к достопримечательностям Петербурга. Появились даже профессиональные гиды, показывавшие приезжим город. «Господин Эттер, живущий у Синего моста в Гонурополовом доме, — извещал путеводитель Шредера, — предлагает услуги свои путешествующим, желающим осмотреть достопримечательности города».

Незаурядными в художественном отношении были и серия видов Петербурга — более ста листов, — исполненная

А. Е. Мартыновым, литографии А. О. Орловского, посвященные главным образом быту столичного простолюдинья, сатирическая панорама Екатерингофского гулянья художника К. К. Гампельна.

Примечательным явлением в истории распространения художественной печати в Петербурге была деятельность братьев Ивана и Николая Вдовичевых. Два молодых оброчных крестьянина в конце 1820-х годов приехали из Ярославской губернии в столицу, сняли скромное помещение в окраинной Московской части, на углу Разъезжей и Ямской улиц, и открыли мастерскую игрушек. Так как для детского лото и кубиков им понадобились в большом количестве картинки, они завели собственную хромолитографию и печатали небольшого формата листы по собственным рисункам. Сюжеты брали главным образом из знакомой им сельской жизни, но порой рисовали и городские сценки. Они создали немало выразительных графических листов. Благодаря незаурядному таланту и природной сметливости молодым крестьянам удалось выбиться из нужды.

В художественной жизни Петербурга 1820–1830-х годов все большую роль начинают играть частные собрания произведений искусства, открытые для публики.

С 1819 по 1834 год в столице существовал «Русский музей», созданный Павлом Петровичем Свиньным, издателем журнала «Отечественные записки». Свиньин едва ли не главным делом своей жизни полагал отыскивание и популяризацию русских талантов. Много сил и средств тратил он, помогая людям «простого звания», отличившимся в каком-нибудь искусстве или ремесле. Среди его подопечных можно назвать, например, художников Григория и Никанора Чернецовых. Музей Свиньина помещался в трех обширных комнатах его квартиры на Михайловской площади. Здесь были собраны рукописи Ломоносова и резная

оправа для навигационных приборов, выточенная из дерева Петром I, старинные монеты, изделия русских мастеров из серебра, яшмы, малахита, фарфора. Свинын хранил произведения замечательных скульпторов Ф. И. Шубина, М. И. Козловского, С. С. Прокофьева. Едва ли не первым он стал собирать систематическую коллекцию русской живописи — от А. П. Лосенко до О. А. Кипренского и В. А. Тропинина. Свинын приобретал и картины провинциальных художников. В то время собрание Свинына было единственным в столице музеем русской истории и русского искусства и пользовалось заслуженной известностью.

Историко-художественный музей другого рода создал фельдмаршал князь Н. И. Салтыков. Он собирал средневековые доспехи, оружие, монеты. Особой достопримечательностью музея были доспехи рыцарей ордена тамплиеров. Во дворце князя на Дворцовой набережной посетителей встречал смотритель, дававший объяснения.

Обширное собрание редкостей принадлежало Д. Л. Нарышкину — картины, статуи, этруссские вазы, фарфор, камеи, драгоценные табакерки. Для этого собрания Нарышкин пристроил к своему дворцу на набережной Фонтанки, близ Аничкова моста, специальный зал.

Предприимчивые торговцы картинами открывали в Петербурге платные картинные галереи. Таков был «кабинет» некоего Палацци, который показывал посетителям произведения Андреа Мантеньи, Гвидо Рени, а также многих второстепенных и третьестепенных — по преимуществу итальянских — художников. Галерея Палацци находилась в Офицерской улице и открыта была ежедневно с двенадцати до четырех часов. Позднее она переехала в более фешенебельную часть города. Палацци занял дом на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, возле Невского проспекта. В окнах были выставлены картины и статуи. В большом за-

ле дома Палацци бывали аукционы, где продавали с молотка произведения искусства. В 1834 году здесь распродал свой «Русский музей» Свиньин. «Северная пчела» по этому поводу обращалась к своим читателям: «Ради бога, покупайте, а то г-н Палацци все купит. Без шуток, он все купит: к тому идет дело. Каждый раз он стоит за аукционистом и прехладнокровно набавляет цены... Берегитесь, гг. любители; после вы будете покупать у г-на Палацци вещи из Музеума впятеро дороже!»

Самым значительным частным художественным собранием в Петербурге бесспорно была картинная галерея бывшего президента Академии художеств графа А. С. Строганова, которая помещалась в его дворце на углу Невского проспекта и набережной Мойки. В пушкинское время галереей владели наследники графа. Строганов стал собирать картины, путешествуя по Европе в 70-х годах XVIII века. Затем в течение почти сорока лет пополнял свое собрание. Среди наиболее замечательных картин его коллекции современники называли полотна Андеро дель Сарто, Рафаэля, Корреджо, Пуссена, Клода Лоррена, Бронзино, а также «живопись, написанную русским художником Андреем Матвеевым в 1723 году». Галерея Строганова была открыта для посетителей ежедневно с одиннадцати часов утра, однако, чтобы попасть в нее, требовалось разрешение хозяев.

Разумеется, ни в один частный музей нельзя было прийти просто с улицы. Посетителями были, как правило, либо люди, лично известные хозяевам, либо имевшие к ним рекомендательное письмо.

По специальным билетам, которые выдавала Придворная контора, допускались посетители в картинную галерею императорского Эрмитажа. Не только для простого народа, но даже и для большинства из тех, кого именовали господами, двери музея были закрыты. В Эрмитаж предписано

было пускать лишь «людей достойных и известных», имевших «засвидетельствования об их достоинстве и качествах», то есть людей, занимавших определенное общественное положение. Являться в музей штатские обязаны были во фраках, а военные — в мундирах. Посетители в сюртуках не допускались.

Чтобы получить постоянный билет в Эрмитаж, следовало обратиться с ходатайством на имя самого императора. Таковую милость весной 1832 года Жуковский испросил для Пушкина. «Посылаю тебе билет эрмитажный, он на всю вечность. Его при входе отдавать не должно» — так говорилось в записке, приложенной к билету.

Картинная галерея Эрмитажа помещалась в средних этажах двух зданий, примыкающих к Зимнему дворцу, и занимала около сорока залов. Уже в конце XVIII века Эрмитаж располагал одной из самых больших европейских коллекций живописи. В первые десятилетия XIX века собрание значительно пополнилось. Была приобретена в Амстердаме коллекция испанской живописи за 200 тысяч рублей, а затем собрание картин первой жены Наполеона — Жозефины Богарне, за которое уплатили около миллиона франков. Но только в 1830-х годах в Эрмитажной галерее появилась русская живопись. В это время здесь находилось полотен французских художников — 222, фламандских — 302, итальянских — 472, голландских — 482, русских — 23.

Событием, ускорившим всеобщее признание русской живописи, было появление в 1834 году в Петербурге картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Она была выставлена для всеобщего обозрения в Академии художеств. До этого картина имела большой успех на выставках в Милане и Париже. В Петербурге, куда «Последний день Помпеи» привезли в июле 1834 года, возможности увидеть картину, по уверению газет, заранее ожидали «во всех состояниях

и классах, в палатах Английской набережной, в мастерских и магазинах Невского проспекта, в лавках Гостиного и Апраксина двора, в бедных жилищах чиновников на Песках и в конторах на Васильевском острове».

Работы Брюллова обратили общее внимание на русскую живопись, а сам он в середине 1830-х годов становится в центре петербургской художественной жизни.

Пушкин впервые познакомился с живописью Брюллова в мае 1827 года, когда на выставке Общества поощрения художников появилась картина «Итальянское утро». На «Последний день Помпеи» поэт отозвался стихами:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Весной 1836 года в Москве Пушкин встретился с Брюловым, только что вернувшимся из-за границы. Поэт писал жене: «Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего... Мне очень хочется привезти Брюллова в Петербург. А он настоящий художник...» Известен рассказ живописца А. Н. Мокрицкого о посещении Пушкиным мастерской Брюллова в Академии художеств. «Сегодня в нашей мастерской было много посетителей — это у нас не редкость, но между прочим были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович угощал их своей портфелью и альбомами. Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда он показал им недавно оконченный рисунок „Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне“, то восторг их выразился криком и смехом... Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюлло-

ва подарить ему это сокровище, но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой...»

Брюллов хотел написать портрет Пушкина, но не успел. Поэта не стало.

Надо сказать, что личность Пушкина весьма занимала его современников. И художники того времени запечатлели поэта не однажды. Только за первые несколько лет после возвращения Пушкина из ссылки его портреты писали и рисовали О. А. Кипренский, В. А. Тропинин, Ж. Вивьен, П. Ф. Соколов, Г. Ф. Гиппиус, Г. Г. Чернецов, А. П. Брюллов. Из них только Тропинин — москвич, все остальные — петербуржцы.

Есть сведения, что Кипренскому Пушкин позировал в доме графа Шереметева на Фонтанке, где жил художник и находилась его мастерская.

Пушкин бывал в мастерских многих столичных художников. В марте 1836 года скульптор Б. И. Орловский в своей мастерской в Академии художеств показывал поэту модели статуй М. И. Кутузова и М. Б. Барклая-де-Толли, выполненные им для памятников, которые позже были установлены на Невском проспекте возле Казанского собора. Это посещение мастерской скульптора стало темой стихотворения «Художнику»:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс громовержец,
Вот исподлбья глядит, дуя в цевницу, сатир.
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.
Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль...
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

А. А. Дельвиг был знатоком искусства и в издававшейся им при участии Пушкина «Литературной газете» уделял внимание и художественной критике.

Размышления Пушкина о русском искусстве, то новое понятие о соотношении искусства и реальности, что внесла в русскую жизнь его поэзия, общение Пушкина с художниками — все это хотя и не прямо, но вполне определенно влияло на работу петербургских живописцев и скульпторов и в известной степени на вкусы столичной публики 1830-х годов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

«Все шлют Онегина к врачам»

Вспоминая о том, как он болел в 1819 году, Пушкин писал: «Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье: но через шесть недель я выздоровел». Я. И. Лейтон был лейб-медиком Александра I. Пушкин болел тяжело, но молодой крепкий организм вынес все — и горячку, и лечение Лейтона, который сажал больного в ванну со льдом. Пушкин выздоровел, отделившись лишь временной потерей кудрей — во время болезни его обрили наголо.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.

(«N N. (В. В. Энгельгардту)»)

Горячкой по тогдашней диагностике именовали всевозможные болезни с высокой температурой. Различали горячку нервную, желчную, гнилую, кишечную, «с пятнышками» (сыпной тиф).

В своем «Описании Санкт-Петербурга», характеризуя столицу «в медицинском отношении», И. Пушкирев сообщал, что преобладающие здесь болезни: в детском возрасте — корь, скарлатина, краснуха, коклюш, круп, изредка оспа;

в зрелом возрасте — геморрой, ревматизм, инфлуэнца (грипп), тифус, или нервная горячка, перемежающаяся лихорадка (малярия), цинга, зубная боль, плоские глисты, воспаление глаз, апоплексия, сифилис.

Детская смертность в России была очень велика. У Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных умерло в раннем возрасте четверо детей. По свидетельству того же Пушкирева, из 100 петербургских детей в возрасте до пяти лет умирало 74.

Среди взрослого населения особенно велика была смертность простого народа. В 1812–1813 годах эпидемия «тифуса» (это могла быть не только «нервная горячка», но и «кишечная» или «с пятнышками») унесла тысячи жизней. «Сырость и теснота помещений и недостаток питательной здоровой пищи в простом классе народа зарождает тифус», — писал Пушкирев. Отсутствие канализации, засорение рек и каналов, куда спускали все городские нечистоты, порождало частые эпидемии желудочных заболеваний. Особенно засорялись Мойка, Екатерининский канал и другие реки и каналы со слабым течением. Власти запрещали брать из них воду, но это не помогало. Способствовала эпидемиям и ужасающая грязь в мелочных лавках и на рынках, где большинство населения покупало провизию.

И если геморрой и апоплексия были привилегией «хорошего общества», то простой народ, кроме ревматизма, «тифуса», перемежающейся лихорадки, всякого рода «горячек», донимала еще и цинга. Объясняли это тем, что «жители низших сословий... довольствуются скудною пищею из припасов не довольно свежих и лишены возможности пользоваться чистым воздухом или прогулкою за городом».

Петербургский простой народ обычно болел, выздоравливал или умирал без врачебной помощи. Те же, кто имел средства, обращались к услугам медиков.

Для занятия медицинской практикой требовалось разрешение Петербургской врачебной управы — Физиката.

В обязанности Физиката входило также наблюдение за чистотой в городе, за свежестью съестных припасов, назначение полицейских врачей. Одной из обязанностей последних был надзор за выполнением правил для ограждения населения, и особенно «высочайших особ», от «прилипчивых» болезней. По этим правилам каждый домохозяин обязан был сообщить в полицию о случаях заболевания его жильцов «горячкою с пятнышками» или другими тяжкими и «прилипчивыми» болезнями. Несоблюдение правил каралось большим штрафом.

Желающие получить разрешение на медицинскую практику должны были представить в Физикат свидетельство об утверждении их в звании от Петербургской медико-хирургической академии или от одного из российских университетов. Врачебных званий существовало два. Первое, младшее, — лекарь, второе, старшее, — доктор медицины.

Российские подданные, незаконно практикующие, подвергались штрафу. Иностранцев, безосновательно выдававших себя за врачей, высылали за границу. При этом уведомляли правительства их стран.

Физикат устанавливал и размер врачебного вознаграждения, взимаемого с малоимущих. В 1830-е годы оно было следующим. За посещение в городе с прописанием рецепта доктор получал 1 рубль, лекарь — 50 копеек. За посещение за городом: доктор — 2 рубля, лекарь — 1 рубль. За кровопускание полагалась плата 25 копеек, за «выдернутие испорченного зуба» — 50 копеек, за «припущение пьявиц» — по 20 копеек за каждую, за приложение пластыря или шпанских мух — 25 копеек, за промывательное — 25 копеек.

Из этого следует, что лечение у врачей было делом весьма накладным и мало кому доступным.

Гонорары, получаемые врачами от достаточных людей, Физикатом не ограничивались.

В «Адресной книге на 1823 год» С. Аллера указаны адреса 261 петербургского врача. Из них шесть были акушерами, четыре — хирургами-операторами, три — глазными врачами. Кроме того, в это время в Петербурге имелось 10 зубных врачей и 87 повивальных бабок.

Люди со средствами обычно пользовались услугами постоянного домашнего врача.

С начала 1830-х годов, со времени женитьбы Пушкина и первых лет его семейной жизни в Петербурге, домашним врачом семьи был И. Т. Спасский. Профессор Медико-хирургической академии Спасский одновременно состоял младшим акушером Выборгской части города. По отзывам современников, он пользовался хорошей репутацией и среди пациентов, и среди врачей. Пушкин постоянно обращался к нему за советами в отношении жены и детей. 22 сентября 1832 года поэт писал из Москвы жене, спрашивая о маленькой дочери: «А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский?» Летом 1834 года, когда Наталья Николаевна с двумя детьми уехала на лето из Петербурга в имение своих родных Полотняный Завод, Пушкин наказывал ей в письме: «Не смей купаться — с ума сошла, что ли. После завтра обедаю у Спасского — и буду на тебя жаловаться».

Спасский был свидетелем последних двух дней жизни Пушкина.

Во время дуэли Пушкина на месте поединка врача не было. И, привезя тяжело раненного поэта в его квартиру на Мойке, секундانت его Данзас бросился на поиски врача. Сперва поехал к Арендту, потом к Соломону. Не найдя их дома, оставил записки и отправился к доктору Персону. Но и его не застал. Тогда, по совету жены Персона, поехал в Воспитательный дом и возле него встретил одного из тамош-

них врачей — В. Б. Шольца. Шольц был акушером, но он пообещал незамедлительно найти и привезти хирурга. Когда Шольц с доктором Н. К. Задлером приехали к Пушкину и осмотрели его, Пушкин спросил:

— Что вы думаете о моей ране?

— Не могу скрывать, что рана опасная, — ответил Шольц.

— Скажите мне — смертельная?

— Считаю своим долгом не скрывать и этого, но послушаем мнение Арендта и Соломона.

Лейб-медик Николая I Н. Ф. Арендт был прекрасным хирургом, но и он ничем не помог Пушкину. По состоянию тогдашней медицины врачи были бессильны спасти поэта. Операций брюшной полости еще не делали. Первый эфирный наркоз появился через десять лет после смерти Пушкина, необходимая асептика — через полвека...

Вольнопрактикующих, то есть не служащих, врачей в Петербурге было немного. Почти все врачи служили и наряду с этим занимались частной практикой. Большинство состояло на службе в военных госпиталях. Остальные — в закрытых учебных заведениях и больницах.

В «Адресной книге» С. Аллера, кроме военных госпиталей (Военно-сухопутного, Военно-морского и при отдельных частях), указаны следующие столичные больницы: Придворная больница у Полицейского моста на Мойке близ Невского проспекта, Повивальный институт на набережной Фонтанки у Калинкина моста, Градская больница на Фонтанке у Обуховского моста, там же Дом умалишенных, Калинкинская больница на Фонтанке близ Калинкина моста, Глазная лечебница на Фонтанке, лечебница для бедных в Рождественской части города.

Придворная больница обслуживала дворцовых служителей, многочисленную царскую челядь и дворцовых грендеров.

В середине XVIII века в Петербурге и Москве были созданы первые в России школы «бабичева дела», то есть школы акушеров. В конце XVIII века на набережной Фонтанки близ Калинкина моста в бывшем доме графа Зубова был открыт Повивальный институт и при нем родильный госпиталь. Институт готовил дипломированных повивальных бабок.

Старейшая петербургская Градская больница у Обуховского моста (отсюда ее название Обуховская) была открыта в 1784 году Приказом общественного призрения — ведомством, управлявшим больницами и приютами. Сперва по проекту архитектора Кваренги построили на Фонтанке здание мужской Обуховской больницы, а затем во второй половине 1830-х годов по проекту архитектора П. С. Плавова на Загородном проспекте здание женской Обуховской больницы.

В Обуховской больнице, по словам очевидца, «помещалось множество страждущих разными недугами людей бедного состояния». Н. С. Лесков в «Левше» охарактеризовал эту больницу как «простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого состояния людей всех умирать принимают». Действительно, многие поступали сюда умирать. На несколько сот больных в 1820 году приходилось всего 8 врачей и 6 подлекарей — помощников врача. Смертность достигала 20 процентов. Больница эта, с окнами, до половины покрашенными зеленой краской, была известна в Петербурге как «обитель скорби».

Хотя Обуховская больница предназначалась для бедных, бесплатно сюда принимали далеко не всех. С ремесленников, а также крепостных крестьян требовали плату. Предполагалось, что за крепостных будут платить их господа. При открытии больницы плата за лечение была назначе-

на 4 рубля в месяц, но к 1830-м годам она повысилась до 18 рублей.

В небольшой Калининской больнице лечили венерические болезни. Больные могли пребывать здесь инкогнито — не называя своего имени и звания и даже в масках.

Глазная лечебница, находившаяся сперва на Фонтанке, в 1839 году была переведена на Моховую улицу.

В 1803–1805 годах на огромной территории так называемого Итальянского сада, простиравшегося от Литейной до Шестилавочной улицы, была построена больница для бедных. Она получила название Мариинской — по имени императрицы Марии Федоровны. Императрица занималась благотворительностью и желала, чтобы все об этом знали. Мариинская больница для бедных строилась также по проекту Кваренги. Монументальный корпус с восьмиколонным портиком и двумя флигелями возведен был в глубине парадного двора, отделенного от Литейной улицы высокой чугунной оградой с двумя воротами. В главном корпусе помещалась сама больница: в правой стороне здания — мужское отделение, в левой — женское. Во флигелях, обращенных к улице, жили врачи и чиновники.

В двух этажах больницы в 26 палатах стояли сначала 242 кровати, а позднее 400. В Мариинскую больницу для бедных крепостных не принимали. Поступившие сюда, сдав свою одежду, получали взамен серые халаты и головные уборы: мужчины — колпаки, женщины — платки или чепцы.

Ухаживали за больными служительницы под надзором «вдов милосердия». «Вдовы милосердия», или «сердобольные вдовы», — первые в России медицинские сестры — вербовались из обитательниц Вдовьего дома в Смольном монастыре. В этом доме жили около ста бедных «вдовиц благородного звания». Из них и составилось «особое сосло-

вие», посвятившее себя уходу за больными в больницах и частных домах. Обитательниц Вдовьего дома, желающих стать «вдовами милосердия», направляли на годичное испытание в Мариинскую больницу. Выдержавшие испытания приводились к особой присяге, получали знак отличия и форму. Знаком отличия был на зеленой ленте золотой крест с надписями: «всех скорбящих радость» и «сердоболие». Форма — платье кофейного цвета и белый чепец. В больницах этим вдовам выдавали жалованье, в частных домах — вознаграждение. Всего в Мариинской больнице в конце 1820-х годов было 10 «вдов милосердия», главный доктор, 3 доктора и 8 подлекарей.

Смертность здесь составляла более 15 процентов. Умерших переносили в особое здание. Тем, кто при жизни был подвержен обморокам, полагалось привязывать к рукам и ногам шнурки с колокольчиками, проведенные в комнату смотрителя. Если больной не умер, а только в глубоком обмороке, очнувшись, он пошевелится, колокольчики зазвенят, и смотритель подаст ему помощь. В этом же здании находилось и все нужное для приведения в чувство утопающих. Жители Петербурга нередко тонули.

В конце 1820-х и начале 1830-х годов были открыты: на 1-й линии Васильевского острова больница Марии Магдалины, на Петербургской стороне — Петропавловская больница, на Екатерининском канале у Аларчина моста — Детская больница.

Больница у Аларчина моста была первой в России и третьей в мире больницей для детей. Рассказывая о ней, В. Бурьянов писал: «Есть здесь в городе сотни, тысячи таких младенцев, которые, сделавшись больны, не имеют никого, кто бы за ними присмотрел, потому что их отец бедный чиновник или ремесленник, который, чтобы доставить кусок

хлеба другим своим детям, должен целый день в поте лица своего работать, а их мать должна сама сходить на рынок, сама убрать горницу, сама стряпать в кухне. Из кухни идет чад; больное дитя, беспокоимое мухами, плачет, вертится, стонет; бедная мать готова уже затушить огонь на очаге, но другие дети ее придут сейчас голодные, их надобно накормить. Зимой в комнате очень дурной воздух; надобно его освежить, отворить форточку, попрыскать уксусом; для того надобно кроватку с больным перенести в другую горенку, но нельзя: другая горенка уже два дня как не топлена, потому что деньги, которые надобно было употребить на дрова, посланы в аптеку за лекарство. Притом надобно еще заплатить доктору; отец семейства заложил в ломбард те серебряные часы, которые подарил ему его отец... Несмотря на все это, часто больной мальчик или больная девочка умирают в страданиях... И таким образом погибает большая часть детей у бедных родителей!»

Огромная детская смертность побудила открыть в Петербурге больницу для детей. Но открылась она не на средства правительства, а на даяния благотворителей.

В описаниях Петербурга 1830-х годов к самым распространенным в столице болезням причислялась ипохондрия. «В Петербурге, где большая часть населения составлена из людей, проводивших первые лета юности или за границею, или внутри России, ипохондрия почти обыкновенная болезнь, — писал И. Пушкарев. — Воспоминания о родине, сердечные утраты, обманутые надежды, так долго услаждавшие нас, и разочарование в наслаждениях удовольствиями жизни превращают в ипохондриков людей, прежде не показывавших ни малейших следов сей болезни». Ипохондрия — «низшая степень меланхолии, расположение к задумчивости и мрачным мыслям» — была следствием утрачен-

ных иллюзий и несбывшихся надежд. Весь жизненный уклад николаевского Петербурга способствовал развитию душевных заболеваний.

Сходит с ума одержимый жаждой золота Германн — герой повести Пушкина «Пиковая дама». Сходят с ума герои петербургских повестей Гоголя художник Пискарев из «Невского проспекта», художник Чартков из «Портрета», чиновник Поприщин из «Записок сумасшедшего».

Выразительную и правдивую картину Дома умалишенных нарисовал Пушкин в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума»:

. сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

И ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

В заключении повести «Пиковая дама» Пушкин писал: «Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: — Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..»

Сначала петербургский Дом умалишенных находился в здании Обуховской больницы, но затем на седьмой версте по Петергофской дороге была открыта специальная психиатрическая больница Всех скорбящих.

В 1815 году в Петербурге числилось 43 аптеки — 11 казенных и 32 «вольных», то есть частных. К 1838 году «вольных» аптек стало 48. Почти все они находились в центральных частях города и на Васильевском острове, где жило много иностранцев. В окраинных же частях — Рождественской, Нарвской, Каретной, Охтинской — было по одной аптеке, в Петербургской и Выборгской частях — по две.

Лекарства стоили очень дорого и были недоступны простому люду, лечившемуся по старинке, народными средствами.

За лекарства, забранные в аптеке в июне 1836 года, Пушкин заплатил 170 рублей 29 копеек, за взятые в июле того же года — 183 рубля 47 копеек, в августе — 118 рублей 73 копейки. Живя с семьей на Пантелеймоновской улице в доме Оливье, затем на Французской набережной в доме Баташева, Пушкин пользовался аптекой Брунса на углу Моховой и Пантелеймоновской улиц. Переехав в дом на Мойке — аптекой Типмера на углу Невского проспекта и Большой Морской.

Что же здесь покупали Пушкины? В счетах аптекарей значатся микстура, порошки, капли, пилюли, мази, киндербальзам, липовый цвет, ромашка, камфара, аррорут, ревень, касторовое масло, грудной чай, желудочный кофе, пластырь, присыпка и т. п. Кроме лекарств, в аптекарских счетах Пушкиных упоминались губная помада, сироп для волос, анисовая вода, одеколон, пудра.

Аптекари продавали и брали на комиссию косметические средства, парфюмерию, мыло. В газетах можно было прочесть такие объявления: «Кеммерер, содержатель аптеки по Вознесенскому проспекту близ Офицерской улицы в бывшем Порхова доме, извещает почтеннейшую публику, что он получил на комиссию химические вещества в самом луч-

шем состоянии, выписанные из чужих краев для домашнего употребления. ...Из числа сих веществ находится у него мыло, делающее нежным и белым как лицо, так и все тело, если токмо намыливать оным 2 или 3 раза в сутки и вытирать сухим полотенцем. Для удостоверения господ, посылающих за оным мылом служителей своих, что точно получено ими оное в аптеке его, Кеммерера, а не в другом месте, протянут на каждой штуке сего мыла шнурок и на конце оного запечатано печатью с вензелем „А. Н.“. Фунт сего мыла стоит 8 рублей, а каждая штука 2 рубля».

Многие лекарственные растения для казенных аптек выращивались в петербургском Ботаническом саду. Начало этому саду положено было еще при Петре I, когда здесь, на Аптекарском острове, развели Аптекарский огород и посадили семена лекарственных и редких растений, привезенных Петром из чужих краев. С 1823 года стали именовать этот «огород» Ботаническим садом. В огромных залах-теплицах Ботанического сада росли десятки тысяч редких растений. Здесь студенты-медики и студенты «по фармацевтической части» изучали лекарственные растения.

В ведении Приказа общественного призрения, Благотворительного ведомства императрицы Марии, Человеческого общества находились «богоугодные заведения»: «Градская богадельня» близ Таврического сада, демидовский Дом призрения трудящихся за Поцелуевым мостом, Дом призрения убогих близ Калинкина моста, Ивановская богадельня в Галерном селении, Александровский сиротский дом на Каменноостровском проспекте Петербургской стороны. Большинство «богоугодных заведений» существовало на пожертвования благотворителей и влачило жалкое существование. Многие из этих заведений были весьма невелики, и те «счастливы», которые попадали сюда, состав-

ляли малую часть убогих, нищих и обездоленных, что обитали в столице. Богаделен, приютов для сирот и домов для «убогих» было, как и больниц, совершенно недостаточно для такого большого города, как Петербург.

Смертность от болезней среди петербургского населения была весьма велика. Но она увеличивалась во много раз во время «моровых поветрий» — эпидемий. Самой губительной в пушкинское время стала холерная эпидемия 1831 года, унесшая в считанные дни, даже по официальным, заниженным данным, до 10 тысяч человек, «преимущественно из просто-народа».

Не находя защиты от свирепой болезни и не понимая причин ее внезапного распространения, простой народ считал виновниками своих несчастий господ и «начальство». Холерная эпидемия послужила для массы петербургских простолудинов поводом открыто выразить свою ненависть к власти имущим. В июньские дни 1831 года Петербург впервые увидел на своих площадях и улицах стихийное народное возмущение.

Среди автобиографических заметок Пушкина есть такая: «В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом... Он много знал, чему научаются в университетах... Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при этом: *cholera-morbus* подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас. О холере имел я довольно темное понятие... Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она желтой полосой стелется вверх по течению рек, что, по мнению

некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — все, чему после мы успели наслышаться. Таким образом, в далеком уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы».

В 1829 году холера появилась в России сразу в двух местах: в пограничной со Средней Азией Оренбургской губернии и пограничной с Персией — Астраханской. Оттуда распространилась она по всей стране. Осенью 1830 года достигла Средней России и самой Москвы.

Пытаясь задержать дальнейшее распространение заразы, на заставах строили карантинные. В них все проезжающие — будь то отдельные лица или обозы с товарами — должны были подвергаться «карантинному очищению». Но, как и повсюду в империи, здесь властвовали произвол, злоупотребления, лихоимство. За соответствующую мзду пребывание в карантине сокращалось с четырнадцати дней до нескольких часов.

Летом 1831 года страшная азиатская «гостья» вступила в Северную столицу. Первые случаи заболевания холерой были отмечены в Петербурге 14 июня. Очевидец событий А. В. Никитенко 19 июня записал в своем дневнике: «Наконец холера со всеми своими ужасами явилась в Петербурге. Повсюду берутся строгие меры предосторожности. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности».

Город являл собой страшное зрелище. По пустынным безмолвным улицам катились зловещие холерные возки. На мостовой и тротуарах лежали трупы, которые еще не успели убрать. На кладбища везли и везли гробы.

Вскоре царь распорядился, чтобы «умершие холерою впредь были хоронимы не днем, а по ночам». «Памятны эти ночи

петербургским старожилам! — вспоминал современник. — При красном мерцающем свете смоляных факелов с одиннадцати часов вечера тянулись по улицам целые обозы, нагруженные гробами, без духовенства, без провожающих, тянулись за городскую черту на страшные, отчужденные опальные кладбища». (Холерных хоронили на особых кладбищах.)

В день умирало по 600 человек и более, главным образом беднота.

Министерство внутренних дел издало нелепое и бесполезное «Наставление к распознаванию признаков холеры и лечению». В «Наставлении» запрещалось предаваться гневу, страху, унынию, беспокойству духа и вообще сильному движению страстей. Запрещалось вскоре после сна выходить на воздух, а если это было необходимо, то рекомендовалось одеваться теплее и непременно обуваться. Запрещалось выходить из дому, не омывши всего тела или, по крайней мере, рук, висков и за ушами «раствором хлористой соды или извести, а за недостатком оных, чистым уксусом или простым вином с деревянным чистым маслом». Запрещалось селиться в жилищах тесных и нечистых. Последнее было совсем невыполнимо для простого народа, в частности для тысяч пришедших в город оброчных мужиков.

Через неделю после появления холеры А. В. Никитенко писал в своем дневнике: «В городе недовольны распоряжениями правительства. Государь уехал из столицы. Члены Государственного совета тоже почти все разъехались. На генерал-губернатора мало надеются. Лазареты устроены так, что они составляют только переходное место из дома в могилу. В каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные, из людей слабых, нерешительных и равнодушных к общественной пользе. Присмотр за больными

нерадивый. Естественно, что бедные люди считают себя погибшими, лишь только заходит речь о помещении их в больницу. Между тем туда забирают без разбора больных холерою и не холерою, а иногда и просто пьяных из черни, кладут их вместе. Больные обыкновенными болезнями заражаются от холерных и умирают наравне с ними. Полиция наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательством, вместо усердия и деятельности в эту плачевную эпоху только усугубила свои пороки. Нет никого, кто бы одушевил народ и возбудил в нем доверие к правительству. От этого в разных частях города уже начинаются волнения. Народ ропщет и, по обыкновению, верит разным нелепым слухам, как, например, будто доктора отравляют больных, будто вовсе нет холеры, но ее выдумали злонамеренные люди для своих целей и т. п.».

При первых признаках холеры Николай I и его двор бежали в пригород Петербурга — Петергоф. Знать и состоятельные люди тоже покинули столицу — «спасались на дачи, где запирались почти герметически». Так, директор императорских театров князь С. С. Гагарин заперся в своей даче на Каменном острове, никого не принимал, а ежедневные рапорты и прочие бумаги доставляли ему окуренными и подавали через окно. Генерал-губернатор Эссен пребывал в растерянности и крайнем замешательстве. А эпидемия усиливалась.

Простой петербургский люд оказался в отчаянном положении — без помощи, без надежды. Возмущение правительством росло. Оно усугублялось нелепыми и обременительными распоряжениями начальства, бесчинством полиции, позорным поведением царя и знати. Слухи, что холеру придумали господа, чтобы извести простой народ, упорно распространялись по городу. Исконная ненависть народа к притеснителям прорвалась наружу.

Впервые в истории Петербурга народ вышел на улицы, протестуя и грозя взбунтоваться. Со второй половины июня в разных концах города начались беспорядки. Толпы народа ловили и обыскивали «отравителей», разбивали холерные кареты и выпускали больных, оказывали сопротивление полиции.

Бунт разразился 22 июня на Сенной площади, где находилась временная холерная больница. Огромная толпа ворвалась в здание. Во всех этажах выбили стекла в окнах, выбросили мебель, разогнали больничную прислугу, убили двух лекарей.

Перепуганные столичные власти собрались на совещание у графа Эссена. Решено было применить военную силу. Гвардейские полки, усиленные артиллерией, окружили площадь. Командующий гвардейским корпусом князь Васильчиков двинул против народа батальон пехоты. Солдаты шли с барабанным боем.

Народ устремился в боковые улицы, но не успокоился.

Испугавшись бунта, в Петербург из Петергофа, водою, на пароходе «Ижора» прибыл Николай I. Страх перед бунтом пересилил страх перед холерой.

Стоя в коляске на Сенной площади, окруженной войсками, царь говорил народу:

— Учинены были злодеяния, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов, подражать буйству французов.

Николай разыграл целое представление. Кончил тем, что подозревал какого-то старика, трижды облобызал его, сел в коляску и уехал.

Вечером царь слушал доклад министра внутренних дел графа Закревского.

— Чему ты приписываешь народные волнения? — спросил Николай.

— Единственно, государь, распоряжениям и злоупотреблениям полиции.

— Что это значит?

— А то, государь, что полиция силою забирает и тащит в холерные больницы и больных, и здоровых, а потом выпускает только тех, кто откупится.

— Что за вздор! — закричал царь, сильно разгневанный. — Кокошкин! — обратился он к находившемуся тут же обер-полицмейстеру. — Доволен ли ты своею полицией?

— Доволен, государь.

— Ну и я совершенно тобою доволен.

Николай не желал слышать даже малую долю правды.

А волнения в Петербурге все продолжались. Самому царю пришлось признать, что «войска, стоя в лагере, беспрестанно в движении, чтобы укрощать и рассеивать толпы». Были произведены многочисленные аресты. В газетах от имени петербургского генерал-губернатора появилось «объявление»: «При случившихся на сих днях в некоторых частях города беспорядках люди, взятые в буйстве и неповиновении... задержаны под арестом. Для исследования поступков сих людей, изобличения и предания суду виновных... государь император высочайше повелел составить особую следственную комиссию, которая уже начала свои действия».

Арестованных бунтовщиков ждала расправа.

П. А. Вяземский, размышляя о характере холерных бунтов, справедливо замечал: «Любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей сказывается здесь решительно. Даже и наказания Божии почитает она наказаниями власти... И в холере находит она более не дух политический, чем естественный».

В годину бедствия недоверие совершенно бесправного народа к всемогущему и чуждому ему правительству проявлялось особенно явственно. И вел он себя соответственно.

Путешествие в пушкинский Петербург

В июле 1831 года разразились холерные бунты недалеко от столицы — в Новгородских военных поселениях. Солдаты и крестьяне, как во времена Пугачева, расправлялись с чиновниками, офицерами, генералами. Мстили угнетателям.

Пушкин внимательно следил за народными волнениями в Петербурге и в военных поселениях. Его письма летних месяцев 1831 года из Царского Села полны взволнованных откликов на эти события.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Мы все учились понемногу»

В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

В массе своей российское дворянство не отличалось образованностью. Но еще несравненно менее учились «чему-нибудь» и несравненно более «как-нибудь» представители «низших сословий».

В Петербурге — городе с полумиллионным населением, подавляющее большинство которого составляли «низшие сословия», в 1820-е годы имелось всего лишь 10 приходских училищ — при церковных приходах — и 3 так называемых уездных училища.

Приходские училища были одногодичные. Здесь «детей всех состояний и обоего пола» обучали Закону Божию, чтению, письму, четырем правилам арифметики. Можно себе представить, каким было качество обучения, если в единственном классе приходского училища, особенно из тех, что находились в густонаселенных частях города, набивалось чуть ли не по 100 человек сразу.

В уездных училищах курс был трехгодичный. Сюда принимали только мальчиков, имеющих подготовку в объеме приходского училища. Здесь детям купцов, ремесленников

и других городских обывателей сообщались «сведения, которые по образу их жизни, нуждам и упражнениям могут быть наиболее полезны».

В 1830-е годы в Петербурге по-прежнему существовало 10 приходских училищ, в которых обучалось 400–450 детей (из них три четверти мальчиков). Число уездных училищ возросло до восьми, посещали их в то время около 500 мальчиков.

Обучали грамоте и счету и в детских приютах (воспитательных домах) и благотворительных учреждениях. Но это делалось отнюдь не из филантропии или любви к просвещению, а из меркантильных соображений — нужны были грамотные, квалифицированные рабочие и мелкие служащие.

Разделяя точку зрения грибоедовского Фамусова, что все беды происходят от ученья («Учение — вот чума, ученость — вот причина»), российское правительство полагало вредным и даже опасным просвещение простого народа. Министр просвещения адмирал А. С. Шишков, занявший этот пост в 1824 году, незадолго до воцарения Николая I, говорил: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей, и по надобности, какую всякое звание в них имеет... Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы». А его преемнику на этом посту графу С. С. Уварову принадлежат слова: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей просвещение, то я исполню мой долг и умру спокойно».

Образованию дворянских детей уделялось значительно больше внимания, но и оно оставляло желать много лучшего. Особенно частное.

В своей записке «О народном воспитании», осуждая домашнее воспитание юных дворян как «самое недостаточное,

самое безнравственное», Пушкин утверждал, что и «воспитание в частных пансионах не многим лучше... Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное». Пушкина самого чуть было не отдали в частный пансион. В программе автобиографии поэта есть строки: «Меня везут в Петербург. Езуиты». До того как стало известно об открытии Царскосельского лицея, Сергей Львович Пушкин намеревался отдать двенадцатилетнего Александра в иезуитский коллегиум, частный пансион, открытый в Петербурге французскими монахами-иезуитами для обучения детей аристократов.

Частные пансионы контролировались Министерством народного просвещения, но контроль был формальный, обучение в большинстве случаев велось на весьма низком уровне.

Частных учебных заведений всякого толка — и дорогих, и подешевле — в Петербурге было немало. В 1822 году — 17 мужских и 22 женских; из них только 8 содержали русские, остальные — иностранцы, французы и немцы. Полтора десятилетия спустя, в конце 1830-х годов, число пансионов и частных школ в столице увеличилось до 80 (из них русские содержали 25).

Пансионы делились на три разряда. Первый разряд соответствовал казенным гимназиям, второй — уездным училищам, третий — приходским.

В пансионах первого разряда учились почти исключительно дети дворян, не стеснявшихся в средствах и желавших дать своим отпрыскам светское воспитание. Недаром в этих заведениях особенно много внимания уделяли французскому языку, танцам, музыке, рисованию. Девиц учили также пению, а юношей фехтованию. И тех и других — хорошим манерам, умению вести себя в обществе.

В таком «благородном пансионе у эмигрантки Фальбала» воспитывалась героиня поэмы Пушкина «Граф Нулин» Наталья Павловна.

В пансионы второго разряда — подешевле и попроще — отдавали своих детей дворяне среднего достатка, некоторые состоятельные купцы.

Пансионы третьего разряда обслуживали главным образом окраинные районы столицы. Среди их воспитанников, кроме детей небогатых дворян и купцов, можно было встретить мальчиков и девочек из семей мещан, всякого рода разночинцев и даже зажиточных казенных крестьян.

Купцы и мещане, даже весьма состоятельные, часто не хотели тратить на обучение детей в пансионах, особенно когда дело касалось девочек. Молодой человек из столичной купеческой семьи записывал в своем дневнике: «Папенька по моему настоянию хотел было отдать сестру Клавдию в пансион г-жи Цаппетини, что на Адмиралтейской площади, но раздумал: „За девчонку платить 150 рублей ассигнациями в год не приходится, пусть к дьячихе побегает, и того с нее достаточно“. А мать в обоснование такого решения добавляла: «Не должно детям быть умнее родителей».

Сам автор этой записи, которого отец прочил себе в помощники, окончив уездное училище, брал уроки английского языка у домашнего учителя. Учителей, дававших частные уроки по разным предметам, в столице существовало довольно много. Указом 1834 года были утверждены особые звания «домашних наставников» и «домашних учителей или учительниц».

Обучение в пансионах, особенно первого разряда, стоило очень дорого. За живущих в пансионе воспитанников брали от 500 до 2000 рублей в год, за приходящих — от 150 до 500 рублей.

Более фундаментальное и упорядоченное образование, чем пансионы или домашние учителя, давали гимназии. В них принимали только мальчиков из дворянских семей. Для других же сословий доступ туда был практически закрыт. Гимназический курс был рассчитан на семь лет и включал множество предметов, от математики и физики до латинского и греческого языков.

В 1830-е годы в Петербурге имелось четыре гимназии.

С 1804 года существовала гимназия, преобразованная из основанной еще в середине XVIII века гимназии Академии наук. Она занимала обширное здание на Большой Мещанской улице у Демидова переулка. «Благородных воспитанников» числилось до 300 человек при 34 учителях и надзирателях. Обучение было платное. Для живущих при гимназии — 750 рублей в год, для приходящих — 60 рублей. Успешно окончившие курс пользовались привилегиями при поступлении на гражданскую службу и принимались в университет без экзамена. В 1830 году гимназия на Большой Мещанской получила наименование Второй санкт-петербургской гимназии.

Первой стала называться гимназия, преобразованная в том же году из Благородного пансиона при Педагогическом институте.

Благородный пансион существовал с 1817 года. Это было закрытое учебное заведение с шестилетним курсом обучения для мальчиков из дворян. Количество воспитанников не превышало 150 человек. Плата за пансионера составляла 1500 рублей в год. Помещался пансион сначала, до 1820 года, на набережной Фонтанки у Калинкина моста, позже — в Семеновском полку, на углу 7-й роты и Кабинетской улицы. Известный литератор И. И. Панаев, воспитывавшийся в Благородном пансионе в 1820-х годах, писал:

«Эти благородные пансионы существовали единственно для детей привилегированного класса, родителям которых казалось тогда обременительным и бесполезным подвергать своих избалованных и изнеженных деток излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравне с какими-нибудь разночинцами и семинаристами. Курс благородных пансионов едва ли был не ниже настоящего гимназического курса, а между тем эти пансионы пользовались равными с университетами привилегиями».

В первые три года своего существования Благородный пансион отличался либеральным направлением. Тогда среди его преподавателей были передовые профессора университета А. П. Куницын, А. И. Галич, К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман. Русской словесности в младших классах учил В. К. Кюхельбекер. Он исполнял также обязанности гувернера. Среди его воспитанников были будущий композитор М. И. Глинка и младший брат Пушкина — Лев.

В 1817–1820 годах Пушкин с родителями жил поблизости на Фонтанке и нередко заезжал в Благородный пансион навестить брата.

В начале 1820-х годов пансион, как и многие другие учебные заведения, подвергся жестоким правительственным гонениям. Были уволены лучшие преподаватели, и среди них вольнодумец Кюхельбекер. Его увольнение вызвало бунт среди воспитанников. Согласно донесению директора, третий класс «два раза погасил свечи, производил шум и другие непристойности, причем зачинщиком был Лев Пушкин». В феврале 1821 года «зачинщика» из пансиона исключили.

Первая гимназия, преобразованная из Благородного пансиона, помещалась в доме на Кабинетской улице, угол Ивановской. Все принимаемые в нее мальчики в возрасте десяти лет были пансионерами. Приходящих не существовало. Плата составляла 1000 рублей в год. С 150 воспитанниками

занимались 29 учителей и 10 гувернеров. В отличие от Второй гимназии здесь обучали еще и английскому языку, рисованию, пению, танцам, фехтованию, гимнастике. Окончившие пользовались теми же привилегиями, что и выпускники Второй гимназии, но Первая считалась более аристократической. Власти ей покровительствовали. На переводных и выпускных экзаменах, которые были публичными и обставлялись с пышностью, присутствовали значительные лица. Случалось, гимназию посещал сам царь. «Сегодня Николай Павлович посетил нашу Первую гимназию и выразил неудовольствие. Вот причина. Дети учились. Он вошел в пятый класс, где преподавал историю учитель Турчанинов. Во время урока один из воспитанников, впрочем лучший и по поведению и по успехам, с вниманием слушал учителя, но только облокотясь. В этом увидели нарушение дисциплины... Повелено попечителю отставить от должности учителя Турчанинова». Такую запись сделал в своем дневнике 10 апреля 1833 года А. В. Никитенко. Эпизод для Николая I весьма характерный.

Третьей Санкт-Петербургской гимназией стала называться с 1831 года старая Петербургская губернская гимназия. Ничем существенным она не отличалась от Второй. Принадлежавшее ей здание занимало большой участок по Соляному переулку, близ Литейной. 30 учителей обучали здесь 350 воспитанников — 200 пансионеров, плативших по 450 рублей в год, и 150 приходящих, плативших по 15 рублей.

Преподавание наук в старших классах гимназий было схоластическим, формальным, основанным на зубрежке.

Против этого решительно возражал Пушкин. В частности, он полагал ненужным изучение мертвых языков: «К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?» Как необходимое Пушкин предлагал расширить преподавание наук политических и истории, особенно русской.

Несколько особый характер имела Четвертая, так называемая Ларинская гимназия (по имени петербургского купца Ларина, пожертвовавшего в 1835 году деньги на ее основание). Находилась эта гимназия на 6-й линии Васильевского острова. Четырехклассный ее курс проходили мальчики не только из дворян, чиновников, но и из купцов, населявших Васильевский остров. Соответственно строилась и программа — в нее входили «предметы, которые имеют ближайшую связь с торговлей и промышленностью». В 1837 году в Ларинской гимназии училось 190 человек — 70 пансионеров и 120 приходящих.

В 1820–1830-е годы быстро увеличивается в Петербурге число высших учебных заведений. Важнейшим из них должен был стать университет, основанный в 1819 году. Трех его факультетам — философско-юридическому, физико-математическому и историко-филологическому — предстояло готовить высококвалифицированных специалистов. Потребность в этом была весьма велика. Но долгое время университет теснился в совершенно не приспособленном для него помещении в 7-й роте Семеновского полка, угол Кабинетской улицы (здание Синодального подворья).

Здесь в 1834–1835 годах читал лекции по всеобщей истории молодой Гоголь. Одну из них слышал Пушкин.

Только в 1837 году университету предоставили помещение в здании Двенадцати коллегий на набережной Васильевского острова.

Первоначально на трех факультетах обучалось не более 100 студентов. Профессоров и преподавателей числилось 30.

В конце 1830-х годов в университете было два факультета — философский (с отделениями общей словесности и восточной словесности, математических и естественных наук) и юридический. Срок обучения продлили с трех до четырех лет. Студентов числилось более 300, кроме того — 80 вольнослушателей. Профессоров и преподавателей — 70.

С самого основания университета среди его профессоров были люди передовые и высокообразованные. Но многие из них здесь удерживались недолго. В 1821 году по настоянию воинствующего мракобеса Рунича, назначенного попечителем университета, был уволен профессор А. П. Куницын.

До университета Куницын преподавал в Царскосельском лицее. Он был любимым профессором Пушкина.

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

(«19 октября», чернов.)

Рунич и подобные ему опасались тех, кто возжигает «чистые лампы». «Счастливым почту себя, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова», — заявлял Рунич.

Вслед за Куницыным из университета были уволены еще четыре профессора — К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман, Э. Раупах, А. И. Галич, якобы сеявшие своими лекциями «пагубные семена неверия, богоотступничества и мятежных правил».

После 1825 года за профессорами и студентами вели особо строгий надзор. Из года в год сокращалось количество часов на философско-политические науки, зато появилась кафедра богословия.

Относительно составленной Пушкиным по поручению царя «Записки о народном воспитании» шеф жандармов Бенкендорф еще в 1826 году писал поэту: «Его величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общественного спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравствен-

ность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание». Не «опасное» просвещение — основание общественного благополучия, а «нравственность», трактуемая как безоговорочное послушание и усердное, «прилежное служение», — из этого исходило в своей политике правительство Николая I.

Петербургский университет был создан на основе одного из двух отделений Главного педагогического института — старейшего высшего учебного заведения столицы. Педагогический институт продолжал существовать наряду с университетом. Он готовил учителей для гимназий и других средних учебных заведений.

В дворянских верхах о Педагогическом институте шла дурная слава. Недаром в «Горе от ума» Грибоедова одна из титулованных московских старух с возмущением восклицает:

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!!

В Педагогический институт принимали юношей всех свободных сословий, достигших семнадцати лет и имеющих необходимую подготовку. Сперва учили три года, а с 1828 года — шесть лет. В то время в институте было три факультета — философских и юридических наук, математических и физических, исторических и словесных. Студентов насчитывалось около 150, профессоров и преподавателей — 30. Окончившие курс обязаны были прослужить не менее восьми лет в одном из учебных заведений Министерства народного просвещения. Особо отличившихся посылали для «усо-

вершенствования в науках» и подготовки к профессорской деятельности на три года за границу. Так, еще в 1808 году получили заграничные командировки А. П. Куницын, А. И. Галич, И. К. Кайданов, ставшие впоследствии профессорами Педагогического института, университета и Царскосельского лицея.

Царскосельский лицей был основан в 1811 году, в раннюю, «либеральную» пору александровского царствования. Лицей предназначали для подготовки мальчиков из родовитых дворянских семей к «важным частям службы государственной». Курс обучения длился шесть лет: три года на начальном отделении, три — на окончательном. Принимали подготовленных, и за шесть лет им давали как среднее, так и высшее образование, приблизительно в объеме философского и юридического факультетов университета. И права все окончившие лицейский курс получали те же, что и выпускники университета.

Несколько молодых талантливых профессоров, широко и свободно мыслящих, оказали сильнейшее влияние на первый выпуск Лицея. Вся атмосфера лицейского воспитания с 1811 года по 1817-й способствовала тому, что из стен этого учебного заведения вышли Пушкин, видные деятели Северного общества декабристов — Пущин, Кюхельбекер. Здесь зародились их вольномыслие и подлинный патриотизм.

Но уже в начале 1820-х годов правительство сделало все, чтобы вытравить вольный «лицейский дух», заменив его «духом казармы». В 1822 году Лицей был передан в Ведомство военно-учебных заведений.

Пушкина волновала и огорчала судьба Лицея:

Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей...

(«И. И. Пущину», чернов.)

В 1843 году Лицей был переведен в Петербург, в помещение Александровского сиротского дома на Петербургской стороне.

В 1835 году к уже существовавшим учебным заведениям, предназначенным только для дворян, прибавилось Училище правоведения. Его открыли для подготовки чиновников высших государственных учреждений. Училищу предоставили старинное здание на набережной Фонтанки, против Летнего сада, только что перестроенное В. П. Стасовым.

Имелось в столице и несколько учебных заведений для воспитания «благородных девиц»: Смольный институт, Институт ордена Святой Екатерины (Екатерининский), Патриотический и Павловский институты. Сюда принимали малолетних дворянок.

В Смольный институт принимали только девиц «из природных дворян» или «из состоящих в придворных и гражданских чинах не ниже статского советника или 5 класса». Смольным институт назывался потому, что для 450 его воспитанниц отвели прекрасное здание, построенное Кваренги на территории Смольного монастыря.

В другом огромном здании, возведенном по проекту того же Кваренги между Аничковым и Симеоновским мостами на Фонтанке, помещался Екатерининский институт. Это было заведение попроще. Сюда принимали девиц из небогатых и незнатных дворянских семей, и потому воспитателям вменялось в обязанность «приготовить их к будущему их состоянию и не выводить из того круга, который природа для них начертала... остерегаться, чтобы не дать им новых потребностей и даже знаний, которые могут обратиться в тягость их родителям, когда они возвратятся домой».

Патриотический институт, основанный в 1813 году, первоначально предназначался исключительно для воспитания дочерей штаб- и обер-офицеров, участвовавших в Отечест-

венной войне, но позже в него принимали и дочерей чиновников, непременно из дворян. Находился он на 10-й линии Васильевского острова.

По образцу Патриотического института был устроен основанный в 1829 году на Фонтанке, близ Обуховского моста, Павловский институт, с той лишь разницей, что в него принимались и дочери младших обер-офицеров не из потомственных дворян.

Существовали в Петербурге и учебно-воспитательные заведения для девиц из мелкочиновничьей, купеческой, мещанской, разночинной среды: Мещанское училище при Смольном институте, Мариинский институт против Таврического сада, Дом трудолюбия на 13-й линии Васильевского острова, Сиротский институт при Воспитательном доме на набережной Мойки у Красного моста. Было их очень немного. Существовали они почти исключительно на пожертвования благотворителей.

В связи с развитием промышленности, транспорта, торговли, сельского и лесного хозяйства требовалось все больше квалифицированных специалистов в различных областях экономики.

Для подготовки таких специалистов в 1820-е и 1830-е годы в Петербурге открылось несколько новых учебных заведений, стали расширяться и преобразовываться старые.

Окончившие курс наук в Санкт-Петербургском коммерческом училище, существовавшем в столице с 1800 года и занимавшем просторное здание в Чернышевом переулке, получали звание кандидата коммерции, чин четырнадцатого класса, но обязаны были десять лет прослужить в частных коммерческих предприятиях, прежде чем вступить в казенную службу. Землемерческое училище при Департаменте уделов предназначалось «для образования чиновников, способных к занятию землемерских должностей по Удельному

ведомству». Училище Торгового мореплавания на Екатерининском канале близ Харламова моста выпускало штурманов и шкиперов для коммерческих мореходных судов. В школу сельского хозяйства и горнозаводских наук, основанную графиней С. В. Строгановой, принимали юношей крестьянского и мещанского сословий и готовили из них управляющих, приказчиков, бухгалтеров, писмоводителей в помещичьи имения.

С 1834 года Горный кадетский корпус, основанный еще в XVIII веке, был преобразован в институт. Петербургский горный институт, единственный в России, готовил специалистов для горной промышленности. В 1838 году в нем насчитывалось 212 воспитанников из дворян и других вольных сословий, «преподающих науки» — 57. Программа, рассчитанная на девять лет обучения, включала множество специальных дисциплин. Институт принадлежал Военному ведомству и считался военным учебным заведением. Воспитанники делились на роты. Инженеры-выпускники получали офицерские чины. Здание Горного института, возведенное в 1806–1811 годах по проекту А. Н. Воронихина на набережной Невы между 21-й и 22-й линиями Васильевского острова, считалось одним из красивейших в Петербурге.

Инженеров по гражданскому строительству готовили Архитектурное училище, основанное в 1830 году, и Училище гражданских инженеров, открытое в 1832 году. Позднее оба эти училища объединили в Институт гражданских инженеров, разместившийся в ротах Измайловского полка, по Обуховскому проспекту.

Специалистов по устройству водных и сухопутных путей выпускал Институт инженеров путей сообщения с шестилетним курсом наук, рассчитанный на 250 воспитанников. Институт занимал огромное здание на Обуховском проспекте. Как и Горный институт, он принадлежал Военному ведомству. Выпускники его получали военные чины.

Военным считался и Лесной институт, открытый в 1828 году на Выборгской стороне. Его 480 воспитанников делились на четыре роты, жили по военному распорядку. Из них готовили ученых-лесничих и других специалистов лесного хозяйства и межевого дела.

В распоряжении Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов находился Петербургский технологический институт, открытый в 1831 году, чтобы готовить «людей, теоретически и практически образованных, для управления фабриками, заводами и отдельными частями». Технологический институт помещался в специально построенном для него здании за Обуховским мостом. Здесь училось около 200 человек, главным образом из купцов, мещан, разночинцев. При институте имелась Горная техническая школа, где 90 воспитанников получали специальность механиков по разного рода горным машинам. Технологический институт сыграл важную роль в развитии отечественной промышленности.

Много сделала для развития русской медицины Петербургская медико-хирургическая академия — одно из старейших учебных заведений столицы. Академия занимала несколько зданий на Выборгской стороне, близ Невы. Она готовила лекарей (за 5 лет), ветеринаров (за 4 года) и фармацевтов (за 3 года). В 1837 году здесь училось около 400 человек, при 30 профессорах и преподавателях, почти все из мещан, духовенства и разночинцев. В следующем году академия перешла в подчинение Военного ведомства.

Особое место в системе столичного просвещения занимали два учебно-воспитательных учреждения — Институт слепых и Училище глухонемых. Они были единственными в России. Здесь воспитывались и обучались по специальной методике в первом — более 30 мальчиков, во втором — 70 мальчиков и 40 девочек. Институт слепых помещался на

Литейной улице, в доме Человеколюбивого общества, Училище глухонемых — на набережной Мойки, угол Гороховой улицы, в здании Воспитательного дома.

В полном соответствии с духом времени воспитанники средних и высших учебных заведений носили мундиры.

Несмотря на все трудности, все препоны, чинимые правительством, учебные заведения играли важную роль в духовной жизни столицы и всей России. В них трудились немало выдающихся ученых и педагогов. Они воспитали видных деятелей науки и культуры, искусства, освободительного движения. И среди них — Пушкина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«С веком наравне»

...Дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды... —

писал Пушкин в седьмой главе «Евгения Онегина».

Эта картина грядущих перемен была тесно связана с теми небывалыми изменениями, которые уже происходили на глазах поэта.

Размышляя об успехах наук, петербургский журналист в 1830 году восклицал: «Удивления достойно, как расширилось поле познаний человеческих в течение последнего тридцатилетия!»

Действительно, год от года влияние научных открытий и технических изобретений все явственнее начинало ощущаться в повседневной жизни, и все яснее открывалась перспектива изменений, которые эти открытия сулили в будущем.

В 1804 году член Петербургской Академии наук Я. Д. Захаров вместе с бельгийским профессором физики Э. Роберт-

соном совершил первый в России полет на воздушном шаре. Ученые пробыли в воздухе более трех часов, пролетев около 60 километров. На высоте 2630 метров были измерены температура и давление воздуха. Десять лет спустя по Неве прошел первый пароход. Еще через двадцать лет из Петербурга в Павловск была проложена железная дорога.

Век пара только наступил, а впереди уже угадывалась новая эпоха — эпоха электричества. В 1802 году профессор физики Петербургской медико-хирургической академии В. В. Петров впервые открыл и описал явление «вольтовой дуги», предложив использовать его для плавки металлов и для освещения. В 1833 году член Петербургской Академии наук Э. Х. Ленц открыл закон электромагнитной индукции, получивший название закона Ленца, а еще через несколько лет вывел закон теплового действия гальванического тока, названный законом Джоуля — Ленца.

В конце 1820-х годов барон П. Л. Шиллинг изобрел электромагнитный телеграф. Шиллинг был человеком необыкновенно разносторонним — чиновник Министерства иностранных дел, он стал ученым лингвистом и этнографом, одним из первых русских китаистов. Шиллинг пробыл два года в Монголии и привез оттуда богатую этнографическую коллекцию. Его собрание «азиатских достопримечательностей» впоследствии приобрела Академия наук.

Пушкин был знаком с Шиллингом и, когда в 1829 году тот намеревался отправиться с миссией в Китай, просил о дозволении ехать с ним.

Стараниями Шиллинга при Министерстве иностранных дел была открыта первая в России литографская мастерская. Кроме того, Шиллинг был и талантливым ученым-изобретателем. В Петербурге и окрестностях он производил опыты по зажиганию пороха под землей на дальних расстояниях с помощью электрического разряда. Этими опытами заин-

тересовалось Военное ведомство, о них толковали в публике. Не меньше разговоров было по поводу шиллинговских опытов электрического освещения. Он заставлял светиться кусок угля, пропуская через него электрический ток. «Свет этих горящих углей был так силен, что смотреть на него было трудно», — сообщала «Северная пчела» в статье «Об электрических опытах в России».

Разработав идею электромагнитного телеграфа, Шиллинг сумел преодолеть все технические трудности и осуществить ее на практике. 9 октября 1832 года, вскоре после возвращения из Монголии, Шиллинг у себя на квартире, в доме купца Антонова на Царицыном лугу, впервые демонстрировал публике сконструированный им телеграфный аппарат. Чтобы удобнее было проводить опыты, он снял у хозяина дома целый этаж. «Для демонстрации, — говорит биограф изобретателя, — передатчик был установлен в одном конце здания, где собирались приглашенные, в небольшом зале, а приемник — в другом конце, в рабочем кабинете П. Л. Шиллинга, так называемой „китайской комнате“. Получилось расстояние, превышавшее 10 метров. Первая в мире телеграмма, состоявшая из десятка слов, на глазах у собравшихся была лично принята по электромагнитному телеграфу П. Л. Шиллингом моментально и верно». Интерес публики к изобретению Шиллинга оказался так велик, что демонстрировать работу телеграфа ему пришлось почти до конца года.

Есть основания предполагать, что Пушкин, живший в это время в столице, побывал у старого приятеля и видел его изобретение, о котором тогда говорил весь город.

15 мая 1834 года известный петербургский ученый профессор физики Б. С. Якоби показывал в своей лаборатории модель изобретенного им электрического двигателя. В статьях петербургских газет изобретение Якоби называли «электромагнитным *perpetuum mobile*».

Возможно, что Пушкину было известно и об этом замечательном научном достижении. На рукописи «Сцен из рыцарских времен» рядом с упоминанием *perpetuum mobile* есть рисунок, который, по мнению исследователей, напоминает первую модель электродвигателя Якоби.

«Квартира г. Якоби на Васильевском острове, в доме Парланда № 30, на берегу Невы между 16 и 17 линиями, — писали газеты, — это точно жилище волшебника. Везде стоят машины и аппараты самого простого устройства, и по прикосновению его волшебного жезла вдруг все машины двигаются, мечут искры, плавают металл! От прикосновения другим концом жезла... все мертвеет. Любопытно и поучительно!»

Васильевский остров был средоточием научной жизни столицы — здесь находились Академия наук, Российская академия, Педагогический институт, жили многие ученые.

Основанная по проекту Петра I, Академия наук в начале XIX века помещалась в трех зданиях на Стрелке Васильевского острова. На месте первого из них, стоявшего ближе к оконечности Стрелки, позднее построили портовый пакгауз. Вторым было здание петровской Кунсткамеры. Третьим — так называемое Главное здание Академии наук, возведенное в конце XVIII века по проекту Кваренги. В академических зданиях размещались конференц-зал и канцелярия, библиотека, физический кабинет, химическая лаборатория, типография, обсерватория, механические мастерские, а также огромные естественно-научные, этнографические и археологические коллекции академии.

В уставе, принятом в 1803 году, академия именовалась «первым ученым обществом в империи». Ей вменялось в обязанность развивать науки, обогащать их новыми открытиями и, по возможности, применять эти открытия на практике. Академия должна была изучать естественные богатства России и «отыскивать способы к их умножению». Для изуче-

ния природных ресурсов страны, для «усовершенствования географического и физического познания империи» академии предлагалось организовывать экспедиции.

Ежегодно Академия наук издавала том научных статей и том научно-популярного «Технологического журнала». Помимо того, привилегию академии составляло издание «Санкт-Петербургских ведомостей», а также «политических, адресных и астрономических» календарей на русском, немецком и французском языках.

Академия наук подразделялась на ряд кафедр. На кафедрах высшей математики, астрономии, химии, зоологии, технологии и механики было по два академика; на кафедрах физики, анатомии и физиологии, ботаники, минералогии, истории, политической экономии и статистики — по одному. Академики, занимавшие кафедры, именовались ординарными; их помощниками при кафедрах являлись адъюнкты. Те из них, кто оказывал особые успехи в науке, могли быть избраны экстраординарными академиками. Ординарные академики по табели о рангах имели чин шестого класса, экстраординарные — седьмого, адъюнкты — восьмого. Между тем чин шестого класса — коллежский советник — соответствовал лишь полковничьему чину в военной службе. Самые выдающиеся ученые страны в глазах властей были не очень важными персонами.

Академики и адъюнкты именовались действительными членами академии и составляли Академическое собрание, или Конференцию. В середине 1830-х годов по академии числилось 18 ординарных академиков, 5 экстраординарных и 3 адъюнкта, кроме того, 98 русских и иностранных почетных членов и 128 русских и иностранных членов-корреспондентов.

Среди почетных членов Академии наук были Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин, директор Института восточных язы-

ков при Министерстве иностранных дел Ф. П. Аделунг. Из заграничных ученых — А. Гумбольдт, К. Гаусс, Л. Гей-Люсак, Д. Гершель, И.-В. Гёте.

Бюджет академии с начала XIX века и до 1830-х годов составлял 120 тысяч рублей в год. Помимо того, академия располагала «экономическими суммами» — доходами от своих изданий, от сдачи внаем помещений и т. д. Но денег этих не хватало. Долгое время академия не имела лабораторий для физических исследований. Хранившиеся в физическом кабинете приборы — микроскопы, электрические машины, гальванические батареи, лейденские банки, воздушные насосы — служили в основном для демонстрации опытов во время лекций.

Только в 1828 году для физической лаборатории было отведено достаточно просторное помещение и отпущено 30 тысяч рублей на покупку новых приборов. Отдельные комнаты предназначались теперь для опытов по механике, оптике, электричеству и электромагнетизму, была и специальная «холодильная комната».

В башне здания Кунсткамеры помещалась академическая обсерватория. Здесь было немало совершенных по тому времени инструментов — в том числе стенной 8-футовый квадрант, большой пассажный инструмент с 5-футовым фокусным расстоянием. Но из-за тесноты приборы не удавалось разместить и использовать должным образом. Огромный телескоп Гершеля, принадлежавший академии, не умещался в башне и долгое время лежал в разобранном виде (только в конце 1830-х годов была построена новая — Главная — астрономическая обсерватория на Пулковской горе). Тем не менее петербургские астрономы и в этих условиях проводили весьма важные наблюдения и измерения. Знаменитый ученый В. Я. Струве к 1827 году составил роспись 3112 двойных звезд, из которых 2392 до того времени не были из-

вестны науке. Он же провел наиболее полное измерение дуги земного меридиана, уточнившее прежние представления о форме планеты. Адъюнкт астрономии В. К. Вишневский провел десять лет в почти непрерывных разъездах по стране, занимаясь астрономическим определением географических точек в разных частях России. Ему приходилось странствовать по бездорожью с весьма чувствительными инструментами. Хронометр, нуждавшийся в постоянной температуре, Вишневский в течение десяти лет носил на себе, почти не снимая, и даже спал, сидя в специально приспособленном кресле. Если до того определены были координаты 67 пунктов, то Вишневский своими трудами довел это число до 250.

Несмотря на отсутствие при академии хорошо оборудованной химической лаборатории, петербургские ученые много сделали для развития и этой науки, работая в своих домашних лабораториях. Академик Я. Д. Захаров прославился изобретенными им приборами — газометром по системе Лавуазье, прибором для плавки тугоплавких тел «посредством особой смеси водотворного и кислотворного газов» и другими. Академики В. М. Севергин и А. И. Шерер стали творцами русской химической терминологии. Они много потрудились и для популяризации науки, для исследования природных богатств России и их промышленной разработки. Серьезное практическое значение имела деятельность бывшего фармацевта Главной санкт-петербургской аптеки, а затем экстраординарного академика К. С. Кирхгофа. В 1811 году он открыл превращение крахмала в сахар при кипячении крахмала с серной кислотой, а в 1814 году обнаружил возможность превращения крахмала в сахар под воздействием фермента диастаза. Академик Т. Е. Ловиц, работавший в придворной аптеке и в приспособленной под лабораторию домашней кухне, исследовал способы добывания

кристаллов сахара из свекловицы, свойства многих минералов и руд Сибири, состав метеоритов, найденных возле Харькова и в Нормандии, обнаружил адсорбцию растворимых веществ углем.

В то же время в академии работали известные русские математики, среди которых прежде всего следует назвать С. Е. Гурьева, Н. И. Фусса, Э. Д. Коллинса, В. И. Висковатова, М. В. Остроградского и В. Я. Буняковского.

Ученые академии успешно занимались статистикой и политической экономией, лингвистикой и нумизматикой, ботаникой, зоологией, анатомией.

Большой вклад в развитие ботаники был сделан академиком Т. А. Смеловским, составившим описание петербургской флоры.

Развитие русской филологии тесно связано с именем академика А. Х. Востокова, опубликовавшего полную грамматику русского языка, возглавившего подготовку знаменитого «Описания русских и славянских рукописей Румянцевского музея».

Члены и члены-корреспонденты Академии наук много ездили по стране, изучая ее географию, природные богатства, этнографию, историю. В начале века было организовано несколько экспедиций в Сибирь. Адъютант М. И. Адамс доставил в Петербург найденный им в устье Лены скелет и остатки шкуры мамонта, хорошо сохранившиеся в вечной мерзлоте. В 1809 году скелет этот был смонтирован и впервые демонстрировался в Зоологическом музее Академии наук. В 1829 году академия начала исследование природы Кавказа. Несколько ученых вели магнитные наблюдения, измеряли температуры источников, занимались барометрическим определением высот, собирали ботанические, зоологические и геологические коллекции. В 1836 году академия снарядила экспедицию для определения разности высот уровней Черного и Каспийского морей.

Ученые академии принимали участие в нескольких кругосветных путешествиях, снаряженных на средства правительства и Российско-американской компании, а также в научной экспедиции вокруг света под командой лейтенанта О. Коцебу, которую организовал на собственные деньги канцлер Н. П. Румянцев — известный деятель русского просвещения, щедрый меценат, истративший на осуществление всевозможных научных исследований около миллиона рублей.

Материалы, привезенные путешественниками, существенно пополнили академические собрания и музеи.

Замечательным богатством коллекций отличался Азиатский музей, открывшийся для публики в 1818 году. Музей располагал большим собранием книг и рукописей на маньчжурском, японском, монгольском и других восточных языках. Только в 1819 году у одного из французских консулов на Востоке было приобретено около пятисот арабских, персидских, турецких рукописей, собранных в Сирии, Персии и Месопотамии. Посетителям Азиатского музея показывали три тысячи маленьких китайских книжечек, написанных золотом и серебром и хранящихся в специальных сумочках, произведения китайской живописи, монгольских идолов, предметы восточного быта. В музее хранилось более двадцати тысяч восточных монет. Их описание, изданное академиком Х. Д. Френом в 1826 году, стало заметным событием восточной нумизматики и филологии.

Большой коллекцией предметов быта и костюмов народов разных стран располагал Этнографический музей. При нем находился «Кабинет искусственных вещей», где были собраны всевозможные автоматы и механические игрушки.

Египетский музей хранил древнеегипетские статуи, барельефы, мумии, свитки папируса и другие «египетские редкости».

Академическое собрание сухих растений включало обширные гербарии среднерусской и сибирской флоры (в том числе привезенные участниками Великой сибирской экспедиции середины XVIII века академиками Гмелином, Палласом, Крашенинниковым и Стеллером), гербарии кавказской флоры, большую коллекцию американских растений.

Зоологический музей академии, также пополнявшийся уже на протяжении столетия, в 1830-х годах занимал четырнадцать залов.

Среди экспонатов петровской Кунсткамеры показывали «чучелы» жившего при Петре I великана Буржуа и «урода»-крестьянина Фомы, служившего в петровское время при Кунсткамере истопником.

Три комнаты занимал Кабинет Петра Великого, где хранилось свыше полутора тысяч различных «исторически достопамятных» предметов, имевших отношение к первому русскому императору. Здесь находилась знаменитая «восковая персона» — фигура с чертами Петра, одетая в его костюм, детская рубашка Петра, его токарные станки и множество вещей, искусно изготовленных им самим из дерева, меди и кости, а также железная полоса, выкованная царем на Олонецком заводе в 1724 году. Показывали здесь чучело Лизетты, любимой лошади Петра, конторку, служившую ему письменным столом, его башмаки и очки, баночку с восемью зубами, собственноручно выдранными им у больных, по смертную маску императора, ключи от завоеванных им крепостей и еще множество других реликвий.

Весьма обширной и ценной была библиотека академии, которая в 1830-х годах насчитывала около двухсот тысяч книг и рукописей на многих языках.

Неподалеку от Академии наук — на 1-й линии Васильевского острова — помещалась Российская академия. Она была основана в 1783 году по примеру литературных академий

других стран. Устав предписывал членам Российской академии заботиться об усовершенствовании и обогащении отечественного языка, об издании книг по языкознанию, словаря русского языка, грамматики русской и славянской, свода славянских наречий и т. д.

Первый словарь русского языка академия выпустила к 1794 году. Второе его издание, существенно усовершенствованное и дополненное, выходило с 1806 по 1822 год. Затем начато было третье издание.

Пушкин неоднократно упоминал академический словарь в своих произведениях. В статье «Российская академия» он писал: «Ныне Академия prepares третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимее». И приводил слова Н. М. Карамзина: «Полный Словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев».

В конце 1830-х годов в Российской академии числилось 28 действительных членов и 56 почетных. Членами академии были некоторые известные писатели того времени — среди них И. А. Крылов и В. А. Жуковский. В 1832 году в члены академии избрали Пушкина.

Действительные члены Российской академии собирались на регулярные заседания, где главным образом читали и обсуждали корректуры очередного тома словаря русского языка. По окончании каждого заседания присутствовавшим вручали памятные серебряные жетоны. Ежегодно в день открытия академии — 21 октября — происходили торжественные собрания, в которых Российская академия вручала награды своим членам за наиболее выдающиеся сочинения.

Одно из собраний академии Пушкин описал в статье, напечатанной в «Современнике».

С 1815 года выходили «Известия Российской академии», где публиковались отчеты о ее деятельности и работы по языкознанию. Порою академия ссужала литераторов день-

гами на издание их сочинений. В конце 1820-х годов молодой лингвист Ю. И. Венелин был на средства академии послан в Болгарию «для собрания сведений в этой славянской малоизвестной стране». Результатом поездки явилась его книга «Древние и нынешние болгары».

В начале 1840-х годов Российская академия вошла в состав реорганизованной Академии наук в качестве Отделения русского языка и словесности.

Важная научная работа велась в высших учебных заведениях столицы — в Петербургском университете, Институте инженеров путей сообщения, Медико-хирургической академии, Горном институте.

Помимо того, в столице существовало несколько научных обществ. Еще в 1765 году возникло Вольное экономическое общество, которое в XIX веке собиралось в собственном доме на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади. Главной целью общества было улучшение быта сельского населения. Общество занималось распространением агрономических знаний, опытами по улучшению сортов хлебных злаков, внедрением новых сельскохозяйственных машин и приспособлений. Поскольку поварные болезни, помимо прочего, вредили благосостоянию деревни, важной заботой общества стало оспопрививание. С 1824 по 1838 год стараниями его членов оспа была привита 10 567 505 младенцам во всех губерниях России. В здании общества находилась обширная библиотека, коллекция моделей всевозможных машин.

В 1804 году в Петербурге было создано Физико-медицинское общество, в 1817-м — Минералогическое.

Учреждением, известным в истории русской науки, стал Румянцевский музей. Свою богатую библиотеку и собрание монет, минералов, картин вместе со своим особняком на Английской набережной государственный канцлер Н. П. Румянцев завещал Петербургу. В 1831 году Румянцевский музей

был принят в ведение Министерства народного просвещения. Библиотека музея состояла из 31 тысячи томов, 807 рукописей и 638 ландкарт и чертежей. Особую ценность представляли рукописи XV–XVII веков, относившиеся к истории России и Ливонии, из хранилища герцогов Мекленбург-Шверинских. Нумизматический кабинет музея насчитывал больше полутора тысяч монет и медалей, в Минералогическом кабинете хранилось 13 тысяч образцов различных пород. Раз в неделю музей был открыт для публики. В остальные дни, кроме праздников, посетители могли читать и делать выписки в библиотеке — летом с десяти часов утра до восьми часов вечера, зимой с десяти часов утра до заката. Свечей в музее не зажигали, опасаясь пожара.

При несовершенстве тогдашнего преподавания наук серьезное чтение было для многих единственным средством знакомства с разными областями знаний. Пушкин писал об этом в послании Чаадаеву:

Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне...

Существенную роль в научной и интеллектуальной жизни столицы играло такое просветительное учреждение, как Императорская Публичная библиотека.

Еще в 1796–1801 годах по проекту архитектора Е. Т. Соколова на углу Невского проспекта и Садовой улицы для петербургской Публичной библиотеки было возведено обширное здание. Но всерьез за организацию библиотеки взялись только с 1811 года, когда директором ее стал А. Н. Оленин. В январе 1814 года Публичная библиотека была торжественно открыта. С того времени началось ее неуклонное

пополнение. По представлению Оленина царь издал указ, согласно которому два «обязательных экземпляра» всех выходивших в России печатных изданий — книг, гравюр, литографированных рисунков — должны были безвозмездно поступать в Публичную библиотеку. Кроме того, библиотека постоянно покупала книги. Нередко коллекционеры-библиофилы дарили ей свои собрания.

К 1838 году библиотека насчитывала свыше 460 тысяч книг и более 17 тысяч рукописей. Здесь были русские и европейские первопечатные издания, сочинения по всем отраслям знаний, произведения словесности — по преимуществу на русском, французском и немецком языках, богатое собрание журналов и газет. Из редчайших рукописей называли средневековый «Роман о Трое», «Манускрипт, сочиненный, писанный и разрисованный королем Сицилии и Иерусалима Ренне д' Анжу», Коран, писанный куфическим шрифтом и, по преданию, принадлежавший Фатиме, дочери пророка Магомета, Евангелие XII века. Здесь хранились собственно-ручные письма испанского короля Филиппа II и королевы Изабеллы об открытии Америки, письма Екатерины Медичи и ее дочери Маргариты, письма Елизаветы Английской и Марии Стюарт. В Публичную библиотеку попала связка бумаг, отобранных французской полицией у Жан-Жака Руссо, и портфель с бумагами Вольтера, изъятыми у него перед заключением в Бастилию. В 1810-х годах в библиотеку стали поступать первые рукописи русских писателей. Среди самых драгоценных реликвий показывали аспидную доску, на которой Державин написал последние стихи накануне своей смерти.

Осматривать библиотеку разрешалось по вторникам с одиннадцати до двух часов пополудни. В остальные дни допускались только читатели. Всякий петербуржец «свободного состояния» мог беспрепятственно получить билет для

посещения Публичной библиотеки. Известно, что в 1838 году билеты получили 820 человек и в течение года читателям была выдана 7531 книга.

В штате библиотеки состояло около тридцати чиновников. Среди них были известные русские писатели, служившие библиотекарями, — И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, Н. М. Заго-ский, А. А. Дельвиг.

Библиотеку иногда посещал Пушкин.

Петербургские государственные архивы, содержавшие ценнейшие документы по истории России, были в то время закрыты для ученых. Однако, когда Пушкин взялся писать историю Петра I, по особому разрешению царя ему было до-зволено работать в архиве Министерства иностранных дел. Архив этот размещался в здании Главного штаба, в специ-ально для того устроенных «несгораемых» комнатах с чугу-нными полами, чугунными колоннами, чугунными стропи-лами и шкафами.

В своей «Истории Пугачева» и незавершенной «Истории Петра I» Пушкин показал себя блестящим ученым-исто-риком.

Слава первого русского поэта, исторические труды и дея-тельность издателя «Современника» доставили Пушкину ши-рокие связи в ученом мире столицы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Там некогда гулял и я»

И жили, и развлекались петербуржцы по-разному.

На Масленой неделе и на Пасху у Большого театра, на Царицыном лугу, вдоль всей Адмиралтейской площади выстраивались дощатые балаганы — размалеванные, с разнообразными вывесками, на которых изображены были то альбинос с красными глазами и длинными белыми волосами, то ученый слон, то наездник на коне, то огромного роста девушка-прорицательница, то собачий балет, дрессированные канарейки, жонглеры, фокусники, канатоходцы и т. д. и т. п. На балкончиках балаганов паяцы, фокусники, ярмарочные деды на все лады зазывали почтеннейшую публику, обещая ей чудеса. Кругом толпился, глазел, переговаривался и пересмеивался жадный до развлечений питерский люд — мужики, дворовые, ремесленники, слуги, торговцы, приказчики, солдаты.

Если лед был крепок, то в последние дни Масленицы балаганы устраивали на Неве. Кроме того, посреди реки строили огромные ледяные катальные горы. «Толчок при спуске так силен, — рассказывал об этих горах очевидец, — что санки продолжают двигаться в течение четверти часа по круглой ледяной арене, окруженной забором и скамьями для зрителей». На льду Невы устраивались и бега, собиравшие тысячные толпы зрителей.

На Пасху на площадях строили деревянные катальные горы, и с них съезжали на маленьких тележках по желобам. Тут же раскачивались бесчисленные веревочные и круглые качели, крутилось несколько каруселей. Лоточники бойко торговали снедью и сладостями, а сбитенщики, стоя возле огромных медных самоваров, продавали сбитень — горячий напиток из патоки с пряностями.

В балаганах зрителей действительно ожидали чудеса.

Газеты рекламировали труппы, выступавшие в балаганах. О балаганщике Герольде газеты сообщали, что «он представляет публике полную клетку ученых канареек, род птичьей консерватории; пернатые его ученицы танцуют, маршируют, мечут артикул, стреляют, умирают, оживают и проч., и проч., точно люди, только безграмотные. В этом балагане достоин замечания паяццо, солдат, родом, кажется, малороссиянин, самая комическая физиономия, забавник, остряк, импровизатор».

Вот как описал А. В. Никитенко свое впечатление от посещения самого известного в Петербурге балагана Лемана: «Сегодня же был под качелями и, между прочим, в балагане Лемана. Шутовские выходки этого полуартиста довольно забавны. Пляска на канате и ходьба на руках, кувырканье через голову, хотя и свидетельствовали о большой гибкости тела и гимнастическом искусстве, мне не понравились... Довольно ловко проделан следующий фарс. Паяц ест яйцо. Вдруг схватывает его сильная боль в животе. Он корчится по-паяцовски, стонет и проч. Приходит доктор, делает ему во рту операцию и вытаскивает оттуда пребольшую утку, которая движется, точно полуживая. К Леману нелегко пробраться. У дверей его храма удовольствий так тесно, как в церкви в большой праздник до проповеди!»

Разумеется, люди «высшего света» не принимали участия в простонародных увеселениях, но ездили сюда в каретах смотреть, как развлекается народ.

Нередко в толпе простолюдинов, среди армяков и поддевок, мелькала форменная шинель чиновника или офицера, бекеша литератора. Любителем народных увеселений и балаганов был И. А. Крылов. Однажды (это было на Масленицу) Иван Андреевич пришел к Олениным чем-то раздосадованный.

— Что ты такой пасмурный? — спросил хозяин дома.

— Ходил под балаганами гулять и ужасно прозяб, — пожаловался Крылов.

— Охота тебе туда таскаться, — сказал Оленин.

— Да нет, позвольте, — заговорил Крылов. — Я подошел к одному балагану, вышел «дед», снял с головы шляпу и, показывая ее публике, спрашивает: «В шляпе ничего нет, господа?» Ответили, что ничего. «Ну так погодите», — сказал «дед», поставил шляпу на перила и скрылся. Это меня заинтересовало, я решил подождать, чем кончится дело. Ждал, ждал, а «деда» нет. Наконец через полчаса он вышел, поднял с перил шляпу и опять, показывая ее публике, спросил: «Ничего нет в шляпе?» Отвечают: «Ничего». «Дед» заглянул в шляпу и преспокойно говорит: «А ведь и в самом деле ничего!» Одурачил нас всех совершенно: каково, с добрых полчаса ждал я его выхода, какую-де он штуку выкинет! А штука-то самая простая.

На Масленицу, на Пасху да и в другое время приезжали в Петербург бродячие зверинцы.

В зверинце Лемана, который помещался в особом балагане, зрители в 1830-х годах могли увидеть заключенных в железные клетки африканского льва, бенгальскую тигрицу, барса, ягуара, слона, гиену, шакала, обезьян, гну, кенгуру, зебру, лося, дикобраза, удава, попугаев. «Был я также в зверинце Лемана, — рассказывал А. В. Никитенко. — Молодой слон очень мил. Он с точностью исполнял все предписания хозяина: щеткою чистил себе ноги, смахивал себе со спины пыль

платком, звонил в колокольчик, плясал, то есть передвигал в такт передние ноги и топтался на месте. Не без любопытства рассматривал я также обезьян».

В 1827 году в центре Петербурга открылся цирк в специально выстроенном для него деревянном здании на площади возле Симеоновского моста. Здесь давала представления конная труппа знаменитого акробата-наездника Турньера. Цирк был его собственностью. «В прошлое воскресенье 11 декабря, — сообщала газета, — г. Турньер давал первое свое представление в присутствии многочисленных зрителей. Искусство его труппы, новые богатые костюмы не столько привлекали на первый раз, как самый театр. Легкая и приятная архитектура, удобное размещение зрителей, красота всех принадлежностей театра и блеск освещения, отражающийся на яркой живописи плафона и на стенах лож, — все изумляло зрителей».

В цирке среди множества простолудинов и разночинцев можно было встретить и людей из «лучшего общества» — аристократов. Простой народ теснился на верхней галерее, а господа «из общества» занимали внизу кресла и ложи. Для них даже афишки печатались на французском языке и вход был особый, чтобы барин, боже упаси, не столкнулся с собственным кучером или лакеем.

Сравнительно доступными развлечениями для петербургских обывателей были всякого рода панорамы. Одну из первых — панораму Парижа — выставила некая госпожа Латур. На углу Большой Морской и Кирпичного переулка она выстроила скромное деревянное здание, получившее название «ротонда», где и демонстрировала свою панораму. «В числе зрелищ 1820 года, — сообщал журнал „Отечественные записки“, — первое место занимала прекрасная панорама Парижа, писанная с натуры Штейнигером, живописцем Венской академии». Художник изобразил Париж в то время, когда в нем пребывали победившие Наполеона

союзные войска. На парижских улицах можно было увидеть конных казаков и других представителей русской армии. Благодаря своему выгодному положению в самом центре города «ротонда» Латур никогда не пустовала. В ней помещались, сменяя одна другую, всякого рода панорамы и космограммы. В 1822 году та же госпожа Латур устроила в одном из залов дома купца А. И. Косиковского, на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы, оптическую панораму «Театр света». Здесь, по словам объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях», зрители могли увидеть Европу, Азию, Африку и Америку со «множеством подробностей» — древностями, развалинами, жителями в национальных костюмах. «Оптическое очарование, стеклом производимое, — говорилось в объявлении, — столь совершенно, что каждый думает, будто он перенесен в те самые места, кои видит».

В ноябре 1829 года некто Лекса, построив на Большой Морской особое здание, открыл в нем диораму. «Это большие картины, которые представляются зрителю в двух родах освещения, при солнечном свете и по заходе солнца, — объясняла „Северная пчела“. — Ложа, в которой помещаются зрители, вертится кругом, и вы переноситесь постепенно в разные страны мира. Ныне выставлены: 1. Вид гор Андских, в Южной Америке, высочайшей горы в мире — Шимборазо и одной огнедышащей горы. 2. Вид церкви Св. Петра в Риме. 3. Вид подземной залы, в которой заседает тайное судилище средних веков. У нас еще не было диорамы. Видеть ее надобно в ясный день, но вообще оптический обман лучше, когда в диораме представляется вечер».

Пушкин, который в ноябре 1829 года вернулся в Петербург из своего путешествия в Арзрум, очевидно, видел диораму. Позднее он упомянул о ней в стихотворном наброске:

Вы за «Онегина» советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.

Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму:
Привалит публика, платя тебе за вход
(Что даст еще тебе и славу и доход).

Простой петербургский люд гулял лишь по праздникам, а в будни не слонялся без дела по улицам. Господа, напротив, ежедневно после полудня прогуливались по бульварам — зимой на Невском проспекте, весной — возле Адмиралтейства, на Стрелке Васильевского острова, а также по центральным набережным Невы и в Летнем саду.

Гулял здесь и Пушкин, наблюдая жизнь столицы. «Там некогда гулял и я», — писал он в «Евгении Онегине».

До 1819 года высокий бульвар на насыпи посреди Невского тянулся от Мойки до Фонтанки. Характерна история появления этого бульвара. Зимой 1800 года Павел I неожиданно решил украсить главную улицу столицы липовой аллеей. Были согнаны тысячи рабочих, подрядчики обязались поставить в нужном количестве большие деревья. Руководить работами Павел поручил старшему сыну — будущему царю Александру I. Несмотря на сильные морозы, мешавшие работе, через месяц аллея на насыпи с дорожками, посыпанными песком, была уже готова.

На бульвар Невского проспекта и ездил гулять Онегин.

Позже, чтобы расширить проезжую часть улицы, насыпь срыли, а липы рассадили вдоль тротуаров. Тогда гуляющая публика прохаживалась по тротуарам.

Бульвар на Невском почти вплотную подходил к другому знаменитому петербургскому бульвару — Адмиралтейскому, который появился в те годы, когда по проекту А. Д. Захарова перестраивалось здание Адмиралтейства, были срыты старые, петровского времени, валы и засыпаны рвы. Бульвар

этот с трех сторон окаймлял огромное здание Адмиралтейства. Гуляющие могли любоваться красотами Невы, набережных и проспектов. Здесь всегда былолюдно. Отсюда по городу распространялись всевозможные толки и слухи. «...И чем невероятнее и нелепее был слух, — говорит современник, — тем скорее ему верили. Спросишь, бывало: „Где вы это слышали?“ — „На бульваре“, — торжественно отвечал вестовщик, и все сомнения исчезали». А слухи, распространявшиеся время от времени по Петербургу, бывали самого фантастического свойства. Так, в декабре 1833 года Пушкин записал в своем дневнике: «В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий снарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков». Были такие, что принимали эти слухи всерьез...

В течение всего мая излюбленным местом прогулок светского общества служил Летний сад.

Летний сад уже не был так обширен и богато украшен, как при Петре I, но все же оставался самым большим и красивым садом столицы. Густая зелень лип, дубов, кленов отражалась в серо-голубой воде рек и каналов, окружавших его со всех сторон. Достопримечательностями сада были белые мраморные статуи, вывезенные в XVIII веке из Италии, прославленная ограда-решетка, Летний дворец Петра I. В «Кофейном домике», построенном К. Росси на месте петровского грота, содержатель предлагал публике кофе, чай, сласти и прохладительные напитки.

Летом, когда избранная публика покидала столицу, Летний сад, особенно в дневные часы, становился тихим и пустынным.

Вот в это время, летом 1834 года, постоянным его посетителем стал Пушкин, живший поблизости, на Пантелеймоновской улице, в доме Оливье. «...Летний сад мой огород, — писал поэт жене. — Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

1 мая петербургская публика устремлялась в Екатерингоф. Так с петровских времен называлась местность за Калинкиным мостом по Петергофской дороге, где находился деревянный дворец, окруженный обширным парком. Парк был заложен в 1711 году в честь морской победы, одержанной в Кронштадтском заливе над шведами в мае 1703 года. Это место Петр подарил своей жене Екатерине I и назвал Екатерингофом. Долгое время Екатерингоф был заброшен. В 1804 году Александр I приказал передать его в ведение городских властей, а в начале 1820-х годов по распоряжению генерал-губернатора Милорадовича парк украсили беседками, башнями, мостиками. Заведен был ресторан, стали устраиваться гулянья с музыкой, иллюминациями, разными забавами для развлечения публики.

1 мая ежегодно в Екатерингофе бывало праздничное гулянье. Петербургские аристократы и богатые купцы совершали прогулки в каретах, колясках, ландо по дороге к Екатерингофу и взморью. Простой народ развлекался в окрестных рощах.

Если возле балаганов «избранная публика» выступала в качестве зрителей, то здесь она была действующим лицом, а мужики и простолюдины, толпами стоявшие на обочине дороги, наблюдали за процессией.

Вот как рассказывал о екатерингофском гулянье молодой Гоголь в письме к матери: «Все удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лоша-

динные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и все это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет. И я было на правил смиренные стопы свои, но, обхваченный облаком пыли и едва дыша от тесноты, возвратился вспять».

Несколько раньше так же иронически изобразил екатерингофское гулянье на своей панораме художник К. К. Гампельн.

3 мая 1834 года Пушкин записал в дневнике, что первомайское гулянье в Екатерингофе не удалось из-за дурной погоды, что экипажей было очень мало и притом случилось несчастье: в парке упала какая-то деревянная башня — «памятник затей Милорадовича» — и ушибла нескольких гуляющих. «...Вот надпись к воротам Екатерингофа, — писал Пушкин, —

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скудость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость».

По свидетельству современников, и другие петербургские пригородные гулянья в царствование Николая I не отличались весельем. Вот как рассказывает А. В. Никитенко о петергофском празднике в 1830 году: «Пестрая толпа чинно, почти угрюмо бродила по дорожкам; нигде веселья, а везде только одно любопытство. Гуляющие казались не живыми лицами, а тенями, мелькающими в волшебном фонаре. Несколько больше движения замечалось у палаток, над входами в кои виднелись надписи: „Лондон“, „Париж“, „Лиссабон“ и проч. Но и тут известные особы в голубых мундирах спе-

шили приводить в надлежащие формы каждое свободное движение».

Летом в Петербурге, особенно в жаркие дни, бывало душно и пыльно. «...Не поверишь, милая, что делается в городе при малейшем ветре! — писала „провинциалка“ в своих „Письмах из столицы“. — Облака пыли засыпают с ног до головы, и если даже согласиться разъезжать в карете с поднятыми стеклами в удушливый зной, то и так не защитить себя от мелкой пыли. Это превращение петербургских улиц в африканскую степь происходит оттого, что при мощении их камни покрывают слоем мелкого песка...»

С середины мая люди, не служащие и имеющие поместья, отправлялись в свои деревни. Все, кто могли, переезжали на дачи в окрестности города. По улицам Петербурга громыхали телеги со скарбом и мебелью. По рекам и каналам на баржах и лодках везли все необходимое для летней жизни. Дачи часто сдавали без мебели. Те, кто победнее, снимали дачи на зеленых улицах Петербургской и Выборгской стороны, по Петергофской дороге; более состоятельные — на Черной речке, притоке Большой Невки, на Островах.

Здесь, по берегам Невы, Большой, Средней и Малой Невки, стояли дачные дома. Были среди них роскошные летние резиденции столичной знати, были дачи попроще. Владельцы их — купцы, мещане, богатые ремесленники, а то и дворяне — строили эти домики не только для себя, но и для того, чтобы сдавать внаем тем жителям города, которые своих дач не имели, но желали, «чтобы по крайней мере жена и дети могли подышать свободным воздухом и найти отдохновение в удовольствии и прекрасной природе».

В конце мая 1833 года мать Пушкина, Надежда Осиповна, писала дочери Ольге Сергеевне: «Александр и Натали на Черной речке. Они взяли дачу Миллера, которую в прошлом году занимали Маркеловы. Она очень красива, есть большой сад, дача очень велика: 15 комнат с верхом».

Дачи, сдаваемые внаем, появились на Черной речке с начала 1820-х годов. Сперва здесь жили люди среднего достатка, затем потянулась и аристократия, и лица, известные в городе. Жили на Черной речке добрые знакомые Пушкина Е. М. Хитрово, ее дочь Д. Ф. Фикельмон, художник Ф. П. Толстой, А. И. Тургенев.

Один из больших участков на Черной речке принадлежал в то время Ф. И. Миллеру, метрдолетю Александра I, затем — Николая I. На царской службе не совсем праведно он разбогател и, выйдя в отставку, приумножал капитал тем, что построил на Черной речке дачи и сдавал их внаем, беря большие деньги.

На одной из дач Миллера в мае 1833 года и поселился Пушкин с женой и маленькой дочерью Марией. Здесь у Пушкиных родился второй ребенок — сын Александр.

Пушкин в то время писал «Историю Пугачева» и, несмотря на дальность расстояния, каждый день ходил пешком в город, работать в архивах.

Летом 1835 года поэт с семьей снова жил на Черной речке. На этот раз он снимал на участке Миллера другую дачу. У Пушкиных было уже трое детей. Сын Григорий родился в мае 1835 года.

Лето 1836 года, последнее лето своей жизни, Пушкин провел на Каменном острове.

Острова издавна привлекали жителей Петербурга. Каменный остров, Елагин, Крестовский...

Пушкин вспомнил о них в своем описании Невы:

Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...
(«Медный всадник»)

По воле владельцев Островов — членов царской фамилии и именитых вельмож — лучшие архитекторы возвели здесь

дворцы, разбили сады и парки с прудами, цветниками, беседками, гротами, оранжереями, перекинули через реки легкие мосты. Сочетание воды и пышной зелени с великолепной парковой архитектурой сделало Острова особенно живописными. «Острова составляют одну из красот Петербурга, — рассказывал в письме французский посол при дворе Николая I де Барант. — Вообразите себе по ту сторону реки, за мостом целый лабиринт, около двух квадратных верст, дерна, лесов, садов, перерезанных тысячами потоков, то маленькими ручейками, то речками или озерами; все это граничит с большими сосновыми лесами, прилегающими к морю».

Самый красивый из островов Невской дельты — Каменный остров, или Каменный нос, — в 60-х годах XVIII века Екатерина II купила у канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, чтобы устроить здесь загородную резиденцию наследника престола — будущего императора Павла I. Тогда под надзором архитектора Ю. М. Фельтена здесь был возведен двухэтажный каменный дворец, разбит сад, а в близлежащем лесу устроен «воксал» — павильон, где для развлечения гуляющих играл оркестр. Пустопорожние места на острове Павел роздал для застройки своим приближенным. С воцарением Александра I дворец перешел к нему. В этом дворце Александр уединился осенью 1812 года и со страхом ждал дальнейших событий. Появились опасения, что Наполеон направит свои войска на Петербург. В столице принимали меры предосторожности: архивы всех присутственных мест, коллекции Эрмитажа, все «ученые кабинеты» были вывезены по воде на север. Книги Публичной библиотеки отправили на Ладого. Особая баржа стояла у причала возле Сенатской площади, и были отпущены деньги, чтобы снять со скалы и увезти в безопасное место Медного всадника. И тут по городу пошли слухи, будто некоему майору Батурину не-

сколько ночей подряд снился один и тот же сон. Снилось ему, что стоит он на Сенатской площади возле памятника Петру. И вдруг съезжает со своей скалы бронзовый Петр и скачет через Исаакиевский мост на Васильевский остров, оттуда на Петербургскую сторону, а затем на Каменный остров и въезжает во двор Каменноостровского дворца. Гулко гремят медные копыта на пустынном дворе. Заслышав шум, выходит из дворца император Александр.

— Молодой человек, — громовым голосом вопрошает Петр, — до чего ты довел мою Россию? — И объявляет грозно: — Пока я стою на своей скале — Петербург неприступен!

Говорили, что будто бы майор сообщил о своем «видении» кому-то из министров, тот — царю, и Александр, устыдившись, велел не трогать Медного всадника.

Пушкин слышал эту историю от М. Ю. Виельгорского и, работая над «Медным всадником», быть может, вспомнил бронзового Петра, скачущего на Каменный остров.

После смерти Александра Каменноостровский дворец стал собственностью младшего брата царя — великого князя Михаила Павловича.

В 1820-е и 1830-е годы на Каменном острове, кроме дач столичной знати, появились по берегу Невы деревянные дома состоятельных обывателей. Владельцы придавали им самый замысловатый вид: то белого голландского домика с зелеными ставнями, то готической башни, то нарядной русской избы, а то и китайской пагоды. Для развлечения публики на Каменном острове был построен и деревянный театр.

«Гости съезжались на дачу***. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу. Мало-помалу порядок установился. Дамы заняли свои места по диванам. Около них составилась кружок мужчин. Висты учредились. Оставалось на ногах несколько молодых людей; и смотр парижских ли-

тографий заменил общий разговор. На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке. „Как хороша ваша северная ночь, — сказал он наконец, — и как не жалеть об ее прелести даже под небом моего отечества?“». Так начинается отрывок, написанный Пушкиным в конце 1820-х — начале 1830-х годов.

Пушкин жил на Каменном острове на даче, принадлежавшей богатому чиновнику, члену совета при главноуправляющем Почтовым департаментом Ф. О. Доливо-Добровольскому. На огромном участке Добровольского, расположенном по набережной Большой Невки, недалеко от Каменноостровского театра, стояло несколько сдаваемых внаем дач. Одну из них занял Пушкин. «Искусственная природа бывает иногда так же хороша, как и настоящая. Каменный остров, где Пушкин нанимает дачу, показался мне прелестен, — рассказывала Н. А. Дурова, знаменитая „девица-кавалерист“, побывавшая у Пушкина. — С нами вместе обедал один из искренних друзей Александра Сергеевича, господин Плетнев, да три дамы, родственницы жены его».

Знакомый Пушкина В. Ф. Ленц рассказывал: «Графы Вильгорские наняли на Островах Кочубееву дачу... Балкон дачи выходил на усаженное березами шоссе, которое вело от Каменноостровского моста вдоль реки к Елагину... После обеда доложили, что две дамы, приехавшие верхами, желают поговорить с графами... На высоком коне, который не мог стоять на месте и нетерпеливо рыл копытом землю, грациозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; с нею были ее сестра и Дантес. Граф стал усердно приглашать их войти. „Некогда!“ — был ответ. Прекрасная жен-

щина хлыстнула по лошади, и маленькая кавалькада галопом скрылась за березами аллеи».

И здесь, на Каменном острове, было все то же, что и в городе, — суета, светские знакомые, светские разговоры и сплетни. Наталья Николаевна любила блистать в обществе и не пропускала ни пикников, ни других развлечений.

Пушкин искал уединения в прогулках по окрестностям. Бродил по аллеям Каменного острова и других островов, выбирая места потише и поглуше, где не было разодетой светской публики, бесчисленных карет, кавалькад, шума, французской речи. Этим летом написал он элегию «Когда за городом задумчив я брожу» и свое поэтическое завещание — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». На рукописи «Памятника» есть помета: «1836 авг. 21. Кам. остр.».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

«Жрецы минутного, поклонники успеха»

В очерке «Загородная поездка» А. С. Грибоедов, рассказывая о том, как он слушал русские песни в окрестностях Петербурга, писал: «Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полугерманцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали... Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!.. Народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!»

В петербургском обществе на каждом шагу, и в большом и в малом, существовали сословные перегородки. Правительство делало все, чтобы усилить рознь между сословиями. Простолудинов отделяли от господ, мещанство и купечество — от столбового дворянства, а дворян средней руки — от высшей знати.

Поскольку мужикам разговаривать не полагалось, а поселиться они могли дома или на улице, то никаких общественных зданий, где простой народ мог бы собираться, беседовать или танцевать под музыку, в городе не было. Для других сословий существовали клубы.

Старейший из петербургских клубов — Английский — основали в 1770 году. «Английским» назывался он потому, что основателем его был живший в Петербурге банкир-анг-

личанин Гарднер, а первыми членами — англичане-коммерсанты. Со временем клуб превратился в собрание лиц «избранных» и стал играть некоторую роль в общественной жизни города. Попасть в члены этого клуба было очень не просто даже для людей высокопоставленных и чиновных. Принимали с большим разбором. По словам современника, «были лица высокопоставленные, но никогда не рискнувшие подвергнуться испытанию баллотировки в члены, неприятие в которые производило большое впечатление в городе». Булгарина, попытавшегося в 1827 году вступить в Английский клуб, провалили. 2 апреля 1834 года Пушкин писал в своем дневнике: «Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов... Закон говорит именно, что раз забаллотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты».

Пушкин стал членом петербургского Английского клуба в 1832 году и состоял в нем до самой смерти. Он иногда здесь ужинал, проводил вечера, играл на бильярде и в карты. «Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унижается», — писал Пушкин жене.

Усердно посещал Английский клуб И. А. Крылов. Там у него имелось свое постоянное место: он сидел в кресле у стены. Позднее на стене долгие годы оставалось незакрашенным пятно — след того, что здесь покоилась голова Крылова.

В «Новейшем путеводителе по Санкт-Петербургу» Шредера, кроме Английского, указаны: Большой мещанский клуб — против бульвара, то есть на Адмиралтейской площади; Малый мещанский клуб, обычно называемый Американским, — на Исаакиевской площади в доме Таирова; Боль-

шой танцевальный клуб, или Танцевальное собрание, — на Невском проспекте у Полицейского моста; Малый танцевальный клуб — на Невском проспекте у Казанского моста в доме Кусовникова, позднее Энгельгардта; Купеческий, или Коммерческий, клуб — на Английской набережной в собственном доме.

В 1810-х и в начале 1820-х годов Малый танцевальный клуб, который снимал залы в «Кусовниковом доме», устраивал здесь балы. На этих балах, по словам одного из столичных журналистов, «преlestные немочки, дочери петербургских зажиточных ремесленников, веселились истинным веселием... вальсировали до первого обморока со щеголеватыми сидельцами и полуважными подмастерьями».

Дворянство плясало на балах в доме Косиковского у Полицейского моста, в залах Большого танцевального клуба, или Танцевального собрания, переименованного позже в Благородное собрание. Здесь изредка устраивали и балы-маскарады. Общественные маскарады бывали и в Большом театре. Для этого в зрительном зале поверх кресел, вровень со сценой, за какой-нибудь час настилали пол, и на этой огромной площадке и в фойе помещалось до 12 тысяч человек.

Когда В. В. Энгельгардт перестроил дом Кусовникова, самые пышные маскарады стали устраивать здесь. Для них был отведен раззолоченный, расписанный главный зал со специальной ложей для царской фамилии. Этот маскарадный зал стал своеобразным символом эпохи 1830-х годов. В то время как всякие серьезные проявления общественной жизни беспощадно подавлялись, царь и правительство старались сделать основным содержанием жизни столичного дворянства бесконечные праздники, увеселения, развлечения. Не случайно в 1830 году официозная «Северная пче-

ла» заявляла: «С некоторого времени общественная жизнь в здешней столице приняла другое направление: во всех сословиях видно более живости, более стремления к наслаждениям, что почитается всегда признаком несомненного благосостояния и спокойствия духа... Никогда не было здесь столько частых балов, как нынешнею зимою, и даже сделан опыт к заведению общественных собраний (в прелестных залах дома г-жи Энгельгардт)».

Если маскарады в доме Энгельгардта мог посетить любой «благовоспитанный» петербуржец, у которого было в кармане десять рублей, чтобы заплатить за вход, то балы во дворцах знати либо иностранных послов собирали только люди «высшего света».

Балы в петербургском «свете» давались круглый год, кроме Великого поста. Но главным балным сезоном являлась зима. Помимо концертов и театра, балы и маскарады были излюбленным развлечением привилегированной петербургской публики.

Дом, в котором давался бал, ярко освещали и внутри и снаружи.

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам, и модных чудаков.

Вот наш герой подъехал к сеням;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,

Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шепот модных жен.

Это картина бала из первой главы «Евгения Онегина».

В. П. Шереметьева, приехавшая из провинции в Петербург в середине 1820-х годов, так описывает в своем дневнике великосветский бал: «Собралось все, что было изящного, важного, в больших нарядах, все фрейлины и дамы при знаках, почти все причесаны с цветами и с *marabout** на голове. Платья из розового или малинового крепа на атласе, платья петинетовые тоже на атласе, платья белые креповые на перкале с цветочными гарнитурами; много бриллиантов, и эффект модных дам — это бриллиантовые аграфы, или изумрудные, или из других камней... Волосы сзади собирают вокруг большой буклей, а в середине они также перевязываются пряжкой. Это очень красиво... Танцевали английский вальс... Потом котильон... После ужина тотчас же начали снова танцевать... Когда вернулись домой, было 4 часа».

Балы служили для демонстрации самых дорогих, самых причудливых и роскошных дамских нарядов, модных драгоценностей и причесок.

Хозяину дома бал с изысканным ужином обходился в огромную сумму. Недаром отец Онегина, который «давал три бала ежегодно», «промотался наконец».

* Перья аиста-марабу (*фр.*).

Балы у князя Кочубея, у графа Бобринского, графа Нессельроде, у Д. Л. Нарышкина... В 1833 году Пушкин записал в своем дневнике: «Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах... В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубея будут балы».

Необычайно роскошным и многолюдным был бал, данный в конце апреля 1834 года петербургским дворянством по поводу совершеннолетия наследника престола, будущего царя Александра II.

Для этого бала выбрали огромный зал в доме обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина на набережной Фонтанки, но зала этого оказалось недостаточно, и, сделав крытый переход, к дому Нарышкина присоединили ряд комнат соседнего дома. Кроме того, поручили архитектору А. П. Брюллову построить во дворе «столовую залу» для парадного ужина. Денег не жалели ни на убранство, ни на освещение, ни на кушанья.

17 марта Пушкин записал в дневнике: «Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» «Все эти праздники просижу дома, — писал поэт жене. — К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видеть». На балу в доме Нарышкина Пушкин не был, но, зная, что Наталье Николаевне это интересно, сообщал некоторые подробности. «...Завтра будет бал, на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по три вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил

смотреть залу, кроме меня». И через день: «Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготавливали. Не дождавшись сумерек, пошел я в Английский клуб...»

Можно смело утверждать, что никакие затеи в тогдашней жизни столицы не требовали для своей подготовки таких средств и усилий такой массы людей в Петербурге и вне его, как постоянные увеселения и церемонии при дворе.

Огромная и сложная организация, именовавшаяся царским двором, являлась неременной принадлежностью Петербурга. Многолюдство и пышность двора должны были подчеркивать богатство и величие владельцев Зимнего дворца.

Высший привилегированный штат императорского двора состоял более чем из 400 человек, и, кроме того, царскую фамилию и ее дворцы обслуживали тысячи людей различных званий и профессий. Не случайно Николай учредил Министерство двора, не уступавшее по числу служащих другим министерствам империи. Был свой двор еще у императрицы — 330 человек и у наследника — 11. Имелись свои штаты у великих князей и княгинь.

Содержание придворного штата и дворцовой челяди обходилось в колоссальные суммы. Но это не смущало ни Александра, ни Николая. «Петербург занят преобразованием в costume фрейлин и придворных дам, — сообщал современник в ноябре 1833 года. — Придумали новый, как говорят, национальный костюм, который эти дамы будут обязаны носить в дни больших выходов при дворе. Это нечто вроде офранцузенного сарафана из бархата зеленого цвета — для статс-дам, и пунцового — для фрейлин». Хотя фрейлины и статс-дамы принадлежали ко двору царицы, мысль

о введении дамских мундиров несомненно принадлежала самому Николаю I. Затея обернулась новыми, весьма значительными тратами.

«Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом — особенно в настоящее время, бедное и бедственное», — записал в своем дневнике Пушкин.

Для Петербурга 1830-х годов чрезвычайно характерна была та огромная роль, которую царь отводил своему двору. При скудости тогдашней русской государственной жизни Николай придавал дворцовым церемониям, приемам, праздникам вид важнейших событий.

Придворные собрания разделялись на утренние и вечерние. На утренние собрания для принесения поздравлений «их величествам» и «их высочествам» в высокаторжественные дни являлись фрейлины, камер-фрейлины, статс-дамы, высшие чиновники, генералы, штаб- и обер-офицеры, члены дипломатического корпуса. На вечерние собрания приглашались только высшие придворные чины, иногда артисты и люди, известные императору и высочайшей фамилии по уму и познаниям.

С особым блеском и роскошью давались придворные балы.

1 января 1834 года Пушкин записал в дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталия Николаевна танцевала в Аничкове». На балах во дворце могли бывать только лица чиновные или имевшие придворное звание. При дворе не было места ни Пушкину-поэту, ни Пушкину — общественному деятелю, и Николай не придумал ничего лучшего, как записать его в царедворцы, присвоив ему младшее придворное звание как заурядному безвестному дворянскому юнцу.

Это придворное звание обязывало Пушкина являться в Зимний и Аничков дворцы, надев ненавистный ему камер-юнкерский мундир. «6-го бал придворный (приватный ма-

скарад). Двор в мундирах времен Павла I. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский Брызгаловым (каштеляном Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. Замеч. для потомства). Государь полковником Измайловского полка, etc. В городе шум, находят это все неприличным». Это строки из дневника Пушкина в январе 1835 года.

По воспоминаниям, граф Панин был высокого роста и худощав — в детском костюмчике он, несомненно, выглядел чрезвычайно карикатурно. Вероятно, под стать ему были и другие ряженые.

Шутовские маскарады давались в царском дворце нередко. Царский дворец превращался в заурядный барский дом, где челядь и многочисленные кормимые хозяином гости всячески изощрялись в шутовстве и дурачествах, дабы угодить богатому барину, а он ни от чего другого не чувствовал такого удовольствия, как от этого заискивания и унижения окружающих.

«Государю неуютно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — записал Пушкин в дневнике 10 мая 1834 года. — Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного».

Рядом с этой записью есть несколько других, как нельзя лучше демонстрирующих решимость поэта совершенно отстраниться от всех затей придворного холопства.

«28 ноября. ...Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — своими товарищами...

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими

товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, — да что мне делать?..

...Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта».

В бальных залах дворца Пушкин был чужим. С завсегдательными этих залов отношения его не могли не стать открыто враждебными. Именно резкий контраст между теми физиономиями, которые видел поэт в этих залах, и теми почитаемыми и дорогими ему «знакомыми образами», которые смотрели на него с портретов галереи 1812 года — Кутузов, Раевский, Денис Давыдов, Ермолов, Инзов, Барклай-де-Толли, — могли внушить ему мысль стихотворения «Полководец», посвященного Барклаю-де-Толли. Стихотворение это Пушкин закончил строками:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

Эти строки поэт относил не только к Барклаю-де-Толли, но и к самому себе.

Постоянная вражда между поэтом и «жрецами минутного», светской чернью, в окружении которой он вынужден был жить, неминуемо должна была привести к открытому столкновению. Так это и случилось в январе 1837 года.

В этот день петербургские газеты не отметили никаких значительных событий. Сообщали о награждении орденом управляющего Третьим отделением, объявляли о «высочайшем благоволении» за ревностную службу нескольким

жандармским офицерам. Рассказывали о пробных поездках по железной дороге до Царского Села. Извещали о представлении четырех водевилей в Александринском театре, драмы «Жизнь игрока» в Михайловском и оперы «Бронзовый конь» в Большом...

Этот день — 29 января 1837 года — был последним днем жизни Пушкина.

За три месяца до того, в октябре 1836 года, поэт писал П. Я. Чаадаеву: «Нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние».

В этих пушкинских словах резко и верно нарисована физиономия русского дворянства времен Николая I. Поэт говорит о той среде, в которой он жил. Окруженный светскими вертопрахами и интриганами, расчетливыми карьеристами, тупыми солдафонами, Пушкин воплощал свободную мысль и человеческое достоинство. Все, что делал он, все, что он говорил и писал, исполнено стремлением к справедливости и истине.

И этого духовного превосходства, этой его внутренней независимости не могло простить поэту светское общество. Шеф жандармов Бенкендорф, министр просвещения Уваров, кавалергардские офицеры из окружения императрицы, продажные журналисты, досужие салонные клеветники объединились в своей вражде к Пушкину. Затеянная против него подлая интрига привела к дуэли Пушкина с бароном Дантесом-Геккерном, приемным сыном голландского посланника при русском дворе.

Стрелялись 27 января 1837 года за Петербургской стеной, у Черной речки.

Пушкин был смертельно ранен. Врачи сразу же признали положение его безнадежным. Пушкин невыносимо страдал, но мужество и твердость духа не покидали его и в те страшные дни. «Я был в тридцати сражениях, — говорил лейб-медик Арендт, — я видел много умирающих, но мало видел подобного».

Жуковский, Вяземский, А. И. Тургенев, лицейский товарищ и секундант Пушкина Данзас, врач и литератор Даль не отходили от умирающего.

Весть о дуэли и ранении Пушкина с поразительной быстротой распространилась по городу.

28 января с раннего утра у подъезда была давка. В сенях знакомые и незнакомые засыпали выходявших из комнат вопросами: «Что Пушкин? Легче ли ему? Поправится ли он? Есть ли надежда?» Какой-то старичок, попавший в сени, сказал с удивлением: «Господи боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было!..»

К середине дня 29-го стало ясно, что Пушкину осталось жить считанные минуты.

«Друзья, ближние молча окружили изголовье отходящего, — вспоминал Даль, — я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг будто проснулся, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

— Кончена жизнь!

Я недослышал и спросил тихо: что кончено?

— Жизнь кончена, — отвечал он внятно и положительно. — Тяжело дышать, давит, — были последние слова его».

Было 2 часа 45 минут пополудни.

«Спустя три четверти часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось взглядеться в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью», — рассказывал Жуковский.

Николай I тотчас отправил записку Бенкендорфу: «Пушкин умер; я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности».

Начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Дубельт запечатал кабинет Пушкина казенной печатью.

Многочисленные враги Пушкина торжествовали и злорадствовали. Немало лиц из высшего общества ездили к барону Геккерну с изъявлением сочувствия по поводу неприятностей, выпавших на долю его приемного сына и его самого. С. Н. Карамзина писала в эти дни: «В нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — и это куда хуже и непонятней — немало злобных обвинителей».

*Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как свеч, дивный гений,
Увял торжественный венок.*

Знаменитое лермонтовское стихотворение «Смерть поэта» — самое яркое, быть может, выражение того горя, которое ощутили при вести о смерти Пушкина тысячи русских людей. По словам писателя И. И. Панаева, «весь Петербург всполошился. В городе сделалось необыкновенное движение. На Мойке, у Певческого моста... не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом; извозчиков нанимали, просто говоря: „К Пушкину“, и извозчики везли прямо туда. Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали

как бы своим долгом поклониться телу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацию, на очнувшееся вдруг общественное мнение».

Дверь в квартиру поэта была отворена, и вереница людей шла поклониться его праху. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях...»

В. А. Жуковского особенно поразил какой-то старик, который с глубоким вниманием долго смотрел в лицо Пушкина. Он даже сел возле гроба и просидел неподвижно четверть часа. Слезы текли у него по щекам. Потом он встал и пошел к выходу. Жуковский послал за ним, чтобы узнать его имя. «Зачем вам, — отвечал незнакомец, — Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России». В городе только и речи было, что о безвременной кончине поэта. «Мужики на улицах говорили о нем», — рассказывал П. А. Вяземский.

Смерть Пушкина стала огромным общественным событием.

«Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привыкнуть!

29 января 2 ч. 45 м. пополудни».

Этот некролог, написанный В. Ф. Одоевским и помещенный в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», вызвал негодование властей. Казалось возмутительным и опасным, что поэт, имевший чин титулярного советни-

ка, — всего лишь поэт, не министр, не фельдмаршал, — был назван славой России.

«...После того как распространилась в городе весть о гибели Пушкина, — писал В. А. Жуковский, — поднялось много разных толков... Многие, вероятно, говорили, как бы хорошо отпрячь лошадей от гроба и довести его на руках до церкви; другие, может быть, толковали, как бы хорошо произнести над ним речь и в этой речи поразить его убийцу, и прочее, и прочее».

Непричастный государственной силе и власти, Пушкин тем не менее обладал огромным влиянием на умы и души своих сограждан.

И уже в минуту смерти поэта — современники это по-няли — для Пушкина наступило бессмертие.

Ф. И. Тютчев свое стихотворение «29 января 1837 года» заключил пророческими словами:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

* * *

Когда мы сегодня бродим по тем же улицам, по которым полтора века назад проходил Пушкин, когда мы поднимаемся по тем же ступеням, по которым взбегал он, когда изгибы старых каналов открывают нам те же виды, которые знакомы были и ему, мы со всею ясностью чувствуем, что пушкинский Петербург — это не только нечто давно миновавшее и едва различимое в историческом отдалении.

«Пушкинский Петербург» — понятие, в котором заложена мысль о знаменательном явлении русской культуры. Речь идет не только об отдельных зданиях, людях, событиях. Речь идет о том духовном опыте, который стал итогом двух пушкинских десятилетий истории Петербурга, — опыте, сконцентрированном в творчестве великого поэта.

Путешествие в пушкинский Петербург

Это духовное наследие живо и сегодня, как полтора века назад. Оно стало фундаментом русской литературы и вместе с ее образами вошло составной частью в нашу жизнь, в наше сознание. Потому-то камни пушкинского Петербурга драгоценны для нас не только как свидетельство о давно минувших днях. Вглядываясь в прошлое, мы тем самым вглядываемся в самих себя, читаем и перечитываем памятные страницы собственной духовной биографии.

Топографический указатель

Улицы, проспекты, переулки,
площади, бульвары, набережные,
упоминаемые в книге*

Названия пушкинского времени

Адмиралтейская набережная
Адмиралтейская площадь
Адмиралтейского канала набе-
режная
Английская набережная
Английский проспект
Бассейная улица
Болотная Большая улица
Болотная Малая улица
Большой проспект Васильевского
острова
Большой проспект Петербургской
стороны
Боровая улица
Василеостровская набережная
Введенского канала набережная
Владимирская улица
Вознесенский проспект

Современные названия

Адмиралтейская набережная
Адмиралтейский проспект
Адмиралтейского канала набе-
режная
Английская набережная
Английский проспект
Некрасова улица
Моисеенко улица
Красного Текстильщика улица
Большой проспект Васильевского
острова
Большой проспект Петроградской
стороны
Боровая улица
Университетская набережная
Введенский (Витебский) канал
засыпан
Владимирский проспект
Вознесенский проспект

* Ограниченный объем книги не позволил включить в топографический указатель современные адреса упоминаемых в тексте зданий.

Топографический указатель

Воскресенская набережная (затем Гагаринская, позже Французская)	Кутузова набережная
Воскресенский проспект	Чернышевского проспект
Гагаринская набережная (ранее Воскресенская, затем Французская)	Кутузова набережная
Галерная улица	Галерная улица
Гончарная улица	Гончарная улица
Гороховая улица	Гороховая улица
Грязная улица	Марата улица
Дворцовая набережная	Дворцовая набережная
Дворцовая площадь	Дворцовая площадь
Демидов переулок	Гривцова переулок
Думская улица	Думская улица
Екатерингофский проспект	Римского-Корсакова проспект
Екатерининского канала набережная	Грибоедова канала набережная
Ждановки реки набережная	Ждановки реки набережная
Загородный проспект	Загородный проспект
Захарьевская улица	Захарьевская улица
Знаменская улица	Восстания улица
Ивановская улица	Социалистическая улица
Измайловский проспект	Измайловский проспект
Измайловского полка роты, 1–12-я	Красноармейские улицы, 1–12-я
Исаакиевская площадь	Исаакиевская площадь
Итальянская улица	Итальянская улица
Кабинетная улица	Правды улица
Казачий Большой переулок	Казачий Большой переулок
Калашниковская набережная	Синопская набережная
Каменноостровский проспект	Каменноостровский проспект
Канонерная улица	Канонерская улица
Караванная улица	Караванная улица
Карповки реки набережная	Карповки реки набережная
Кирочная улица	Кирочная улица

Топографический указатель

Кирпичный переулок	Кирпичный переулок
Конная площадь	Конная площадь
Конногвардейский бульвар	Конногвардейский бульвар
Конный переулок	Конный переулок
Конюшенная площадь	Конюшенная площадь
Конюшенная Большая улица	Конюшенная Большая улица
Конюшенная Малая улица	Конюшенная Малая улица
Крюкова канала набережная	Крюкова канала набережная
Лиговского канала набережная	Лиговский проспект (канал засыпан)
Линии Васильевского острова, 1–27-я	Линии Васильевского острова, 1–27-я
Литейная улица	Литейный проспект
Малый проспект Васильевского острова	Малый проспект Васильевского острова
Марсово поле (Царицын луг)	Марсово поле
Мещанская Большая улица	Казанская улица
Мещанская Малая улица	Гражданская улица
Миллионная Большая улица	Миллионная улица
Михайловская площадь	Искусств площадь
Михайловская улица	Михайловская улица
Мойки реки набережная	Мойки реки набережная
Морская Большая улица	Морская Большая улица
Морская Малая улица	Морская Малая улица
Моховая улица	Моховая улица
Мошков переулок	Мошков переулок
Мучной переулок	Мучной переулок
Невский проспект	Невский проспект
Никольская улица	Глинки улица
Ново-Исаакиевская улица	Якубовича улица
Новый переулок	Антоненко переулок
Обводного канала набережная	Обводного канала набережная
Обуховский проспект	Московский проспект
Офицерская улица	Декабристов улица
Офицерская Большая улица	Московская Большая улица
Пантелеймоновская улица	Пестеля улица

Топографический указатель

Петергофская дорога	Стачек проспект
Петергофский (Старо-Петергофский) проспект	Старо-Петергофский проспект
Площадь перед Александро-Невской лаврой	Площадь Александра Невского
Поварская улица	Поварской переулок
Подъяческая Большая улица	Подъяческая Большая улица
Подъяческая Малая улица	Подъяческая Малая улица
Подъяческая Средняя улица	Подъяческая Средняя улица
Покровская площадь	Площадь Тургенева
Почтамтская улица	Почтамтская улица
Разъезжая улица	Разъезжая улица
Рождественские улицы, 1–10-я	Советские улицы, 1–10-я
Садовая Большая улица	Садовая улица
Садовая Малая улица	Садовая Малая улица
Сампсониевский проспект	Сампсониевский проспект
Свечной переулок	Свечной переулок
Семеновский плац	Пионерская площадь
Семеновского полка роты	
Первая	Серпуховская улица
Вторая	Подольская улица
Третья	Верейская улица
Четвертая	Можайская улица
Пятая	Рузовская улица
Шестая (или Госпитальная)	Бронницкая улица
Седьмая	Звенигородская улица
Сенатская, или Петровская, площадь	Сенатская площадь
Сенная площадь	Сенная площадь
Сергиевская улица	Чайковского улица
Симеоновская улица	Белинского улица
Соляной переулок	Соляной переулок
Средний проспект Васильевского острова	Средний проспект Васильевского острова
Столярный переулок	Столярный переулок
Стремянная улица	Стремянная улица

Суворовская площадь	Суворовская площадь
Театральная площадь	Театральная площадь
Театральная улица	Зодчего Росси улица
Торговая улица	Союза Печатников улица
Троицкий переулок	Рубинштейна улица
Фонтанки реки набережная	Фонтанки реки набережная
Французская набережная (ранее Воскресенская, затем Гага- ринская)	Кутузова набережная
Фуражный переулок	Фуражный переулок
Фуришадтская улица	Фуришадтская улица
Царскосельский проспект	Малодетскосельский проспект
Черной речки набережная	Черной речки набережная
Чернышев переулок	Ломоносова улица
Шестилавочная улица	Маяковского улица
Шлиссельбургский тракт	Обуховской Обороны проспект
Шпалерная улица	Шпалерная улица
Ямская улица	Достоевского улица

Мосты

<i>Названия пушкинского времени</i>	<i>Современные названия</i>
Аларчин мост через Екатеринин- ский канал по Английскому проспекту	Аларчин мост через канал Гри- боедова по Английскому про- спекту
Аничков мост через Фонтанку по Невскому проспекту	Аничков мост через Фонтанку по Невскому проспекту
Банковский пешеходный мост че- рез Екатерининский канал	Банковский пешеходный мост че- рез канал Грибоедова
Воскресенский наплавной (плаш- коутный) мост через Неву	Существовал до конца XIX в. про- тив Воскресенского проспекта (проспекта Чернышевского)
Египетский мост через Фонтанку по Ново-Петергофскому про- спекту	Египетский мост через Фонтанку по Лермонтовскому проспекту
Исаакиевский наплавной (плаш- коутный) мост через Неву	Существовал до начала XX в. про- тив Сенатской (Петровской) площади

Казанский мост через Екатерининский канал по Невскому проспекту	Казанский мост через канал Грибоедова по Невскому проспекту
Калинкин мост через Фонтанку по Петергофскому проспекту	Старо-Калинкин мост через Фонтанку по Старо-Петергофскому проспекту
Каменноостровский мост через Малую Невку за Каменноостровским проспектом	Каменноостровский мост через Малую Невку за Каменноостровским проспектом
Каменный мост через Екатерининский канал по Гороховой улице	Каменный мост через канал Грибоедова по Гороховой улице
Карповский мост через реку Карповку	Карповский мост через реку Карповку по улице Всеволода Вишневского
Кашин мост через Крюков канал	Кашин мост через Крюков канал
Кокушкин пешеходный мост через Екатерининский канал вблизи Сенной площади по Столярному переулку	Кокушкин пешеходный мост через канал Грибоедова вблизи Сенной площади по Столярному переулку
Конюшенный мост через Мойку по Мошкову переулку	Конюшенный мост через Мойку по Мошкову переулку
Красный мост через Мойку по Гороховой улице	Красный мост через Мойку по Гороховой улице
Львиный пешеходный мост через Екатерининский канал против Малой Подъяческой улицы	Львиный пешеходный мост через канал Грибоедова против Малой Подъяческой улицы
Новый мост через Обводный канал	Ново-Каменный мост через Обводный канал
Обуховский мост через Фонтанку по Обуховскому проспекту	Обуховский мост через Фонтанку по Московскому проспекту
Пантелеймоновский мост через Фонтанку по Пантелеймоновской улице	Пантелеймоновский мост через Фонтанку по улице Пестеля
Певческий мост через Мойку против здания Певческой капеллы	Певческий мост через Мойку против здания Академической капеллы

Топографический указатель

Петербургский, или Троицкий, на- плавной (плашкоутный) мост через Неву против Суворов- ской площади	Существовал до конца XIX в., ныне на его месте Троицкой мост через Неву
Полицейский мост (ранее Зеле- ный) через Мойку по Невско- му проспекту	Зеленый мост через Мойку по Невскому проспекту
Поцелуев мост через Мойку по Никольской улице	Поцелуев мост через Мойку по улице Глинки
Прачечный мост через Фонтанку у выхода ее из Невы	Прачечный мост через Фонтанку у выхода ее из Невы
Семеновский мост через Фонтан- ку по Гороховой улице	Семеновский мост через Фонтан- ку по Гороховой улице
Симеоновский мост через Фон- танку за Симеоновской улицей	Симеоновский мост через Фон- танку за улицей Белинского
Синий мост через Мойку на Иса- акиевской площади	Синий мост через Мойку на Иса- акиевской площади
Старо-Никольский мост через Крюков канал по Большой Са- довой улице	Старо-Никольский мост через Крю- ков канал по Садовой улице
Строгановский мост через Боль- шую Невку в Новой Деревне	Ушаковский мост через Большую Невку в Новой Деревне
Харламов мост через Екатеринин- ский канал	Харламов мост через канал Грибо- едова
Чернореченский мост	Чернореченский мост
Чернышев мост через Фонтанку по Чернышеву переулку	Ломоносова мост через Фонтанку по улице Ломоносова

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Тексты Пушкина приводятся по изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949; письма в некоторых случаях по изд.: *Пушкин. Письма* (под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского), т. 1 и 2. М.; Л.: ГИЗ, 1928; т. 3. М.; Л.: ГИЗ, 1935 (ред. и прим. Л. Б. Модзалевского); *Пушкин. Письма последних лет.* Л.: Наука, 1969.

Общие работы по истории Ленинграда первой трети XIX века

Бартенев И. А. Зодчие и строители Ленинграда. Л.: Лениздат, 1963.

Божерянов И. Н. Невский проспект, 1703–1903. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. Т. 2. СПб., 1902.

Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Литературные памятные места Ленинграда. Изд. 3-е. Л.: Лениздат, 1976.

Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885.

Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1903.

Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.

Санкт-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Т. 2. СПб., 1870.

Столянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования, 1704–1914 гг. Л., 1925.

Столянский П. Н. Старый Петербург. Пг.: ГИЗ, 1923.

Работы о пушкинском Петербурге

Анциферов Н. П. Петербург Пушкина. М.: Художественная литература, 1950.

Медерский Л. А. Архитектурный облик пушкинского Петербурга. Л.: Знание, 1949. Пушкинский Петербург / Под ред. Б. В. Томашевского. Л.: Лениздат, 1949.

Пушкинский Петербург / Автор-составитель А. М. Гордин, научный редактор академик М. П. Алексеев. Л.: Художник РСФСР, 1974.

Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935.

Яцевич А. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1937.

Справочно-краеведческие издания 1810–1830-х годов

Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга... на 1823 год. СПб., 1822.

Аллер С. Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу как прибавление к адресной книге. СПб., 1824.

Арсеньев К. И. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.

Аттенгофер Г.-Л. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1820.

Башуцкий А. Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 1–3. СПб., 1834.

Бурьянов В. Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям. СПб., 1838.

Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1833.

Нистрем К. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837.

Нистрем К. Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей: В 3 ч. СПб., 1844.

Нумерация домов в Санкт-Петербурге... СПб., 1836.

Пушкарёв И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии: В 2 ч. СПб., 1839.

Пушкарёв И. Путеводитель по Петербургу. СПб., 1843.

Реймерс Г. Путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1809.

Свинын П. П. Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1816–1826.

Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1820.

Периодические издания 1810–1830-х годов

Газеты: «Литературные листки», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная почта», «Северная пчела», «Русский инвалид» и «Литературные прибавления» к нему.

Журналы: «Отечественные записки», «Сын отечества».

Мемуары

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1974.

Бестужевы. Воспоминания. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М.: Круг, 1928.

Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Каратыгин П. А. Записки. Л.: Искусство, 1939.

Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М.: Худож. литература, 1974.

Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетелем в жизни был». Записки и Дневник (1804–1877). Изд. 2-е. СПб., 1904.

Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1980.

Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М.: Мир, 1931.

Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Современные справочные издания

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов и мостов в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1967.

Памятники архитектуры Ленинграда. Изд. 4-е. Л.: Стройиздат, 1975.

Путеводитель по Ленинграду. Л.: Лениздат, 1957.

Тумилович Е. В., Алтунин С. В. Мосты и набережные Ленинграда. М., 1963.

Кроме печатных материалов, в настоящем издании использованы фонды Центрального государственного исторического архива СССР, Ленинградского государственного исторического архива, архива и рукописного отдела Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Содержание

Глава первая. «Строгий, стройный вид»	12
Глава вторая. «Фонари светились тускло»	28
Глава третья. «Город пышный, город бедный»	36
Глава четвертая. «Где все продажное: законы, правота»	68
Глава пятая. «Везде несправедная власть»	81
Глава шестая. «У суеверных алтарей»	96
Глава седьмая. «Военная столица»	110
Глава восьмая. «По части иностранных дел»	130
Глава девятая. «Все флаги в гости будут к нам»	144
Глава десятая. «Встает купец, идет разносчик»	157
Глава одиннадцатая. «Полезный промысел»	169
Глава двенадцатая. «„Пади, пади!“ — раздался крик»	184
Глава тринадцатая. «Сей век железный»	201
Глава четырнадцатая. «Адрес мой — в Галерной, дом Брискорн»	215
Глава пятнадцатая. «Журналы наши»	222
Глава шестнадцатая. «Где разговор найду непринужденный» ...	232
Глава семнадцатая. «Где ум кипит, где в мыслях волен я»	241
Глава восемнадцатая. «Мятежная наука»	253
Глава девятнадцатая. «Вечер у Жуковского... У Одоевского... У Карамзиной...»	277

Содержание

Глава двадцатая. «Ведь нынче время споров»	286
Глава двадцать первая. «Литературная торговля»	296
Глава двадцать вторая. «Волшебный край»	310
Глава двадцать третья. «Одной любви музыка уступает»	325
Глава двадцать четвертая. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую»	337
Глава двадцать пятая. «Все шлют Онегина к врачам»	353
Глава двадцать шестая. «Мы все учились понемногу»	372
Глава двадцать седьмая. «С веком наравне»	388
Глава двадцать восьмая. «Там некогда гулял и я»	403
Глава двадцать девятая. «Жрецы минутного, поклонники успеха»	418
Топографический указатель	434
Основные источники	441

АРКАДИЙ МОИСЕЕВИЧ ГОРДИН
МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ ГОРДИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУШКИНСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова,
Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валерий Камендо, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.04.2025.

Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 27,9 (вкл. вклейку). Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-GIL-38178-01-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ИНОСТРАНКА

 Machaon

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

ТАРАТУ МӘСЕЛЛЕРІ БОЙЫНША ХАБАРЛАСЫҢЫЗ:

МӘСКЕУДЕ:

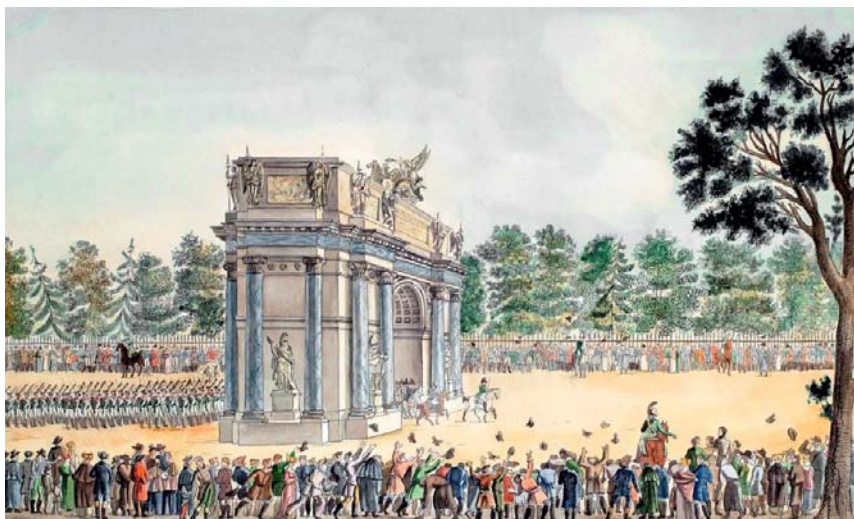
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГТЕ:

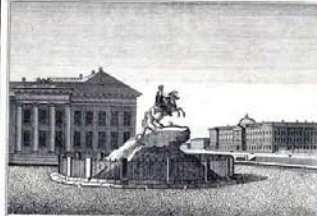
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы
Санкт-Петербург қаласында
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Торжественное возвращение Санкт-Петербургского ополчения на Исаакиевскую площадь, где было воздано Богу благодарственное моление июня 12-го дня 1814 года. Раскрашенная гравюра И. А. Иванова. 1816

Вид Триумфальных ворот, воздвигнутых в честь российской императорской гвардии и торжественное ее восшествие в Санкт-Петербург 31 июля 1814 года. Раскрашенная гравюра И. А. Иванова. 1814

*Monumentum Imperii Imperatoris Petri I. Le monument
Imperii Imperatoris Petri I. Le monument*

Massaclet Imperatoris Petri I. Massaclet de Peter le Grand

Palatium Imperatoris Petri I. Palais de l'Empereur

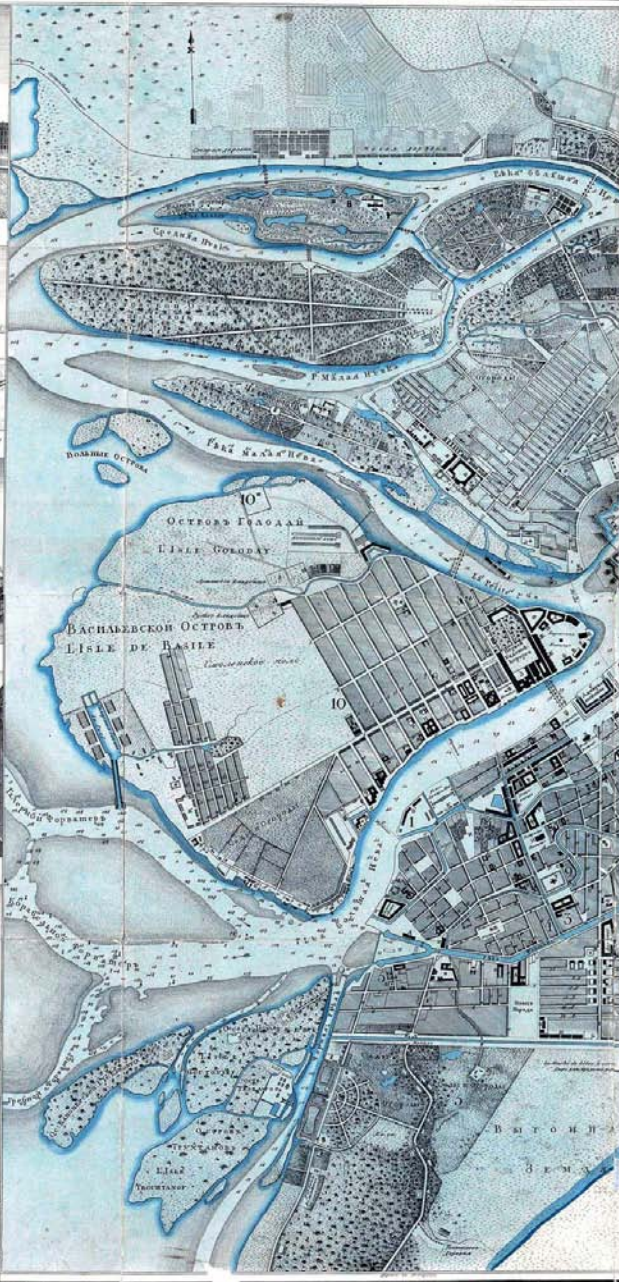
Strada Imperatoris Petri I. Rue de l'Empereur

Palatium Imperatoris Petri I. Palais Imperial

Palatium Imperatoris Petri I. Palais Imperial

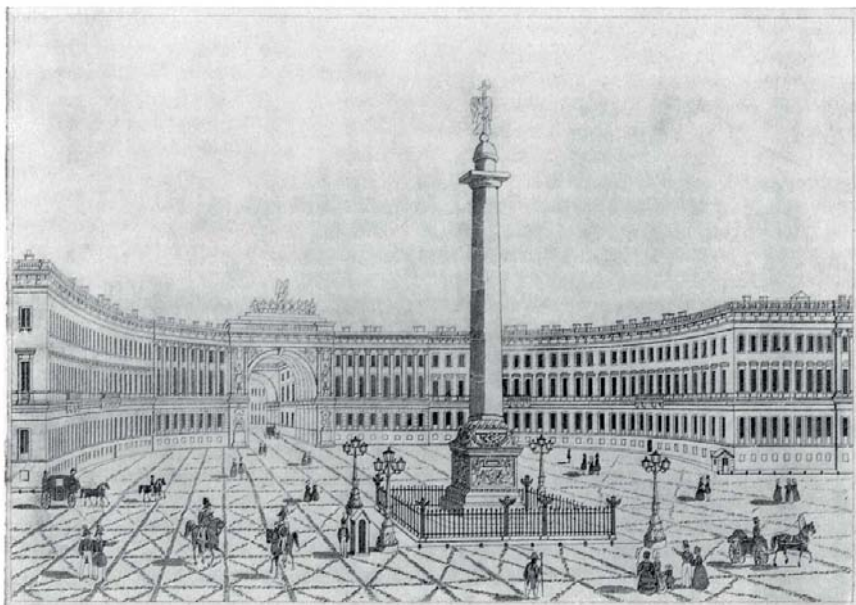

План столичного города Санкт-Петербурга. Гравюра А. Д. Савинкова. 1820

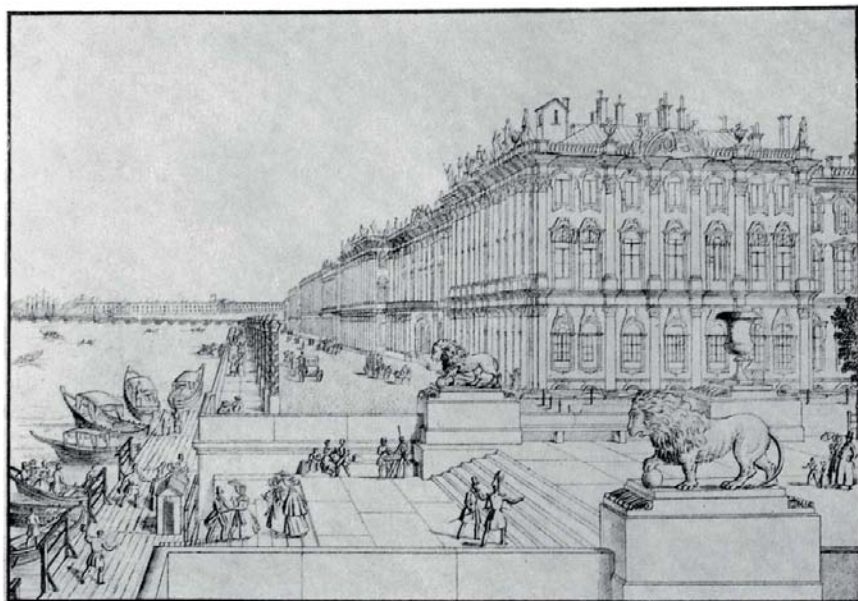
Вид на Адмиралтейство со стороны Дворцовой площади.
Раскрашенная литография. 1820-е

Дворцовая площадь. Главный штаб. Гравюра Л. Тюмлинга. 1830-е

Набережная Невы у Летнего сада. Раскрашенная литография. 1820-е

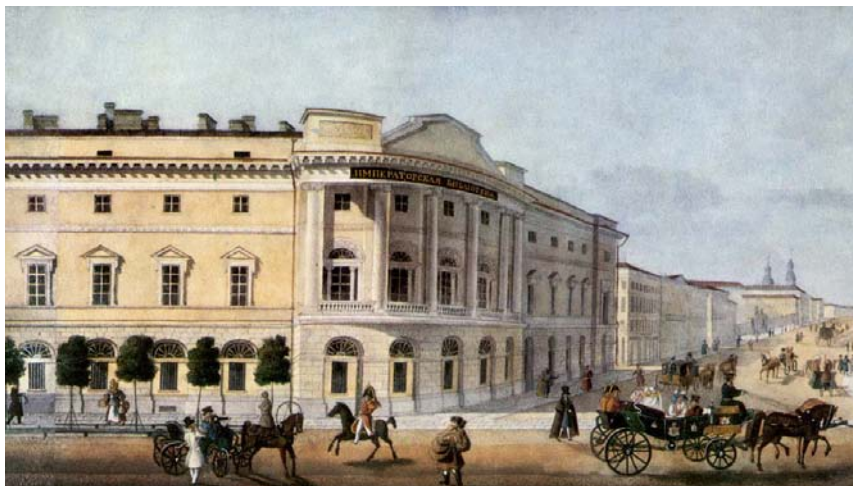
Дворцовая пристань. Гравюра Л. Тюмлинга. 1830-е

Вид Гостиного двора. Раскрашенная гравюра И. А. Иванова. 1815

Модные картинки из журнала «Московский телеграф». 1820-е

Императорская публичная библиотека.
Фрагмент «Панорамы Невского проспекта» В. С. Садовникова.
Раскрашенная литография П. С. Иванова. 1835

Модные картинки из журнала «Московский телеграф». 1820-е

Вид порта и Биржи со стороны Невы.
Раскрашенная гравюра И. В. Ческого по рисунку М. И. Шапошникова. 1817

Невский проспект у Аничкова дворца.
Литография по рисунку К. К. Гампельна. 1830-е

Вид Невского монастыря (Александрово-Невская лавра).
Раскрашенная гравюра И. А. Иванова. 1815

Троицкая площадь на Петербургской стороне.
Литография Ф.-В. Перро. Около 1840

Вид дворца Петра I в Летнем саду.
Раскрашенная литография К. П. Беггрова
по рисунку В. С. Садовникова. 1830-е

Катальные горы на Большой Неве.
Раскрашенная гравюра Н. Серракаприола. 1817

Дорога в «Красный кабачок».
Гравюра по оригиналу А. И. Зауэрвейда. 1813

Вид Сенной площади
в Санкт-Петербурге.
Раскрашенная гравюра
И. А. Иванова. 1814

Продавец хлеба.
Раскрашенная литография
К. И. Кольмана. 1820-е

Полицейский мост
на Невском проспекте.
Раскрашенная гравюра
Б. Патерсена.
Начало XIX в.

Молочницы.
Раскрашенная
литография
К. И. Кольмана.
1820-е

Извозчиья биржа. Литография А. О. Орловского. 1820

Рыбак и разнощик дичи. Модная торговка и бухарец. Раскрашенные гравюры из издания «Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников...». 1817

Ямской базар. Литография А. О. Орловского. 1820

Обручник. Пирожник. Раскрашенные гравюры из издания «Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников...». 1817

Сенатская (Петровская) площадь. Памятник Петру I.
Раскрашенная гравюра. 1820-е

Вид Невы у Адмиралтейства во время наводнения 1824 года.
Гравюра. 1820-е

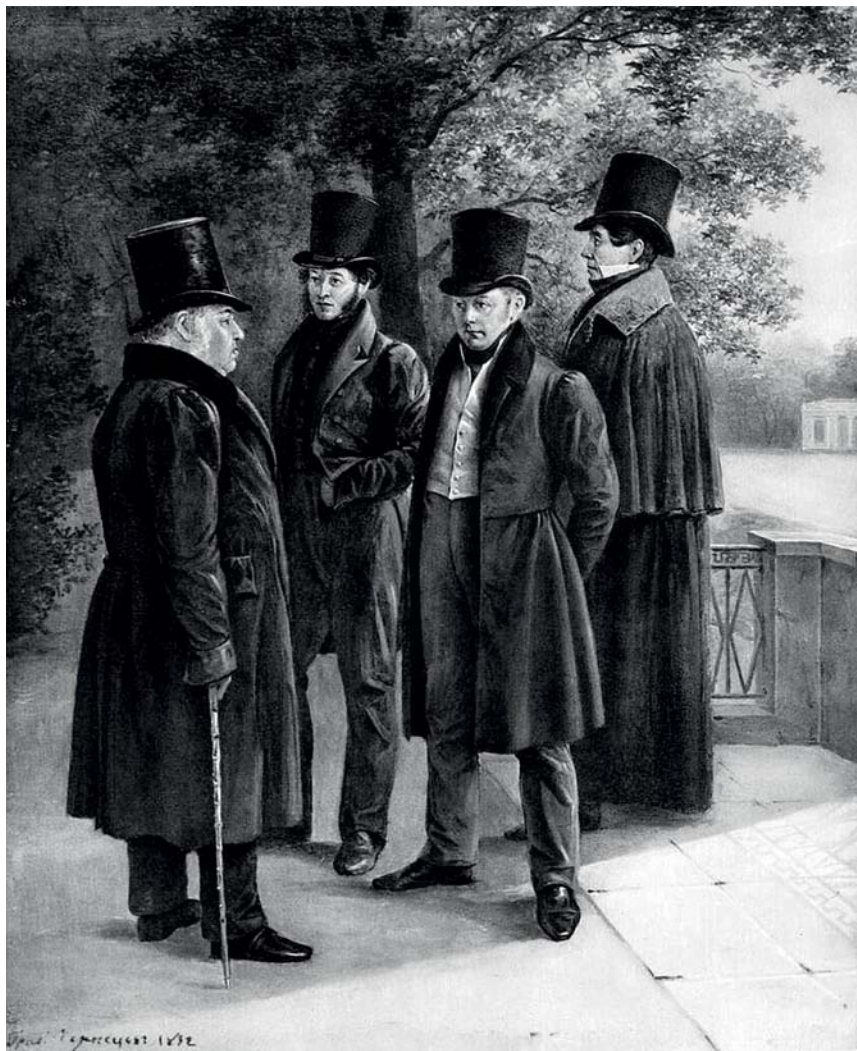
Карл Иванович Кольман. Восстание на Сенатской площади
14 декабря 1825 года. Российская империя. 1830-е

Бумага, акварель, белила. 32,8×47 см (ГИМ 23812щ/3. И П 2088)

© Государственный исторический музей

Вид на Исаакиевский наплавной мост и Петровскую (Сенатскую) площадь.
Литография по оригиналу В. С. Садовникова. 1830-е

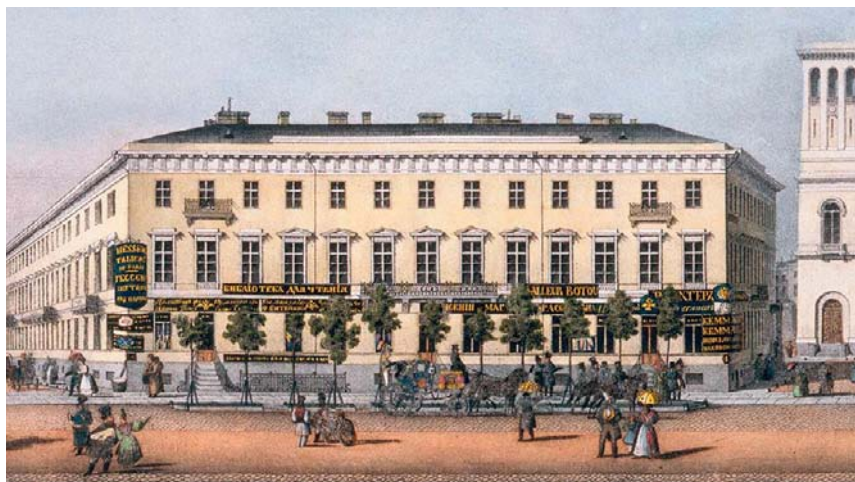
И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич в Летнем саду.
Гелиография по оригиналу Г. Г. Чернецова (1832). 1909

Торжественный обед у А. Ф. Смирдина по случаю переезда книжной лавки и библиотеки для чтения в новое помещение на Невском проспекте.

Гравюра по рисунку А. П. Брюллова. 1832.

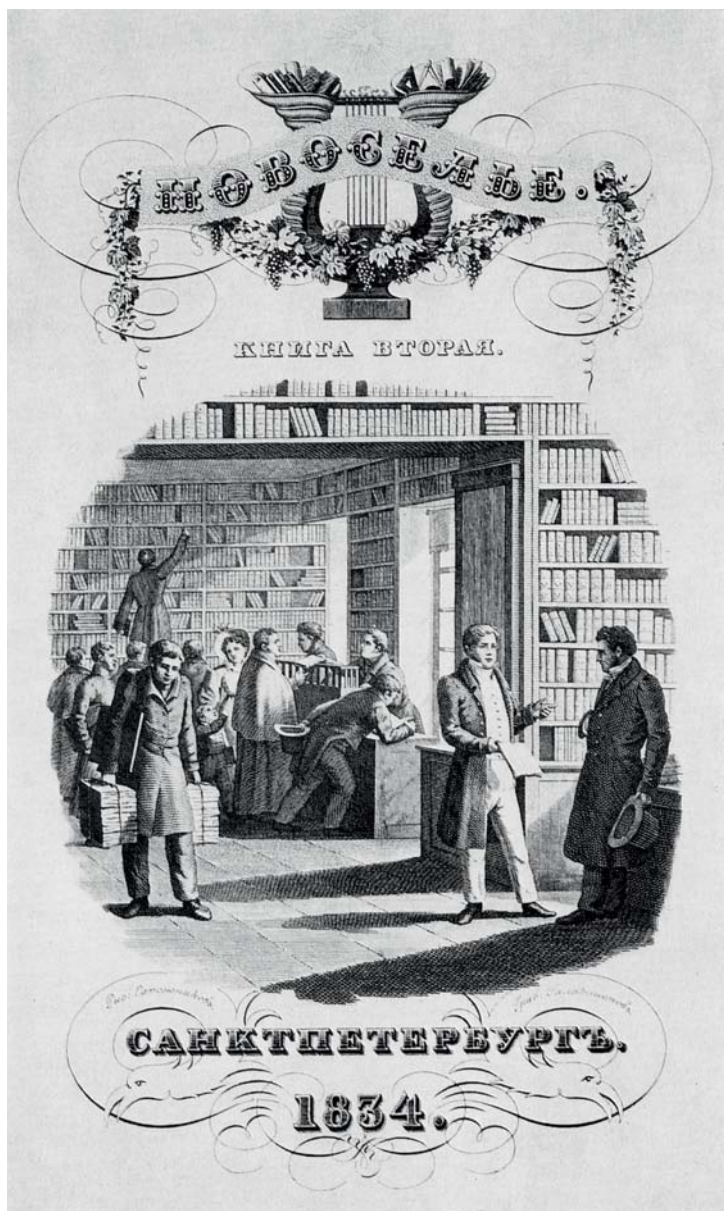
Изображены (слева направо): И. А. Крылов, А. Ф. Смирдин (стоит), А. С. Хвостов, А. С. Пушкин, Н. И. Греч (произносит тост), В. Н. Семенов, Ф. В. Булгарин

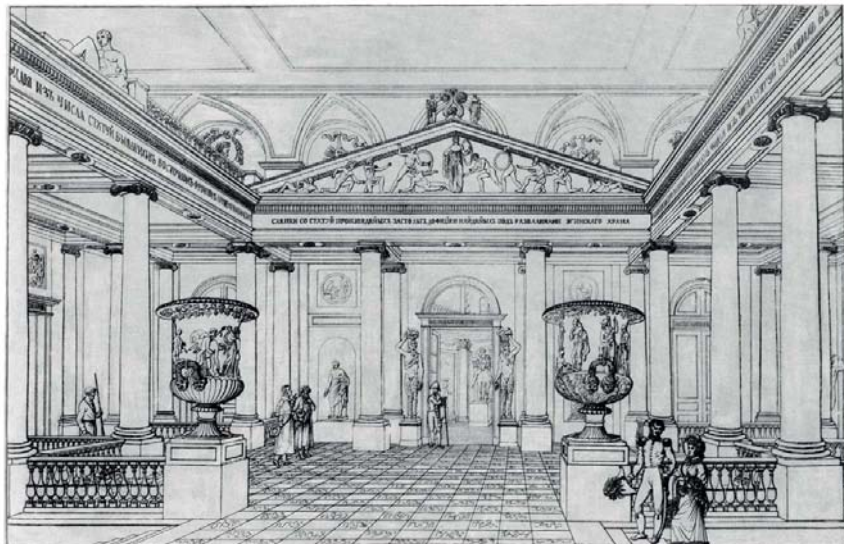
Книжная лавка и библиотека А. Ф. Смирдина (Невский проспект, 22).

Фрагмент «Панорамы Невского проспекта» В. С. Садовникова.

Раскрашенная литография П. С. Иванова. 1835

В лавке А. Ф. Смирдина на Невском проспекте.
Гравюра С. Ф. Галактионова по рисунку А. П. Сапожникова
на обложке второй книги альманаха «Новоселье». 1834

Вестибюль Академии художеств. Гравюра. 1820-е

Разносчик с книгами и сочинитель. Разносчик бюстов.
 Раскрашенные гравюры из издания «Волшебный фонарь,
 или Зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров
 и других простонародных промышленников...». 1817

Мундиръ Гвардей

*Высочайше утверждено
въ С. Петербургѣ 27 февраля
1834 года.*

Государственного Совета.

Мундир члена Государственного совета.
Высочайше утвержден 27 февраля 1834 года

Мундир 4го разряда

Высочайше утверждено
в С. Петербурге 27 февраля
1834 года.

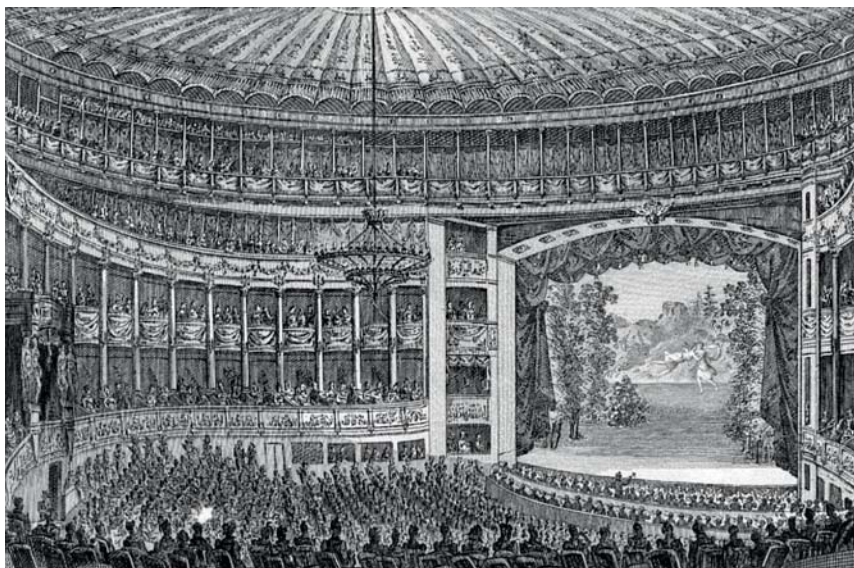

Императорской Публичной Библиотеки

Мундир чиновника Императорской публичной библиотеки.
Высочайше утвержден 27 февраля 1834 года

Большой (Каменный) театр.
Раскрашенная гравюра Б. Патерсена. *Начало XIX в.*

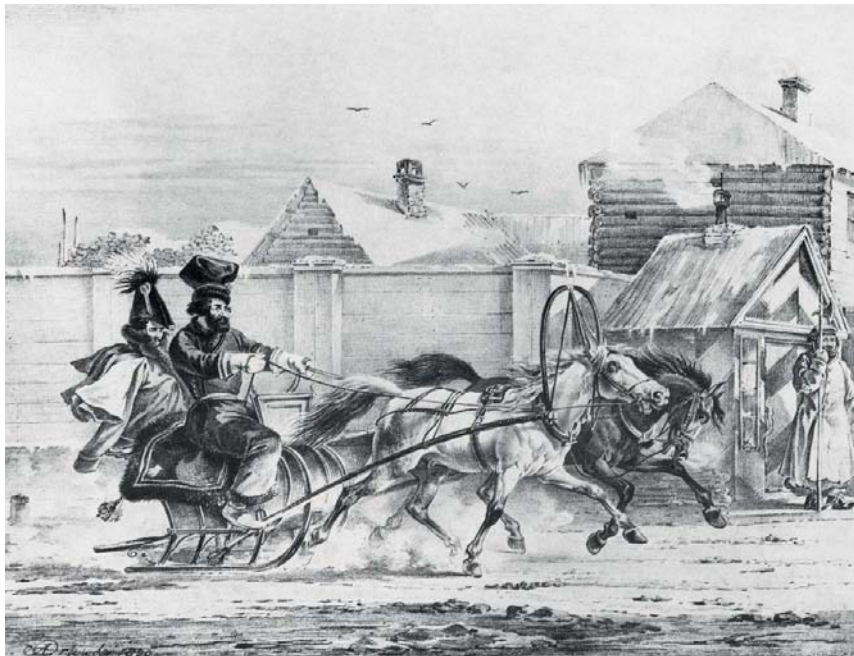
Зрительный зал петербургского Большого театра.
Гравюра С. Ф. Галактионова по рисунку П. П. Свинына. *1820-е*

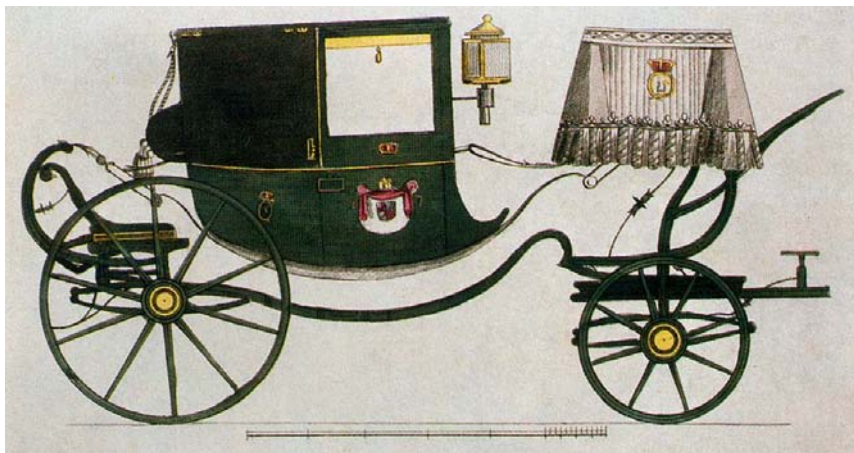
Александринский театр. Фрагмент «Панорамы Невского проспекта»
В. С. Садовникова. Раскрашенная литография П. С. Иванова. 1835

Петербургский Малый театр. Гравюра по рисунку К. Ф. Сабата. 1820-е

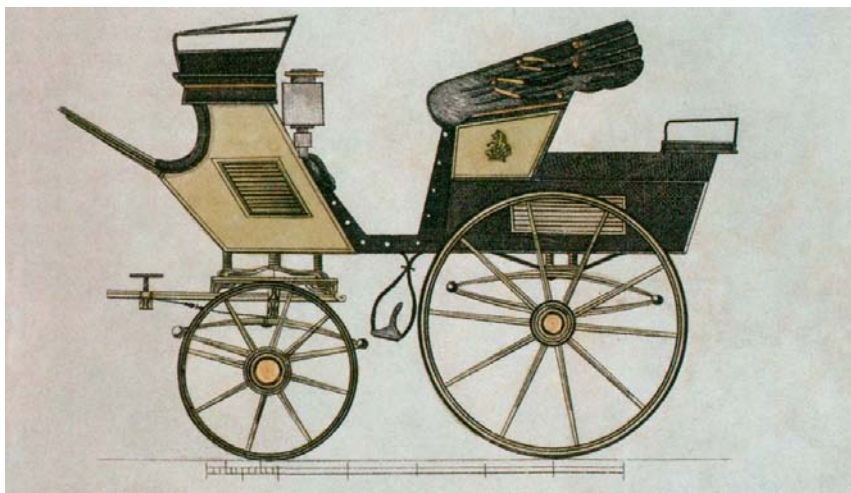
Офицер в саниах и будочник. Литография А. О. Орловского. 1820

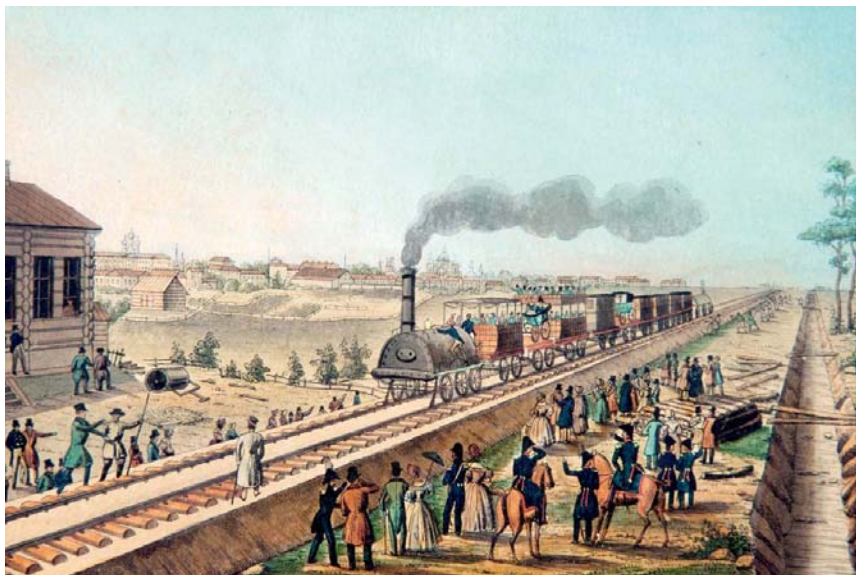
Образец кареты. Модная картинка. 1828

Щеголь в дрожках. Литография по рисунку А. О. Орловского. 1820-е

Образец кареты с опущенным верхом. Модная картинка. 1829

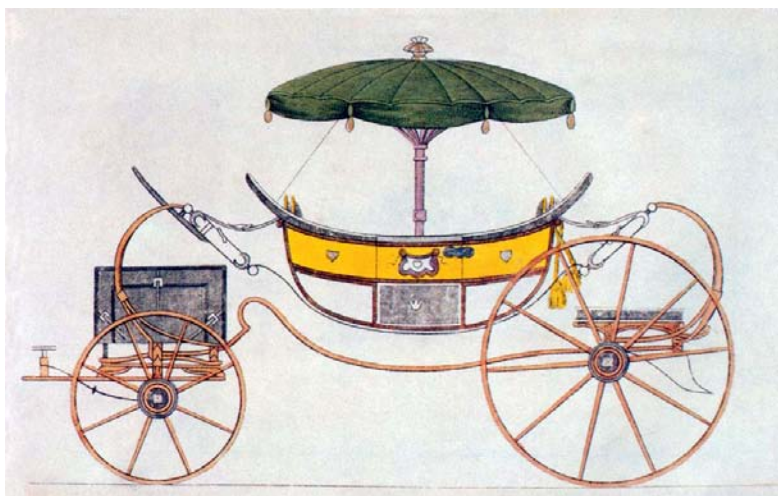
Поезд Царскосельской железной дороги. Раскрашенная литография. 1837

Цепной Пантелеймоновский мост через Фонтанку.
Литография К. П. Беггрова по оригиналу Г. Треттера. 1820-е

Сухопутный паровоз от Ораниенбаума до Санкт-Петербурга.
Литография И. И. Селезнева с рисунка И. А. Иванова. 1830-е

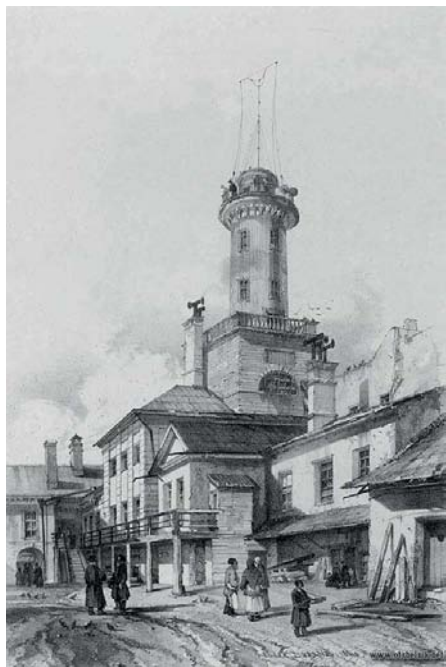
Образец ландо. Модная картинка. 1825

Литография из сатирической серии Ж. Г. Шеффера
«Что говорят и что думают». 1830

Образец кровати с балдахином. Образец камина с деталями убранства.
Модные картинки из журнала «Московский телеграф». Конец 1820-х

Съезжий двор
на Большой Морской улице.
Литография по рисунку
А. Дюрана. 1839

Извозчик и будочник. Литография по рисунку А. О. Орловского (?). 1820-е

